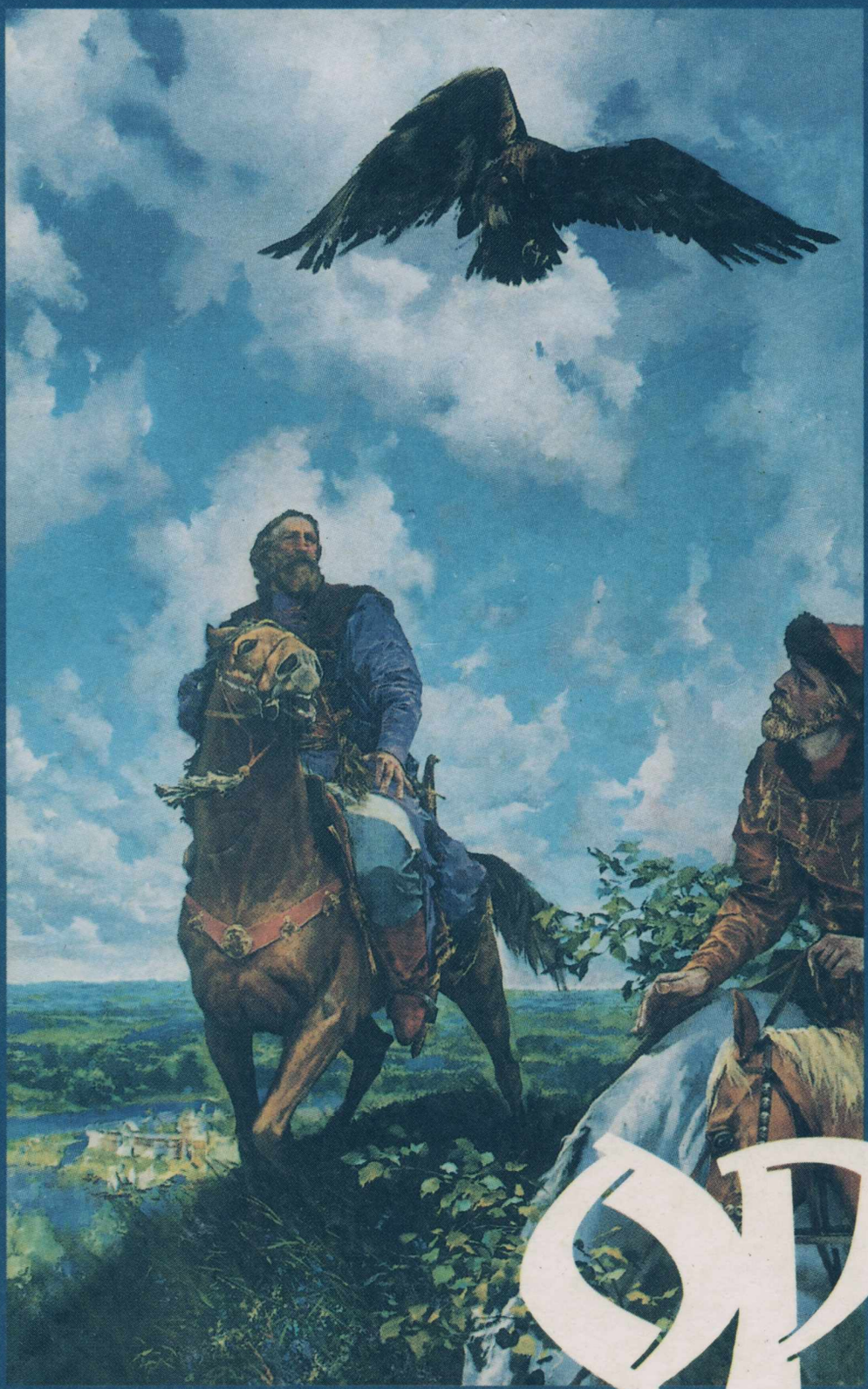
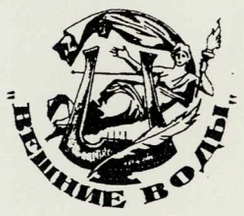


ВЛАДИМИР
НЕДЕЛИН

ОРЁЛ ИЗНАЧАЛЬНЫЙ

«К несчастью, мы так худо знаем русскую старину, любезную для сердца патриотов».

Н. М. Карамзин



К 9(С)12
К 63.3(2)4
Н-42

Владимир Неделин

Орёл изначальный

XVI–XVIII века

ИСТОРИЯ
АРХИТЕКТУРА
ЖИЗНЬ И БЫТ

ф Д198029

КРАЕВЕДЕНИЕ
2009
КР-2017

КР2024

«ВЕШНИЕ ВОДЫ»
ОРЕЛ — 2001

ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. И.А. Бунина

ББК 26.89
Н-42

Автор благодарит
за помощь в подготовке книги
и ценные советы:

В. Г. Сидорова, В. В. Титову, В. П. Еремина, Г. А. Ткаченко, С. Д. Краснощекову, Л. Н. Красницкого, В. И. Плужникова, А. И. Кондратенко, В. А. Ливцова, М. В. Бушуеву,
а также особо *Л. М. Оболенскую,*
неоднократно терпеливо перепечатывавшую рукопись,
и *К. Б. Грамматчикова*
за компьютерную обработку карт и схем.

Консультант *С. Т. Минаков.*

На обложке: 1-я стр. — картина *О. С. Маслова*
«Легенда об Орле».
4-я стр. — портрет В. М. Неделина.
Художник *В. А. Слободчиков.*

Впервые в современной историографии города Орла так подробно описан период жизни людей на месте слияния Оки и Орлика с древнейших времен до XVIII века.

Автор воссоздал атмосферу зарождения города, сыгравшего значительную роль в государственном и духовном развитии России, не только в строках текста, но и представил все живо в иллюстрациях. Причем, рисунки его не вольный полет фантазии художника, а фактографичны и несут в себе научную основу.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

For the first time in the history of the town of Orel the period of people' life from the ancient times up to the 18-th century at the place of confluence of the Oka and the Orlik was described so detailed.

The author restored the atmosphere of the foundation of the town that played an important role in the political and intellectual development of Russia not only in the lines of the text but illustrated everything vividly.

Besides his illustrations are not artist's imaginations, they have a scientific background.

The book can be recommended to the readers of all age groups.

ISBN 5-87295-114-0

© Составитель, текст, иллюстрации, планы, реконструкции — В. М. Неделин, 2001.
© Макет, обложка, титул — В. М. Ромашов, 2001.
© «Вешние воды», 2001.

ОТ АВТОРА

«...аще где в книге сей грубостию моей пропись или небрежением писано, молю Вас: не зазрите моему окаянству, не кляните, но поправьте, писал бо не ангел Божий, но человек грешен и зело исполнен неведения».

Помета древнерусского летописца на полях рукописи.

Уважаемый и, надеюсь, благосклонный читатель!

Много лет назад автором, художником по профессии, был задуман цикл графических листов, посвященных архитектуре Орла в древнейший период его истории — XVI—XVII века. Дело стало за сбором материала. Изучение трудов местных краеведов, в том числе корифея орловской истории Г. М. Пясецкого, привело к неутешительному выводу — об архитектурном облике города в это время было неизвестно практически ничего. Все исследователи, писавшие о городе, ограничивались сообщением, что Орел в это время представлял из себя небольшую деревянную крепость с несколькими башнями и церквами, не вдаваясь в подробности, которых, кстати говоря, и не было. Попытка же краеведа Ткачевского в середине 20-х годов XX века графически реконструировать внешний вид и план орловской крепости XVI—XVII веков, оказалась неудачной из-за скудости источников и неверного прочтения документов.*

Значительным вкладом в архитектурную летопись города являлась находка архитектором С. И. Федоровым в 60-е годы нашего века чертежа Орла 1728 года,** дающего общее представление о планировке города на рубеже XVII—XVIII веков, но отсутствие письменных документов, которые могли бы уточнить, дополнить и конкретизировать изображенное на чертеже, не позволило С. И. Федорову развернуть эту тему в отдельное исследование, да и сами обстоятельства создания этого чертежа до сих пор остаются белым пятном. Сам же чертеж стал хрестоматийным и публикуется во всех изданиях, посвященных истории города.

Неудача в поиске источников на местах привела автора в Москву и Санкт-Петербург, в архивах и библиотеках которых он провел без малого пятнадцать лет, результатом чего стала книга, которую вы сейчас держите в руках. Следует сказать, что по мере накопления материала рукопись все более и более выходила за рамки задуманной архитектурной темы, обрастая историческими фактами и событиями. И это не случайно: социальные и политические катаклизмы — восстания и набеги, войны или их угроза, самым непосредственным образом отражались на архитектурном облике города, тем более города деревянного, который горел как во время вражеских нашествий и мятежей, так и сам по себе, во время разного рода «нещасливых приключений», по вине какой-нибудь «окаянной бабы». Возрожденный город отстраивался, но уже в несколько ином виде — менялся внешний вид храмов, крепостных башен, домов, и жил — до следующе-

---

*Ткачевский П. С., Лебедев И. И. Г. Орел. Материалы по изучению Орловского края. — Вып. 1. — Орел, 1927. — С. 8—22, 102—104.

**РГВИА. Ф. 349 / л. Оп. 27. Д. 2388, 2389.

го «великого пожару». Но когда историко-архитектурный очерк был почти завершен, автору пришла мысль о том, что, подробно рассказав об архитектуре храмов, башен и изб древнего Орла, он совершенно не коснулся повседневной жизни орлян, которые в этих избах жили, ходили молиться в церкви, стояли на крепостных стенах, отражая вражеские набеги, торговали и воевали, работали и развлекались, ссорились и мирились, ели и пили (надо признать, весьма здорово) — одним словом, жили. Так появилась глава о жизни и быте орлян в XVI–XVII веках, благо Разрядный приказ Российского государственного архива древних актов хранит такое количество бытовых дел о повседневных хлопотах, а также о забавных, а зачастую и трагичных происшествиях из жизни наших с вами предков, что их с лихвой хватит на отдельную книгу, чем, кстати говоря, в настоящее время автор и занят.

Следует сказать несколько слов и о тех источниках, которые использовались при написании этой книги. Лучше опубликованных еще в прошлом веке Г. М. Пясецким «Исторических очерков города Орла» (1874),* ставших классическим трудом по истории города, написать трудно, но за прошедший век было накоплено немало новых данных по истории и некоторым аспектам жизни Орла в XVI–XVII веках, находивших свое отражение в отдельных статьях и публикациях,** которые автор в той или иной степени использовал при работе, стараясь не дублировать Пясецкого, а дополнить, а в ряде случаев и исправить его. Тем не менее, основой для книги послужили не столько уже опубликованные материалы, сколько библиотечные и архивные изыскания автора. Это дела из Российского исторического архива, Рукописного архива Института истории материальной культуры, Ленинградского отделения Института археологии (г. Санкт-Петербург), Российского военно-исторического архива, Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина (г. Москва) и других архивов и библиотек. Среди них, безусловно, следует выделить Российский государственный архив древних актов (РГАДА) в Москве, являющийся неисчерпаемым кладезем источников, где сохранился исключительно богатый и до сих пор не востребованный материал по истории Орла XVI–XVIII веков, включающий в себя воеводские отписки о тех или иных городских делах, челобитные орлян, сметы на ремонты крепостных стен, башен и воеводского двора, росписи боевого состояния орловской крепости, бытовые и судные дела и много иных документов, позволяющих всесторонне осветить многие стороны жизни горожан в это время, для систематизации и обработки которых нужны усилия не одного поколения исследователей. Достаточно сказать, что только дело о восстановлении Орла в 1635–1636 годах насчитывает около 800 листов переписки, позволяющей проследить ход строительства едва ли не по дням. Кроме того, новые источники позволили существенно уточнить, дополнить и расширить городскую хронологию за счет включения в нее новых дат и ранее неизвестных событий, как-то: пожары, наводнения, вражеские набеги, участие орлян в тех или иных государственных мероприятиях — военных походах, строительстве соседних городов и др. (см. «Летопись города Орла. XVI–XVIII вв.» в конце книги). Именно этот, никогда не публиковавшийся и не вводившийся в научный оборот материал, а также другие вновь выявленные документы по истории города составляют основу книги. Кроме большого количества выявленных и опубликованных источников, приве-

*Переизданы в 1993 г. под названием «Забытая история Орла».

**Бакулин В. С. Орел как хлебный рынок во второй половине XVII в.; Свистунова Т. Г. Город Орел в XVI–XVII веках; раздел XVI–XVII века в кн.: Летопись города Орла (1566–1977).

денных в данном издании, новым в нем являются материалы об удельном Звенигородском княжестве, существовавшем на территории области около 150 лет (XIII — нач. XV вв.), новая датировка Болхова (1196 г.), а также гипотеза о домонгольском и послемонгольском существовании Орла или поселения на его месте (XI–XIV вв.). Высказанное автором предположение, к сожалению, не является окончательно доказанным и дает возможность будущим краеведам и исследователям работать как над его подтверждением, так и опровержением.

Кроме того, автор постарался насытить свое повествование разного рода иллюстративным материалом, в частности реконструкциями на основе актового материала панорам города в различные годы его существования, дабы читатель мог полнее ощутить дух и колорит эпохи. К сожалению, до наших дней не дошло ни одного изображения Орла в XVI–XVII веках (выявленный автором чертеж города Орла с окрестностями 1678 г.* слишком схематичен и обладает большой долей условности, это же относится и к миниатюре из Никоновской летописи), но сохранившиеся многочисленные росписные списки и сметы города XVII века, в которых даются подробные описания крепостных стен и башен, некоторых частных и административных построек, едва ли не с указанием количества венцов, позволяют с достаточно значительной долей достоверности графически воспроизвести облик Орла XVII столетия. В подобных реконструкциях всегда есть и определенный элемент гипотетики, т. е. предположения (например, форма и размер окон, наличие декоративного убранства и др.), поскольку письменный источник в отличие от чертежа или рисунка, будь он сколь угодно подробен, не может охватить все архитектурные детали, да и перед его составителями, в данном случае воеводами и подьячими, стояла совершенно другая задача. Впрочем, рисунки и чертежи также имеют различную степень подробности и достоверности. И если облик фортификационных сооружений древнего Орла по письменным источникам можно восстановить с большой долей точности, благодаря исключительно подробным ежегодным сметным и росписным спискам, составлявшимся орловскими воеводами, то при реконструкции культовых сооружений приходилось в значительной степени привлекать архитектурные аналоги, поскольку церковные описи в основном фиксировали только тип здания,* а также весьма подробно описывали богослужебное убранство — иконы, ризы, подризники, книги и прочую церковную утварь, все же остальное, что составляет изюминку архитектурного облика каждого храма, например, пропорции церкви, конструкцию обходной галереи — гульбища и крылец, внешний вид колокольни, декоративные элементы, приходилось реконструировать, используя старинные гравюры и рисунки храмов в соседних и смежных землях, а также изображения деревянных церквей того времени, сохранившихся до наших дней в различных уголках страны, что, по большому счету, является натяжкой. Впрочем, каждому, кто занимается историей, приходится мириться с тем, что ответы на многие заданные им вопросы возможно так никогда и не будут получены. Хочется добавить, что некоторые авторские реконструкции за время подготовки книги успели «устареть», правда, по счастью, лишь в деталях, поскольку архивный поиск не прекращался, поэтому текстовые аннотации под некоторыми рисунками снабжены уточнениями и дополнениями.

*РГАДА. Ф. 210. Поместный стол. Стб. 191. Л. 107, 108, 124.

*Например: «деревяны клетцки» или «верх на шатровое дело». Пояснения см. на с. 49, 51.

О том, насколько эта работа удалась, судить историкам, архитекторам и тебе, любознательный читатель. Автору же остается лишь принять ваш строгий, но справедливый суд, как бы нелицеприятен он ни был. В свое оправдание он может сказать лишь одно: «Повинную голову меч не сечет». И одно, последнее пожелание: прочтя эту книгу и прогуливаясь по улицам современного города, попробуйте представить Орёл таким, каким он был несколько столетий назад: опоясанным лентами крепостных стен с островерхими башнями, на которых виднелись стрельцы в ярких кафтанах; с возвышающимися над ними белыми соборами и деревянными «клетскими» и шатровыми храмами с почерневшими крышами; с лавками и шумным людом на торговой площади; с «красными» воеводскими хоромами, горделиво стоящими в кремле; и топящимися по-черному и крытыми соломой избами посадских и тяглых людей, теснящимися на окраинах... И если вам это хотя бы в небольшой степени удалось, значит, труды автора не пропали зря.

ГЛАВА I

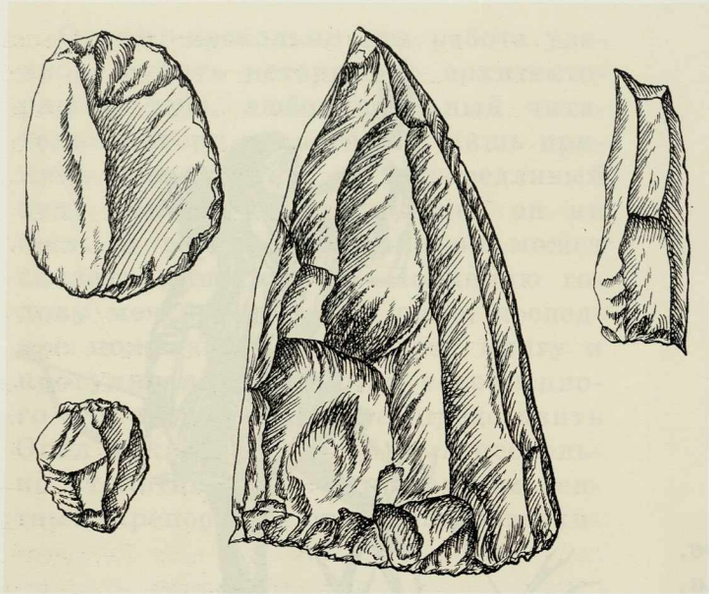
Древнейшее прошлое Орловской земли

«Бесспорно, что одним из вопросов, являющихся у человека во все времена, был вопрос о былом его родины, о происхождении жизни его предков».

А. Н. Шульгин

Древнейшие следы пребывания человека на территории современной Орловской области относятся к эпохам камня и бронзы (14—2 тыс. до н. э.). К памятникам этого периода принадлежат стоянки у д. Курасово и местонахождение отдельных предметов данного времени у д. Пальчиково в Болховском районе и у д. Паньково в Орловском районе. Мезолит (средний каменный век) представлен стоянкой у д. Буравленки Мценского района, где были обнаружены кремневые резцы, скребки и части составных орудий, позволившие датировать ее серединой VI — V тысячелетием до н. э. и отнести к так называемой иеневской культуре.* Стоянка Борщевка (Урицкий р-н Орловской области) относится уже к бутовской культуре. В середине V или в IV тысячелетии до н. э. в бассейне реки Оки развивается культура неолита (новый каменный век), на территории Орловской области представленная полутора десятками памятников, в основном остатками поселений древнейших обитателей края — первобытных охотников и рыболовов. К их числу, например, относятся поселения у деревень Высокое и Слободка на реке Навля. Выявленные на Орловщине поселения относятся к развитому неолиту и датируются 2-й половиной IV — III тысячелетием до н. э. В конце III — начале II тысячелетия до н. э. на значительной части лесостепной и лесной зон Восточной Европы происходит расселение племен шнуровой керамики и боевых топоров. С их появлением в верховьях Оки начинается бронзовый век, развиваются земледелие и скотоводство. В Орловской области насчитывается около двух десятков поселений этой эпохи, из них наиболее изученными (подвергались раскопкам) являются поселения у д. Глыбочки Шаблыкинского района, Ключевка-2 Ливенского района, Лужки Кромского района, а также многослойное поселение Прокуровка на северной окраине Орла. О материальной культуре этого времени свидетельствуют разнообразная керамика, а также каменные и бронзовые топоры.

*Иеневская культура существовала со вт. пол. VII тыс. до н. э. по перв. пол. VI тыс. до н. э. Она сформировалась на основе культуры племен Деснинского неолита, продвинувшихся на северо-восток территории современной России, и получила название по д. Иенево Калининской обл., где были обнаружены ее памятники.



Кремневые палеолитические орудия: скребок, отщеп, ножевидная пластина, в центре — нуклеус (ядро, остающееся после снятия отщепов и пластин).

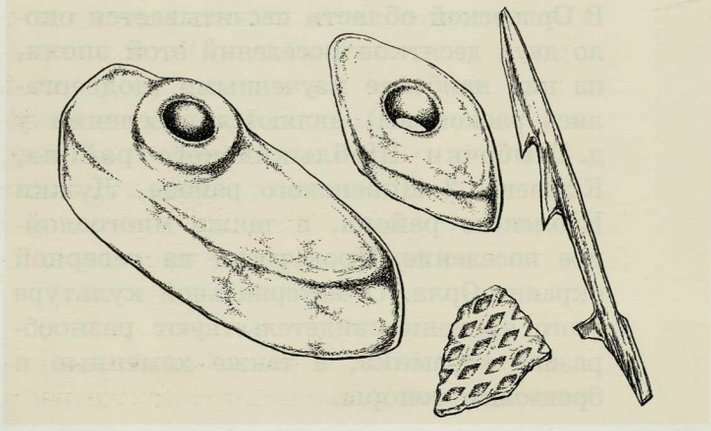
Орловский областной краеведческий музей.

В начале I тысячелетия до н. э. после освоения местным населением варки железа из болотных руд и изготовления из него разного рода изделий на верхней Оке начинается ранний железный век. В период с начала I тысячелетия до н. э. по I тысячелетие н. э. на территории современных Тульской, Калужской и Орловской областей развивается верхнеокская культура, основными представи-

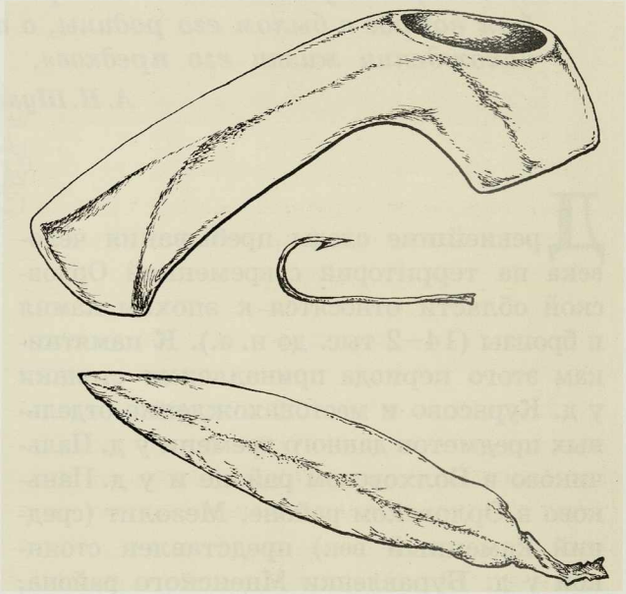
---

Каменные боевые топоры фатьяновской культуры эпохи бронзы, неолитические гарпун и обломок керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом.

Орловский областной краеведческий музей.



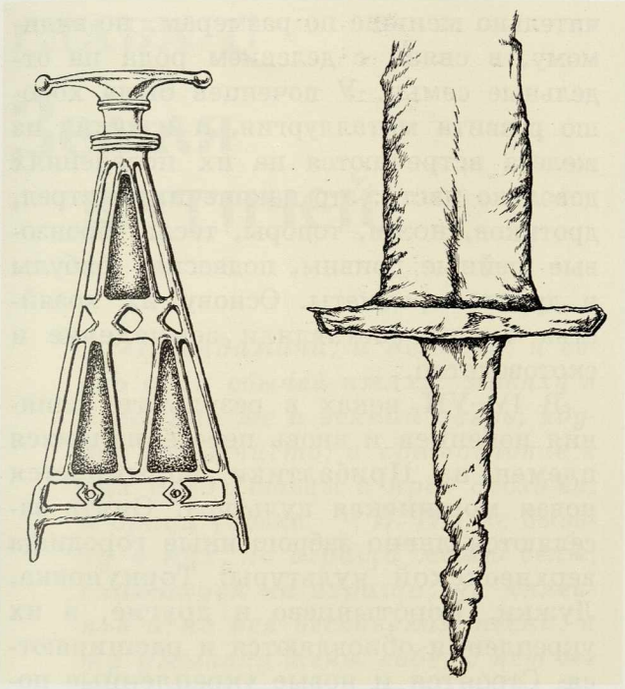
телями которой являлись, по мнению большинства исследователей, балты. Если поселения предыдущих эпох были не защищены, то в это время, в связи с возникновением имущественного неравенства и опасностью вражеских набегов, появляются укрепленные поселения — городища. Они обычно располагались на мысах при слиянии рек и ручьев, а также на высоких берегах рек, изрезанных оврагами. Оконечность мыса отсекалась от остального плато рвом и валом, по которому ставились деревянные укрепления, достаточно примитивные — типа частокола, плетня или деревянного забора. За наружным валом городища, а также вок-



Бронзовые орудия: боевой топор, рыболовный крючок, нож (из находок у с. Яковлево Свердловского района).

Орловский областной краеведческий музей.

руг него на расстоянии от 1 до 5 километров в долинах рек и ручьев располагались неукрепленные поселения — селища. Во время военной опасности население скрывалось в городище, туда же загоняли и скот. Жилища этого времени представляли из себя довольно внушительные постройки каркасно-столбовой конструкции площадью до 60—70 кв. м, разделенные легкими стенами на несколько комнат. Полы и стены обмазывались глиной, внутри находились очаги и нары.



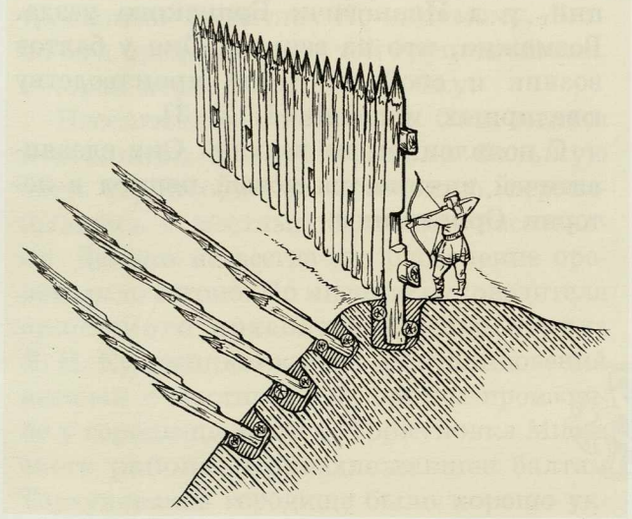
Мощинские древности: нагрудная привеска IV–VI вв. и рукоять меча IV в. (случайная находка, Новосильский район).

Орловский областной краеведческий музей.

Подобный дом служил жилищем целого рода, обычно нескольких семей. Наряду с такими домами существовали и другие — в виде полудуги, примыкавшие к крепостному валу. Они использовались и под жильё, и как оборонительное сооружение, поскольку их плоская крыша служила боевой площадкой при обороне поселения. В основном верхнеокцы занимались скотоводством, но преобладало коневодство, так как конское мясо шло в пищу. В гораздо меньшей степени были развиты охота, рыболовство и примитивное земледелие.

Оборонительные сооружения городища Торкуновка. VII–VIII вв. (фрагмент).

Реконструкция автора по материалам раскопок Л. Н. Красницкого.



Если балты заселяли лесное правобережье Оки и большую часть правобережья Зуши, то лесостепное правобережье во второй половине I тысячелетия до н. э. (с VII века до н. э. до рубежа тысячелетия) занимали племена сейминской культуры лесостепных скифов, в которых многие ученые видят будинов Геродота. Этническая принадлежность будинов спорна. Одни исследователи относят их к предкам мордвы, другие к славянам

Городище Кураб у д. Пашково (Лужки). Кромской район. VIII–X, XI–XIII века.

Фото Г. А. Ткаченко. 1990 г.

или рассматривают как одно из племен иранского происхождения. Часть населения у будинов вела кочевой, а часть оседлый образ жизни. Их поселения обнаружены в Тагино (Глазуновский р-н), Лужках (Кромской р-н), Торкуновке (Мценский р-н), Городище, Крутогорье (Болховский р-н) и Воротынцево I (Новосильский р-н).

В начале I тысячелетия н. э. в бассейн верхней Оки проникают зарубинецкие племена, по-видимому, также балт-

Меч и фибула. IV–V вв. (на рисунке по сравнению с мечом фибула увеличена).

В 1937 г. колхозником Луниным в кургане близ д. Круглица (совр. Урицкий р-н) было обнаружено погребение знатного воина. В нем находились метровой длины меч, перстень с камнем и две фибулы (застежки плаща), инкрустированные красными и зелеными камнями. Перекрестье меча было украшено такими же птичьими головками, как и фибулы. По мнению академика Б. А. Рыбакова, эти предметы боспорского (крымского) происхождения, что свидетельствует о военно-торговых связях местного населения с этим регионом [4].

ского происхождения, которые, смешавшись с местным населением, формируют новую почепскую* культуру. На территории Орловской области наиболее полно исследован только один памятник этой культуры — селище у д. Железное Городище в Шаблыкинском районе. Значительная часть городищ в это время была заброшена, по-видимому, в связи с исчезновением военной опасности, и жизнь перемещается в неукрепленные селища долин и речных пойм. Жилые постройки этого периода аналогичны предшествующему времени, но значительно меньше по размерам, по-видимому, в связи с делением рода на отдельные семьи. У почепцев была хорошо развита металлургия, и изделия из железа встречаются на их поселениях довольно часто: это наконечники стрел, дротиков, ножи, топоры, тесла, бронзовые шейные гривны, подвески, фибулы и другие предметы. Основу их хозяйства также составляли земледелие и скотоводство.

В IV–VII веках в результате слияния почепцев и вновь переселяющихся племен из Прибалтики формируется новая мощинская культура. Опять заселяются давно заброшенные городища верхнеокской культуры: Торкуновка, Лужки, Воротынцево и другие, а их укрепления обновляются и расширяются. Строятся и новые укрепленные поселки. Кроме городищ и селищ, от мощинцев на территории области сохранились и курганы с трупосожжениями. Найденные во время археологических раскопок предметы дают представление о материальной культуре балтов — это керамика, лощеная (столовая) и нелощеная (для приготовления пищи и хранения продуктов) посуда, металлические орудия труда и оружие, а также украшения — подвески и застежки с цветной, преимущественно красной выемчатой эмалью, привозившиеся, предположительно, из Прибалтики. Одна из таких подвесок была найдена на территории Орловской области (пропала во время войны), а две, еще до революции, у д. Ивановичи Брянского уезда. Возможно, что на верхней Оке у балтов возник и свой центр по производству ювелирных изделий [1, 2, 3].

С появлением на верхней Оке славян-вятичей начинается новый период в истории Орловщины.

*По городу Почеп (Брянская область), где были открыты памятники этого времени.

ГЛАВА II

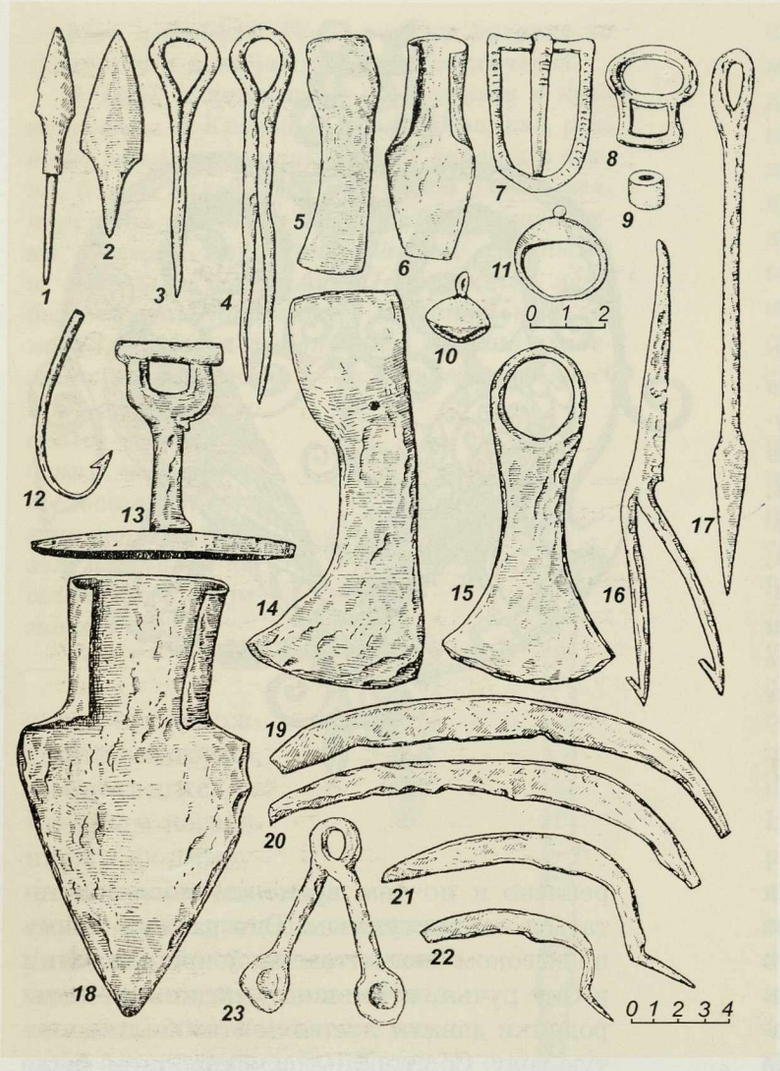
Земля вятичей

«И радимичи, и вятичи, и север один обычай имяху: живяху в лесе, яко же и всякий зверь, ядуще всё нечисто, и срамословие в них предъ отьцы и пред снохами, и браци (браки. — В. Н.) не бываху в них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовьская песни, и ту умыкаху жены собе, с нею же кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены».

Повесть временных лет [1].

Начиная с VIII века земли в верховьях Оки начинает заселять племенной союз славян вятичей, происхождение которого «Повесть временных лет» связывает с ляхами, т. е. западными славянами: «...радимичи бо и вятичи от ляховъ. Бяста бо два брата в лясех, — Радим, а другий Вятко, — и пришедъша седоста Радим на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятъко седе с родомъ своим по Оце, от него же прозвашася вятичи» [2]. Вятко — уменьшительная форма от праславянского антропонима Вячеслав. По-видимому, Вятко был предводителем той группы славян, которая первой пришла на Оку.

Поселившись в верховьях Оки, вятичи постепенно колонизировали большую часть территории по её течению, перемешавшись с местным балтским населением. Далеко не всегда это расселение происходило мирно. По мнению руководителя орловского археологического отряда Л. Н. Красницкого, одно из столкновений вятичей с местным населением произошло у городища возле д. Торкуновка Мценского района. Принадлежавшее балтам Торкуновское городище было хорошо укреплено и по тем временам могло почитаться неприступным. Оно располагалось на высоком скалистом мысу при впадении в Оку ручья, а бившие у подножия горы родники давали жителям в изобилии чистую воду. Со стороны поля городище было укреплено двумя поясами валов из обожженной глины с деревянными стенами на них (предположительно пространство между ними использовалось в качестве загона для скота), а по скату почти отвесного берега Оки уступами были вкопаны четыре ряда частокола, из них три ряда наклонных, что позволяло защитникам метать камни и стрелы поверх ограды. При штурме этого городища славянами произошло такое кровопролитие с обеих сторон, что это место было проклято вятичами и, несмотря на все выгоды его местоположения, так и осталось незаселенным. В других районах сосуществование славян с балтами происходило без особых конфликтов, и отдельные группы местного балтского населения проживали в вятическом окружении довольно долго. Одним из таких балтских «островков» на территории современной Орловской области, предпо-



Предметы жизни и быта вятичей, найденные при археологических раскопках селища Лебедка (раскопки Т. Н. Никольской) [4]:

1, 2 — наконечники стрел; 3, 4 — пробои; 5, 14 — топоры; 6 — мотыга; (?); 7, 8 — пряжки; 9 — бусина; 10 — бубенчик; 11 — перстень; 12 — крючок рыболовный; 13 — псалий; 15 — тесло; 16 — острога; 17 — сверло перовидное; 18 — сошник; 19, 20 — косы; 21, 22 — серпы; 23 — удила.

ложительно, являлось село Борилово на реке Нугрь, жители которого обычаями, костюмом и говором еще в XIX веке резко отличались от окружающего населения. В последний раз окские балты, жившие по рекам Угре и Протве, под именем голядь упомянуты в летописи под 1147 годом [3]. К IX веку ареал расселения вятичей достиг своих наибольших размеров. В состав «страны» вятичей вошли верхняя и средняя Ока до впадения в неё реки Цны, а также бассейн реки Москвы и её притоков, кроме верховьев рек Руза и Истра [4].

О жизни и быте вятичей до нас дошло не так много сведений, к тому же древнерусские летописцы намеренно сгущают краски, описывая их как дикий лесной народ, мало чем отличающийся от зверей, «якоже всякий зверь» и «ядяще всё нечисто». В этих словах проскальзывает неприятие христианами языческих обрядов и родовых традиций, которые благодаря окраинному положению весьма долго держались в земле вятичей. К числу последних относились, например, многоженство и внутрисемейные браки, осуждавшиеся христианством.

Политическая организация союза вятичей была близка общеславянской. По-видимому, каждый из родов владел отдельной крепостью — городищем, где обычно не жили, используя её как склад припасов на случай недорода или стихийного бедствия и как убежище от вражеских нападений. Арабский географ Ал-Бакри оставил следующее описание процесса сооружения славянами крепостицы: «И таким образом строят славяне большую часть своих крепостей: они направляются к лугам, обильным водами и камышем, и обозначают там место круглое или четырехугольное, смотря по форме, которую желают придать крепости, и по величине её. И выкапывают вокруг него ров, и выкопанную землю сваливают в вал, укрепивши её досками и сваями наподобие битой земли, покуда стена не дойдет до желанной высоты. И отмеряется тогда дверь с какой стороны им угодно, и к ней подходят по деревянному мосту» [5]. В качестве крепостей часто использовались также старые балтские городища, заново укрепленные. Вокруг городища в наиболее удобных для проживания местах — в долинах рек и ручьев, на береговых террасах были раскиданы селища, где жили члены рода. Несколько родов объединялись в племя, имевшее свой центр (воз-

можно, к их числу относились Мценск, Козельск), здесь же, предположительно, находилось и племенное святилище. Надо полагать, что племенные территории впоследствии, в XII–XIII веках, послужили основой при образовании административно-территориальных единиц — волостей. Несколько племен объединялись в свою очередь в союз племен с общеплеменным центром. Столицей земли вятичей или одним из её важнейших центров являлся город Дедославль.*

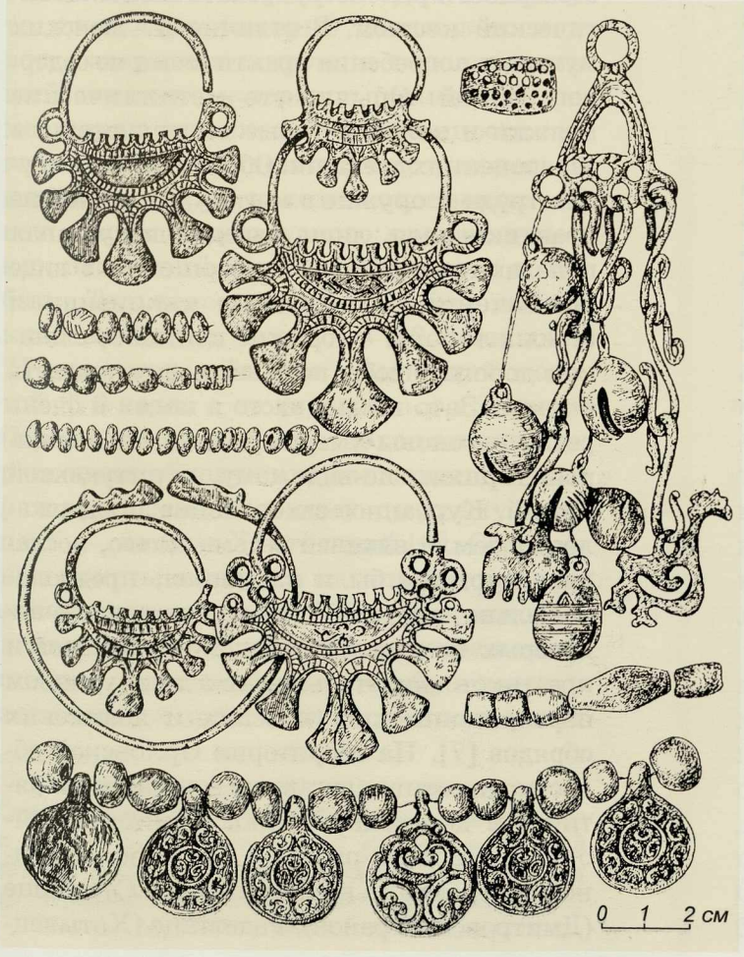
Представители отдельных родов входили в состав совета старейшин, решавший все вопросы племенного самоуправления. Вполне возможно, что входившие в союз племена обладали большей или меньшей степенью самостоятельности. Жизненно важные вопросы, например, войны и мира, решались на общесоюзном собрании — вече, собиравшемся в одном из вятических центров. Так, например, в 1146 году в Дедославле вече приняло решение о невмешательстве в междоусобную войну Мономаховичей, Ольговичей и Давидовичей. Для ведения похода или набега выбирался князь или воевода, собиравший из добровольцев дружину. Впоследствии из выборной эта должность стала постоянной, а затем наследственной. При вторжении в землю вятичей неприятеля собиралось всеобщее ополчение.

Весьма значительную роль в жизни вятичей играли жрецы, чьё слово на народных собраниях было решающим и без чьего одобрения не мог быть решен ни один жизненно важный вопрос. В земле вятичей существовали племенные и общесоюзные святилища, как правило, укрепленные, где находился пантеон языческих богов, но выделить их из сохранившихся вятических городищ, превращенных впоследствии по большей части в феодальные замки, без серьезного археологического обследования пока не представляется возможным. Предположительно, некоторые из монастырей были устроены на месте некогда существовавших языческих святилищ (Оптина пустынь под Козельском, Петропавловский монастырь во Мценске, Троицкий Оптин в Болхове). Надо полагать, что именно влияние жречества способствовало и поддерживало многолетнюю войну вятичей за независимость и веру своих прадедов. И лишь из-за розни меж племенами и родами страна вятичей не устояла перед дружинами киевских князей, которые кроме превосходства в организации и численности имели в своем распоряжении ресурсы почти всей Русской земли.

Гораздо больше, благодаря археологическим исследованиям, известно о погребальных обрядах вятичей. Древнерусский летописец написал о них следующее: «И радимичи, и вя-

*В настоящее время село Дедилово в Тульской области.

Вятические древности VIII–XII веков: височные кольца, бусы, ожерелья, амулеты и обереги [4].



тичи, и северъ (северяне) один обычай имяху: ...аще кто умряше, твориху тризну над ним, и по семь твориху кладу велику*, и възложахуть и на кладу, мертвеца сожьжаху, и посемь собравше кости вложаху в судину (сосуд) малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять вятичи и ныне» [6]. Затем обгоревшие кости вместе с сосудом хоронили под насыпью возводившегося кургана.

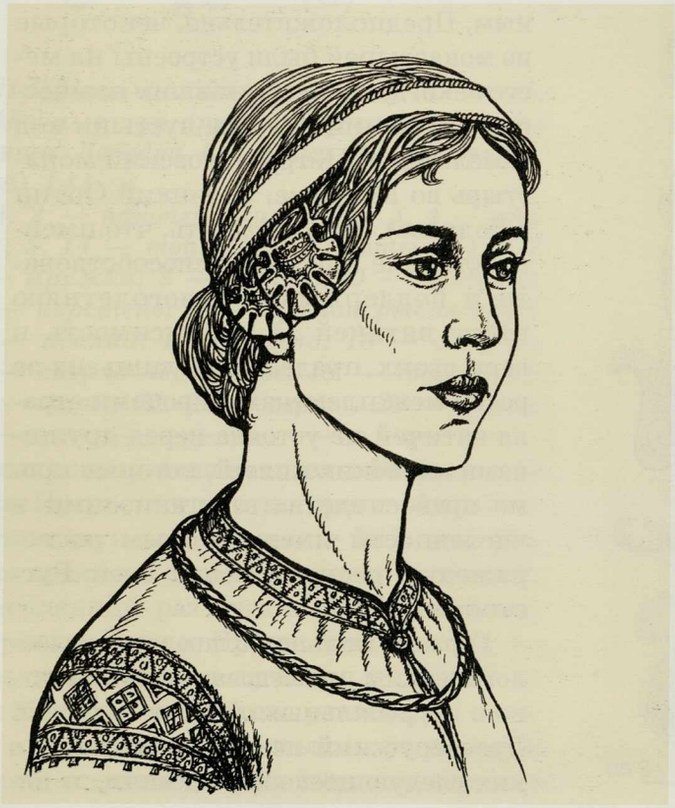
Иногда мертвеца сжигали вместе с домовиной, над которой также насыпали курган. Находки вещей в подобных курганах весьма скудны. Обычно это обломки посуды, использовавшейся при тризне и в ритуальных целях, железные ножи, стеклянные бусы и прочее. Вокруг кургана часто ставилась оградка из вертикально вкопанных столбиков, возможно имевшая обрядовое значение, связанное с культом солнца. Позднее (с XI века) вятичи начинают хоронить своих умерших в курганах не сжигая, в долбленых, реже дощатых гробах, иногда покойника заворачивали в березовую кору или накрывали слоем бересты. Находки же угольков в курганной насыпи свидетельствуют о прежнем погребальном ритуале — тризне. Поздние же вятические курганы довольно богаты вещевым материалом, особенно этим отличаются женские захоронения. Это прежде всего семилопастные височные кольца, шейные гривны и ожерелья, стеклянные и металлические браслеты, бусы, перстни (иногда их надевали до 10 штук одновременно), остатки расшитых головных уборов. По расположению этих предметов в захоронении можно с большой степенью достоверности реконструировать женский вятический костюм. В отличие от женских мужские погребения практически не содержат вещей. Обычно это металлические пряжки и ножи, которые встречаются и в захоронениях женщин. Обычай класть орудия труда и оружие в могилу у вятичей не практиковался, лишь изредка в курганах попадаются кресала и совершенно в виде исключения — железные наконечники стрел и топоры — оружие ценилось слишком дорого, чтобы позволить ему ржаветь в земле. Зато весьма часто в ногах и очень редко у головы умершего ставили глиняный горшок, по-видимому, с ритуальной пищей. Курганное захоронение продержалось в земле вятичей весьма долго, последние курганы были насыпаны, предположительно, еще в XIV веке. А находка в некоторых из них христианских образков и крестиков свидетельствует о причудливом переплетении христианских и языческих обрядов [7]. На территории Орловской области известны курганные могильники вятичей у деревень Лебедка (Урицкий район) — наиболее раннее и крупное курганное захоронение на Орловщине, Столбище (Дмитровский район), Радовище (Хотынец-

*«Клада велика» — большая груда дров.

Девушка из племени вятичей. XII в.

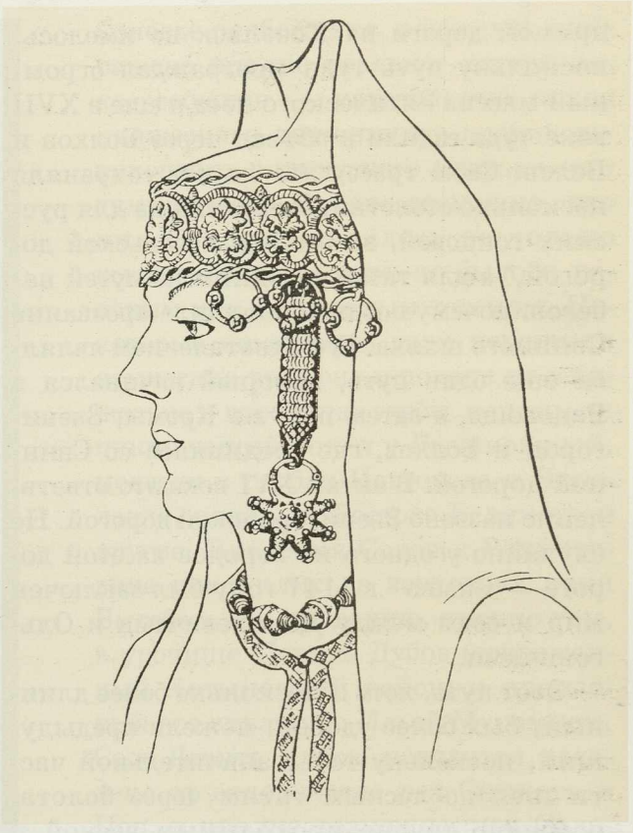
Рисунок автора по реконструкции М. М. Герасимова.

Чело девушки охватывает налобная повязка — венец, по-видимому, богато украшенная не дошедшей до нас вышивкой. Виски и уши закрывают серебряные височные кольца. Ворот сорочки красавицы застегнут на шарикообразную пуговицу, а металлический посеребренный витой обруч — гривна вокруг шеи свидетельствует о ее знатном происхождении.



кий район), Гать (Орловский район), Плоты (Свердловский район), Городище (Болховский район), Воротынцево (Новосильский район). Крупный могильник находился в городе Мценске, но он полностью был разрушен еще в середине XIX века при прокладке железной дороги. Наиболее крупные селища вятичей обнаружены в пос. Кромы и д. Лебедка [8].

Несмотря на упоминавшуюся летописцем «дикость» вятичей, их страна вовсе не была оторвана от Киевской Руси и сопредельных земель. На вятической земле пересекался ряд торговых водных и сухопутных путей. Один шел из земли северян по реке Свапе*, из которой попадали в верховья Оки и далее по Оке в Волгу. У истоков Оки проходила граница страны вятичей, и начало водного пути по Оке охраняло хорошо укрепленное городище у села Тагино. Другой путь пролегал по притоку Десны — реке Снежеть, затем по переволоке до р. Цон и далее в Оку. Основными предметами торговли земли вятичей служили, судя по всему, те продукты, которые давал лес: мед, воск, звериные шкуры, в гораздо меньшей степени — зерно и какие-либо ремесленные изделия. Об оживленности торговых путей свидетельствуют монетные клады, а также находки отдельных монет в толще культурного слоя вятических поселений. Так, в 1936 году в д. Бобыли Тельченского района** был найден клад арабских монет из 325 целых и 21 монетного обломка с младшей монетой 876 года, а на городище у д. Лужки (Кромской район) при археологических раскопках обнаружили две монеты — подражание саманидскому дирхему конца X — начала XI столетий [9]. Серебряные монеты являлись не только торговым эквивалентом, но и сырьем для изготовления мужских и женских украшений: шейных гривен, подвесок, браслетов и знаменитых вятических семилопастных



Головной убор замужней женщины-вятички княжеско-боярского круга. XII–XIII вв.

Реконструкция В. П. Фролова.

На женщине надета «рогатая кичка» — традиционный для Поочья женский убор, который в сельской местности носили еще в начале XX века. Спереди она обрамлена золототканным очелием (налобной повязкой), часто дополнительно украшавшейся бусами и бисером. К ней подвешены серебряные звездообразные колты на цепочках из колодочек — ряснах. К венчику очелия дополнительно прикреплены трехбусинные кольца. Шею молодки обрамляет ожерелье из серебряных бусин.

височных колец, качество изготовления которых свидетельствует о высоком уровне развития ремесла и наличии специализированных мастерских.

Одной из главнейших сухопутных являлась дорога Севск — Козельск, проходившая через Радогощь, Болдыж, Слободку и Карачев. Недаром летописец, говоря о пути, по которому князь Изяслав Давыдович преследовал Святослава Ольговича, писал: «Иде ис Поутивля (Путивля) на Севьско (Севск) и на Болдыж. Просте бо бе ему путь Карачевоу» [10]. Из Карачева

*Ока и Свапа некогда имели один исток — Самодуровское озеро, существовавшее еще в X веке и позднее пересохшее. Свапа впадала в Сейм, а затем в Десну, по которой можно было добраться до Чернигова, а затем по Днепру и до Киева.

**Сейчас Мценский район.

2* Заказ № 6770

ф А 198029

ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. И.А. Бунина

прямой дороги на Козельск не имелось, поскольку путь туда преграждал огромный массив Вятического леса и еще в XVII веке туда ездили в объезд через Болхов и Белев. Свою трассу эта дорога сохраняла несколько столетий, она служила для русских гонцовой, военной и посольской дорогой,* а для татар — одним из путей набегов, почему позднее получила прозвание Свинного шляха. Его ответвлением являлся еще один путь, который начинался в Радогоще, а затем шел на Кромы, Звенигород и Болхов, где соединялся со Свинной дорогой. В актах XVI века это ответвление названо Звенигородской дорогой. Не случайно у одного из городов на этой дороге — Спаша** в 1147 году был заключен мир и союз между Давидовичами и Ольговичами.

Этот путь, хоть и несколько более длинный, был более удобен, нежели предыдущий, поскольку тот в значительной части шел по лесным гатям через болота, особенно трудно проходимым весной и осенью.*** Почти у каждой переправы в земле вятичей на дорогах стояли города и замки. Несомненно, что многие из них возникли в период колонизации края киевскими князьями как сторожевые и таможенные посты. Надо полагать, что здесь же брали пошлину за пользование мостами — мостовщину. Города и крепости располагались на расстоянии от 30 до 40 километров друг от друга, что равнялось дневному конному переходу, и служили, кроме того, почтовыми станциями, где путники (в основном из знати и гонцы) могли сменить лошадей (см. карту на с. 37). Звенигородская дорога и впоследствии сохраняла свое значение*, а ее трасса, правда, в несколько спрямленном виде, используется до сих пор. И упоминание в летописях городов в связке, например, Мценск — Домагощь, Мценск — Спашь и др., свидетельствует о существовании между ними других сухопутных путей и проселков.

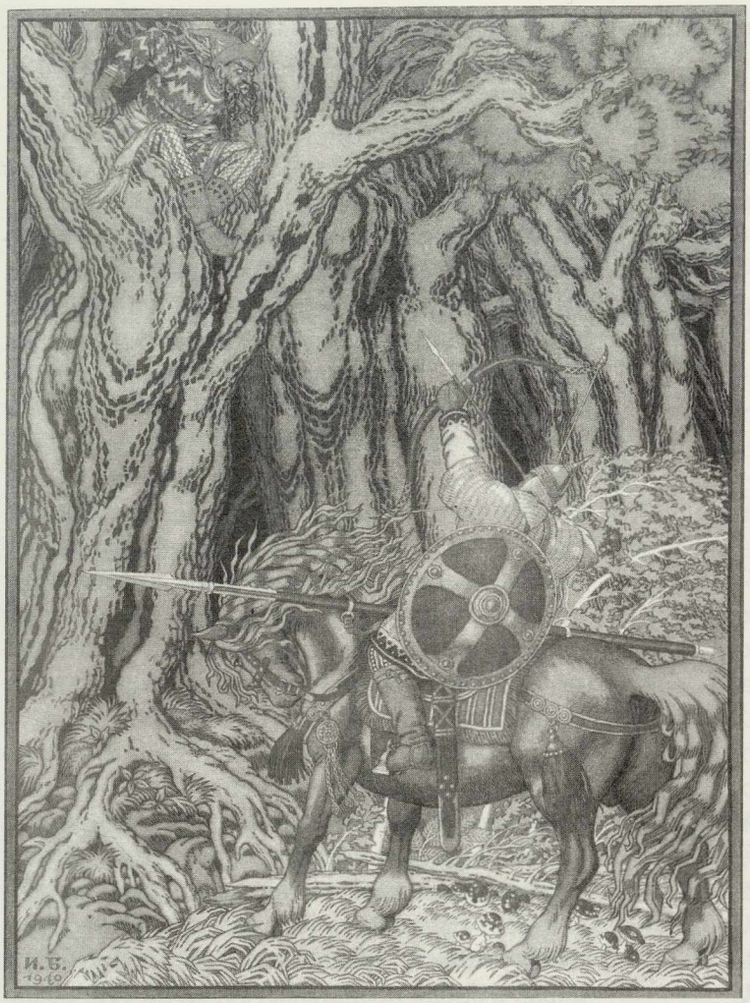
Но вернемся к начальным страницам истории вятичей. В IX столетии славянские племена полян, северян и вятичей попали в зависимость от Хазарского каганата. В «Повести временных лет» под 859 годом говорится об уплате ими дани «по серебряной монете и по белке с дыма (семейного очага)». Первыми прекратили выплату дани поляне, а вслед за ними в 884 году — северяне, которых победил князь Олег, возложивший на них легкую дань и запретивший впредь выплачивать её хазарам: «Я враг их и вам им платить незачем». Вятичи же пока оставались хазарскими данниками. В 907 году вятичи приняли участие в общеславянском походе Олега на Константинополь (Царьград). Поход увенчался успехом, а Олег повесил свой щит над «вратами Царьграда». В 964 году через вятические земли проходил киевский князь Святослав с дружиной «и встретил вятичей и сказал им: «Кому дань даете?» На что получил ответ: «Хазарам — по шьлягу (монете. — *В. Н.*) от рала даем». Покорив вятичей, Святослав сделал их своими данниками. В следующем году Хазарский каганат был разгромлен Святославом, но полную независимость вятичам обрести так и не удалось. Они вздумали было «заратишася», но Святослав в 966 году снова их победил и наложил на вятичей дань. Впрочем, вятичи сохранили свою автономию и самоуправление, подчиняясь Киевскому государству лишь номинально, а после трагической гибели Святослава в 972 году они, если не раньше, прекратили и выплату ему

*В 1654 году по этой дороге в Москву для участия в соборе, который должен был решить правильность троеперстия, проезжал антиохийский патриарх Макарий со своим сыном архимандритом Павлом Алеппским, оставившим описание этого путешествия в своем дневнике.

**По мнению автора, остатками летописного города Спашь, упоминаемого в летописях под 1147 и 1152 годами, является городище у д. Большая Круглица (Спасское) Мценского района.

***Павел Алеппский так описал свои путевые впечатления от поездки по этой дороге: «У нас в животе разрывались внутренности и мы добирались к вечеру не иначе, как мертвые от усталости».

*В 1710 году по ней от Болхова до Севска прошел богомолец, священник Московской церкви Всех святых Иван Лукьянов, отобразивший свое путешествие в дневнике. Об интенсивном использовании этой дороги в XVI–XVII веках свидетельствуют многочисленные документы Разрядного приказа, хранящиеся в РГАДА.



Илья Муромец и Соловей-разбойник. Худ. И. Билибин.

дани, а сыну Святослава — Владимиру пришлось принуждать их к покорности заново и не один раз. В 981 году Владимир нанес поражение вятичам «и възложи на нь (них) дань от плуга якоже и отец его имаше», но уже в следующем году ему пришлось подавлять их восстание [11]. Отдельные же роды и племена, судя по всему, продолжали сопротивление еще несколько лет, да и в самой вятической земле почти все княжение Владимира было неспокойно. Общее брожение, возможно сопровождавшееся вооруженными выступлениями, особенно усилилось после принятия христианства (988 год), с появлением христианских священников и началом крещения земли вятичей. Отголоски этих тревожных событий находят свое отражение в былине об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, в которой изображено вполне реальное историческое событие — карательный поход княжеского дружинника против непокорного вятического князька или старейшины. Вполне возможно, что имя Соловей являлось не только именем собственным, но было и родовым или племенным тотемом. Некоторые из тотемов даже пережили языческие времена и попали на княжеские и городские гербы, например: пикирующий сокол у Рюриковичей, медведи в гербах Новгорода и Ярославля, олень — Ростова Великого и другие. Владения Соловья Рахматовича находились в верховьях реки Вытебеть, по преданию, именно там, в урочище Девять Дубов (современный Хотынецкий район) и произошла его схватка с Ильей Муромцем. Село Девять Дубов* находится недалеко от водораздела рек Снежеть и Цон, и вполне возможно, что Соловей-разбойник нападал на суда купцов и воинские караваны, когда они пользовались сухопутной переволокой, чтобы попасть из бассейна Десны в Оку. Здесь же протекает и речка Смородина, упоминаемая в былине. Из былины можно узнать некоторые подробности о внутриродовых обычаях, по-видимому, характерных для некоторых если не племен, то вятических родов. Так, например, дети у Соловья-разбойника все на одно лицо, что говорит о внутриродовых браках братьев с сестрами и другими близкими родственниками, что было обусловлено частью искусственной, частью естественной замкнутостью этого рода. В одном редком варианте сказания Соловей говорит следующее о своем семействе:

«Я сына-то выращу — за него дочь
отдам,
Дочь-то выращу — отдам за сына,
Чтобы Соловейкин род
не переводился» [12].

*По словам краеведа А. Пупарева, один из этих дубов существовал еще в XIX веке.

Конец былины известен. Соловей был побежден, его род перебит, а самого Рахматовича, потерявшего в схватке глаз, отвезли в Киев, где и казнили.

Покорив вятичей, великий киевский князь Владимир приложил все силы для того, чтобы закрепить этот регион за Киевской Русью. В бывших племенных центрах, возможно, в Мценске, Козельске, Кромах, Дедославле и других, располагается княжеская администрация и воинские гарнизоны, а после крещения Руси — и духовенство. Здесь строятся первые церкви, а бывшие вятические городища — убежища передаются во владение бояр и дружинников, превращаясь таким образом во владельческие замки. Одновременно идет строительство новых городов как в земле вятичей, так и в других областях Киевской Руси. «И рече Володимеръ: се не добро, еже мало город[ов] около Киева. И нача ставити городы по Десне, и по Встри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стругне. И поча нарубати (набирати) мужи лучшии от Словен, и от Кривич, и от чуди, и от Вятичь, и от сих насели грады; бе бо рать (война) от Печенег... (968 год)» [13]. Возможно, переселение вятичей во вновь основанные города было и добровольным, и насильственным, а перемешивая подобным образом население вновь присоединенных земель, князь Владимир не только подавлял местный сепаратизм, но и укреплял окраины своего государства.

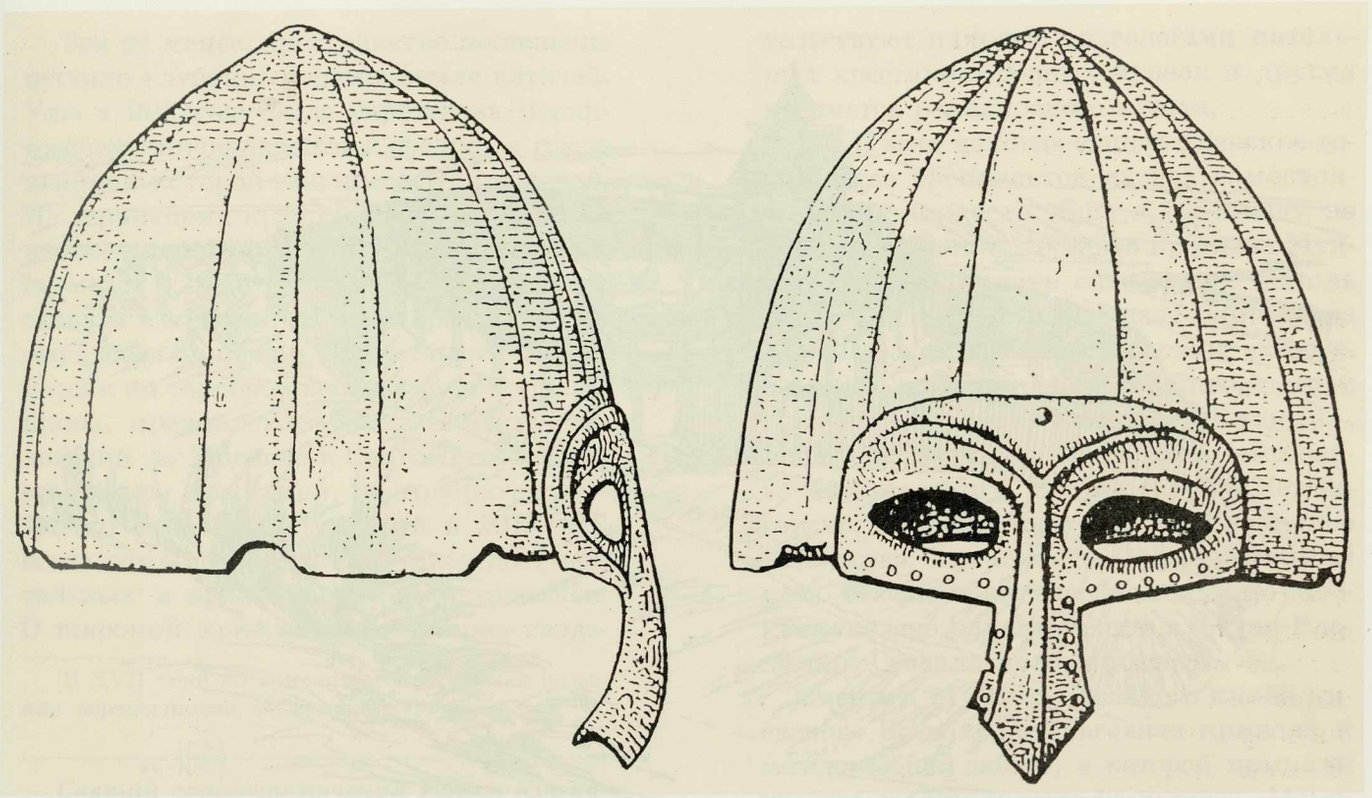
Тем не менее, глухое сопротивление вятичей христианизации и колонизации края киевскими князьями продолжалось еще около 100 лет, прорываясь иногда в настоящие восстания, и каждому новому великому киевскому князю приходилось «примучивать» вятичей заново. Надо полагать, что многие эпизоды этой борьбы просто не получили свое отражение в летописях. Так, уже внук Владимира Святого — Владимир Мономах (1053–1125) пишет в своем «Поучении» об одном из своих походов, совершенных еще в юношеском возрасте «сквозь землю вятичей» к Ростову.* Позднее ему пришлось две зимы ходить «в Вятичи», «на Ходоту и сына его» [14] — взбунтовавшегося князька или старейшину.

Оплот восставших — владельческий замок или волостной центр Кордно (Кърдно) был так основательно разгромлен Владимиром, что археологи до сих пор спорят о его местонахождении.* Владимир Мономах продолжил градостроительную и переселенческую политику своего отца и деда, тем более в это время усилился натиск половцев на южные земли Киевского государства, что вызвало естественный отток населения на север, под защиту лесов, где возникают новые города, окруженные «красными селами», и возделываются прежде нетронутые целинные земли. Возможно, именно к этому времени относится основание Новосиля, Болхова, Звенигорода и других городов, которые частью дошли до наших дней, а частью исчезли во тьме веков, оставив после себя нередко только безымянные городища с остатками внушительных оборонных валов. Для заселения новых городов и обслуживания воинских гарнизонов переводится население из других мест Киевского государства. Переселенцы, которым предстояло жить на первых порах в среде незнакомого и зачастую враждебного населения, уносили с собой не только свой скарб, сельскохозяйственные орудия и инструмент, но и полюбившиеся названия городов, земель, рек и урочищ в память о покинутой родине. Этим можно объяснить появление на Орловщине таких южнорусских названий, как Звенигород, Болхов (по Болоховской земле под Киевом), Жидоморь (Житомир?), Белгород (?).** Наряду с городами в земле вятичей появляется и большое количество феодальных замков, принадлежавших боярам, дружинникам и приближенным сперва киевских, а потом черниговских князей, а также присягнувшей им на верность местной вятической знати. На территории современной Орловской области подобных укреплений известно около 50 [15], названия большинства из них не дошли до наших дней, а от

*До этого владения вятичей предпочитали объезжать по Днепру через Смоленск, что свидетельствует о непрочности власти киевских князей в их земле.

*По предположению Л. Н. Красницкого, Кърдно — это позднейший Карачев.

**Белое городище у с. Маслово Орловского района.



Русский шлем XI–XIII вв. с полумаской. Найден у с. Никольского Орловского уезда.

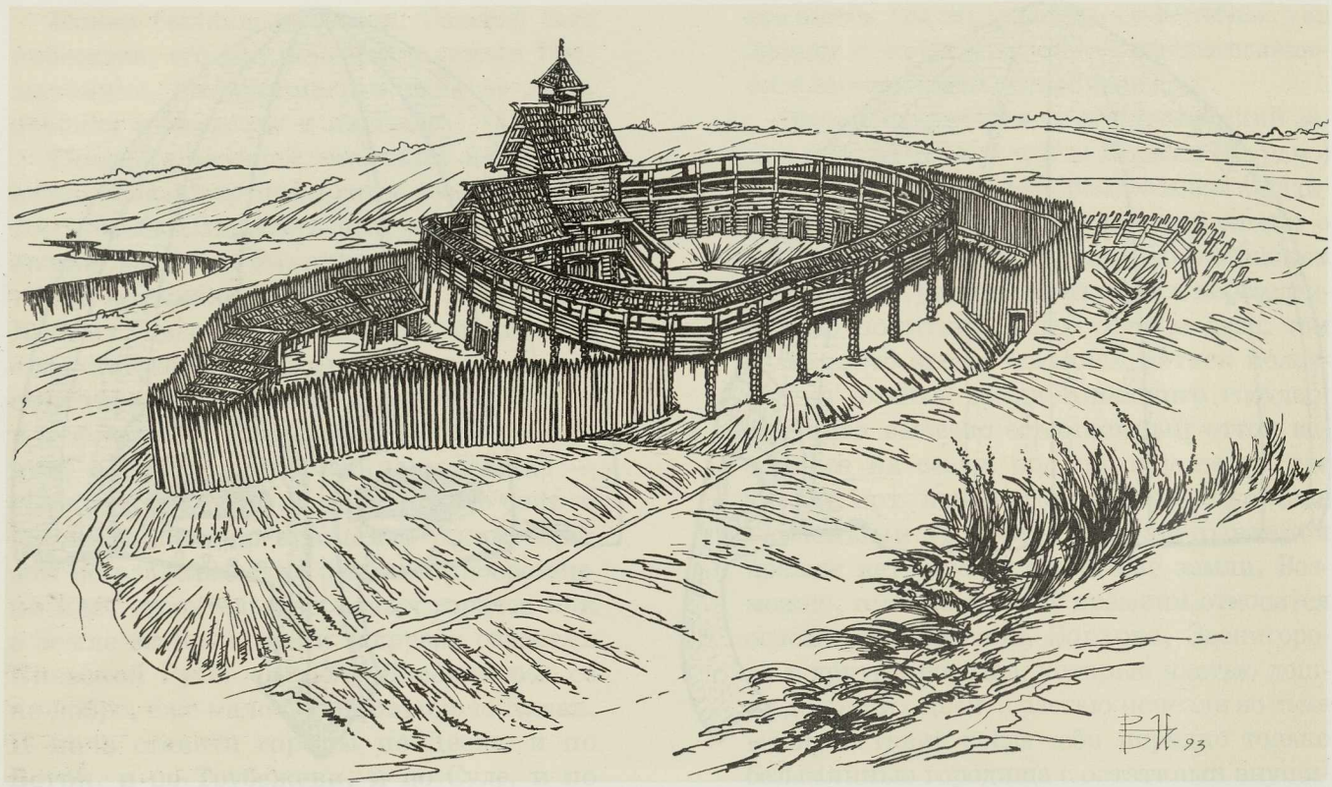
самих замков сохранились только мощные земляные валы и рвы.

Часто замки ставились на старых балтских или вятических городищах. В этом случае их земляные валы заново надсыпались и на них рубили крепкие деревянные стены. Иногда их возводили на совершенно новом месте, обычно на мысу при слиянии рек и ручьев, что обеспечивало укреплениям не только природную защиту, но и контроль над торговыми путями и долинами рек. В плане подобные замки имели обычно фигуры, близкие к кругу, овалу или неправильному треугольнику, а площадь — от 0,5 до 2,5 га. Возле замка обычно располагалось поселение, где в избах и полуземлянках ютились зависимые люди и челядь, а также обслуживавшие усадьбу ремесленники, вокруг же были раскиданы деревни тяготевшей к замку сельскохозяйственной округи.

Примером подобной владельческой усадьбы является городище у д. Гать (Орловский район), располагавшееся на мысу при впадении в Оку реки Цон. Оно занимало весьма выгодное положение на пересечении водных путей: по Оке и по Цну, из которого переволокой можно было попасть в Снежеть и далее в Десну. В настоящее время от замка сохранился только подковообразный земляной вал, упирающийся концами в обрывистый берег реки Оки, насыпанный на месте более древних мощинских укреплений середины I тысячелетия н. э. Размеры городища весьма небольшие — в диаметре около 40 м. Въезд в замок располагался с восточной стороны,* между валом и берегом Оки, где над воротным проездом возвышалась деревянная башня, перед которой через ров был перекинут легкий мост. Ворота устраивались таким образом, что при их штурме неприятель вынужден был подставлять под стрелы защитников правый, не защищенный щитом бок.

Подобный фортификационный прием типичен для русских домонгольских крепостей и, в частности, для городов и замков в земле вятичей. По гребню вала шла срубная крепостная стена, а по берегу Оки,

*Существующий в настоящее время проход в центре вала не является древним воротным проездом, так как был раскопан в 1936 г. археологами для изучения структуры вала.



Укрепленная феодальная усадьба (предположительно, замок Медков) у пос. Надежда Орловского района. XIII в.

Гипотетическая реконструкция автора.

где благодаря скалистому склону особой защиты не требовалось, возможно, стоял обычный частокол. В крепостной вал изнутри были встроены клети, в мирное время использовавшиеся для хранения запасов, а в военное — в качестве укрытия для проживавшего вне замка населения. На их плоских, обмазанных глиной крышах во время осады размещались защитники и метательные снаряды. Внутри крепостицы находился дом феодала, представлявший из себя бревенчатый терем на каменном фундаменте, к нему примыкали сени и металлургическая мастерская. При археологических раскопках замка у Гати, которые велись на нем начиная с прошлого века, были обнаружены металлические наконечники стрел, ножи, кресало, ключи, серебряная подвеска с изображением зверя в геральдической манере, бронзовый витой браслет, железный шлак и крицы, обломки древнерусской и мощинской керамики и т. п. Колодца в замке не имелось, по-видимому, в толще вала или в башне был устроен потайной подлаз, по которому можно было спуститься в ров, а оттуда к реке. Вокруг замка находился обширный посад [16]. Нечто подобное, отличаясь друг от друга в основном размерами и конструктивными особенностями, представляли из себя и остальные замки и крепости вятической земли.

Языческие обычаи, обряды и суеверия весьма долго держались в земле вятичей,* а неприятие христианства иногда перерастало в расправу над его представителями.

Так, 27 августа 1113 года в земле вятичей около современной деревни Карандаково близ Мценска были убиты миссионер Киево-Печерского монастыря Иоанн Кукша, впоследствии причисленный к лику святых, и его ученик Никон. По преданию, Кукша происходил из вятического княжеского рода, и вятичи, расправившиеся с ним, по-видимому, видели в нем не только представителя чуждой веры, но и изменника.

*Автор специально не рассматривает здесь легенду о крещении мценян в 1415 году, предполагая, что данный литературный памятник, равно как и образ св. Николая Чудотворца Мценского, которому он посвящен, созданы не в XV, а в конце XVII столетия.

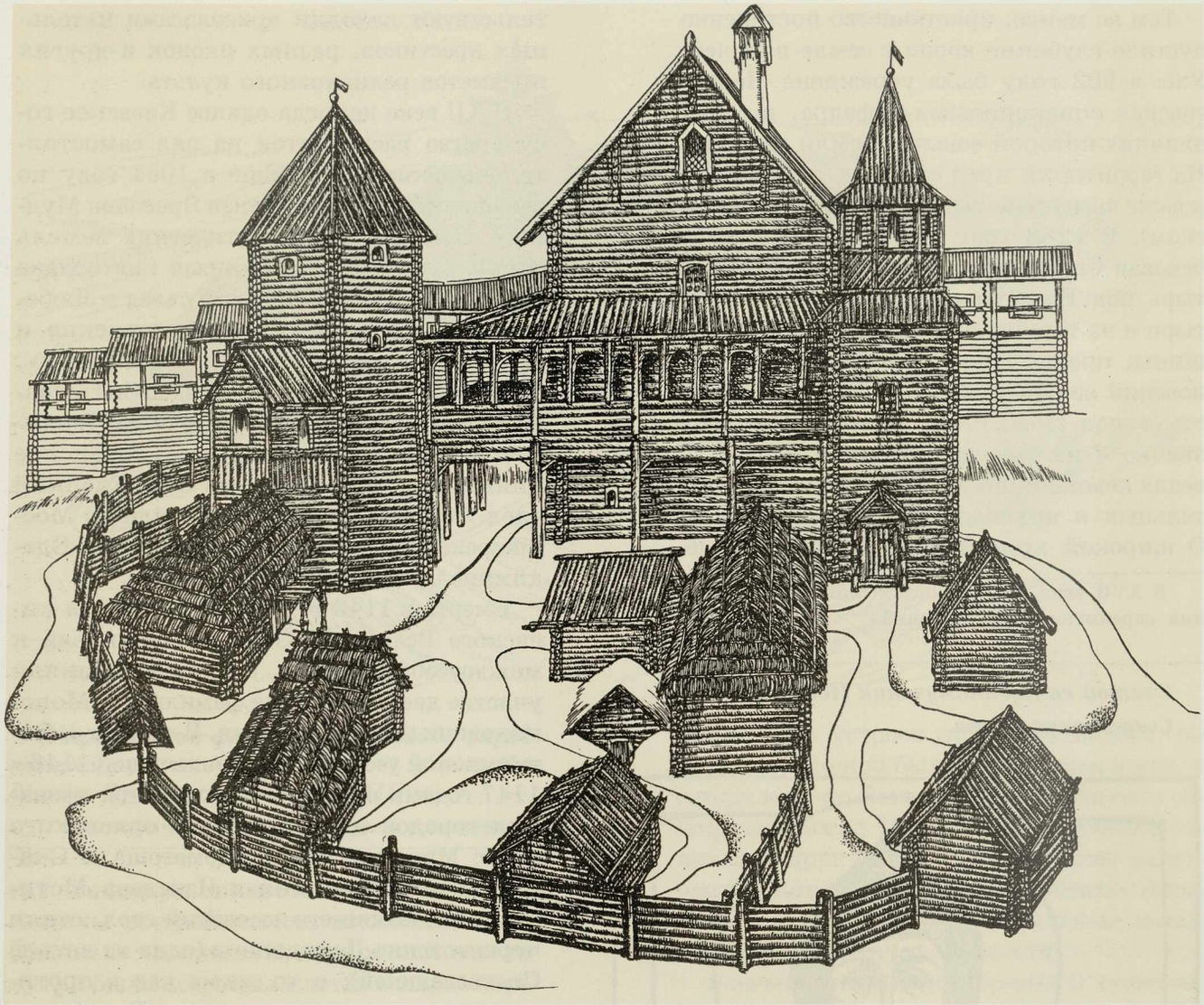
Тем не менее, христианство постепенно пустило глубокие корни в земле вятичей. Уже в 992 году была учреждена Черниговская епископальная кафедра, в сферу влияния которой вошли и земли вятичей. На территории края строятся деревянные и даже каменные церкви (Вщиж под Брянском). В 1288 году на речке Свинь был основан Свинский* Новопечерский монастырь под Брянском. Появляются монастыри и на территории современной Орловщины, предположительно это Петропавловский во Мценске и Свято-Духов монастырь под Новосилем, но говорить однозначно о их существовании в XIII–XIV веках невозможно за отсутствием документальных и археологических источников. О широкой христианизации края свидетельствуют находки археологами нательных крестиков, резных иконок и других предметов религиозного культа.

*В XVII веке по причине неблагозвучия названия переименован в Свенский.

Святой священномученик Иоанн Кукша. Современная икона.

В XII веке некогда единое Киевское государство распадается на ряд самостоятельных княжеств. Еще в 1054 году по завещанию великого князя Ярослава Мудрого большая часть вятических земель вошла в удел его сына князя Святослава Черниговского. Княжеский съезд в Любече (1097 год) закрепил Черниговские и Новгород-Северские земли, «Вятичи», Муром и Рязань за сыновьями Святослава Черниговского. В 1127 году из Черниговского выделилось Муромо-Рязанское княжество, включавшее в себя Елецкий удел. Северные вятические земли по Москве-реке еще раньше вошли в состав Владимиро-Суздальского княжества.

Смерть в 1146 году великого князя киевского Всеволода Ольговича привела к междоусобной войне, в которой приняли участие две княжеские фамилии — Мономаховичи и Святославичи. В связи с событиями этой усобицы в летописях под 1146–1147 годами впервые упоминаются названия городов на территории орловского края: Мценска, Кром, Домагоща и Спаша. Союзниками князя Изяслава Мстиславича, занявшего киевский стол, стали черниговские Давидовичи (одна из ветвей Святославичей), в то время как в противоположном лагере оказались Ольговичи в союзе с владимиро-суздальским князем Юрием Долгоруким. В 1146 году великий князь киевский Изяслав Мстиславич с князьями черниговскими Владимиром и Изяславом Давидовичами и союзными смоленскими князьями вторгся во владения новгород-северского князя Святослава Ольговича. Юрий Долгорукий поспешил на помощь Святославу, но, узнав о нападении на свои владения рязанцев, вынужден был повернуть назад и послал к своему союзнику сына Ивана Юрьевича в «мале дружине». Объединенные силы Давидовичей и Изяслава Киевского, жестоко опустошая окрестности, подошли к Новгороду-Северскому. Не имея возможности противиться далее, Святослав решил бежать на север в лесные земли вятичей, поближе к своему союзнику Юрию Долго-



Боярский (княжеский?) двор в древнерусском городе у д. Слободка. XIII в.

Рисунок автора по реконструкции Г. В. Борисевича.

рукому. Взяв с собою детей, жену и супругу своего брата Игоря, бывшего великого князя киевского, заключенного в монастырь Изяславом Мстиславичем, а также оставшуюся верной дружину, он уехал в Карачев. Один из младших Давидовичей — Изяслав, «разгордевся» и ободренный легким успехом, стал просить у Изяслава Мстиславича и брата Владимира часть войска для погони за Святославом, надеясь из юношеского честолюбия если не взять князя, то хотя бы пленить его семейство и забрать казну. Изяслав Мстиславич, «ведая в Святославле проворство», сперва отговаривал его, но потом, уступив просьбам младшего Изяслава и его брата, отпустил княжича придав ему часть своей дружины и воеводу Шварна. Своих людей дал также Владимир, и Изяслав с трехтысячным отрядом бросился в погоню.

Святослава спасла воинская предусмотрительность — его разъезд нечаянно «усмотрел» погоню и сумел похитить трех берендеев из числа людей Изяслава, которых немéдленно доставили к князю. Узнав о приближении Изяслава Давидовича, Святослав послал за языками для более подробных вестей отряд половцев, которые привезли еще «дву человек Изяславлих». Пленные сказали, что Изяслав «в трех тысячах идет наскоро». Святославу не оставалось ничего другого, как только «либо выдать жену и дети и дружину на полон, либо голо-

ву свою сложити». Снарядив дружину, которой также набралось до трех тысяч, он выехал навстречу Изяславу, который, не соблюдая мер предосторожности, беспечно мчался к Карачеву. 16 января 1146 года на расстоянии полудня пути от Карачева, на «чистом месте», противники столкнулись.* Злая сеча длилась долгое время, Святослав Ольгович был ранен копьем в руку, но не покинул строй, опасаясь, как бы его войско не дрогнуло, видя ранение князя. Его жестокий натиск сделал свое дело — Изяслав был наголову разгромлен и едва ушел с немногими людьми, потеряв почти все войско побитыми и пленными [17].

Известие о поражении Изяслава дошло до его брата Владимира и Изяслава Мстиславича в то время, когда они с союзными князьями расположились на обед в Болдыжском лесу.**

Князья немедленно снялись со стана, поспешив на помощь Изяславу. Немного не дойдя до Карачева, они стали на ночлег, дабы утром осадить Святослава в городе. Но тот, видя неравенство сил, покинул Карачев и ушел к Козельску, а оттуда в Дедославль и далее в земли своего союзника Юрия Долгорукого. Заняв владения Святослава и желая закрепить свою власть в земле вятичей, союзники созвали в Дедославле вече, на котором «говорили о Святославе, что он вятич не любит и разоряет, яко не свою область, чтоб они (вятичи. — *В. Н.*) его поймали или убили, а имение его все себе разделили». Но вятичи, которых киевские князья неоднократно вразумляли мечом за непокорство, безразлично отнеслись к смене хозяев и, не желая разорения своего края войной, ответствовали: «Вы наши все государи и нам равны. Кто нами владеет, тому мы верны и покорны, невзирая на милость и немилость, рассуждая, что Бог вас над нами определяет. И не без ума, по апостолу, меч в наказание винным, а отмсчение злым носите. А руку на господина своего (Святослава Ольговича. — *В. Н.*) поднять не можем, и никогда того в нас и в праотцех наших не бывало» [18]. Изгнав Святослава, князья покинули вятические земли — Изяслав ушел в Киев, а Давидовичи в Брянск, оставив княжить в Карачеве Святослава Всеволодовича. Впрочем, он недолго сидел на Карачевском столе — с января по май 1147 года. Между тем, 4–5 апреля 1147 года Святослав Ольгович и Юрий Долгорукий подтвердили свой союз на встрече в Москве, где Юрий дал в честь своего друга и союзника «обед силен». Усилив свою дружину полками под началом сына Юрия Долгорукого, наемными половецкими отрядами и ватагами бродников, Святослав перешел в наступление. Ему помогало и то, что сидевший в Карачеве Святослав Всеволодович приходился ему племянником* и, помня свое родство, доносил ему обо всех намерениях и приготовлениях Давидовичей. В результате Святослав Ольгович вернул себе потерянные земли, а посадники Владимира и Изяслава Давидовичей вынуждены были бежать из вятических городов. Войска Святослава заняли «все вятиче и до Брянска и до Воробнины на Десне и Домагощь и Мценск». Видя такой поворот фортуны, князья Давидовичи послали Святославу Ольговичу послов с предложением мира и следующими словами: «Не жалуйся на нас, будем все заодно, позабудь нашу злобу; целуй к нам крест и возьми свою отчину, а что мы взяли твоего, то всё отдадим назад».

Их посланники встретили Святослава в Спаши,** где бывшие враги заключили мир и союз против Изяслава Мстиславича Киевского [19].

Ареной междоусобных войн вятические земли служили и впоследствии. В 1152 году великий князь киевский Изяслав Мстиславич сжег принадлежавший суздальскому князю Юрию Долгорукому Городец Ос-

---

*Предположительно, битва произошла на территории современного Шаблыкинского района, возможно у села Сомово.

**Возможно близ села Балдыж у г. Дмитровска-Орловского. Известен еще Болдыж лес и Болдыж овраг близ с. Рыжково в Сосковском р-не (по сообщению Н. М. Макарова).

*Впрочем, он приходился племянником и великому князю киевскому Изяславу, по матери, сестре Мстиславичей, за что назывался ими «сестрич». Это родство с двумя непримиримыми врагами и определяло двойственность его положения в этой войне.

**По другим источникам, встреча послов и Святослава произошла на дороге между Спашем и Кромами.

терский близ Киева, не пощадив даже построенной Юрием каменной церкви св. Михаила Архангела, которую тот заботливо украшал.

Земляные укрепления городка были раскиданы, а люди уведены в полон. Юрий поспешно собрал рать, к которой присоединились рязанский князь Ростислав Ярославич «с братиею и с полки своими», а также половецкие орды «Орьплюеве и Токсобичи и вся Половецкая земля, что их ни есть межи Волгою и Днепром». Юрий занял землю вятичей и через Мценск, Спашь и Глухов двинулся на Чернигов, где сидел союзник Изяслава Киевского — князь Изяслав Давидович. Надо полагать, что вятичи в полной мере почувствовали тяжесть руки Юрия Долгорукого, заявившего: «Я им отожгу за это», — и отводившего душу за любимый Городец. Горожане, вовремя открыв ворота, могли сохранить если не имущество, то хотя бы жизнь и свободу, участь же сельского населения усугублялась тем, что половцы на правах союзников Юрия беззастенчиво грабили и жгли селения, уводя в полон толпы поселян; с теми же, кто пытался сопротивляться, расправлялись без всякой жалости [20].

Трагическая гибель в Орде князя Михаила Черниговского 20 сентября 1246 года. Гравюра Дзедзица по картине А. Смирнова.

В 1159 году вятические земли снова потерпели от огня и меча. Ставший к тому времени великим князем киевским (1157 г.), Изяслав Давидович начал войну против галицкого князя Ярослава Осмомысла и волынского Мстислава Изяславича, но был разгромлен под Белгородом* и вынужден бежать из Киева.

Ранее он обращался к своему союзнику двоюродному брату Святославу Ольговичу Черниговскому с предложением принять участие в походе, но, навоевавшийся в своё время вдосталь, Святослав не только сам отказался и не позволил своему сыну участвовать в очередной усобице, но и сделал попытку кротко отговорить неуемного родственника: «Брате, я тебе советую возвратитися и войны не начинать; не зла, но добра тебе и тишины, и мира в Русской земле желаю. Не хочешь ли мой совет принять, то остается в твоей воли, а злобиться не за что». Разбитый Изяслав с княгиней бежал в Го-

*Сейчас пос. Белгородка под Киевом.

мий (Гомель), откуда в отместку за непомощь предпринял набег на владения Святослава Ольговича — взял «на щит»* и разгромил городок Обловь**, принадлежавший жене Святослава, а затем вторгся и занял «вси»*** Вятические земли, которые, надо полагать, от него весьма потерпели. Впрочем, Святославу удалось компенсировать убытки. Узнав о хозяйничанье Изяслава в «Вятичах», он распорядился перехватить обоз с пожитками Изяслава и его бояр, а захваченных боярынь отпустил за большой выкуп [21].

В последующем Карачев и смежные с ним верхнеокские земли неоднократно переходили из рук в руки, оставаясь, впрочем, в пределах одного лагеря. Так, в 1155 году оба Святослава — Ольгович и Всеволодович заключили союз, размежевав свои

*Взять на щит — т. е. штурмом, с бою.

**Обловь (Блове) — город в верховьях р. Болвы на стыке смоленских и вятических земель. В настоящее время не существует.

***Здесь имеются в виду только те вятические земли, которые находились во владении Святослава Ольговича, т. е. район верхней Оки.

Русская конная дружина XIII века. Миниатюра Лицевого летописного свода.

владения, причем Карачев с волостями остался у Святослава Ольговича, который отдал его сыну Юрия Долгорукого. Затем по договору в Люставе Карачев отошел к черниговскому князю Изяславу Давидовичу, потом опять к Святославу Ольговичу, ставшему к тому времени черниговским князем (ум. в 1164 г.), а от него к Святославу Всеволодовичу, унаследовавшему от дяди княжение, стольный Чернигов, Карачев и земли вятичей. Вплоть до смерти князя в 1194 году Карачев и верхнеокские земли находились в его личном домене, где он набирал войска для походов на половцев и соседей. Так, в 1185 году князь собирал дружину в «верхних землях» для похода на половцев, к Дону, но уже при возвращении из Карачева, близ Чернигова, он узнал о страшном поражении, нанесенном половцами новгород-северскому князю Игорю Святославичу и брату его трубчевскому князю Всеволоду, которые опрометчиво отправились в поход одни, не дождавшись других князей и не желая делиться с ними ни добычей, ни славой. Услышав эту скорбную весть, Святослав вздохнул глубоко, утер слезы свои и сказал: «О любезные братья и сыновья и мужи земли Русской, мне дал Бог притомить поганых,* а вы, не сдержав юности своей, отворили им ворота в русскую землю». Князь вынужден был отменить очередной поход, отправив новонабранных воинов в Киев, из опасения половецкого набега.

В 1194 году Святослав Всеволодович собрался пойти на Рязань, для чего собрал в Карачеве на совет своих братьев и союзников. «Святослав позва братью свою в Карачев, Ярослава, Игоря, Всеволода, и поча с ними думати хотя на рязанским князи: бя хуть бо им речи про волости; и послашася ко Всеволоду в Суздаль, просячися у него на Рязань». Отказ Всеволода и болезнь Святослава сорвали поход. По возвращении в Киев у него случился нарыв на ноге, и князя вынуждены были везти летом на санях, а затем на судне по Десне. Святослав с трудом перенес это путешествие и вскоре скончался [22].

*Великий князь киевский Святослав Всеволодович в союзе с другими князьями нанес сильные поражения половцам в 1184 и 1185 годах.

В 1196 году земли вятичей подверглись очередному разорению. Владимирский князь Всеволод III Георгиевич (Большое Гнездо) в союзе с князем Давидом Смоленским, князьями рязанскими и муромскими, а также половцами «тое ж осени» «повоевали» вятические волости, принадлежавшие черниговским Ольговичам «и вятичьскыя городы поимали и пожгли». В числе сожженных были города Козельск и Болхов* [23].

В 1223 году черниговский князь Мстислав Святославич принял участие в общерусском походе на монголов. В состав черниговской рати входили дружины князя Олега Курского, князей путивльских и трубчевских и, надо полагать, отряды воинов из подвластных Мстиславу Черниговскому Верховских земель. Первое столкновение русских с монголами окончилось катастрофическим разгромом на реке Калке. Черниговское воинство понесло тяжелые потери, во время бегства погиб и Мстислав Святославич с сыном, а из его рати домой вернулись едва ли не один из десяти [24].

Батыево нашествие (1237 год), судя по всему, не затронуло земель вятичей, лежавших в верховьях Оки, хотя черниговские владения на средней Оке (район Козельска — Белева) жестоко пострадали. Вероятно, татары после изнурительной осады удельного городка Козельска вернулись в степи по водоразделу между Зушей и Упой, оставив в стороне лежавшие южнее черниговские земли. В 1239 году монголы осадили Чернигов, столицу княжения. Несмотря на стойкую оборону и наличие у осажденных мощных камнеметных машин, метавших камни весом, «яко можаху 4 мужи силнии подъяти», сопротивление горожан было сломлено. Город же был взят и подвергнут дикому погрому. Руководивший обороной князь Мстислав Глебович* едва спасся и бежал в Венгрию, а монголы опустошили земли княжества вплоть до Глухова. Черниговский князь Михаил Всеволодович еще раньше также бежал в Венгрию, но позднее, вынужденный приехать в ставку Батыя, отказался исполнить требование о прохождении через очистительный огонь, за что был убит вместе со своим боярином Федором (20 сентября 1246 года). Эта дата является рубежной для исторических судеб Черниговщины и Верхнеокских земель, некогда объединенных в единое государственное образование, развитие которых с этого времени пошло разными историческими путями.

*Это первое упоминание Болхова в русских летописях. Данная дата (1196 г.), подтверждающая существование Болхова в XIII веке, вводится в научный оборот впервые.

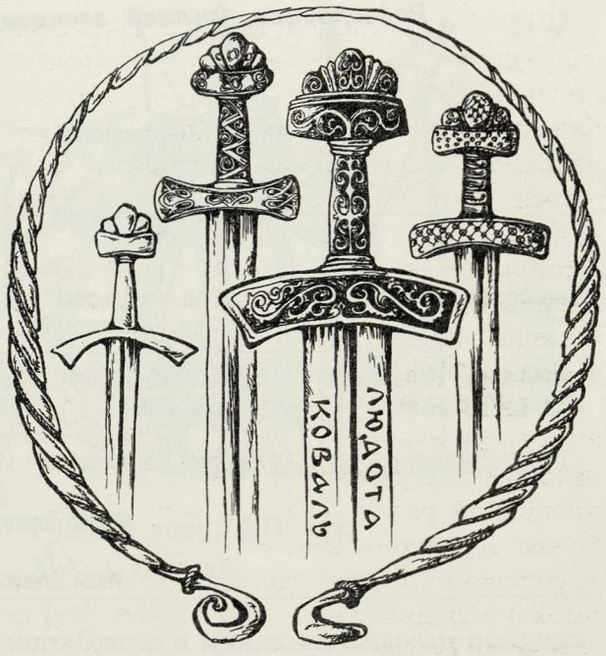
*Двоюродный брат князя Михаила Всеволодовича Черниговского.

ГЛАВА III

Древний Звенигород и князья звенигородские

«Того же лета (1377 г.) Андреяна Звенигородского сын, князь Федор, побил татар многих. Бе же сей князь Феодор Звенигороцкий, Андреанов сын, Титов внук, Мстислава Карачевскаго правнук, великомученика Михаила Черниговскаго праправнук, телом велик зело и храбр на супостаты, и крепость и силу многу имея».

Полное собрание русских летописей. Т. XI. [1]

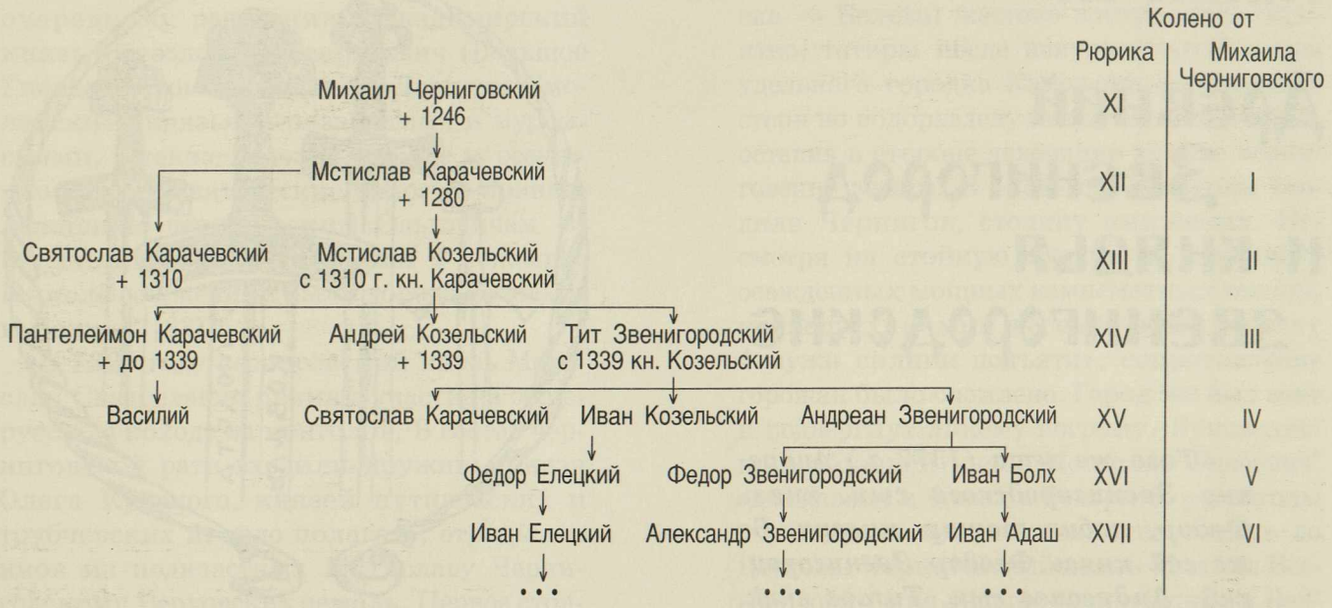


После трагической гибели в Орде князя Михаила Черниговского его сыновья и наследники разделили отцовское владение на ряд более мелких княжений, и прежде всего земли в бассейне верхней Оки и средней Десны, не пострадавшие во время монголо-татарского нашествия. Возможно, их население даже значительно увеличилось за счет беженцев из южных Черниговских земель, а также из соседних Рязанского и Владимирского княжеств, жестоко опустошенных татарами.

Поскольку Ростислав, старший сын князя Михаила, навсегда остался в Венгрии, то следующему по старшинству князю Роману Михайловичу достался Брянск, куда переместился центр Черниговского княжения, Семену — земли глуховские и новосильские — впоследствии он стал родоначальником князей Белевских, Одоевских и Новосильских, самый младший — Юрий Михайлович получил Тарусу, а князь Мстислав — четвертый сын Михаила Черниговского взял во владение Карачев. В его княжение входили и земли, на которых впоследствии был построен Орел. От потомков Мстислава впоследствии пошли роды князей: Козельских, Звенигородских, Болховских и Хотетовских. У Мстислава Михайловича было двое сыновей — Святослав, севший на княжение в Карачеве, и Мстислав, которому в удел достался Козельск [2]. В 1310 году во время междоусобицы Святослав был убит и Мстислав перешел на старший стол — в Карачев [3]. Мстислав в свою очередь имел троих сыновей, между которыми разделил свое княжение: старший Пантелеймон сел в Карачеве, среднему Андрею достался Козельск, а младшему Титу — Звенигород [4].

Звенигородский удел считался третьим по значению в княжестве после Карачевского и Козельского. Его стольным городом стал Звенигород. Долгие годы занимавшийся историей Карачевского княжества писатель М. Каратеев писал: «Точное местоположение этого давно исчезнувшего Звенигорода является спорным вопросом». Каратеев предполагал, что он находился в самой южной части Карачевского княжества [5]. Надо заметить, что на Руси существовало не менее пяти Звенигородов, из которых наиболее

Родословная князей звенигородских (авторская реконструкция)



известен Звенигород в Подмосковье. Но кроме него существовали еще Звенигороды в Галицкой земле, в Подолии, под Киевом и в Карачевском княжестве.

Точного толкования этого названия нет. Наиболее распространенными являются следующие: согласно одному из них, в этих городах в момент приближения неприятеля били в набат; согласно другому — название обусловлено звоном церковных колоколов или молотов о наковальни. Оба эти объяснения типичны для народной этимологии. Более же вероятна связь с русским личным именем, например, Звенислав [6]. Из всех вышеперечисленных Звенигородов наиболее поздним является Звенигород подмосковный (XIV век). Несколько старше его, судя по упоминаниям в письменных источниках звенигородских князей, — Звенигород карачевский, но и он скорее всего уступает в древности галицкому и киевскому Звенигородам. Распространение этого названия на такой обширной территории вероятнее всего было обусловлено как колонизационной политикой киевских князей, так и оттоком населения южнорусских земель к северу под нажимом половцев. Переселенцы уносили и увозили с собою не только сельскохозяйственный инвентарь, скот и оружие, но как память и полюбившиеся им названия. Примеров подобного рода можно привести множество. Достаточно вспомнить Переяславль (современный Переяславль-Хмельницкий) на реке Трубеж и возникшие позднее на севере Переяславль-Рязанский и Переяславль-Залесский во Владимирской земле. Причем были перенесены не только название города, но и реки — Трубеж.

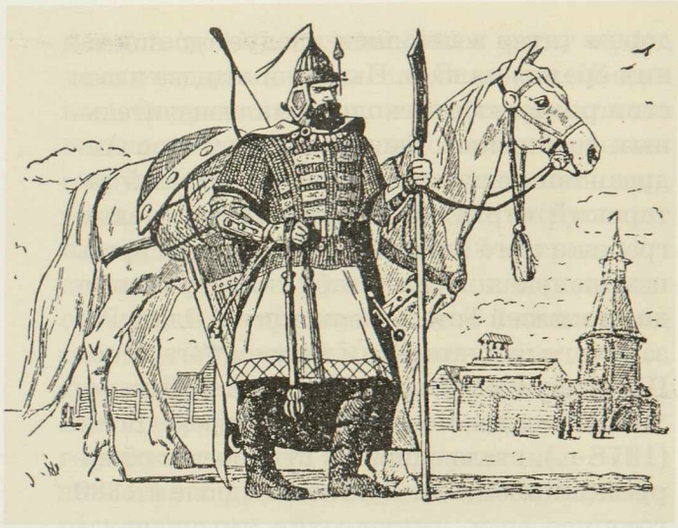
Варианты родословной князей звенигородских, отличающиеся от авторской реконструкции, содержатся в книгах: Евгин А. Козельск. Средневековая Русь. Очерки социально-политической истории X–XVII вв. Тула, 1996; Щеков А. В. Верховские княжества. (Краткий очерк политической истории XIII — середина XVI вв.). — Тула, 1993.

В 1339 году князь козельский Андрей был убит «окаянным братаничем» (племянником) — сыном князя Пантелея Василием [7]. После трагической гибели князя Андрея освободившийся козельский стол занял князь Тит,* ставший впоследствии одним из выдающихся ко-

*Судя по тому, что князь Василий Пантелеевич впоследствии не упоминается в летописях, а во владение Карачевом вступил сын Тита Козельского — Святослав, то можно полагать, что князь Василий был либо убит во время вспыхнувшей усобицы, либо изгнан в наказание за убийство с карачевского стола.

зельских князей. Звенигород же он оставил своему младшему сыну Андреану.*

Князь Тит постарался укрепить положение своего княжества и династическими браками своих сыновей. Старший — князь Святослав был женат на Феодоре, дочери великого князя литовского Ольгерда, средний — Иван Козельский** на Агриппине, дочери великого князя рязанского Олега, а младший Андреан получил руку Елены — дочери литовского князя Гаманта [8].

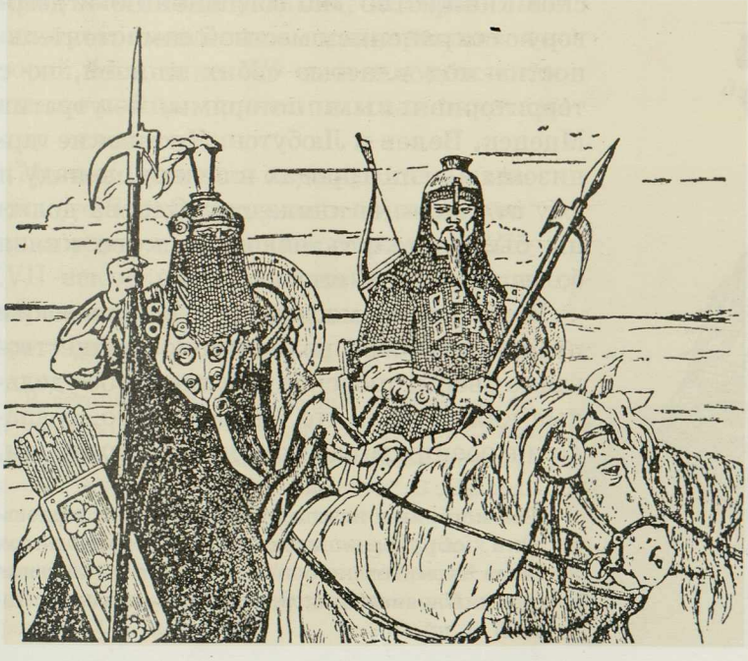


Русский воин. XIV век.
Худ. А. Горский.

От брака князь Андреан имел двоих сыновей: Федора и Ивана, получившего прозвище Болх, что привело к дальнейшему дроблению княжения, так как младший Иван получил в удел Болхов и впоследствии стал родоначальником князей болховских* [9]. Из братьев наиболее прославился князь Федор Звенигородский, который был, по свидетельству летописи, «телом велик зело и храбр на супостаты, и крепость и силу многу имея» [10].

В 1377 году Федор Андреанович «побил татар многих». При каких обстоятельствах и в каком сражении это произошло, летопись не указывает. М. Каратеев предполагал, что Федор Звенигородский отличился в несчастливом для русских сражении на речке Пьяне в Мордовии [11], но это маловероятно, так как сообщение о побиении князем Фе-

Татарские воины. XIV век.
Худ. А. Горский.



*В родословной князей звенигородских довольно много белых пятен. В частности, целый ряд исследователей (Г. А. Власьев, А. В. Щеков) считают князей Андрея и Андреана за одно лицо, в то время как в летописи совершенно определенно говорится об Андрее Мстиславиче и Андреане Титовиче. Напомним, что князь Андрей был убит в 1339 г. (ПСРЛ. – Т. 7. – С. 205), в то время как князь Андреан упомянут под 1377 г. (ПСРЛ. – Т. II. – С. 26). Кроме того, будучи сыном князя Тита, он никак не мог являться дядей сыну князя Пантелеймона (брата Тита) — Василию.

**Сын князя Ивана Козельского — Федор Иванович стал родоначальником князей елецких, участвовал со своей дружиной в битве на Куликовом поле (1380 г.). В 1395 году он защищал Елец от полчищ Тамерлана и, по-видимому, погиб в плену. Вышесказанное вовсе не означает, что Елец входил в Карачевское княжество. В XII – XIV веках город находился в сфере влияния Рязанского княжества. Надо полагать, что Елец достался Ивану Козельскому в качестве приданого за Агриппиной, дочерью Олега Рязанского, а затем перешел к сыну Ивана — Федору, оставшись, тем не менее, в вассальной зависимости от Рязани.

*Иногда еще путают болховских и болоховских князей. Болоховская земля, имевшая своих князей, находилась к западу от Киева и входила в Киевское княжество, в то время как Карачев, Звенигород, Козельск и Болхов издавна входили в Черниговское княжение. Сходство названий — Болохов и Болхов позволяет выдвинуть гипотезу об основании Болхова выходцами из Болоховской земли, тем не менее управляли им потомки Черниговского княжеского дома — князья болховские, никакого отношения к князьям болоховским не имевшие.

дором татар в летописи следует до описания сражения на р. Пьяне, и эти два известия разделяют несколько малозначительных сообщений. Скорее всего, Федор Андреанович сумел уничтожить сильный татарский отряд, вторгнувшийся с целью грабежа в его княжение. Эта победа, пусть и маленькая по масштабу, наряду с победами князей Тита Козельского и Олега Рязанского над татарским князем Тагаем под Шишевским лесом (1365 г.) и воевод великого князя московского на реке Воже (1378 г.), стала одной из ступенек к общерусской победе на Куликовом поле в 1380 году.

У Федора Андреановича был сын князь Александр Федорович, современник великих князей московских Василия Дмитриевича и Василия Темного. Он в свою очередь имел четверых сыновей: Глеба, Ивана Большого (ум. в 1476 г.), Федора Катлечея и Евлаха [12].

Начало XV века ознаменовалось усилением наступления Литвы на восточных границах. Великого князя литовского Витовта более не удовлетворяла непостоянная политика Верховских княжеств,* колеблющихся между Москвой и Вильно. Еще в 1357 году литовцы подчинили Брянское княжество. В отношении Верховских княжеств интересы Литвы сталкивались с Москвой, в результате чего между великим князем литовским Витовтом и великим князем московским Василием Дмитриевичем в 1406 году началась война, продолжавшаяся до 1408 года.

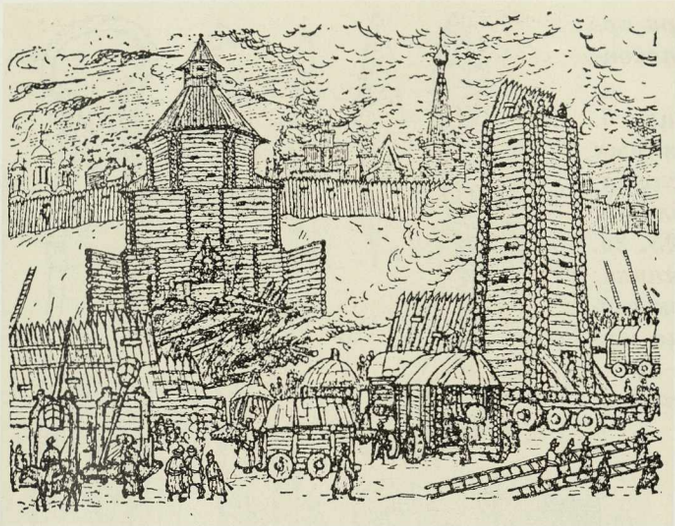
По-видимому, в попытке сохранить свою самостоятельность князь карачевский, вассальные ему князья звенигородский, хотетовский и другие придерживались московской ориентации, но спасти свои владения им не удалось. В 1406 году на реке Плаве послы Витовта и Василия заключили перемирие на год, после чего боевые действия возобновились. В 1407 году литовцы сожгли столицу Новосильского княжества — Одоев. В ходе войны в руки Литвы переходят Мценск и Любутск, где Витовт учреждает наместничества. Тогда же утратило свою самостоятельность Карачевское княжество, и Карачев был отписан на имя великого князя литовского, а его бывшие владельцы сохранили лишь Мосальск. Князья перемышльские утратили все свои владения, кроме Перемышля. В состав Великого княжества Литовского вошло и Новосильско-Одоево-Воротынское княжество «по соглашению и договору с сохранением местной самостоятельности» под властью своих князей, но с территориальными потерями, — утратив Мценск, Белев и Любутск. Литовские гарнизоны в этих городах к северу, западу и югу от столицы княжества Одоева должны были сделать новосильского князя более верным и сговорчивым.

В это же время наряду с Карачевским прекратили свое политическое существование Звенигородское и Болховское удельные княжества, что, скорее всего, совпало и с военным разгромом их территории.

Витовт.

Гравюра из книги «Описание Европейской Сарматии» А. Гваньини. 1581 год.

*Так историки называют княжества в верховьях Оки, образовавшиеся после смерти князя Михаила Черниговского и распада его княжения на уделы: Карачевский, Одоево-Новосильский, Тарусский и др.



Осада татарами русского города.
Худ. А. Горский.

В 1408 году Александр Федорович Звенигородский вместе с сыном Федором и князьями Михаилом Ивановичем Хотетовским, Свидригайлом Ольгердовичем, Патрикеем Наримантовичем и Семеном Перемышльским выехали на московскую службу,* оставив свои владения, попавшие под власть Литвы [13]. Впоследствии князья звенигородские становятся служилыми князьями великих князей московских, исправляя должности государевых воевод и наместников. По-видимому, в связи с отъездом князей и их людей пустеют стольный город княжества Звенигород и окрестные замки-усадьбы, которые были покинуты населением, а разгоревшиеся во второй половине XV века московско-литовские войны привели к их окончательному исчезновению.

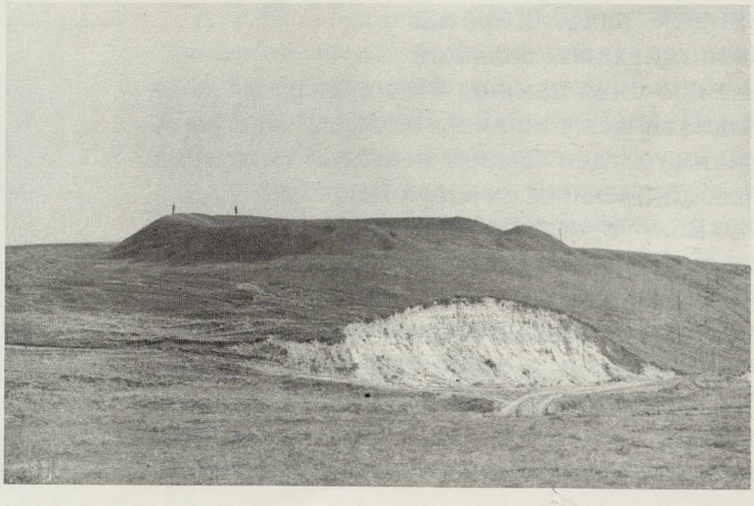
Местоположение исчезнувшего карачевского Звенигорода на основании писцовых книг и актового материала XVI–XVII веков автор соотносит с хорошо сохранившимся городищем на высоком берегу реки Неполодь при впадении в нее лога под названием Попов верх, недалеко от современного села Спасское (Жидкое). От древнего Звенигорода сохранились только мощные земляные оборонительные сооружения — рвы и валы княжеского детинца, подковой замыкающие округлую площадку диаметром около 40 метров. Со стороны реки и ручья склоны городища отвесны и неприступны, а с напольной стороны городище окружено высоким, свыше 6 метров валом и глубоким рвом. Все постройки стольного городка звенигородских князей были деревянные. По аналогии с другими русскими городами, раскопанными археологами, и на основании раскопок самого Звенигорода можно попытаться представить, как выглядел этот город в XIII–XIV веках.

Его окружал смотрящийся и сейчас достаточно грозно земляной вал, некогда увенчаный дубовой стеной из срубов-городен, наверху которой находилась боевая площадка для воинов — забороло. Передний скат вала, а возможно и оборонительные стены обмазывались глиной и перед штурмом обливались водой, так что забраться на них даже с помощью штурмовых лестниц было весьма затруднительно. Дно рва и подступы к нему обычно укреплялись «городовыми крепостями» — заостренными кольями и надолбами.

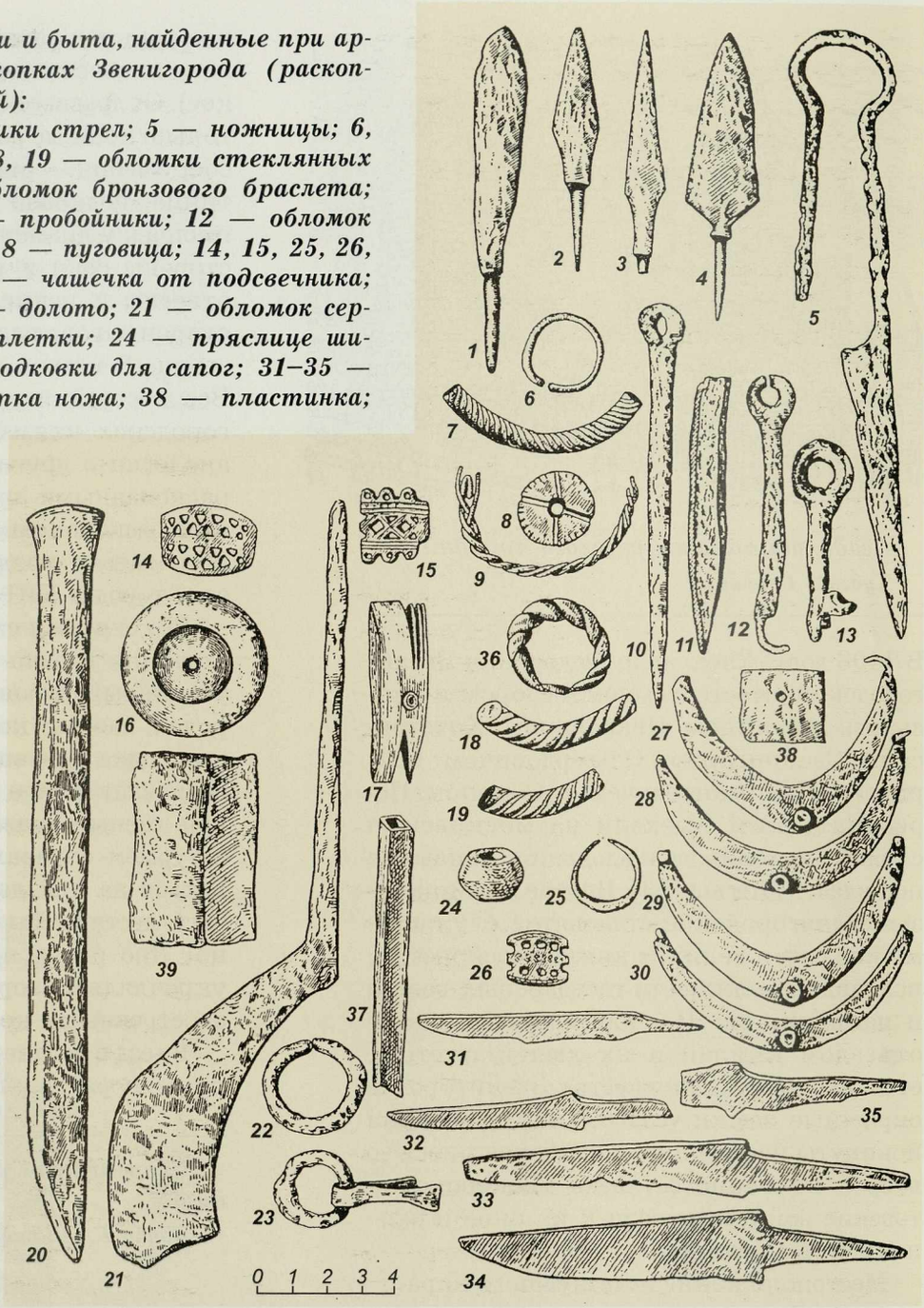
Въезд в детинец находился с южной стороны и располагался между обрывом к

Современный вид Звенигородского городища.

Фото Г. А. Ткаченко. 1991 г.



*В летописях нет сообщений о переходе на московскую службу князей Болховских, но, судя по всему, он состоялся, и князья покинули своё опустошенное княжество. В Разрядных книгах XVI–XVII веков князья Болховские упоминаются в качестве государевых наместников и воевод. Болхов же прекратил своё существование и был восстановлен только в середине XVI века.



Предметы жизни и быта, найденные при археологических раскопках Звенигорода (раскопки Т. Н. Никольской):

1–4 — наконечники стрел; 5 — ножницы; 6, 22 — колечки; 7, 18, 19 — обломки стеклянных браслетов; 9 — обломок бронзового браслета; 10 — острие; 11 — пробойники; 12 — обломок удил; 13 — ключи; 8 — пуговица; 14, 15, 25, 26, 36 — перстни; 16 — чашечка от подсвечника; 17 — гребень; 20 — долото; 21 — обломок серпа; 23 — деталь плетки; 24 — пряслице шиферное; 27–30 — подковки для сапог; 31–35 — ножи; 37 — рукоятка ножа; 38 — пластинка; 39 — замок [14].

реке Неполодь и земляным валом. Неприятель, рискнувший штурмовать ворота, укрепленные, по-видимому, башней, вынужден был двигаться к ним, подставляя под стрелы защитников правый не защищенный щитом бок. К тому же он не мог ни развернуться большими силами, ни установить громоздких стенобитных орудий на узкой площадке, ограниченной с одной стороны обрывом, а с другой — рвом и валом.

Внутри детинца стояли деревянные княжеские хоромы на каменном фундаменте, из которых вел подземный ход к реке. Хоромы отапливались большой печью типа камина. Неподалеку от дома находилось и жилище челяди — полуземлянка с глинобитной печью, а также ряд хозяйственных ям типа погребов.

Вокруг детинца располагалось огромное селище — посад, протянувшееся почти на два километра по берегу реки Неполодь, где жили ремесленники, холопы и зависимые от князя люди. Возможно, какая-то часть посада, ближайшая к детинцу, имела свои укрепления типа частокола или надолб. Серьезного фортификационного значения эти сооружения не имели, их задачей было воспрепятствовать неприятелю «изгоном», т. е. внезапным нападением ворваться в город и дать возможность хотя бы части «черных людей» и их семей скрыться в детинце. Вал и ров посада, если они и существовали, были скопаны и запаханы еще в XVIII веке, так как территория селища, прилегавшая к детинцу, издавна подвергалась распашке.

На посаде недалеко от детинца стояла деревянная Никольская церковь, рядом с

которой находились дворы причта. Можно предполагать, что одновременно она являлась и родовой усыпальницей князей звенигородских.

Археологическое исследование Звенигородского городища началось только в XX веке. В 1952 году его обследовала и сняла на план археолог М. В. Фехнер. В 1967 и 1971 годах оно раскапывалось Татьяной Николаевной Никольской, ошибочно локализовавшей его с городом Спашь, упомянутым в летописях под 1147 и 1152 годами. Каких-либо аргументов в пользу того, почему именно это городище из полутора десятков находящихся поблизости является вятическим городком Спашь, она в своих работах не приводит.

Во время археологических раскопок было установлено, что поселение на этом месте существовало с домонгольских времен, были обнаружены обломки стеклянных браслетов, среди них впервые найденный на поселениях вятичей обломок стеклянного позолоченного браслета, серебряные решетчатые перстни, пружинные ножницы, обломки серпов, замки, ключи, обломок бронзового украшения — возможно створчатого браслета, железные наконечники стрел, в том числе срезень, характерный для татаро-монгольского войска, деталь плетки, каменный нательный крестик, костяная орнаментированная пуговица, обломок двустороннего гребня. К XV веку относится костяной четырехконечный крест, на одной стороне которого изображена Богородица с предстоящими, а на другой, очевидно, святой Николай [14].

По расположению археологических памятников можно попытаться определить хотя бы приблизительные границы Звенигородского удельного княжества. Составленная таким образом карта будет достаточно гипотетична, но в то же время позволит выявить хотя бы основное ядро звенигородских земель.

Звенигородский удел занимал восточную часть Карачевского княжества. Вокруг стольного города было разбросано несколько укрепленных поместий — замков, по-видимому, принадлежавших боярам или приближенным дружинникам звенигородского князя, остатками которых являются городища в д. Гонючее, с. Маслово, с. Редькино, д. Черемисино, пос. Надежда и д. Гать. Указанные городища по своей близости к Звенигороду почти наверняка входили в его удел. Согласно Писцовой книге Орловского уезда 1594–1595 гг. некоторые из них имели собственные названия: у с. Маслово — «Белое городище», у д. Мерцалово — «Жидоморское городище», у пос. Надежда — «Медково городище» [15]. Можно полагать, что писцовая книга донесла до нас подлинные названия этих городков, исчезнувших за много лет до ее составления. Городище у д. Черемисино на р. Оптухе, по-видимому, являлось самым восточным укрепленным пунктом Звенигородского удела, далее вверх по Оптухе еще есть селища, но городищ археологами не обнаружено. В росписи орловских сторож 1571 г. оно названо Пристинским городищем [16], а в писцовой книге Орловского уезда 1647 г. — Ивановым [17], хотя наиболее вероятно, что речь идет о разных городищах на р. Оптухе, одно из которых до сих пор не выявлено археологами, поскольку в XIX веке было возможно раскопано. Крайним южным пунктом удела являлось городище у д. Гать, здесь согласно росписи сторож 1571 г. начиналась Звенигородская дорога [18]. Кому принадлежал г. Кромы с расположенными в его окрестностях двумя хорошо укрепленными городищами — у с. Кутафино («Монастырское городище») и у с. Кривчиково («Кураб»), сказать трудно. Возможно он был центром самостоятельного удела.

Северная граница Звенигородского удела проходила около Болхова. В актах начала XVII столетия упоминается Звенигородская засека — лесной завал, укрепленный башней с воротами, находившийся в пяти верстах южнее Болхова [19]. Первоначально земли по течению р. Нугрь входили в Звенигородское княжество, но затем Болхов и окрестности были выделены в удел младшему сыну Андреана Мстиславича Ивану Андреановичу по прозвищу Болх, от которого пошла самостоятельная ветвь звенигородских князей — князья Болховские [20]. Надо полагать, что сперва Болховское удельное княжество являлось вассальным по отношению к Зве-

нигородскому, но затем стало вполне самостоятельным.

Звенигородскому князю, скорее всего, принадлежали и несколько отстоящие от его основных владений три хорошо укрепленных городища — у д. Круглица на р. Каменке, у д. Городище и у с. Старенково на р. Оке (сейчас Мценский район), хотя нельзя исключить и принадлежность какого-то из них болховскому князю, где-то здесь должна была проходить граница между Звенигородским и Болховским уделами.

Гораздо труднее определить западную границу Звенигородского княжества. Западнее Карачева городищ археологами не выявлено, к тому же здесь в древности простирались сплошные леса и болота и было очень мало пахотной земли, поэтому надо полагать, что основные владения карачевского князя располагались восточнее Карачева. Почти наверняка ему принадлежали большие и хорошо укрепленные городища, не уступавшие по размерам самому Карачеву: у д. Слободка (Шаблыкинский район Орловской обл.) и с. Хотимль-Кузменково* (Хотынецкий район Орловской обл.). Городища же на р. Цон — у д. Борщевка, с. Городище («Люцкое городище»), д. Гнеушево, д. Мерцаловка и по р. Орлик — у д. Титово-Мотыка («Пожарское городище») могли находиться во владении как карачевского, так и звенигородского князей.

Территория, на которой впоследствии был основан Орел, также входила в состав Звенигородского княжества, более того, здесь, судя по всему, существовало поселение. Во время археологических раскопок в 1986–1988 годах наряду с вещами XVI–XVII веков были найдены предметы более ранних эпох: обломки керамики XI–XIV веков, костяной гребень XIV века и, наконец, пряслице** XII века, свидетельствующее о домонгольском заселении этого места. Дело в том, что пряслице изготовлено из розового шифера — камня, единственное месторождение которого находится у города Овруч близ Киева. Там же располагались и огромные мастерские, откуда изделия из шифера, в основном пряслица, расходились по всей Руси. Во время монголо-татарского нашествия Овруч вместе с мастерскими был разгромлен, а мастера перебиты или угнаны в полон, и этот промысел навсегда прекратил свое существование.

Если посмотреть на карту Звенигородского княжества, то на ней видно, что долины рек буквально унизаны городами, поселениями и замками, некоторые из них располагаются в устьях рек с восточной стороны, защищая водные и сухопутные пути. Подобное расположение крепостей не случайно. Именно здесь, по правобережью Оки на территорию современных Орловской и Тульской областей вклинивается огромный степной «язык», откуда следовало ждать опасность. Надо полагать, что подобная крепость или замок, принадлежавший боярину или дружиннику звенигородского князя, стоял и на устье Орла* (Орлика), закрывая дорогу к другим поселениям в речной долине. В пользу этого предположения говорят как археологические находки, так и целый ряд других факторов. Например, орловский кремль по размерам (ок. 1 га) и форме — овал, весьма похож на типичный замок Звенигородской земли. Поэтому не случайно именно это место было выбрано в 1566 году.

При наличии на стрелке древних земляных валов строители могли поставить стены и башни прямо на них, что позволяло сэкономить и время, и труд. Напомним, что город был заложен в конце сентября, и времени до наступления зимы оставалось совсем немного, ставить же стены на свеженасыпанный вал, пока он не дал усадку, было нельзя, — городни осели бы неравномерно и стену всю бы перекосило. Лишним подтверждением этой гипотезы служит сообщение капитана департамента Генерального штаба Кузьмина в «Военно-статистическом обозрении Российской империи за 1853 год», который писал, что Орел «... существует более 300 лет, пото-

*Древнерусский город Хотимль.

**Пряслице — каменный или костяной кружок, надевавшийся на конец веретена, дабы обеспечить его устойчивое вращение.

*По мнению кандидата филологических наук Г. Смолицкой, название реки происходит от тюркского слова «айры» — угол. Таким образом, гордая птица, с именем которой легенда связывает имя города, здесь, скорее всего, ни при чем [21].

— границы Карачевского и сопредельных с ним княжеств;

— столица княжения;

— столицы уделов;

I — Карачевский удел;

II — Звенигородский удел;

III — Болховский удел;

IV — Хотетовский удел (предположительно);

V — Кромский удел (?);

— предположительные границы уделов;

— земли, которые могли входить в состав как Звенигородского, так и соседних уделов;

— прочие города;

— владельческие замки, укрепленные волостные центры, пограничные крепости;

— предположительно существовавшие укрепленные пункты, не сохранившиеся как археологические памятники;

▲ — деревни и села;

■ — заброшенные мощинские, балтские и вятические городища;

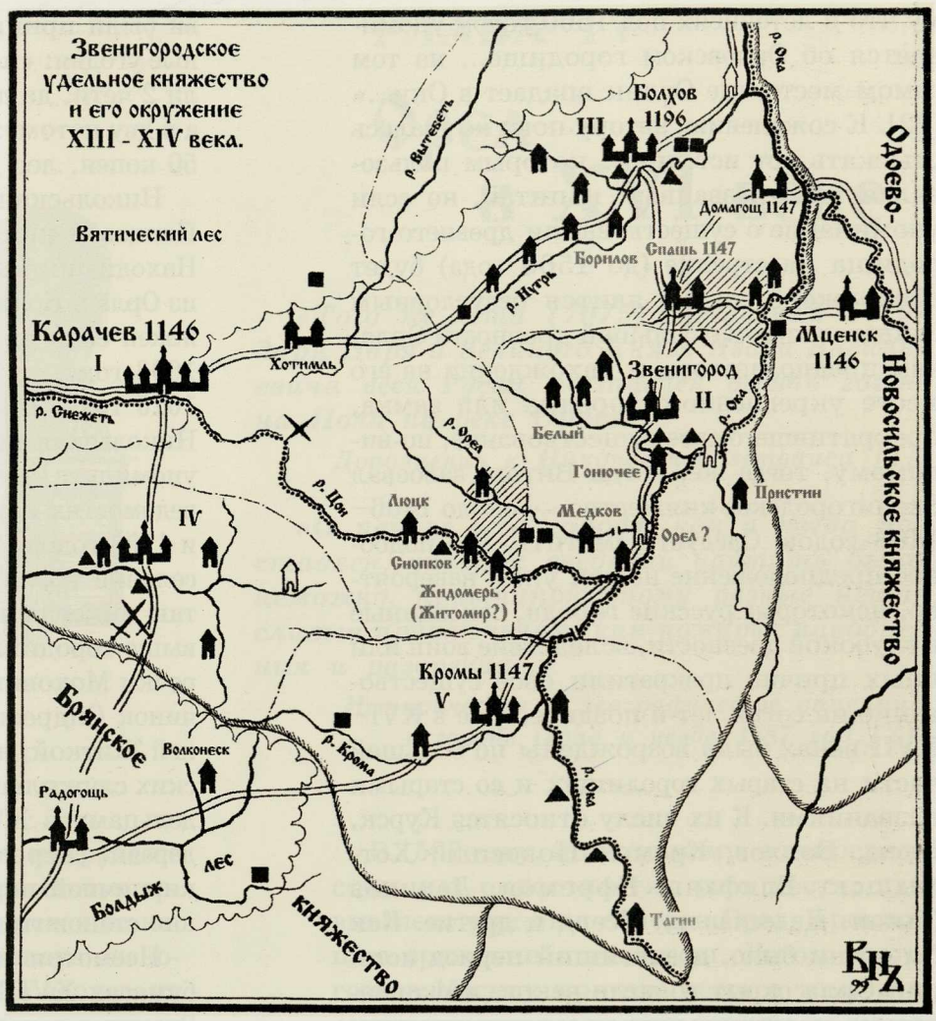
Мценск 1146 — города (с датами их первого упоминания), существовавшие в XII–XIV вв., зафиксированные в летописях и других источниках;

Спашь 1147 — предположительные названия городов и укрепленных пунктов XII–XIV вв. по писцовым книгам и актовому материалу XVI–XVII вв.;

— основные речные пути;

— речные броды;

— основные сухопутные пути;



Звенигородское удельное княжество и его окружение. XIII–XIV века. Реконструкция автора.

— предположительное место боя Ильи Муромца и Соловья-разбойника;

— предположительное место сражения между Изяславом Давидовичем — князем черниговским и Святославом Ольговичем — князем новгород-северским;

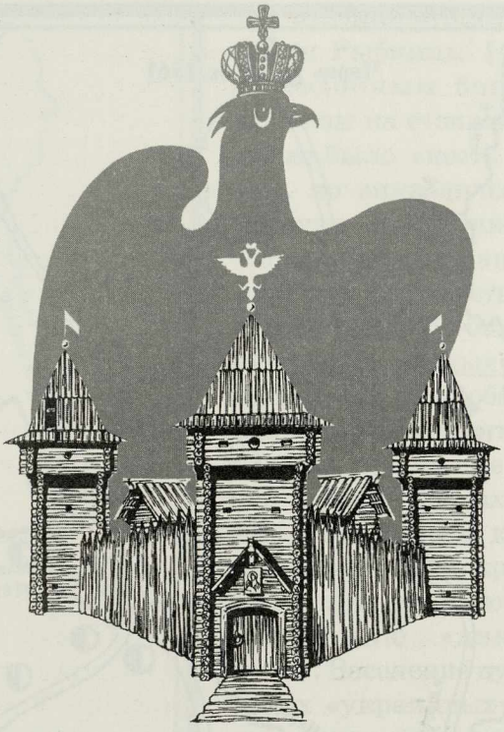
— место заключения мира и союза между черниговскими князьями Давидовичами, новгород-северскими Ольговичами и суздальскими Мономаховичами.

му что в летописях под 1560 годом упоминается об Орловском городище... на том самом месте, где Орлик впадает в Оку...» [22]. К сожалению, автору пока не удалось отыскать тот источник, которым пользовался вышеназванный капитан, но если упоминание о существовании древнего городища на стрелке (до 1566 года) будет обнаружено, то это явится безусловным свидетельством о бóльшей древности Орла, чем предполагалось, и нахождении на его месте укрепленного городка или замка, прекратившего свое существование, по-видимому, тогда же, когда Витовт завоевал Звенигородское княжество — около 1406–1408 годов. Следует заметить, что подобное предположение не так уж и невероятно, некоторые русские города, основанные в глубокой древности, вследствие войн или иных причин прекратили свое существование на сотни лет и позднее, уже в XVI–XVII веках были возрождены по большей части на старых городищах и со старыми названиями. К их числу относятся Курск, Елец, Болхов, Кромы, Новосиль, Хотмышск, Епифань, Ефремов, Дедилов (бывш. Дедославль), Усерд и другие. Как бы то ни было, древнейший период истории Орла скрыт во мгле веков, и окончательно прояснить вопрос о возможном существовании города в XII–XIII веках могут только дальнейшие архивные поиски и археологические раскопки на стрелке Оки и Орлика.

В начале XVI века после русско-литовских войн Верхнеокские земли вошли в состав Московского государства. Несмотря на запустение Звенигорода, стоявшая на его бывшем посаде Никольская церковь продолжала существовать, хотя возможно её и отстраивали заново после воинского лихолетья. В Писцовой книге Орловского уезда 1594–1595 годов о ней говорится: «Погост на Государеве Цареве и Великого князя Федора Ивановича всеа Русии земле Звенигородцкого городища, на р. на Неполоди, а на погосте церковь Николы Чюдотворца, древяна, клецки, а в церкве образы, и свечи, и книги, и всякое церковное строение приходных людей, да на погосте ж церковных дворов: во дворе 2 попа, во дворе пономарь, во дворе бобыль». К церкви были приписаны пашенные и сенокосные угодья: «пашни церковные доброй земли 2 чети, да дикого поля 18 четьи в поле, а в дву потомуж (под паром. — *В. Н.*), сена 50 копен, лес дуброва» [23].

Никольская церковь не упоминается в Писцовой книге Орловского уезда 1647 г. Находившийся рядом с большой дорогой из Орла в Болхов деревянный храм был сожжен если не отрядами Лжедмитрия II в 1608 году, то уж наверняка Лисовским в 1615 году. Впоследствии восстановленная Никольская церковь села Звенигородского упомянута в актах 1694–1695 годов и в ведомостях церквам Орловского уезда 1734 и 1755 годов [24]. Следует сказать, что поселение возле Звенигородского городища так никогда и не возродилось. В версте выше городища при впадении в Неполодь речки Моховицы в XVI веке возникает починок Ондреанов, позднее ставший деревней Житкой, названной по фамилии орловских служилых людей, являвшихся ее владельцами в XVI веке. После построения в деревне сперва деревянной, а в XIX веке и кирпичной церкви, бывшая деревня Житкая становится селом Спасским [25].

Несмотря на название в официальных бумагах XVIII — начала XX веков «село Звенигородское» или село «Погост Звенигородский», при Никольской церкви состояло только несколько дворов церковного причта и кладбище, хотя приходских дворов, приписанных к ней, было довольно много, в 1755 г., например, — 195. Но принадлежали они деревням, расположенным зачастую довольно далеко от церкви, в трех–пяти верстах: Оболдуевой, Дураковой, Распоповой и др. В 1837–1838 годах на средства прихожан и помещика В. М. Полозова вместо деревянной была выстроена кирпичная церковь, к которой в 1910–1915 гг. пристроили колокольню и трапезную [26]. В годы Великой Отечественной войны Никольский храм был разрушен, а после войны его руины были окончательно разобраны. Сейчас о древнем Звенигороде напоминают только мощные земляные валы городища и находящиеся недалеко от него остатки кладбища с еще попадающимися на нем старыми могильными плитами.



ГЛАВА IV

Орел в XVI веке

«Того же лета (7075) повелением Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Русии поставлен бысть город на Поли на реке Орлее».

Дополнения к Никоновской летописи [1].

«О начале сего города, кем и когда поставлен, никаких сведений найтить было неможно, притчиною тому разные нещасливые приключения, как пожары, наводнения и разорения...»

Историческое и географическое описание о городе Орле и уезде. 1787 год [2].

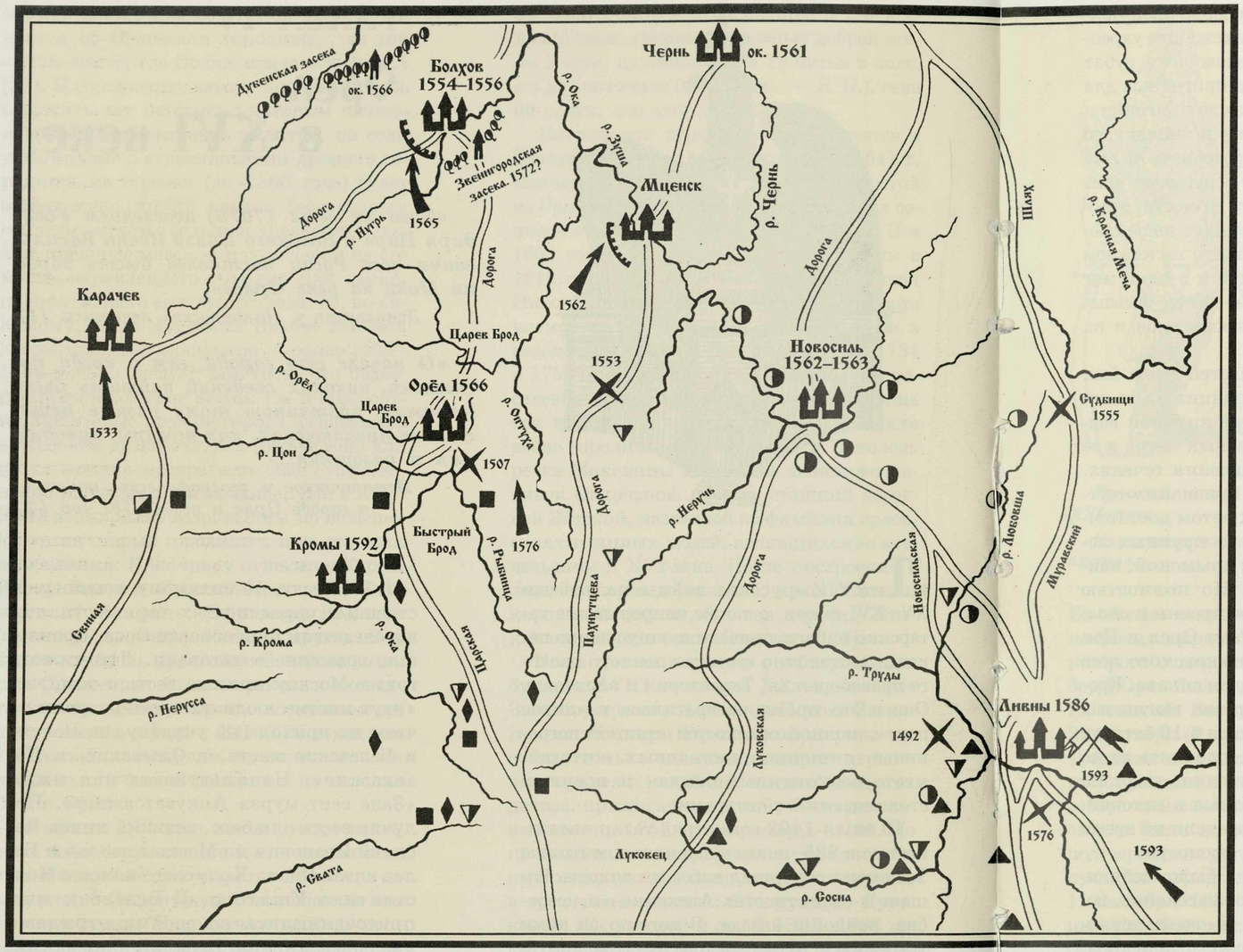
Литовско-русские войны на рубеже XV–XVI веков, а также непрерывные татарские набеги привели к запустению некогда достаточно густонаселенного окского правобережья. Территория в верховьях Оки в это время превратилась в «дикое поле», полное опасностей степное пограничье, лишенное постоянных жителей, место бесконечных стычек и военных столкновений с татарами.

10 июля 1492 года отряд татар численностью в 235 человек под началом головы Тешеменя совершил набег на волость Вошань в окрестностях Алексина «и пограбив, поидоша назад». В погоню за ними устремился отряд Федора Колтовского и Горяина Суворова,* насчитывавший 64 ратника. Несмотря на то, что татары значительно превосходили их в численности, русские нагнали степняков в междуречье р. Сосны и Трудов** и отчаянно атаковали их. После свирепой рубки от обоих отрядов мало что осталось. Русских полегло 40 человек, а татар — 60, кроме того, «иные Татарове, идучи в Орду ранены, на пути изомроша» [3].

*В других источниках — Сидоров.

**Сейчас это территория Ливенского района.

В 1507 году, по-видимому, в непосредственных окрестностях того места, где впоследствии был основан Орел, произошло сражение с татарами. Летом этого года в Москву пришла весть о том, что «идут многие люди татарове по полю, а чают их прихода на украйну, на Белеву и Белевские места, и Одоевские, и Козельские». Начальствовал над ними «Зане сеит мурза Анкуватов сын». Получив весть о набеге, великий князь Василий Иванович из Москвы послал в Белев князя Ивана Холмского и князя Константина Ушатого. В Белеве к ним присоединились со своими отрядами удельные князья Василий Одоевский, Иван Михайлович Воротынский и козельский наместник Александр Стригин. Во время пребывания в Воротынске они получили известие, что татары, пограбив пограничные земли и «имав на украйне много полону», пошли прочь. Воеводы, «положа упованье на Бога», бросились в погоню и нагнали татар на Оке. В происшедшем 9 августа бою русские «многих татар побиша, а иных живых поимаша». Полностью отбили и весь захваченный татарами полон. Остатки татарского вой-



Фортификационные сооружения и борьба с крымскими татарами на территории Орловского края в XVI веке. Реконструкция автора.

Орел, 1566 — *государственные крепости и даты их основания;*

— *засеки с засечными воротами;*

— *татарские шляхи;*

■ — *орловские сторожи;*

▲ — *ливенские сторожи;*

◪ — *карачевские сторожи;*

▼ — *мценские сторожи;*

♦ — *кромские сторожи;*

◑ — *новосильские сторожи;*

1566 — *осада татарами городов;*

1555 — *места боев с татарами;*

1593 — *место переговоров с татарами о мире.*

Примечание: на схеме отображены только те бои и стычки с татарами, о которых сохранились документальные сведения.

ска русские «гоняли до речки Рыбницы*» [4].

Подобным боям и стычкам на степной окраине было «несть числа», но эпизодические военные экспедиции не могли предохранить окраины государства от татарских набегов. Безопасность южных границ можно было обеспечить только строительством городов-крепостей и укрепленных линий, под защитой которых можно было проводить планомерную колонизацию «дикого поля». Заселение пустующих «украинных» земель началось с приведения в порядок старых (Мценск, Белев, Брянск, Карачев и др.), пострадавших в ходе русско-литовских войн, и строительства новых городов. В 1556 году на реке Нугре был поставлен Болхов,** сыгравший важную роль в отражении набегов Дивей-Мурзы в 1564 и Девлет-Гирея в 1565 годах. Эти нападения, предприня-

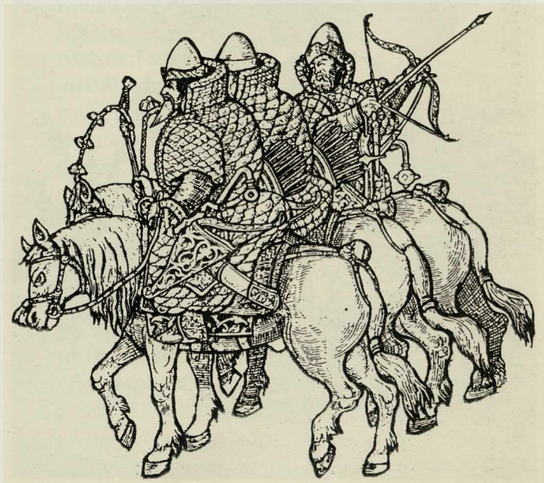
*Среди крестьян села Лаврово ещё в начале XX века ходили легенды о некогда происшедшем в окрестностях села сражении между русской ратью и татарами. Старожилы даже показывали курганы, где, по преданию, были погребены павшие в битве ратники и некий русский князь.

**Традиционно датой основания или, если быть более точными в свете новых данных, восстановления Болхова считается 1556 год, хотя в действительности город был построен несколькими годами раньше. В Разрядной книге под 1554 годом упоминается, что на реке Нугре стоял воевода Михаил Петрович Репнин, а «город делал Григорий Иванов сын Нагово». Само же название новопостроенного города указано только под 1556 годом: «На Нугри в Болхове» [7].

тые в то время, когда Россия вела тяжелую Ливонскую войну, не могли не оказать отрицательного влияния на ход военных действий на западе, срывая намечавшиеся походы и вынуждая правительство перебрасывать на юг столь необходимые в Прибалтике и Белоруссии полки. По-видимому, под впечатлением набегов 1564–1565 годов Иван Грозный с 29 апреля по 28 мая 1566 года предпринял объезд степных пограничных городов: «...апреля в тот же день царь и великий князь ездил в объезд в Козельск, Белев, Болхов и иные украинные места от Крымские украины...» [5]

Многие краеведы сходятся во мнении, что во время этой поездки Иван Грозный мог побывать на месте, где впоследствии был построен Орел, и лично отдать распоряжение о постройке города. В этом же году князь Михаил Иванович Воротынский начал застраивать на казенные средства возвращенный ему после опалы Новосиль [6] (восстановлен в 1562–1563 гг.), запустевший еще «во времена его прародителей». Таким образом, строительство Орла и Новосиля преследовало цель по возможности усилить южную границу в преддверии грядущих боев в Ливонии. Этому благоприятствовала и обстановка — с Польшей было

Русская поместная конница.
Гравюра из книги С. Герберштейна, 1560 г.



заключено перемирие, а на южной границе стояло относительное спокойствие — татары предпочитали совершать набеги, когда основные силы русской армии были скованы в Прибалтике. Можно предполагать, что вопрос о постройке нового города был решен уже весной 1566 года, и началась подготовка к его строительству: сбор служилых и посошных людей, переселение сведенцев, заготовка леса. Последнее осложнялось тем, что её необходимо было вести летом, так как обычно лес для строительства заготавливали зимой по санному пути. Орел невозможно было построить методом сборного строительства, как Свияжск в 1551 году, или как крепости Козьян, Суша, Ситна, Туровля и Сокол около Полоцка в 1568 году, поставленные, по словам папского нунция, «с невероятной быстротой». По его же словам, «...способ их постройки кажется мне весьма примечательным, я просто расскажу о нем. После того, как его (Ивана IV. — *В. Н.*) инженеры предварительно осмотрели место, подлежащее укреплению, где-нибудь в далеком лесу рубят большое количество бревен, пригодных для таких сооружений, затем после пригонки и распределения их по размеру и порядку, со знаками, позволяющими разобрать и распределить их в постройке, спускают вниз по реке, а когда они дойдут до места, которое намечено укрепить, их тянут на землю, из рук в руки, разбирают знаки на каждом бревне, соединяют их вместе и в один миг строят укрепления, которые тотчас засыпают землей, в то же время являются и их гарнизоны...» [8]

Русская сторожа на степной границе. XVI век.

Гравюра Флюгеля по авторскому рисунку Н. Н. Каразина.

Вряд ли при строительстве Орла был использован подобный принцип, для которого необходимо наличие крупной водной магистрали, значительных лесов в её истоках и нужного направления течения. В случае с Орлом все эти признаки отсутствовали: Ока в верховьях летом достаточно мелка, в её истоках нет крупных лесов, к тому же она течет с крымской, наиболее опасной стороны. Но полностью исключить возможность заготовки и сплава леса реками нельзя. Реки Орел и Цон берут начало в гуще Корчаковского леса и их можно использовать для сплава. Кроме того, заготавливать бревна могли и в Лавровом лесу, находящемся в 10 верстах выше Орла по течению, а сплавлять их по Оке и Рыбнице. Нет сомнения, что леса Лавров и Корабль,* известные в источниках с XVI века, сильно поредели во время строительства Орловской крепости.

Для строительства Орла было мобилизовано не только окрестное население, по-видимому, бывшее тогда не очень многочисленным, но главную роль сыграли «прибавочные» люди и «сведенцы», присланные сюда на вечное житьё из других городов. В 1635–1636 годах в восстановлении Орла задействовали служилых людей и «деловцев» из Белева, Мценска, Болхова и Новосиля. Лес для строительства крепости также заготавливался в уездах означенных

*Необычное название этого леса объясняется довольно просто. В одном из документов он назван Кораблевым, по-видимому, по фамилии служилого человека, имевшего около него земельные угодья в конце XVI — начале XVII веков.

Русский воин XVI века.

Царскосельский арсенал.

городов. По-видимому, эти же города, а также соседний Карачев участвовали в строительстве Орла «людьми и лесом» и ранее, в 1566 году, а также держали на первых порах в городе, пока он не оброс населением «прибавочных воинских людей», особенно в летнее время.

Как бы то ни было, подготовка к строительству и заготовка леса должны были занять достаточно много времени, не менее двух-трех месяцев, и город заложили только осенью. Дату закладки Орла можно попытаться определить следующим образом. Её обычно старались приурочивать к ближайшему церковному празднику, в честь которого освящали соборную церковь. Собор в Орле был освящен во имя Рождества Пресвятой Богородицы, празднуемого 21 сентября (8 сентября по старому стилю). Традиция закладки города в день церковного праздника и освящение в то же имя собора имела характер законодательного акта и была широко распространена, что подтверждают даты основания целого ряда русских городов, например: Козлов — 11 сентября 1636 года (Покров Богородицы), Новобогородск — 23 апреля 1687 года (Живоносный источник Пресвятой Богородицы). Соответственно и соборная церковь в Козлове была освящена во имя Покрова Богородицы, а в Новобогородске — Живоносного источника, причем в последнем случае по храму получил название и город. Нет оснований считать, что Орел являлся исключением из общего правила. Не случайно, когда Борис Колтовский восстанавливал Орел в 1636 году, ему указали освятить собор в то же имя, в которое соборная церковь «наперед сего на Орле была» — во имя Рождества Богородицы. Этим самым подчеркивалась преемственность города, то, что восстанавливается старый, а не строится новый город. И Борис Колтовский был вынужден подчиниться этому решению, несмотря на то, что он заложил город в феврале. Таким образом, дату 21 сентября с достаточной долей уверенности можно считать днем основания Орла.

При закладке города руководствовались «чином и последованием закладки града», по которому он размерялся и закладывался в строгой последовательности. Церемония начиналась с торжественного молебна в соборной церкви, которая была либо уже построена и в этот день освящалась, либо, если её еще не заложили, на месте её алтаря. После окончания службы в соборе процессия, включавшая воеводу, начальных людей, стрельцов, казаков, работных людей и других, во главе со священниками и причтом, «пев молебны и воду святя и со кресты», двигалась вкруг места, «где быти стене городской». Особо освящались места городских ворот. После окончания крестного хода один из священников делал крестом знамение и возглашал молитву о будущем городе: «...утверди ограждение се... избави его от губительства, труса (землетрясения. — *В. Н.*) и потопа, огня и меча, нашествия иноплеменных, междоусобной брани...», а также просил о счастливой жизни для жителей города: «...супружества их в мире, единомыслии и целомудрии сохрани, здравие с долгоденствием им даруй, домы их исполни всякого блага...» После окончания молебна он благословлял главного мастера и других плотников, которые по заранее сделанной на земле разметке начинали укладывать городские стены и башни [9].

Татарский воин.

Иностранная гравюра XVI века.

Иван IV Грозный.
Иностранная гравюра, XVI век.

На первом этапе строительства главное внимание уделялось собору, который некоторое время являлся единственной церковью города, и крепостным стенам. Строители в это время обычно ютились по «ямом и шелашом». После завершения, в основном, оборонительных сооружений, когда город оказывался в достаточной степени защищен, ставили казенные и административные постройки, составлявшие стандартный набор любого древнерусского города: приказную и съезжую избы, казенный погреб, амбары и житницы и др. Затем на заранее намеченных местах отводились земли под слободы, начиналась разбивка «селитебных» участков и раздел сельскохозяйственных угодий, после чего начинали рубить дома для населения и гарнизона. Иногда, когда служилые прибывали в новый город, их уже ждало готовое жильё, чаще они рубили его себе сами, предварительно получив «на дворовое строение» денежное пособие. В последнюю очередь, когда вопрос с жильем для большинства людей был решен, по слободам начинали ставить приходские церкви. Таким было начало сотен русских городов, так начинался и Орел [10].

Основание нового города являлось событием государственного значения и нашло отражение в соответствующих актах. В частности, в дополнении к Никоновской летописи за 7074–7075 гг. (1566–1567 гг.), дошедшем до нас в Синодальном и Александро-Невском списках, записано: «Лето 7075-го... того же лета повелением Государя Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всея Русии поставлен бысть город на Поли на реке Орлее» [11]. Здесь же миниатюристом был сделан рисунок с изображением строительства Орла, являющийся первым иконографическим изображением города, надо сказать, весьма условным. На нем в левом нижнем углу изображен Московский кремль с высящимися над крепостными стенами теремами и пятиглавой церковью, в которой легко угадывается Успенский собор. У палат восседает царь Иван Грозный, перед ним стоит толпа бояр и дворян, указывающих на строящийся город, изображение которого находится в верхнем правом углу рисунка, а крепостные стены и башни города дорубливают «сошные» люди с топорами.

За осень и зиму 1566–1567 годов новую крепость, по-видимому, полностью отстроили, и к весне она вступила в разряд действующих, о чем свидетельствует запись в Разрядной книге 1499–1611 гг. за апрель 1567 года. В этом месяце, в связи с опасностью набега крымского хана, на Коломне был назначен традиционный весенний сбор русских войск. «Посылал Царь и Великий Князь Иван Васильевич всеа Руси брата своего князя Володимера Ондреевича Старицкова, и бояр своих, и воевод на Коломну для приходу крымского царя...» Здесь же упомянуты и воеводы в пограничных «украинных городах», в т. ч. и в Орле — «...на Орле воевода князь Василей Ростовский, да Володимер Безобразов» [12]. Можно полагать, что эти же воеводы занимались строительством и оснащением Орла как крепости с самого

Рисунок и запись в Никоновской летописи об основании г. Орла. 1566 г. Прорись автора.

начала. Данная запись интересна также тем, что в ней впервые упомянуто название новой пограничной крепости — Орел.

Орел вошел в разряд польских городов, или городов от «польской украйны», т. е. от «дикого поля», среди которых были Данков, Дедилов, Новосиль, Тула, Мценск, Путивль и другие. Орловские служилые люди участвовали в отражении набегов крымских татар, несли сторожевую службу на «сторожах», ходили в походы и строили новые города.

Первое серьезное испытание городу выпало в 1571 году в связи с нашествием хана Девлет-Гирея. Вторгшиеся на русские «украйны» крымские татары перешли на левый берег Оки через брод Быстрый в 20 верстах южнее Орла (в районе современного села Спасское-Салтыки) и прошли мимо Орла, переправившись через реку Орел примерно в районе нынешнего Царева Брода. Осаждать Орел и тратить время на хорошо укрепленную крепость Девлет-Гирей не стал, он торопился пройти во внутренние густонаселенные области Московского государства. Можно полагать, что «войну», т. е. згонных отрядов для захвата добычи хан из-за спешки не распускал, и окрестности Орла не очень пострадали, хотя несомненно, что попавшиеся им на пути деревни и поля татары «пожгли и потапочили», похватав не успевших укрыться в крепости людей. Сам город также находился в серьезной опасности: значительная часть его гарнизона — «лучшие люди», была направлена в «сход» с главными силами русской рати к Серпухову. Опасность, угрожавшая Орлу, была весьма реальной, и в следующем, 1572 году царь Иван Грозный приказал укрепить города, в непосредственной близости от которых проходил Девлет-Гирей, — Орел и Болхов «более прежнего». В этом же году отряд орловских служилых людей бился в знаменитой битве при Молодях, где русское войско под началом князя Михаила Ивановича Воротынского нанесло сокрушительное поражение орде хана Девлет-Гирея. В сражении в составе полка Правой руки участвовали 350 орлян, по-видимому, в основном детей боярских, со своим воеводой Григорием Долгоруковым, а также в Сторожевом полку сотня орловских казаков «с пищальми» [13]. Летом 1573 года орловские служилые вместе с ратниками из других городов выводились на Оку в районе Коломна — Серпухов для

прикрытия подступов к столице. Для удобства несения службы они разделялись на две половины, меняясь ежегодно в порядке очереди. Одна половина оставалась в городе, а другая выводилась в «сход» (на соединение) с главными силами русской рати в Калугу, Тулу, Серпухов, Коломну или иной город в зависимости от обстановки. В 1574 г. орловских служилых приписали к Тульскому Большому полку под начало воеводы Бориса Васильевича Серебряного. Осенью этого же года крымские татары совершили набег на рязанскую землю, и Б. В. Серебряный с воеводами украинных городов (в походе участвовали служилые из Тулы, Дедилова, Данкова, Пронска, Михайлова и Ряжска) организовал против них поход. Воеводы Орла, Мценска и Новосиля с ратными людьми «в сход не поспели». В 1576 году небольшой отряд татар приходил на «орельские места», под Орел. Весной 1580 года на пополнение войск, действовавших на западной границе, в «сход» во Ржев были направлены ратные люди из Переяславля-Рязанского, Пронска и Орла [14]. Напомним, что перед этим русские войска потерпели несколько неудач — польский король Стефан Баторий взял Полоцк, Великие Луки и Невель.

Сооружение укреплений.

Миниатюра из Лицевого летописного свода, XVI век.

В 1596 году орляне участвуют в строительстве и заселении русского города — Курска*, а в 1599 году — Валуек. Можно не сомневаться, что и ранее, в 1595 году, при строительстве Кром, располагавшихся всего в 20 верстах южнее Орла, главную роль сыграли орляне. Вполне возможно, что большая часть «сведенцев», обосновавшихся в городе, была переселена сюда из Орла. Предположительно, орловцы и новосильцы участвовали и в строительстве Ливен в 1586 году.

В конце XVI века происходит передислокация русских войск, охранявших южные рубежи Московского государства. Если ранее они располагались на берегу Оки по линии Коломна — Серпухов, а Большой полк находился в Туле, то с 1599 года основная линия обороны перемещается южнее: Передовой полк украинного разряда стал в Новосиле, Большой — во Мценске, Сторожевой — в Орле. Эта дислокация сохранялась вплоть до 1605 года [15].

О внешнем виде Орла во второй половине XVI — начале XVII веков, до «литовского разорения» 1611 и 1615 годов, можно судить только на основании отрывочных сведений в более поздних источниках, относящихся, в основном, к 1636–1637 годам — времени фактически второго основания Орла. Воспользовавшись ими, облик города XVI столетия можно представить лишь в общих чертах. Вот каким он вырисовывается.

На низком мысу при слиянии рек Оки и Орла располагалась центральная часть Орловской крепости — её кремль, называвшийся Рубленый город. Его окружала стена из дубовых городен с башнями и во-

*Курск известен по русским летописям начиная с XI века, но в XIII–XIV веках в результате татарских набегов город прекратил своё существование и был восстановлен лишь в 1596 году.

Вид на место, где в 1566 году была заложена Орловская крепость, с колокольни Богоявленской церкви.

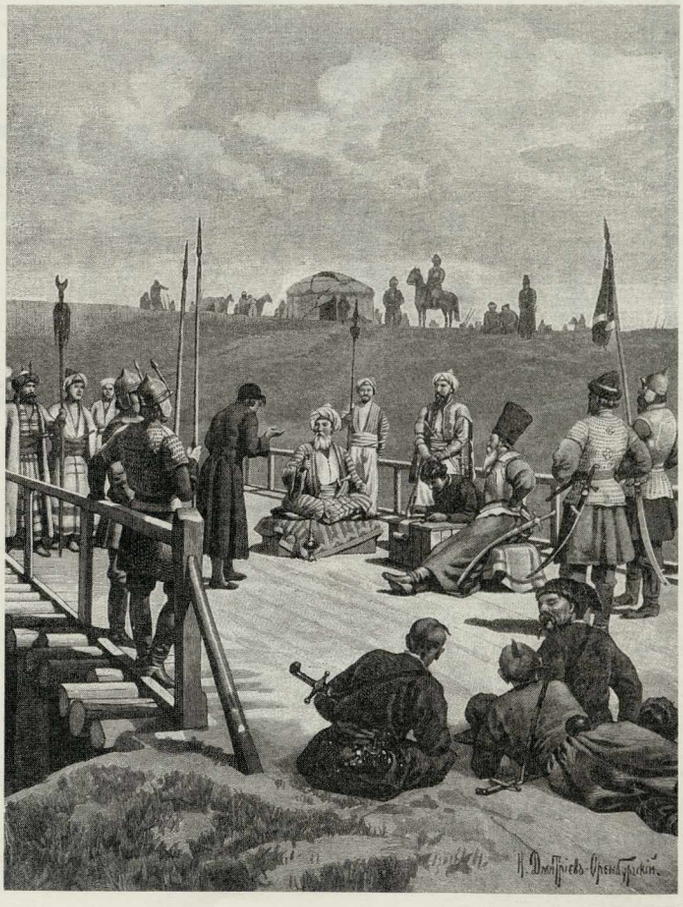
Фото нач. XX века.

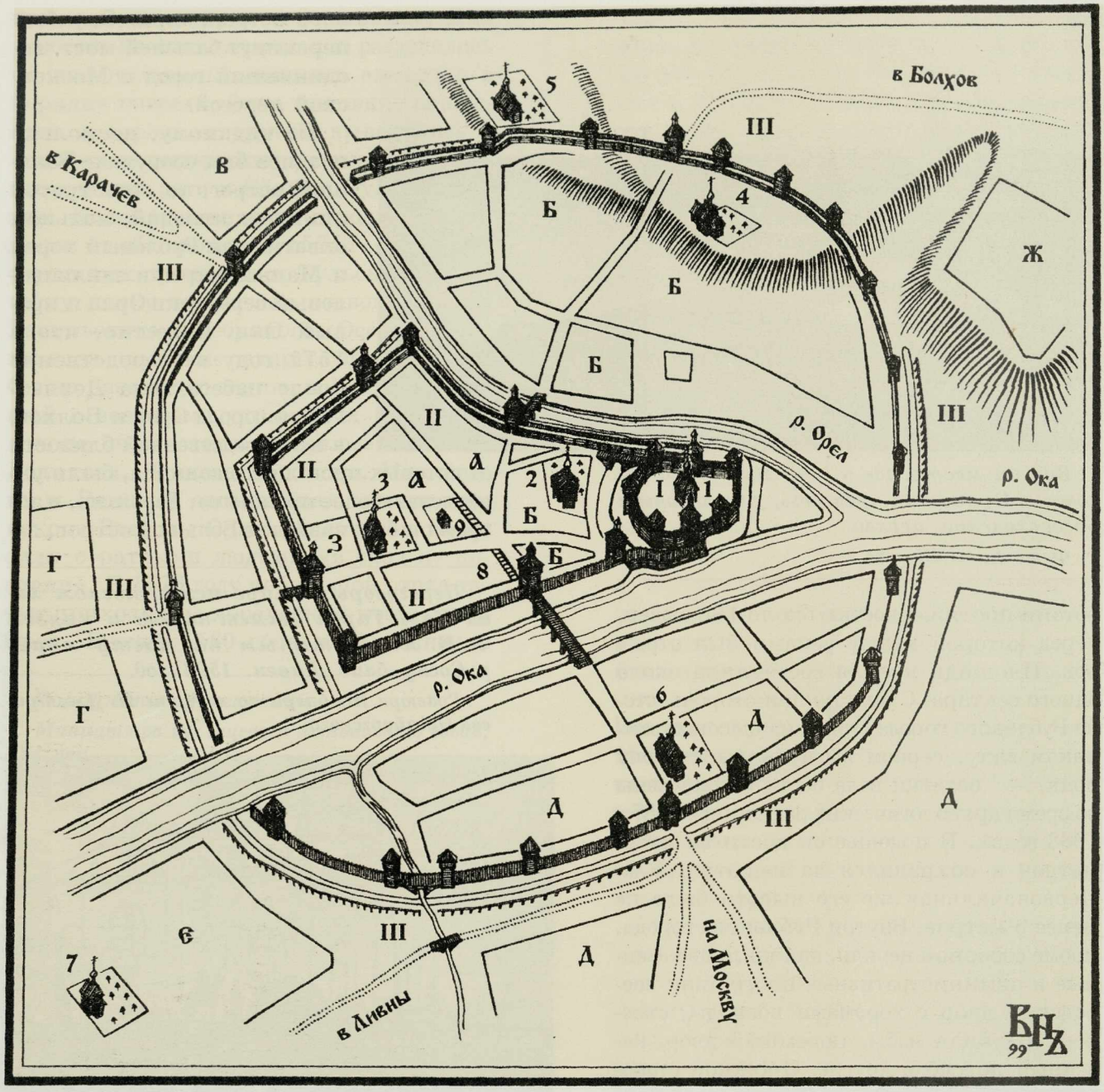
ротами протяженностью около 180 сажен, перед которой между реками был отрыт ров. Площадь кремля составляла около одного гектара. С приступной стороны стена Рубленого города стояла на высоком земляном валу, серпом выгнутым в сторону поля, — остатки вала были обнаружены во время археологических раскопок в 1987–1988 годах. В подошве он достигал до 25 метров и сохранился на высоту 1,5 м. Первоначальная же его высота была не менее 5 метров. Внутри Рубленого города, кроме соборной церкви, находились казенные и административные постройки: воеводский двор с хоромами воеводы, съезжая и губная избы, тюремный двор, казенный погреб и другие. С южной стороны в междуречье Оки и Орла к нему примыкала вторая линия укреплений — Острог, которая после завершения строительства Большого острога стала в отличие от него называться Малым острогом. Периметр оборонительных стен Малого острога, состоявших из частокола, возможно усиленного тарасами, а также рва и вала, достигал около 600 сажен. Площадь его составляла около 6 гектаров. В стенах Малого острога имелись следующие ворота: Кромские, Карачевские, Болховские, Московские (в XVII в. — Пятницкие) и, предположительно, — Отводные. От ворот Малого острога через Оку был перекинут большой мост, соединявший город с Московской дорогой.

По-видимому, несколько позднее был сооружен Большой острог, то есть третья линия укреплений, кольцом охватившая Рубленый город и Малый острог и занявшая левый берег реки Орла и правый Оки. Известно, что в 1571 году непосредственно после набега хана Девлет-Гирея города Орел и Болхов, в непосредственной близости от которых прошла его конница, были укреплены «более прежнего». Вероятно, в это время и был возведен Большой острог, за-

Переговоры о мире между послом хана Казы-Гирея Ахмет-пашою и князем Ф. И. Хворостиным на мосту через р. Сосну близ Ливен. 1593 год.

Гравюра Шюблера по картине Н. Дмитриева-Оренбургского.





Орел в конце XVI — начале XVII веков (до 1611 года). Реконструкция автора.

I. Рубленый город.
II. Малый острог.
III. Большой острог.
А. Пушкарская слобода.
Б. Осадные дворы орловских дворян и детей боярских.
В. Посадская слобода.
Г. Студеная казачья слобода.
Д. Покровская казачья слобода.
Е. Пятницкая казачья слобода.
Ж. Ямская слобода.
З. Воротничья слобода.

Основные городские здания и сооружения:

1. Рождество-Богородичный собор.
2. Церковь свв. Козьмы и Дамиана (предположительно).
3. Церковь св. Николы Чудотворца (?).
4. Церковь св. Великомученика Георгия.
5. Церковь свв. Афанасия и Кирилла.
6. Церковь Покрова Богородицы.
7. Церковь св. Параскевы Пятницы.
8. Торговые лавки.
9. Кабацкий двор.

Обломок краснофигурного изразца XVI в. (предположительно от печей в воеводских хоромах), найденный во время археологических раскопок на территории бывшей Орловской крепости.

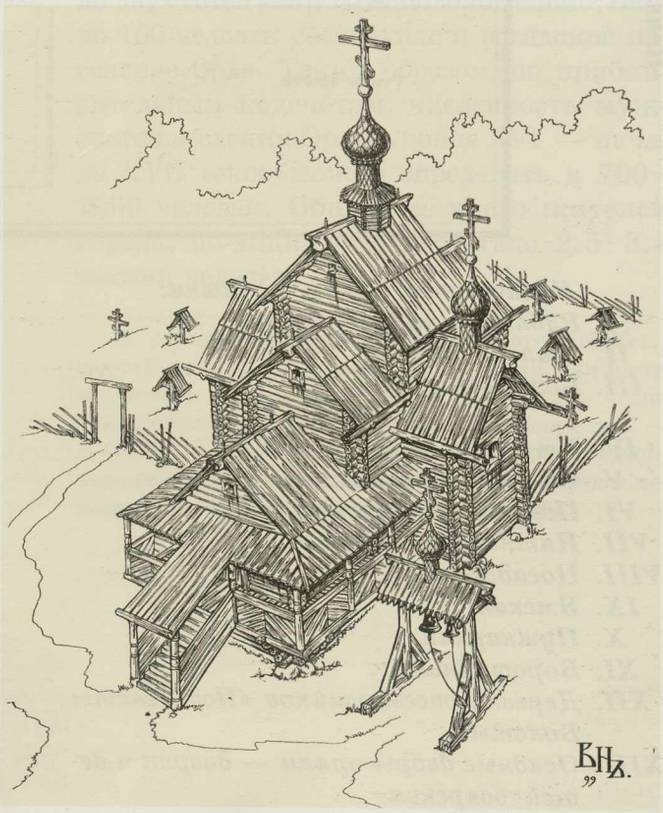
щищавший уже вышедшие за пределы крепостных стен посад и слободы. Его укрепления состояли из рва, невысокого вала и частокола общей протяженностью около 2-х километров. В Большом остроге имелось не менее четырех ворот, выходивших на главные дороги: Московскую, Кромскую, Карачевскую и Болховскую. Территория Большого и Малого острогов была занята, в основном, осадными дворами орловских дворян и детей боярских.

Внутри и вне крепостных стен находились слободы «разных чинов людей». В Малом острожке располагалась Пушкарская слобода; довольно далеко, в версте от города, вокруг Ильинской церкви — Стрелецкая слобода. Вверх по течению Орла за пределами стен Большого острога находилась Посадская слобода, состоявшая из 30 дворов, а еще дальше деревня, где жили шестью дворами орловские рассыльщики, со своеобразным названием — «Под Девяты Болоты». На левом берегу реки Орла на горе, при слиянии рек, находилась Ямская слобода, позднее давшая название горе. Выше по течению Оки между Стрелецкой слободой и стеной Большого острога вдоль Кромской дороги протянулись дворы Казачьей Студеной слободы. На правом берегу Оки на территории Большого острога, а также вне его, вплоть до церкви Параскевы Пятницы, стоявшей на том месте, где сейчас находится Никитская церковь, располагались дворы двух казачьих слобод — Покровской и Пятницкой. Пятницкими храмами обычно отмечали места торгов. Возможно, что у церкви Параскевы Пятницы, стоявшей рядом с большой дорогой на Ливны, находился небольшой местный торжок. Главный же городской торг был в Малом остроге, где торговые лавки стояли от Пятницких (Окских) до Кромских ворот.

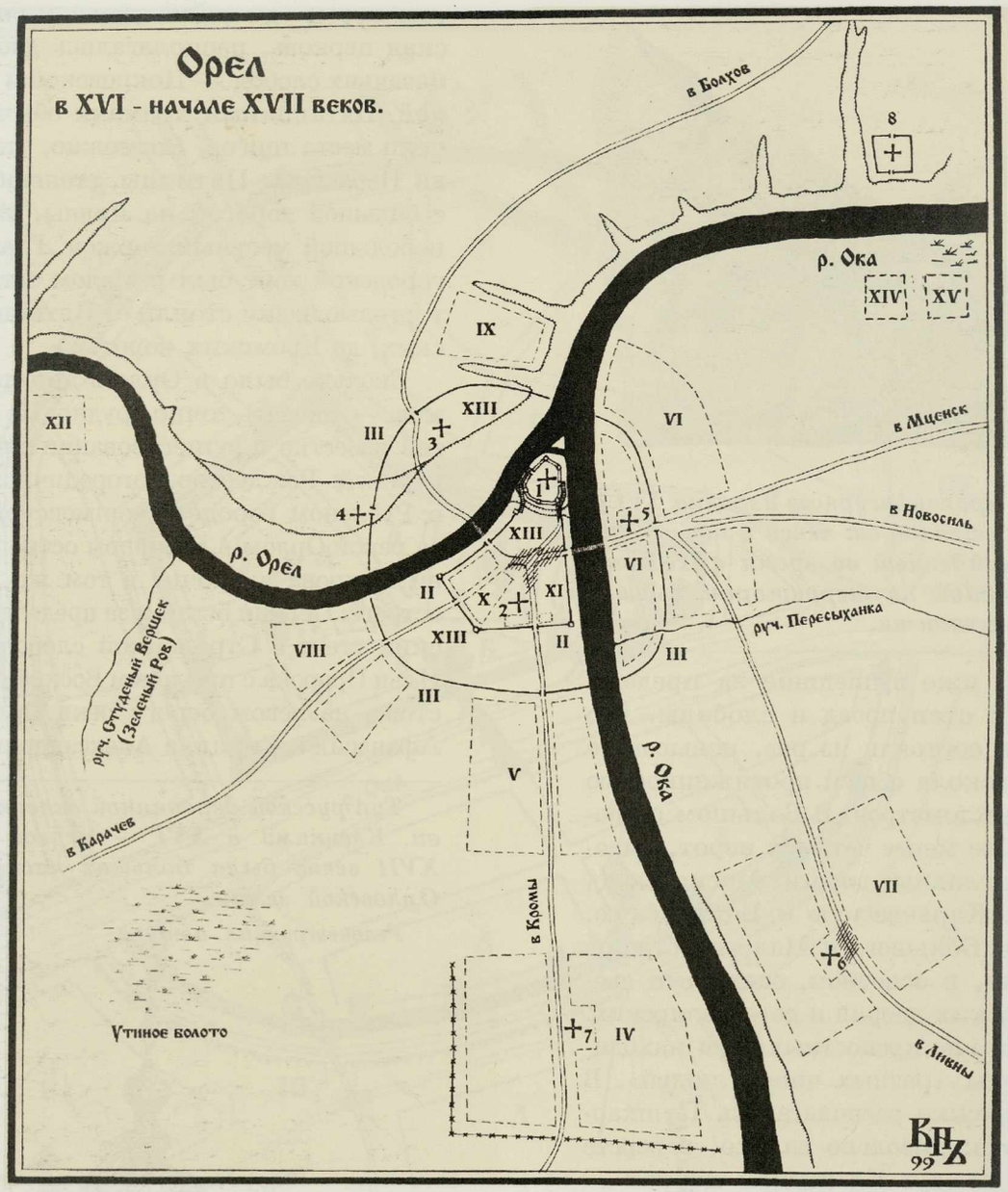
Сколько было в Орле в это время храмов, — сказать точно трудно. Из документов известно о существовании следующих церквей: Рождество-Богородичного собора в Рубленом городе, Георгиевской церкви за рекой Орлом в Большом остроге и церкви Покрова в Заочье в том же Большом остроге. Церкви были и за пределами городских стен: в Стрелецкой слободе — свв. Ильи Пророка с приделом Воскресения Христова, на левом берегу реки Орла — свв. Афанасия и Кирилла Александрийских, на

Тип русской деревянной «клецкой» церкви. Клецкими в XVI — первой половине XVII веков была большая часть храмов Орловской земли.

Реконструкция автора.



План Орла и его окрестностей. Кон. XVI — нач. XVII веков. Реконструкция автора.



Крепостные стены и башни:

I. Рубленый город.
II. Малый острог.
III. Большой острог.

Слободы:

IV. Стрелецкая.
V. Студеная казачья.
VI. Покровская казачья.
VII. Пятницкая казачья.
VIII. Посадская.
IX. Ямская.
X. Пушкарная.
XI. Воротничья.
XII. Деревня рассыльщиков «Под Девяты Болоты».
XIII. Осадные дворы орлян — дворян и детей боярских.
XIV. Деревня Деменина (три двора).
XV. Деревня Лаговчина «Под двумя болотцы» (два двора).

Церкви:

1. Рождество-Богородичный собор.
2. Николая Чудотворца.
3. Св. Великомученика Георгия.
4. Свв. Афанасия и Кирилла Александрийских.
5. Покрова Богородицы.
6. Св. Параскевы Пятницы.
7. Св. Ильи Пророка с приделом Воскресения Христова.
8. Богоявленский мужской монастырь.

— Городские торги.
— Надолбы вокруг Стрелецкой слободы (гипотетика).

правом берегу Оки в Пятницкой казачьей слободе — св. Параскевы Пятницы [16]. Вне города первоначально находился и Богоявленский мужской монастырь, стоявший там, где позднее, во второй половине XVII века, был основан Успенский монастырь, — в двух верстах от города, вниз по течению Оки на Ввозной горе [17]. В монастыре имелось не менее двух храмов — Богоявления Господня и, предположительно, свв. Козьмы и Дамиана. Учитывая то, что в XVI — начале XVII столетия храмы обычно ставились парами — рядом с холодной церковью — теплая, число церквей в Орле было достаточно значительно, во всяком случае не меньше десятка. К примеру, в Ливнах в 1615 году, до разорения гетманом Петром Конашевичем-Сагайдачным, насчитывалось 18 храмов [18], в Болхове в 1625–1626 годах — 24 (в т. ч. три места церковных сгоревших. — *В. Н.*) [19], в Мценске в эти же годы было 17 церквей [20]. В это число по всем городам включены и монастырские церкви. Относительно внешнего вида орловских церквей можно с достаточной долей уверенности сказать, что все они, или почти все, были клетского* типа. В уже упоминавшихся Ливнах и Мценске все храмы были клетскими. В Болхове, кроме шатровой** Пятницкой церкви и пяти храмов, типологию которых определить затруднительно, все остальные церкви также были срублены «древены клетчет». Колоколен при храмах в XVI веке еще не строили, колокола, если они имелись, обычно вешались либо на паперти, либо на столбах рядом с церковью.

*Клетский храм представлял из себя сруб, накрытый двускатной кровлей, конек которой венчали от одной до трех главок. С востока к нему прирубали алтарь, а с запада — трапезу, иногда с папертью — см. рис. на с. 49.

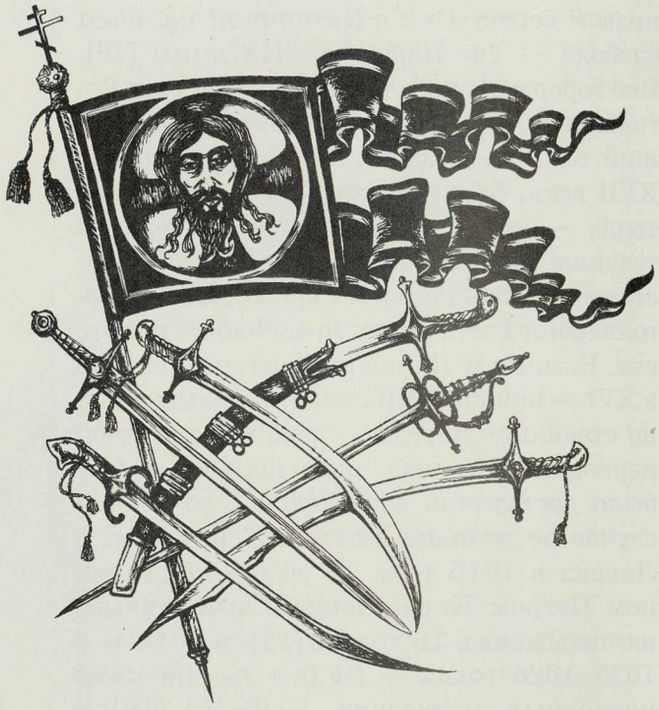
**Шатровый храм — см. рис. на с. 100.

Новопостроенный город был быстро заселен «сведенцами» из других городов, кроме того, сюда хлынул пришлый и гулящий люд из центральных областей России, что позволило достаточно быстро укомплектовать стрелецкий и казачий гарнизон крепости. В 1577 году по боярскому приговору было велено на Орле дополнительно «учинить» 500 человек казаков. Несмотря на то, что было прибрано только 80 человек [21], указанное число говорит о том, что выбирать было из кого. Из позднейших документов известно о наличии в Орле в начале XVII века служилых людей пушкарского звания: тридцати пушкарей, двадцати рассыльщиков, четырех воротников, казенного кузнеца и бирюча [22]. Не менее ста человек насчитывал и стрелецкий гарнизон крепости. Исходя из того, что на Орле было целых три казачьих слободы — Студеная, Покровская и Пятницкая, надо полагать, что общее число казаков в городе составляло не менее 300 человек.* В Ливнах, например, в 1615 году имелось шесть казачьих слобод, насчитывавших около 600 человек казаков, хотя после разорения города гетманом Петром Конашевичем-Сагайдачным в 1618 году их число не превышало двух сотен [23]. Предположительно, около 100 человек составляло и посадское население Орла. Таким образом, по приблизительным подсчетам, численность мужского населения Орла в конце XVI — начале XVII веков можно определить в 700–1000 человек. Общее же число жителей города, по-видимому, достигало 2,5–3,5 тысячи человек.

*В отписке воеводы Б. Колтовского (1636 г.) даются несколько иные данные о численности орловского гарнизона в начале XVII века: «...на Орле де преж сего (т. е. до литовского разорения. — *В. Н.*) было стрельцов и казаков пятьсот человек, пушкорей тридцать человек, затинщиков сорок человек, воротников шесть человек...» [24]

ГЛАВА V

Орел в начале Смутного времени



«Лета 7113 году при царе Борисе ... приходили на Орловские места войной Околенские волости мужики и Кромчаня, и головы Григорей Микулин да Истома Михнев с Орла посылали на них посылку Самоила Лодыженскова с сотнею и мужиков побили...».

Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121) [1].

Начало XVII столетия ознаменовалось неурожаями, бунтами, волнениями и другими потрясениями для Русского государства. Страшный голод 1601–1602 годов затронул и Орел. В поисках пропитания многие орловские стрельцы и казаки вынуждены были бежать из Орла в южнорусские города, где многие из них остались жить навсегда. Сорванные со своей земли толпы беглых крестьян сделали дороги непроезжими, в городах вспыхивали бунты. По словам современника, «такая же бысть беда, что отцы детей своих метаху, а мужие жен своих метаху ж, и мроша людие...» В 1601–1603 годах в Орел в числе прочих городов посылались войска для «сыску про мятежи грацких людей» [2].

Одновременно осложнилась обстановка на южной границе в связи с тем, что крымский хан Казы-Гирей разорвал мирный договор, заявив, что хочет «итти на государевы... украины». На пограничье появились небольшие татарские отряды, участились стычки со станичниками и сторожами, ждали «больших воинских людей» во главе с самим ханом. Борис Годунов назначил сбор главных сил под своим командованием в Серпухове, а в марте 1604 года послал воеводу Михаила Борисовича Шеина с тремя полками в район Мценска, Новосиля и Орла. Воеводы П. Н. Шереметев и М. Г. Салтыков со значительными силами расположились на Муравском шляхе в Ливнах. Тревога оказалась ложной. Казы-Гирей, прослышав про значительные военные приготовления в Москве, отменил намеченный было поход.

Но опасность пришла с той стороны, откуда её не ждали. Самозванец, выдававший себя за погибшего царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного, с немногочисленным войском, набранным из польской шляхты, казаков и своих русских сторонников, 13 октября 1604 года перешел Днепр и вторгся в московские пределы. Весть о появлении «законного царя» всколыхнула страну, и на его сторону стали переходить города и воеводы. Самозванцу открыли ворота Чернигов, Путивль, Рыльск, Севск и другие города. В конце ноября восстала Комарицкая волость, в начале зимы Лжедмитрию «поддались» Кромы. К повстанцам примкнули крестьяне Околенской волости, располагавшейся между Орлом и Карачевом, в результате чего эти города оказались под непосредственной угрозой. Несший службу в Орле осадный голова Петр

Крюков едва ли смог бы удержать город в повиновении. На помощь ему перебросили голов Григория Микулина и Истому Михнева с сотнями, а также дворян и детей боярских из Козельска, Белева и Мещовска, «годовавших» в Белгороде. Положение оказалось настолько тяжелым, что А. Плещееву, посланному с небольшим отрядом жильцов в Карачев, за недостатком людей в помощь придали конюхов и псарей. Кромчане, соединившись с «околенскими мужиками», предприняли было наступление на Орел, но их без труда разгромила сотня Самоила Лодыженского, высланная «на воров» Микулиным и Михневым [3].

Лжедмитрий I.

По гравюре Луки Килиана. XVII век.

«Сей муж отечеству смертельная был рана, зрим во образе сим убийцы и тирана. За варварство злодей утратил наконец безвременно и жизнь, и скипетр, и венец».

21 января 1605 года Лжедмитрий потерпел сокрушительное поражение от московских войск под началом воевод Ф. И. Мстиславского и Д. И. Шуйского у Добрыничей около Севска и бежал в Путивль. В московской рати на стороне Годунова сражались и дети боярские из Орла — 129 из них несли службу конную, а 287 были пищальниками. Но воеводы упустили плоды победы. Вместо того, чтобы преследовать самозванца, они занялись расправой с восставшими комаричанами и осадой городов, оставшихся верными Лжедмитрию, — Рыльска и Кром. Мятежная Комарицкая волость была жестоко опустошена, причем особенно отличились касимовские татары: «И имения их (комаричан. — *В. Н.*) расхищены быша, и домове до конца разорены быша, и огнем пожжены быша, вся в прах преврати». Ратники убивали «не токмо мужей, но и жен и безлобивых младенцев, ссущих млека, и поби от человек до скота» [4].

Потерпев неудачу под Рыльском, воеводы все свои усилия обратили на Кромы, где вместе с кромлянами засело около 600 донских казаков во главе с отважным атаманом Корелой, который вместе с Григорием Акинфиевым возглавил оборону городка. Весь февраль 1605 года Кромы осаждал воевода Ф. И. Шереметев, но особого успеха не добился — «успел ничтоже». В марте к городу подошли главные силы годуновских войск во главе с Мстиславским и Шуйским. На первых порах им сопутствовала удача. «Бояре же, видя их (кромлян. — *В. Н.*) крепкостояние, и начаша умышляти, как бы тот град зжечь». Посланные ночью к Рубленому городу (кремлю) ратники подожгли его, а когда он сгорел, засели на пепелище, чем учинили осажденным «тесноту великую». Но и положение осаждавших было незавидным — они несли сильные потери, так как территория кремля вдоль и поперек простреливалась с высоты стен острога. Вдобавок, кромляне делали непрерывные вылазки из острога, надеясь вернуть утраченную позицию и с царскими войсками «бьющесь безпристани». Потери стрельцов

росли, и воевода Михаил Салтыков, «не поговоря с бояры», приказал оставить городище, чем оказал восставшим немалую услугу и вызвал подозрение в пособничестве.

Огнем тяжелых орудий были до основания разрушены укрепления острога и все постройки внутри крепости. По свидетельству очевидцев, некоторые из пушек достигали такой величины, что рослый воин, стоя на дне такого орудия, с трудом мог достать рукой до его края. Но казаки и кромляне, зная, что пощады им не будет, дрались с отчаянием обреченных. Они изрыли весь крепостной вал подземными ходами и норами, а в сторону стана московских войск прорыли траншеи, по которым совершали беспрерывные вылазки. Все попытки воевод взять крепость штурмом кончались неудачей. К тому же среди осаждающих находились доброхоты, пересылавшие в лагерь повстанцев письма на стрелах, из которых они узнавали всё, что делалось в годуновском стане и в Москве. Ободрило осажденных и то, что в крепость прорвался отряд из Путивля с крупным обозом пороха и продовольствия.

Неудачи штурмов, бесконечные вылазки осажденных, наступившая распутица и вспыхнувшие среди войска болезни усилили брожение в царском стане, подогреваемое слухами об измене воевод. Смерть царя Бориса, скоропостижно последовавшая 13 апреля 1605 года, еще более ухудшила моральное состояние армии. В ней зрел заговор, к которому примкнул и второй воевода Петр Федорович Басманов, присланный незадолго до этого вместе с новым главнокомандующим М. П. Катыревым-Ростовским на смену отозванным Мстиславскому и Шуйскому. Вспыхнувший 17 мая мятеж, подкрепленный большой вылазкой из крепости, увенчался успехом. Армия, деморализованная постоянными неудачами и действиями изнутри сторонников Лжедмитрия, к тому времени уже разложилась, да и оставшиеся верными Годуновым воеводы не сумели организовать сопротивления и были либо схвачены, либо бежали. Значительная часть ратников также перешла на сторону мятежников. Беспримерная, длившаяся более трех месяцев оборона Кром закончилась победой кромлян и казаков. Мятеж в армии под Кромами предопределил падение династии Годуновых, открыв самозванцу дорогу на Москву.

Лжедмитрий, прибыв под Кромы, распорядился распустить по домам большую часть из перешедших на его сторону ратников, а оставшихся отправил вперед себя в Орел и далее в Тулу, где без сопротивления открыли ему ворота. В Кромах он задержался на несколько дней, осматривая крепостные укрепления и огромный палаточный городок, дивясь на невероятные трофеи: 70 больших пушек, войсковая казна, крупные запасы пороха, ядер и другого военного имущества, много лошадей и другого добра, после чего тронулся к Орлу [5].

Когда он подъехал к городу, воевода Федор Иванович Шереметев, духовенство, народ и часть войска, тысяч до восьми

Русские костюмы начала XVII века (1600–1614).

Иностранная гравюра.

Русский воевода.
Иностранная гравюра, XVI век.

или более того, встретили его с хлебом-солью, с крестами, образами, с колокольным звоном, восторженно приветствуя самозванца криками: «Буди, буди здрав, царь Димитрий Иванович!» Во время пребывания его в Орле повстанцы привезли нескольких воевод из городов, примкнувших к восстанию, и в частности, царицынского воеводу Наума Плещеева. Над теми из них, кто отказался присягнуть ему «и, кои стояху за правду, не хотяху на дьявольскую прелесть прельститися, оне же ему оклеветаны быша, тех же повеле переимати и разослати по темницам» [6]. В числе прочих в тюрьму был брошен и боярин И. И. Годунов. Из Орла Лжедмитрий послал в Москву двух своих эмиссаров — Гаврилу Пушкина и Наума Плещеева «с грамотами» возмущать народ, а сам занялся устройством войска. Оно было разбито на несколько полков под командованием воевод: в Большом полку — Василий Васильевич Голицын и князь Борис Лыков, в полку Правой руки — князья Иван Семенович Куракин и Лука Осипович Щербатов, в Передовом — Петр Федорович Басманов и князь Алексей Долгорукий. Устроив таким образом воинство, он направился к Москве — навстречу своему кратковременному царствованию и бесславной гибели.

17 мая 1606 года в результате заговора Лжедмитрий был убит. На престол взошел глава заговорщиков князь Василий Шуйский. Но уже во второй половине июня начались волнения, вызванные слухами о якобы «чудесном спасении» Лжедмитрия, переросшие в настоящее восстание, охватившее такие города, как Монастырский острог, Путивль, Новгород-Северский, Стародуб, Белгород, Оскол, Елец, Кромы, Ливны. Восставшие отказались присягать новому царю: «Крест царю Василию не целовали, воевод почали и ратных людей побивать и животы их (имущество. — *В. Н.*) грабить». Например, ливенскому воеводе Михаилу Борисовичу Шеину едва удалось спастись, и будущий герой обороны Смоленска с Ливен едва «утек душею и телом, а животы его и дворянские пограбили» [7]. Из крупных городов на юге в руках правительства остались Брянск и Орел, главным образом потому, что туда успели подойти верные Шуйскому войска, не дав возможности волновавшемуся населению и ненадежным гарнизонам примкнуть к восставшим. Южнее этих городов всё было охвачено восстанием. Брянск занял отряд правительственных войск Ефима Вахромеевича Бутурлина. Два полка — Большой и Передовой, под началом боярина князя Ивана Михайловича Воротынского и окольничего Михаила Борисовича Шеина — осадили мятежный Елец. В Орел прибыли главные силы — три полка. Большим полком командовали князь Юрий Никитич Трубецкой и Михаил Александрович Нагой, Передовым — боярин князь Борис Михайлович Лыков и князь Яков Петрович Борятинский, Сторожевым полком — окольничий Григорий Петрович Ромодановский и князь Роман Иванович Гага-

Польский гусар времен Сигизмунда III.

рин. Войска Шуйского осадили «бунташные» Кромы, но осажденные стойко держались. К тому же, в город после ожесточенных боев, шедших с переменным успехом, сумел пробиться пришедший из Путивля во главе повстанческого войска Иван Болотников, объявивший себя полководцем «чудесно спасшегося» во второй раз царя Дмитрия.

Невозможность взять восставший город, большие потери, близость осени и волнения в тылу привели к тому, что верные Шуйскому войска вынуждены были снять осаду и начать отступление, в ходе которого деморализованное воинство большей частью разбежалось.

Ратные люди «под осень в полкех быт не похотели, видячи, что во всех украинных городах учинилась измена и учали ис полков разъезжатца по домом» [8].

Неудачной оказалась и попытка правительства Василия Шуйского остановить повстанцев под Орлом, посадив в городе «в осаду» значительный гарнизон. Орловские воеводы князья Иван Андреевич Хованский и Иван Михайлович Борятинский писали царю, что в Орле для подкрепления «городовой осады» должны были остаться новгородцы Вежетцкой и Шелонской пятин, но видя ненадежность населения и гарнизона — «в орлянех шатость», новгородцы в Орле, по сообщению воевод, «быт не хотят». Василий Шуйский послал уговаривать ратных людей князя Даниила Ивановича Мезецкого, а в помощь орловскому гарнизону были отправлены три приказа московских стрельцов под началом голов: Ивана Широносова, Данила Пузикова и Петра Мусорского. Но посланные опоздали. Не надеясь на верность орловцев, воеводы с оставшимися верными им людьми бежали, и стрельцы встретили их у Лихвинской засеки под Калугой. Орел открыл ворота Болотникову.

Видя невозможность вернуть Орел, посланные вместе с орловскими воеводами пошли к Калуге. Но калужане «заворовали и крест целовали вору»,* поэтому остатки орловско-кромского войска соединились с посланной из Москвы свежей ратью под началом братьев царя Василия Шуйского — князей Ивана и Дмитрия Шуйских, а также молодого талантливого военачальника князя Скопина-Шуйского. В сентябре 1606 года произошла встреча правительственных войск с ратью Болотникова на устье реки Угры: «И воеводы князь Иван Ивановичь с товарыщи, и Кромские и Орловские воеводы со всеми ратными людьми пошли против воров сентября в 23 день: и того же дни усть Оки реки на Угре воров многих побили». Сражение осталось нерешенным, обе стороны понесли большие потери, в Москву «ежедневно приходили

*Слово «вор» в то время имело несколько иное значение, чем сейчас. Ворами царские власти называли людей, боровшихся против существующего строя, мятежников, оппозиционеров. Человека же, занимавшегося грабежом и кражами, именовали «тать», а само это занятие — «татьбой».

толпы раненых, избитых, изуродованных», и бояре отступили к Москве, «в Калуге не сели потому, что все городы Украинные и Береговые отложились и в людях стала смута» [9].

Впоследствии, в ходе восстания Болотникова Орел служил одним из складочных и сборных пунктов повстанцев, а сами орловцы принимали активное участие в боевых действиях. Рьяная же поддержка орлянами различного рода авантюристов и сомнительных кандидатов на престол привела к появлению нелицеприятных для горожан пословиц, типа: «Орёл да Ливны — ворами дивны», «Орёл да Кромы — первые воры», «В Орле что ни двор, то вор».

Зимой 1607 года Болотников прислал в Путивль к Шаховскому требование о направлении войск для снятия осады с Калуги, окруженной войсками Василия Шуйского. На Орле сбором ратников занимались Кохановский и Ю. Беззубцев. Собравшись со многими с «северскими людьми и с козаки», они присоединились к главному повстанческому войску под предводительством «царевича» Петра. В конце января или в начале февраля передовой отряд повстанцев под началом воеводы Телятевского нанес поражение правительственным войскам под Веневом, после чего часть восставших направилась в Тулу («царевич» Петр и Телятевский), а остальные под началом князя Василия Мосальского двинулись к Калуге на выручку Болотникова.

Навстречу им вышли полки бояр И. Н. Романова, М. Нагого и князя Д. И. Мезецкого, встретив повстанцев у речки Вырка в шести верстах от Белева. Видя немногочисленность царских войск, восставшие, надеясь «на свой злой совет и на многую силу» и даже не перестроясь в боевой порядок, пошли с обозом мимо их, «хотячи проитить в Колугу к вору к Ывашке Болотникову и запасы многие к нему провести». Боярин Романов и князь Мезецкий не стерпели и, видя «их невозвратную грубость и клятвопреступление к царю Василью Ивановичю всеа Руси и великий завод (скопище. — *В. Н.*) и призвав Бога на помощь и Пречистую Богородицу... велели на обоз их напустить всеми людми полки своими жестоким напуском» [10]. Сражение длилось «день да ночь». В бою царским войскам удалось разорвать цепь обозных телег, служивших прикрытием для повстанцев. И это предрешило исход битвы. Восставшие потерпели тяжелое поражение. На месте боя легло около четырех тысяч повстанцев. «Достальные же воры многие на зелейных (пороховых. — *В. Н.*) бочках сами сидяху и под собой бочки з зельем зажгоша и злой смертью помроша». В плен попали лишь несколько человек (ратники Шуйского не брали пленных), в том числе и смертельно раненный В. Мосальский.

ГЛАВА VI

Орловский царик

«Той же вор (Лжедмитрий II) поиде за ними к Карачеву и виде, что в Карачеве воеводы укрепишася, поиде мимо Карачев к городу к Орлу. Орляне же ево встретоша. Он же приде на Орел и начать на Орле зимовати, приде к нему етман Ружинской».

Новый летописец [1].

«Во всех городах и уездах, где завладели литовские люди, не поругана ли там православная вера, и не разорены ли Божии церкви? не сокрушены ли, не поруганы ли злым поруганием божественные законы и Божии образы? Всё это зрят очи наши. Где наши головы, где жены, и дети, и братья, и сродники и друзья? Не осталось ли из тысячи десятый, из сотни один, и то с одной душой и телом...»

Из грамоты московских послов из-под Смоленска в Москву. 1611 г. [2].

Летом 1607 года войска царя Василия Шуйского осадили Тулу, где заперся Болотников, в то время как другие отряды правительственных войск начали «очищать» от повстанцев прочие города. Ратники под началом князя Третьяка Сеитова взяли Белев и Болхов и находились уже сравнительно недалеко от Орла, который пока оставался в руках болотниковских ставленников.

Но тут произошли события, ознаменовавшие наступление нового витка смуты. В Стародубе объявился очередной самозванец, назвавший себя чудесно спасшимся от боярского заговора царем Дмитрием. Происхождение его темно и неясно, но он быстро стал знаменем противников Василия Шуйского, к которому примкнули многие бывшие болотниковцы, в том числе атаман донских казаков Заруцкий и охотники (добровольцы) из польской шляхты. Ими были разосланы в соседние города грамоты, в которых извещалось: «С Божьею помощью, Димитрий спасся от убийц, благодарит московских людей за то, что при их пособии он достиг престола, и снова просит, чтоб его в другой раз посадили на царство».

Самозванец набрал в Стародубе «до трех тысяч не очень хорошего войска с Москвы», т. е. из людей Московского государства, к полчищу присоединились хоругви пана Меховецкого, мозырский хорунжий и несколько мелких отрядов польских шляхтичей. В сентябре он двинулся на Карачев, взял его и пошел далее к Козельску, где разбил небольшой отряд царских войск. Передовые отряды Лжедмитрия II заняли Крапивну, Дедилов и Епифань и вышли на ближние подступы к Туле, но опоздали: 10 октября, не дождавшись помощи, Болотников капитулировал. «Вор же, слыша что взял царь Василий Тулу, и побеже на Северу». Самозванец вернулся в Карачев, где между его людьми вспыхнула свара по поводу захваченной добычи. Бывшие при нем поляки и литовцы, сочтя себя обделенными, решились уйти. А русских он боялся, считая, что они его выдадут. Бывший нрава «не предпреимчивого и не храброго», Лжедмитрий решил

скрыться от своего воинства. Взяв с собою некоего поляка по фамилии Кроликовский и нескольких московских людей, которые, как ему казалось, были ему верны, Лжедмитрий бежал в соседний Орел.

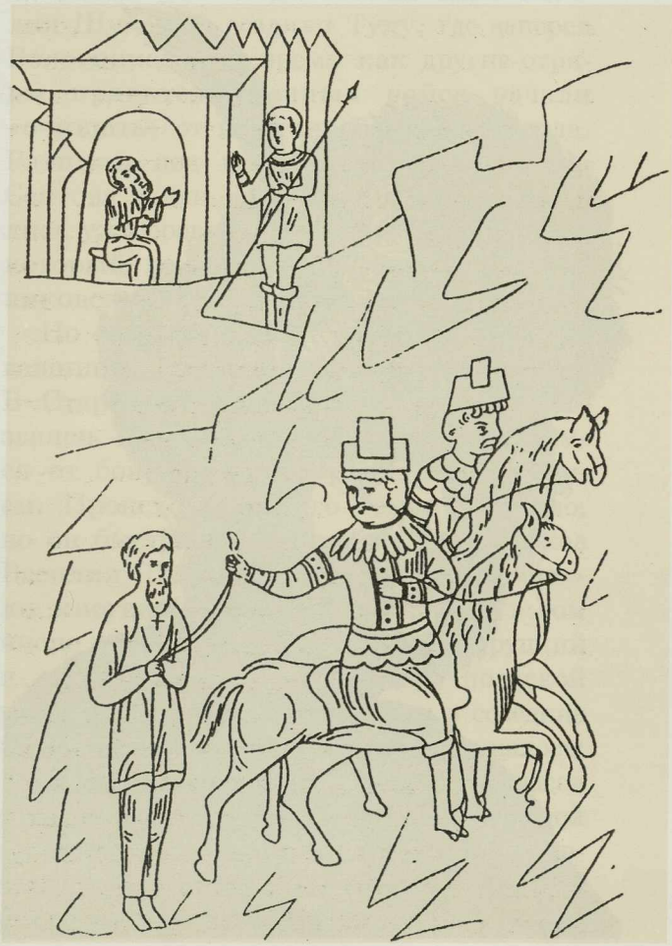
Прибыв в Орел, Лжедмитрий со спутниками остановился на ночлег в одной из изб. В ногах у него устроился Кроликовский, поодаль улеглись его русские приверженцы. Ночью один из них встал, зажег свечу, вынул нож и подобрался к Лжедмитрию. Но тот не спал и, будучи не в силах от испуга издать ни звука, судорожно толкнул Кроликовского, который лежал,положив голову ему на колени. Тот заворочался и проснулся. Увидев, что его покушение не удалось и боясь быть открытым, московский человек уронил свечу, поспешно лег и притворился спящим. Лжедмитрий пересел на другое место и не спал до утра, решившись на другой день ехать дальше. Но утром его нашел гонец от Меховецкого, оставшегося при войске в Карачеве, и просил вернуться: «Воротись, будешь здесь сам налицо, так войско тебя послушается и не разойдется!» С неделю Лжедмитрий пробыл в Орле, прежде чем окончательно решился вернуться обратно в Карачев, но, увидев там опять разброд, свару и шатание, снова бежал, на этот раз один, в Путивль. Но, на своё счастье или несчастье, на дороге ему повстречался некто Валавский с тысячным отрядом, посланный с Украины князем Романом Рожинским на помощь Лжедмитрию. Беглец, несмотря на своё нежелание назваться и играть дальше роль «законного царя», был опознан и вынужден сознаться, что он то лицо, за которое себя выдает. Лжедмитрия не отпустили, и он с отрядом пополнения вынужден был вернуться в Карачев. По пути к нему присоединились подошедшие с Украины польские отряды Самоила Тышкевича, Хмелевского, Хруслинского и Адама Вишневецкого. Из Карачева Лжедмитрий со своим полчищем двинулся на Брянск, но потерпел неудачу. Город оказался крепок, здесь сидел сильный московский гарнизон, который возглавляли воеводы князья М. Ф. Кашин и А. Н. Ржевский. Несмотря на нехватку продовольствия, брянцы стойко держались несколько недель, непрестанно «бьющееся, за воду и за дрова, и глад (голод. — *В. Н.*) бысть великой, яко начаша и лошади поедати».

На выручку брянцев царь Василий Шуйский послал из Москвы боярина князя Ивана Семеновича Куракина с войском, а из Мещовска «наперед» велел идти окольничему князю Василию Федоровичу Литвинову-Мосальскому с ратными людьми из Козельска, Мещовска, Карачева и Болхова. Первым, за девять дней до Рождества, к Брянску подошел со своим немногочисленным отрядом Литвинов-Мосальский. Но дорогу к городу преграждали еще не замерзшая Десна, по которой шел лед, и обширный вражеский табор. Помочь Брян-

Лжедмитрий II.
Гравюра конца XVII века.

ску, казалось, не было никакой возможности. В городе тоже узнали о подходе подмоги, и там поднялся «плач великий». Жители выбегали на крепостные стены, «со слезами глаголюще: помозите нам, погибающим». Ратники Литвинова-Мосальского не стерпели и, «возопиша все единогласно: лучше всем нам погибнуть и помереть, нежели видеть свою братью в конечной погибели», стали кидаться в ледяную воду. Где перепрыгивая с льдины на льдину, где распихивая их «аки дикие зверие», они форсировали реку, атаковав не ожидавших такой дерзости поляков и русских «воров». Завязался тяжелый бой, и неизвестно, чем бы он закончился, но тут распахнулись крепостные ворота и в спину поляков с отчаянием обреченных ударили брянцы, а на другом берегу показались знамена полков Куракина. Поляки вынуждены были отступить. Куракин с Мосальским в изобилии снабдили Брянск разного рода съестными припасами, а затем, дабы не учинять осажденным «тесноту великую», разбили свой стан за Десной. Тою же ночью был «мраз велик», и река стала. Самозванец со своими людьми перешел реку и атаковал русский лагерь, «хотя их разбить», но Куракин сумел отбиться за наскоро построенными укреплениями. Тем не менее, понимая, что с их немногочисленными силами самозванца не осилить и не желая испытывать неверное воинское счастье, воеводы отступили к Карачеву и укрепились в нем. Увидев, что Брянск ему уже не взять, самозванец провел свои отряды в Орел. «Орляне же его встретоша», и город надолго стал его становищем. Столь долгое пребывание в Орле, где он провел всю зиму и большую часть весны 1606 года, имело своим последствием то, что самозванец, «царствовавший» на Орле, получил насмешливое прозвище «орловский царик».

Литовцы уводят в плен русского.
Из старопечатной Псалтыри 1633 года древлехранилища Троице-Сергиевой лавры.



Между тем, в Орел стекались различные удальцы из Речи Посполитой, где только что окончился бунт — «рокошь», связанный с избранием на престол короля Сигизмунда III. Русский историк Н. Костомаров дал образную характеристику этому воинству: «...что не чувствовало себя спокойным в Польше, стремилось тогда в Московское государство. Тут были проигравшиеся и пропившиеся шляхтичи, которым, ради насущного хлеба, приходилось пристать к какому-нибудь делу, достойному шляхетского звания, а такое дело и могло быть только военное; были тут неоплатные должники... вдруг в Московской земле открылся должникам случай и от заимодавца улизнуть, и весело пожить, и шляхетской чести не замарать; тут были бандиты, осужденные за разные своевольства и опасавшиеся в отечестве казни; были тут и такие молодцы, у которых просто руки чесались: для них было всё равно, что в одну, или в другую сторону света отправиться, лишь бы весело пожить; а весело жить им было не при-

думчиво иначе, как только грабить, разорять других и вообще делать кому-нибудь вред» [3].

Среди них выделялся князь Роман Кирикович Рожинский, богатый землевладелец с польской Украины, думавший за счет похода на Москву поправить свои пошатнувшиеся финансовые дела. Он набрал около четырех тысяч человек и перед праздником Рождества вступил в русские пределы. Из-под Чернигова он отправил гонца к Лжедмитрию с предложением своих услуг. К концу зимы Рожинский дошел до Кром, где стал станом, откуда послал в Орел к «царику» тридцать человек посланцев обговорить условия службы и заключить договор. Самозванец принял посланных холодно, сперва он разговаривал с ними через Валавского, называвшего себя царским канцлером, а после речи последнего вступил в разговор сам: «Я обрадовался, когда узнал, что Рожинский идет, но потом услышал, что он мне не доброжелательствует, и теперь хотел бы я, чтоб он вернулся назад. Меня Бог уже посадил в столице один раз без Рожинского и в другой раз посадит. Вы требуете денег? У меня много добрых поляков, таких как вы, а еще никому ничего я не давал. Я убежал из столицы от милой супруги и друзей и не только не взял с собой денег, но и платья. Я знаю, что вы говорили с посланцем в Новгороде-Северском, на льду; вы допрашивались: тот я или нет. А я с вами не игрывал в карты?»

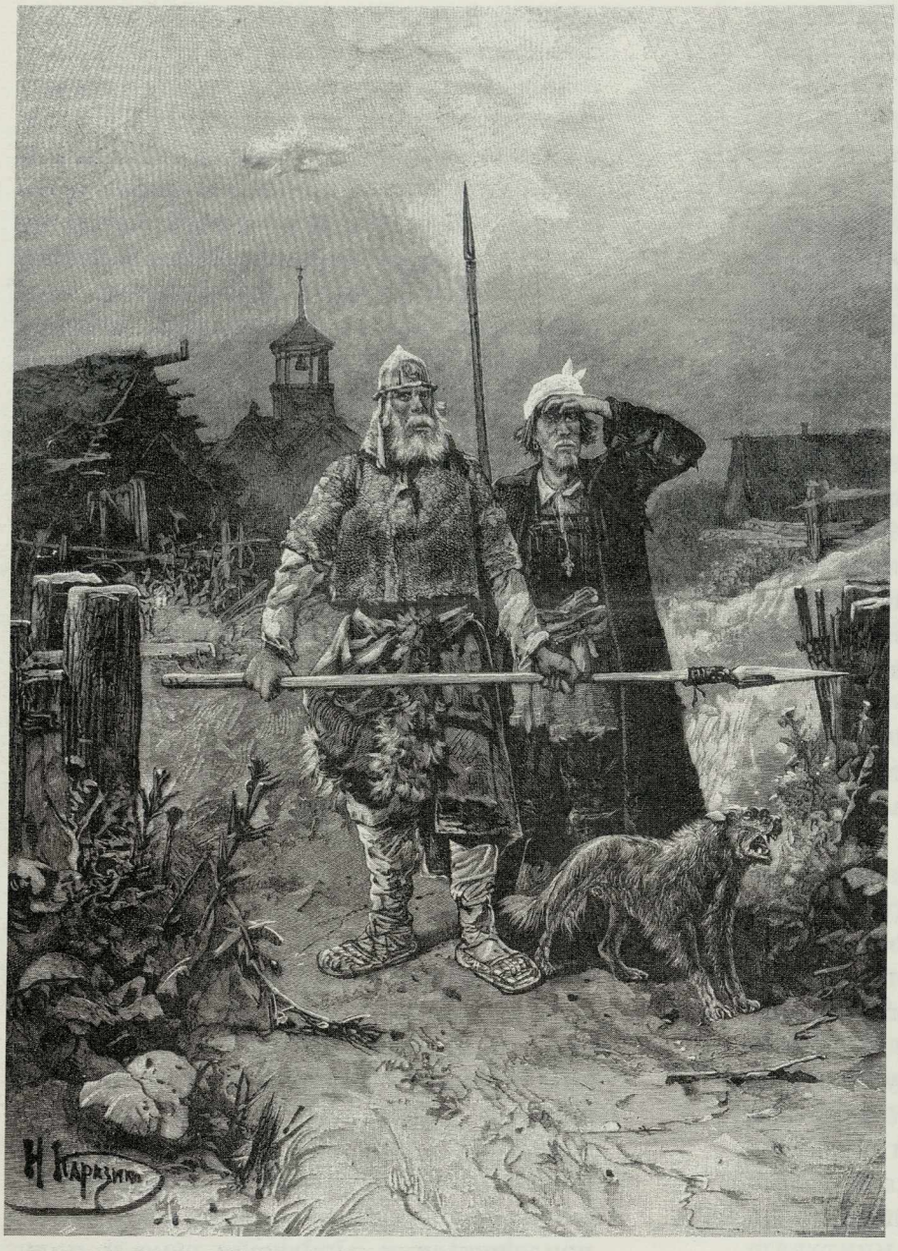
Послам подобное обращение не понравилось, и перед тем, как уйти, они заявили: «Вот мы видим, что не прежний ты; прежний умел ценить и принимать людей рыцарских, а ты не умеешь! Жаль, что мы пришли к такому неблагодарному; мы перескажем нашей братии, что нас к тебе послали, пусть знают, как им поступать!» Лжедмитрий, не желая окончательно рвать отношения с Рожинским, послал за ними и пригласил на обед. «Не сердитесь, — говорили полякам посланцы, — царю вас обнесли». Послы, слыша подобное, решили, что это результат интриг Меховецкого, боявшегося Рожинского и видевшего в нем соперника на гетманство.

Под влиянием приезда послов Рожинского поляки, бывшие на службе в Орле у самозванца, собрали коло (войсковой круг. — *В. Н.*), но ничего конкретно не решили. Одни, не видя особой прибыли от службы у Лжедмитрия, хотели вернуться в Польшу, другие их удерживали, заявляя, что с приездом Рожинского всё будет иначе.

В великий пост Рожинский в сопровождении отряда из 200 шляхтичей и 450 человек надворной пехоты прибыл в Орел. Он тайно лелеял мечту занять место Меховецкого и держать самозванца и его дело в своих руках, но был довольно прохладно принят последним, находившимся под сильным влиянием Меховецкого.

После ночлега Рожинский был позван к Лжедмитрию, но едва он со своими людьми тронулся, как прибежал другой посланный со словами: «Воротитесь! Еще царь моется в бане; у него такой обычай: он от трудов облегчается банею и здоровье своё сберегает! Подождите, когда царь окончит мытье и возсядет на свое царское седалище!» Но Рожинский был не из тех людей, которыми можно помыкать, и самовольно вошел в избу, где жил «царик». Вошедший и усевшийся на свой «трон» Лжедмитрий даже не посмотрел в ту сторону, где стоял Рожинский, и тому скрепя сердце вместе со своими людьми пришлось подойти приложиться к «царской» руке и получить холодное приглашение на обед.

Несмотря на то, что обедавшие разместились за несколькими столами, Лжедмитрию не повезло — Рожинский оказался с ним за одним столом. Испытывавший к нему неприязнь самозванец нарочно свернул разговор на недавний рокошь, лицемерно негодуя на рокошан, выступавших против короля Сигизмунда, хотя прекрасно знал, что многие из участников этого мятежа находятся на обеде. В частности, он заставил выслушать своих сотрапезников такую тираду: «Ни за что я бы не захотел быть у Вас королем. Московский государь не на то



Земская стража в Смутное время на Руси.

Гравюра Шюблера по авторскому рисунку Н. Н. Каразина.

родился, чтобы им помыкал какой-нибудь арцибес, или, как он там у вас зовется — арцибискуп (архиепископ. — *В. Н.*), что ли?»

После пира Рожинский попросил назначить ему аудиенцию, которую ему обещали на следующий день. Но день проходил за днем, а его не звали, обещая непременно принять назавтра. Его люди взволновались и начали роптать: «Мы разъедемся!» Первой выступила пехота, за ней собирался уехать и Рожинский. Несколько поляков, служивших у Лжедмитрия, прибежали к нему и стали уговаривать: «Потерпите, ваша княжеская милость, до утра. Мы соберем коло. Если царь останется таким неблагодарным к нам, так мы все сложимся, отрешим от начальства Меховецкого и выберем гетманом тебя, князя Рожинского. Всё войско будет слушаться тебя!» Рожинский обрадовался и остался до утра в предместье.

Наутро состоялось коло, на которое собрались как люди Рожинского, так и люди Меховецкого, последний на сборище не явился. Никогда не пользовавшийся большой популярностью в войске, Меховецкий без труда был низложен, а на него и на его немногочисленных сторонников наложили бандо — изгнание из войска и лишение покровительства. Новым гетманом избрали Рожинского. Коло постановило: «Коли царь (Лжедмитрий) хочет, чтоб с ним оставались поляки, пусть примет князя Рожинского, назовет своим гетманом и выдаст нам на суд тех, которые оговаривали князя царю». Лжедмитрий, когда узнал об этом, сказал: «Никого не назову и не выдам, сам приеду в коло».

В золототканной одежде и на богато убранном коне, в сопровождении пожалованных им «бояр» из людей сомнительного происхождения и стрелецкой охраны, самозванец приехал на собрание. Коло встретило его не очень доброжелательно, до него донеслось несколько не слишком любезных отзывов по его адресу, некоторые поляки насмешливо интересовались — а действительно ли он царь?

Лжедмитрий вышел из себя, заорав на собравшихся: «Цытьте, скурви сыновe!» Коло заволновалось, поляки были готовы вступить в перепалку, но Рожинский успокоил их, поручив ответствовать одному из своих товарищей — некоему Хруслинскому. Тот сказал: «Мы для того посылали послов к твоему царскому величеству, чтобы ты нам объявил, кто тебе оговорил гетмана и всё войско наше изменниками. А как твоё величество сам сюда приехал, то мы хотим от тебя здесь услышать это самое».

Лжедмитрий повелел было отвечать за себя одному из своих приближенных, но затем резко оборвал его: «Молчи, не умеешь ты по-ихнему говорить! Вот я сам буду! Вы присылали ко мне, требовали, чтоб я выдал и назвал вам верных слуг моих, которые меня в чем-нибудь предостерегают. Никогда еще московским государям не приходилось так поступать, чтоб они выдавали верных слуг своих, которые их предостерегают! Не только для вас я этого не сделаю, а хотя бы сам Господь Бог сошел с высокого неба и приказал мне так поступить!..»

Коло зашумело, раздались возмущенные выкрики шляхтичей: «Что же, ты хочешь около себя держать таких только, что тебе из-за пустяка языком прислуживают, а не таких воинов, которые бы тебе служили жизнью и саблею? Ну, если ты не поступишь так, как хотим, то все отойдем от тебя!»

«Как себе хотите! — сказал самозванец. — Идите!»

Это окончательно вывело из себя поляков, разразившихся криками: «Мошенник! Ты позвал нас, да еще кормишь неблагодарностью! Изрубить его!»

Между шляхтой и сопровождавшими Лжедмитрия стрельцами началась свалка. Самозванец вырвался было и поехал на свой двор, но поляки его догнали и окружили, заявив, что должны стеречь его, чтоб не ушел. Обида, досада на судьбу и сознание того, что им помыкают, привели к тому, что в тот день он жестоко напился и едва не умер. Перенеся тяжелое похмелье, Лжедмитрий решился покориться своему жребию — впрочем, иного ему не оставалось. Его приспешники Хруслинский и Валавский между тем сумели успокоить своих соотечественников, пообещав, что «царь» приедет в коло и попросит прощения за вчерашнее. Вдоволь покуражившись над неудачником, поляки разрешили Лжедмитрию снова приехать на коло.

Самозванец был вынужден свалить всю вину на своих русских сторонников и охрану, объяснив, что его слова: «цытьте, скурви сыне», относились не к благородной шляхте, а к стрельцам. «Царские» извинения поляки великодушно приняли за обещание выплаты вперед жалованья. Тому ничего не оставалось, как согласиться.

Уверенный в том, что Лжедмитрий у него в руках, Рожинский со своими людьми отъехал в Кромы, где находился до просухи. В Орле, битком набитом воинскими людьми, было тесно, и там, включая окрестности, с трудом могло прокормиться прожорливое воинство, к которому присоединялись все новые и новые люди. Прибыло еще около трех тысяч запорожцев да около пяти тысяч привел с Дона Заруцкий.

Между тем после происшедших событий авторитет Лжедмитрия весьма сильно пошатнулся, по городу поползли слухи о его самозванстве, что начало вызывать шаткость и брожение среди его русских и польских сторонников. Это начало беспокоить польских начальников, которые прекрасно понимали, что «царь» не тот человек, за которого он себя выдает, но в ответ на все расспросы они заявляли: «Нужно, чтоб он был тот самый — вот и всё!»

А поскольку дальнейшая смута грозила крахом всей авантюре в целом, был разыгран небольшой спектакль. Некий заранее подученный поляк, Тронбчевский, стал уверять окружающих: «Хоть бы все уверяли меня, что он тот самый, который царствовал в Москве, я не дам себя уговорить! Я хорошо знаю первого. Я был с ним под Новгородом-Северским!» И когда выдался удобный момент, при большом скоплении народа, он завел разговор с самозванцем о своей службе у

Лжедмитрия I, умышленно перевирая события. «Царь», видимо также заранее предупрежденный о представлении, поправлял его, рассказывая о том, как было в действительности и так, как хотел бы слышать Тронбчевский. Наконец, Тронбчевский воскликнул: «Милосердный царь! Признаюсь тебе: здесь был в войске один такой человек, что не считал тебя за того, кто царствовал в Москве. Но теперь Дух Святой осиял его, и он верит, что ты тот самый!» [4]. Данное происшествие несколько укрепило авторитет самозванца и на время прекратило нежелательные разговоры.

Наступила весна. В Болхове зашевелилось бездействовавшее там всю зиму войско под командованием брата царя Дмитрия Ивановича Шуйского. На соединение к Лжедмитрию поспешно подошел из Кром со своим отрядом Рожинский. В самый день его прихода начался пожар в доме, где жил самозванец, и он вынужден был перейти в слободу, где остановился Рожинский, откуда с последним и выступил к Болхову. В десяти верстах от города в двухдневном сражении 10—11 мая московское войско потерпело сокрушительное поражение, чему виной, несмотря на многократный численный перевес, послужили трусость и бездарность главного воеводы Дмитрия Шуйского. В руки поляков попали обоз и вся тяжелая артиллерия, а трупы тысяч русских ратников всё лето устилали поля около Болхова, отравляя окрестности смрадом разложения. 14 мая капитулировал Болхов, где кроме гарнизона заперлась часть войска, бежавшего с поля битвы. Ничего другого им не оставалось — тяжелые стенобитные орудия, захваченные самозванцем, разнесли бы деревянные стены крепости в несколько дней. Сдавшиеся целовали «вору» крест на верность. Включив в состав своего войска плененных в Болхове ратников, Лжедмитрий двинулся на Москву.

Последствия более чем четырехмесяч-

Панцирная польская кавалерия, XVII век.

ного пребывания самозванца в Орле были весьма плачевны. От пожара выгорела часть города. Судя по всему, Лжедмитрий II останавливался в бывших воеводских хоромах, стало быть от пожара сгорел Орловский кремль — Рубленый город, а также, возможно, и значительная часть примыкавшей к нему жилой застройки. Пребывание в городе разнузданной шляхты и русских «воров», зачастую не только не уступавших, но и превосходивших последних в грабежах и насилиях, привело к тому, что часть населения просто разбежалась, оставшиеся потеряли имущество, а некоторые, возможно, и жизнь. Окрестности города и уезд опустошили реквизиционные отряды, снабжавшие расположившееся в городе полчище провиантом и фуражом и не стеснявшиеся в применении оружия при попытке хозяев сохранить хоть какое-то жалкое имущество. Наверняка многие орляне прокляли тот день, когда в их городе появился «царь», не сумевший да и не желавший огородить от произвола своих подданных, полностью избавившись от каких-либо иллюзий в его отношении.

Новый виток гражданской войны в России способствовал усилению набегов татар на южнорусские границы, оборона которых полностью рухнула. Крымцы, в надежде на легкую добычу, стали совершать нападения даже зимой, чего раньше обычно не делали. В мае—июне 1609 года вторгшаяся орда татар во главе с царевичем Джанибек-Гиреем стала станом недалеко от Орла, подвергнув его окрестности страшному погрому. Своё вторжение крымский хан, пославший сына с многочисленным войском, лицемерно объяснял желанием помочь своему «царственному брату» и покарать восставших против него мятежников. Помощь, в основном, заключалась в разорении деревень и массовом уводе в полон мирных поселян, попадавших на рабовладельческие рынки Крыма. Разочарование в самозванце и набеги татар способствовали тому, что орляне и болховитяне перешли на сторону Василия Шуйского, целовали ему крест на верность, и царю пришлось обещать им помощь против незваных «союзников» [5].

После падения правительства Василия Шуйского (17 июля 1610 г.) и убийства Лжедмитрия II под Калугой (11 декабря) Орел, в числе прочих городов, присягнул на верность королевичу Владиславу, сыну короля Сигизмунда III, но это не спасло его от набега поляков и литовцев. Московские послы, находившиеся в королевской армии, осаждавшей Смоленск, жаловались Сигизмунду: «То ли Московскому Государству успокоение? Как вор был в Калуге не убит, то которые городы были за ним, Орел, Болхов, Белев, Карачев, Алексин, и иные многие, тогда Государя вашего люди к тем городам и помыслити итти не смели; а как Божиею милостью вора убили, и те города целовали крест государю нашему Королевичу... и Государя вашего люди, пришед в те городы, людей побили и в полон поймали, и городы пожгли, и все те места до конца разорили и запустошили» [6].

Орел разгромил отряд гетмана Жолкевского. В «Повести о граде Курске», составленной вскоре после Смутного времени, по еще горячим следам событий, есть неоднократные прямые указания на этот счет: «...бысть нахождение литовских гетманов Саадашного и Жолтовского (Сагайдачного и Жолкевского. — *В. Н.*) из града Путивля поиде на Болхов, на Белев, на Перемышль, на Калугу и много зла там сотвори». «Желтовский же из града Путивля войск своих с полками поиде на Рылск, на Орел...» [7]. По-видимому, Орел был подвергнут погрому за попытку пристать к Первому ополчению Прокопия Ляпунова, пытавшегося выбить поляков из Москвы, но орляне продолжали хранить ему верность и по мере возможности старались помочь Ляпунову людьми и припасами. Так, осенью 1611 года, в преддверии наступавшей зимы, в города Болхов, Орёл, Кромы и Перемышль был послан Константин Опухтин* для сбора бараньих шуб

*По-видимому, К. Опухтин являлся предком известного поэта Алексея Николаевича Апухтина. Имения Апухтиных (Опухтиных), принадлежавших к старинному дворянскому роду, в XVI—XIX веках находились в Болховском уезде.

ополченцам. В городах и уездах, пострадавших от бедствий военного времени, сбор шуб проходил трудно, поэтому 3 октября из лагеря Ляпунова в Орёл и соседние города были высланы повторные грамоты о их немедленной высылке [8].

После «литовского разорения» Орел в очередной раз восстановили, крепость отстроили заново, а гарнизон, насколько это было возможно, пополнили людьми и военными припасами. Новый город являлся лишь бледной тенью старого. От военных неурядиц значительно уменьшилось его население — многие погибли или разбежались, другие были на службе в полках. Сильно сократились и его размеры — отстроили заново только кремль — Рубленый город и примыкавший к нему Малый острог. Большой острог из-за его значительных размеров и нехватки людей защищать было трудно, к тому же на восстановление потребовалось бы много средств, поэтому его укрепления восстанавливать не стали, и он был оставлен. Вся жилая застройка и осадные дворы сосредоточились на территории Малого острога — строиться за пределами крепостных стен ввиду постоянной опасности «от приходу воинских людей» — татар и литовцев было строжайше запрещено. О прежних размерах города свидетельствовали только находившиеся вне крепостной стены многочисленные ямы от погребов и полусгнившие нижние венцы срубов на месте былых посадов и слобод.

ГЛАВА VII

Набег Лисовского. 1615 год

«О бою под Арлом. В лета 7124-го в осень царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руссии был бой под Орлом воеводам князю Дмитрею Михайловичю Пожарскому да Степану Исленьевичу и его государевым ратным людем с паном Лисовским и с польскими и с литовскими людьми, и с русскими воры, с ызменники, с казаками, которые воровали и кровь християнскую лили заодно с литовскими людми и забыв Бога и веру християнскую. И на том бою пан Лисовский с польскими и литовскими людми и с русскими воры государевых воевод побили, а князь Дмитрей Михайлович Пожарский с достальными людми отсиделся в обозе, а Степан Исленьев с того бою, покиня обоз и ратных людей, побежал».

Бельская летопись [1].

Летом 1615 года положение на западной границе серьезно осложнилось в связи с вторжением в русские пределы отряда «знаменитого партизана» Александра Лисовского. В это время шла ожесточенная борьба с поляками за Смоленск. Правительство молодого царя Михаила Федоровича пыталось вернуть утраченный в 1611 году после геройской защиты город, и Лисовский должен был фланговым ударом ослабить натиск на Смоленск русской рати. Человек незаурядный, отличавшийся несомненным полководческим талантом, Лисовский вместе с тем был жесток до бесчеловечности. По образному выражению Н. Карамзина, он был «смелостью и мужеством витязь, ремеслом — грабитель». Еще в Польше за участие в рокоше против короля Сигизмунда III его приговорили к смертной казни.

С началом польской интервенции в Россию Лисовский набрал из шляхты отряд таких же сорвиголов, как и он сам, и, заявившись в Орел, где зимовал Лжедмитрий II, предложил ему свою саблю. Отсюда и началась его одиссея. Он метался по всей стране, оставляя за собой разграбленные города, сожженные деревни, кровь, слезы и трупы. География набегов Лисовского была весьма широка: на западе он добирался до Пскова, на севере до Ярославля, на востоке до Кинешмы. Принимал он участие вместе со своим отрядом и в осаде знаменитого Троице-Сергиева монастыря. По свидетельству немецкого наемника, активного участника Смуты Конрада Буссова, Лисовский во время своих походов не щадил никого, «убивая и истребляя всё, что попадалось на пути: мужчин, женщин, детей, дворян, горожан, крестьян».

Его отряд, вторгшийся летом 1615 года на русское пограничье, первоначально насчитывал всего 600 всадников, но после первых успехов он начал быстро увеличиваться за счет «воровских» казаков и авантюристов, привлеченных его прежнею славою, разбойного элемента и, наконец, просто обездоленных людей, которым было нечего терять и безразлично против кого воевать.

3 июля Лисовский подошел к Брянску. Город был ему хорошо знаком, он пытался взять его еще в 1607 году совместно с Лжедмитрием II. В течение восьми дней литовцы и поляки неоднократно «жестокими приступами» штурмовали город, пытаясь из пушек пробить брешь, но эта осада, как и предыдущая, окончилась безрезультатно. Литовцы «ничего Брянску не сделаша». Немногочисленные брянские стрельцы, казаки, дети боярские, дворяне и другие осадные люди под руководством воеводы Петра Воейкова отбились и город «от литовских людей отсидели».

Потеряв под стенами Брянска многих своих соратников, Лисовский 11 июля снял осаду и бросился к Карачеву, где, как он узнал, стоит посланный против него воевода Юрий Шаховской. Карачев был взят внезапным штурмом, а Шаховской пленен и отослан в Литву. В Карачеве к Лисовскому подошло еще около 600 человек из Речи Посполитой.

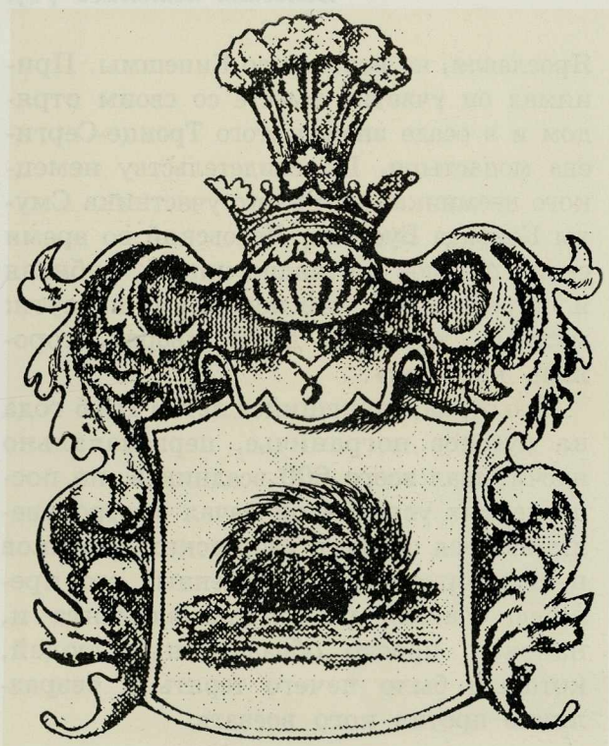
Орловский воевода Даниил Яблочков бежал, прослышав про падение Карачева и боясь, что Орел постигнет та же участь. Вместе с воеводой покинули город стрельцы из орловского гарнизона, а также посадские люди, унося что можно из своего нехитрого имущества. Когда в город нагрянули «лисовчики», сопротивления им оказать было некому. Лисовский опустевший город «сжег и разорил до основания и наряд (пушки) поимал» [2]. Часть орудий служилым удалось увезти: в 1635 году из Мценска в Орел были возвращены две пушки полковых и пять пищалей затинных, всё же остальное, в том числе и тяжелая артиллерия, по-видимому, досталось в качестве трофея Лисовскому.

Польский шляхтич. Западноевропейский рисунок XVII века.

Весть о вторжении Лисовского и сожжении им городов вызвала беспокойство в Москве, слишком памятны были его прошлые подвиги. Против него спешно снарядили войско, во главе которого поставили освободителя Москвы князя Дмитрия Михайловича Пожарского, воевод Степана Исленьева, Ивана Пушкина и дьяка Семена Заборовского.

Оно оказалось небольшим, удалось собрать всего около 690 дворян и иноземцев и 1259 казаков. В Московском государстве после десятилетия Смуты и междоусобиц ощущалась «великая скудость ратными людми». Поэтому, согласно царскому указу, Пожарскому «со товарищи» должны были помочь людьми воеводы Болхова, Белева и других городов, через которые двигалась рать. Зная образ ведения войны Лисовским, воеводам дали наказ в походе и на станах соблюдать величайшую осторожность: «Розпрося про дорогу накрепко, послать наперед себя дворян, велеть им на станах, где им становиться, места разъездить и разсмотреть, чтоб были крепки, да поставить надолобы; а как надолобы

Герб Александра Лисовского.



около станов поставят и укрепят совсем накрепко, то воеводам идти на стан с великим береженьем, посылать подъезды и проведывать про литовских людей, чтоб они безвестно не пришли и дурна какова не учинили» [3].

Узнав о приближении русских, Лисовский сжег Карачев и направился к Орлу, чтобы до Пожарского успеть к Орловскому городищу. Возможно, он предполагал, что московское войско непременно остановится здесь на отдых и тогда с ним можно покончить одним ударом, как с Шаховским. Но Лисовский опоздал, Пожарский шел «наспех» и уже успел покинуть пепелище. Недалеко от Орла в «воскрестный день бо с утра» оба войска неожиданно друг для друга столкнулись — «приидоша же оба вдруг».

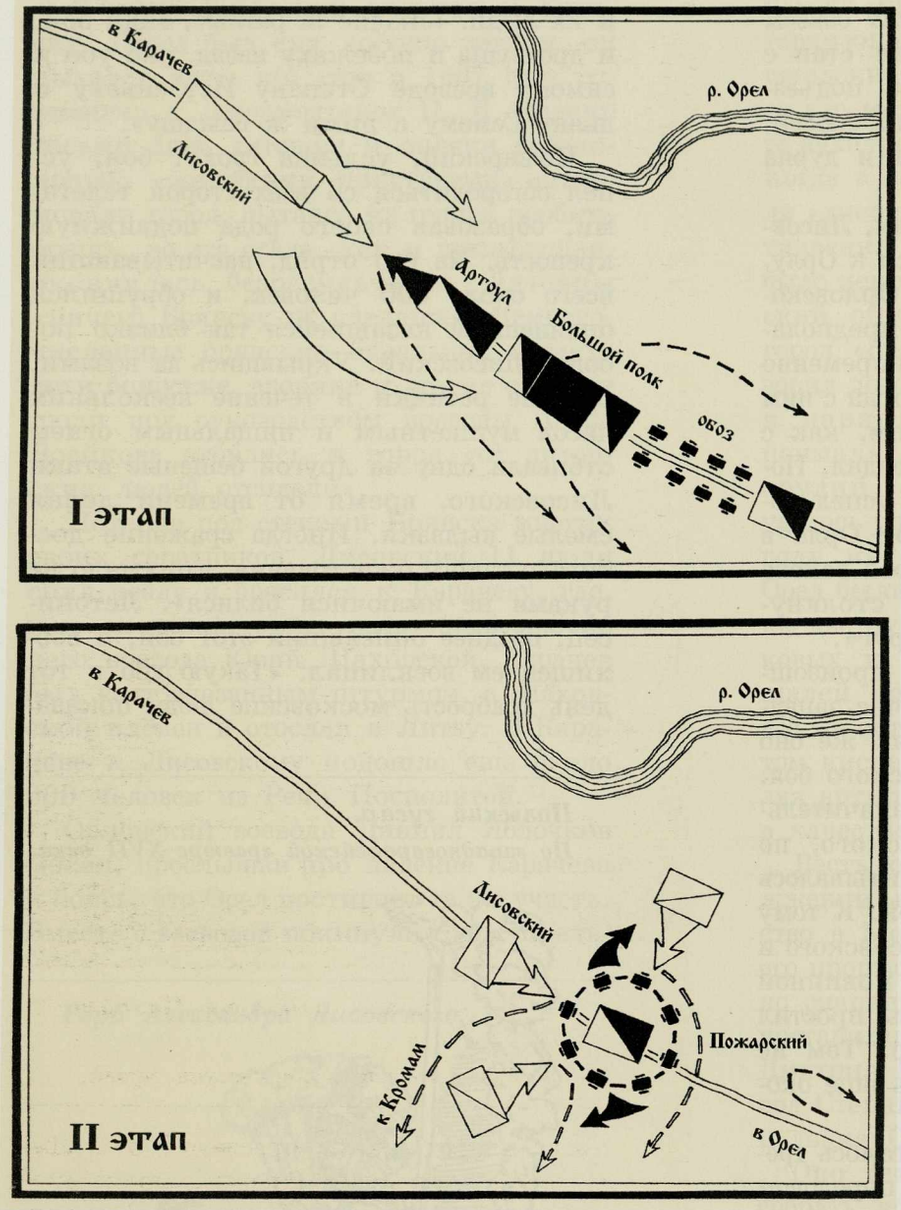
По преданию, столкновение произошло в урочище Царев Брод (сейчас западная окраина Орла), в летописях же оно известно под названием Орловского боя. Русский отряд по численности значительно превосходил силы Лисовского, по некоторым данным, в нем насчитывалось более трех тысяч ратных людей. К тому же часть казаков покинула Лисовского и направилась в Белев, где с повинной явилась к Пожарскому. Князь простил их и включил в свое войско. Тем не менее, у Лисовского оставалось еще около двух тысяч человек.

Русское войско в походе двигалось тремя колоннами: в артоуле — передовом полку шел воевода Иван Гаврилович Пушкин, основные силы возглавляли воевода Степан Исленьев и дьяк Семен Заборовский, замыкал войско отряд князя Пожарского с обозом. Столкновение для обеих сторон было неожиданным, но Лисовский, более привычный к партизанской войне, сумел сориентироваться быстрее и прежде, чем русское войско успело перестроиться в боевой порядок, обрушился на передовой отряд Пушкина. Тот не выдержал натиска и вместе со своими ратными людьми побежал. Беглецы внесли смятение в ряды Большого полка. Исленьев и Заборовский не сумели прекратить начавшуюся панику и сами обратились в бегство, вслед за ними побежали и их люди. «Людие ж ратные, видя бой, и дрогнуша и побежаху назад, яко убо и самому воеводе Степану Истленьеву и дьяку Семому с ними ж бежащу».

Пожарский, услыша грохот боя, успел обгородиться со всех сторон телегами, образовав своего рода подвижную крепость. На его отряд, насчитывавший всего около 600 человек, и обрушился опьяненный казавшейся так близко победой Лисовский. Укрывшись за возами, русские ратники в течение нескольких часов мушкетным и пищальным огнем отбивали одну за другой бешеные атаки Лисовского, время от времени делая смелые вылазки. Иногда сражение достигало такого ожесточения, что «мало не руками не имаючися билися». Летописец, позднее описавший этот бой, с восхищением восклицал: «Такую убо в тот день храбрость московские люди показа-

---

Польский гусар.
По западноевропейской гравюре XVII века.



Бой между польско-литовским отрядом А. Лисовского и русским войском под началом воевод С. Исленьева, И. Пушкина, Д. Пожарского и дьяка С. Заборовского под Орлом 29 августа 1615 года.

Реконструкция автора.

ша: с такими с великими людьми малыми людьми бьющесь» [4].

Усеяв все пространство перед телегами конскими и людскими трупами, Лисовский был вынужден отступить «и ста в дву верстах». Его отряд понес тяжелые потери, только в плен попало 300 человек «шляхтов». Лисовский никак не предполагал, что русский отряд так немногочислен, по силе полученного отпора он думал, что за возами укрылось значительное войско, «крепость и дородство велие (силу великую)», которого он только что испытал. Если бы он знал действительные силы Пожарского, он постарался бы не упустить его.

После боя ратные люди стали просить Пожарского отступить к Болхову, но он отказал им, заявив: «Помереть всем на сем месте». Собрав за ночь растрепанное войско (ввечеру приехали и Исленьев с Заборовским*) и наказав беглецов, он приказал двигаться на Лисовского, но тот, не приняв нового боя, пошел «наскоро» к Кромам, а затем, видимо, для того, чтобы обмануть погоню, резко повернул в противоположную сторону.

«Перебежаша днем да ночью полтораста поприщ», он 31 августа «яко разбойник» появился под Болховом. Нападение настолько было внезапным, что лисовчики «едва Болхова не украдоша». Положение болховского воеводы Степана Ивановича Волынского осложнялось еще и тем, что проходивший незадолго перед этим через город Пожарский забрал у него «лучших» людей в свое войско. Но болховичи в ожесточенном бою сумели отстоять свой город и «многих польских и литовских людей побили».

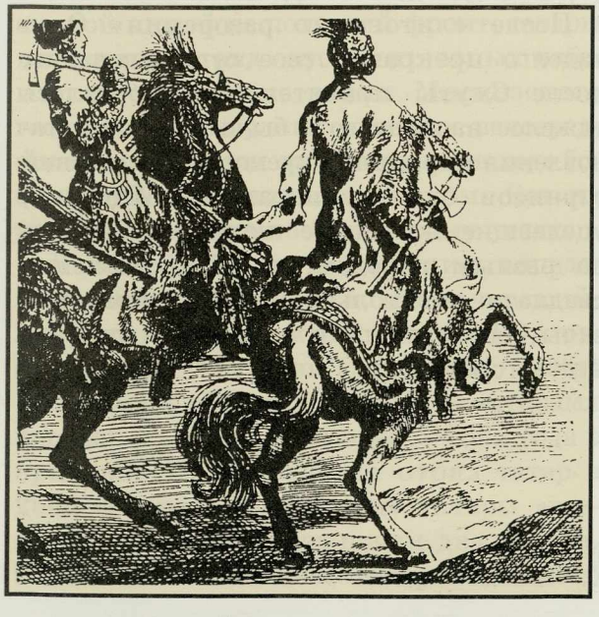
*Предположительно, на ночлег войско Пожарского остановилось на городище у д. Титова-Мотыка, при впадении реки Орлицы в Орлик под защитой древних крепостных валов. В писцовых книгах конца XVII века это городище названо «Пожарским». Лисовский же, по преданию, стал на ночлег на другом городище, у д. Гать, на устье рек Оки и Цона. Косвенным подтверждением этого, по словам краеведов конца прошлого века (Г. М. Пясецкий, А. Г. Пупарев), служили литовские нательные крестики и другие вещи, найденные на городище.

Не задерживаясь под Болховом и чувствуя «воевоцкой за собою поход», Лисовский бросился к Белеву. Белевские же воеводы струсили и, «позабыв государево крестное целованье (присягу. — *В. Н.*) и свою природу», «побегоша в лес», бросив город на произвол судьбы. «Пожже» в Белеве «Божия церкви и город и посад», Лисовский устремился к Лихвину, но этот маленький городок, в котором были лишь «малые осадные люди», устоял благодаря мужеству воеводы Федора Стрешнева. Лисовский спалил еще Перемышль, воевода которого Семен Глебов с гарнизоном бежал в Калугу. Пожарский, узнав «про Лисовского, что стал в Перемышле», послал наскоро к Калуге голов с сотнями, которые, опередив его, вошли в Калугу, подкрепив её гарнизон. Поняв, что с Калугой ему не справиться, Лисовский бросился на Ржеву Володимирову, где едва отсиделся от него боярин Федор Иванович Шереметев, шедший на помощь Пскову. Лисовскому благоприятствовало и то, что погоня от него отстала. Пожарский подкрепил было свои силы в Лихвине казанской ратью, в составе которой были и татары, но злая болезнь скрутила князя, и его, тяжело страдавшего, с трудом довезли до Калуги. Казанцы ушли в Казань, и воеводы, оставшись с немногими людьми, не ре-

Портрет князя Дмитрия Михайловича Пожарского.

Государственный исторический музей.

Легкая польская кавалерия, XVII век.



шились продолжать преследование. Лисовский, отбитый от Ржевы Володимировой, приступал еще к Кашину и Угличу, но эти города выдержали его бешеный натиск. Отказавшись от дальнейших попыток взять какой-либо город, он стал кружить между ними, разоряя селения и волости. Прошел между Ярославлем и Костромою в суздальские места, между Коломною и Переяславлем-Рязанским, Тулою и Серпуховом, без труда ускользая от неповоротливых московских воевод. Только в Алексинском уезде у него была стычка с князем Куракиным, который, однако, не сумел причинить ему больших потерь. В начале 1616 года Лисовский с остатками своего отряда сумел уйти за рубеж. Это был его последний поход. В октябре 1616 года он умер.

«И как будет от Стародуба двадцать верст, и Лисовскому учинилась смерть вскоре, спал с коня и издох», — с плохо скрываемым злорадством сообщалось в царской грамоте властям Троице-Сергиева монастыря. Его люди, оставшись без предводителя и без «работы», наделали много хлопот польскому правительству, а позднее, во время Тридцатилетней войны, прославились своими грабежами и насилиями, став сущим проклятием для мирного населения Чехии и Моравии, неизменно называя себя «лисовчиками» — по имени своего знаменитого предводителя.

Между тем, в сентябре–октябре 1615 года в Москве состоялось следствие и суд над воеводами, покинувшими во время набега свои города: орловским — Даниилом Яблочковым, белевскими — князем Михаилом Долгоруковым и Петром Бунаковым, а также перемышльским — Семеном Глебовым. Из Пушкарского и других приказов были срочно затребованы справки о состоянии укреплений в Орле, Белеве и Перемышле, количестве служилых людей, наличии в них пушек, хлебных и зелейных (пороховых) запасов для того, чтобы установить, «мочно ли в тех городех от литовских людей было отсидетца». После рассмотрения всех материалов вина воевод была признана непростительной.

В обвинительном приговоре им было сказано: «...а людей с вами в тех городах и наряду и зелья и свинцу было много, и сидеть было вам в тех городах мочно, и весть при Лисовского и про литовских людей у вас была, и боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский со всеми людьми стоял близко, и от него помочи ждать было мочно». Положение не было безнадежным, людей в городах, конечно, было не столь много, чтобы разбить такого воителя, как Лисовский, но отсидеться в осаде до подхода помощи можно было, в чем убеждал пример брянского воеводы Петра Воейкова, болховского — Степана Волынского и лихвинского — Федора Стрешнева, которые сумели отбиться и отстоять свои города и «службу и раденье свое показали, а себе государево жалованье и славу, и честь, и хвалу получили». В приговоре прямо указывалось в отношении виновных: «А только б не ваше злое воровство (преступление) и измена, и Лисовский не токмо Белева и Перемышля и Орла, и худых никоторых городов взят не имал».

Приговор боярской думы гласил: «...изменников Михаила Долгорукова, Петрушку Бунакова, Сенку Глебова, Данилка Яблочкова, за вашу измену и воровство бить кнутом на торгу и казнить смертию без всякие пощады».

7 октября осужденных привезли к месту казни, где им был зачитан приговор: «...измена их чтена и казнь сказана», после чего они были биты кнутом, затем их причастил священник, и когда оставалось только положить голову на плаху, царь Михаил Федорович, скорбя по своей матери Марфе Ивановне, «смертную казнь им отдал, казнить не велел и пожаловал государь, велел их [о]свободить» [5]. Впрочем, ни проявленная трусость, ни публичная порка и стояние у плахи, по-видимому, особенно не повлияли на служебную карьеру провинившихся. В частности, Даниил Яблочков впоследствии состоял младшим воеводой в Ливнах.

После «литовского разорения» Орел надолго прекратил свое существование, после Смуты правительству досталось тяжелое наследство и было не до восстановления окраинной крепости. Орловский гарнизон был приписан ко Мценску, уцелевшие жилецкие люди расселились по разным городам, и на протяжении двадцати лет только мощные земляные валы напоминали о стоявшем на этом месте городе.

ГЛАВА VIII

Восстановление Орловской крепости в 1635–1636 гг.

«И как к тебе сея наша грамота придет, и ты по прежнему нашему указу и по сей грамоте сошными людьми на городовое дело лес готовил, и прося у Бога милости и у Пречистые Богородицы помощи и у всех святых, пев молебны и посветя воду, на Орловском на старом городище город обложил и делать велел, и промышлял бы еси городовым строеньем по нашему указу неоплошно, чтоб на Орле город зделать и всякими крепостьми укрепить нынче по осени до большие стужи».

Из наказа воеводе Б. С. Колтовскому. Ноябрь 1635 г. [1]

Упразднение Орловской крепости после разорений Смутного времени тяжело отразилось на уцелевшем населении Орловского уезда, лишившемся укрытия, где оно могло отсиживаться во время «татарской войны». Пользуясь тем, что Россия начала войну с Речью Посполитой за возвращение Смоленска (1632–1634), а гарнизоны степных городов, и без того немногочисленные, были сильно ослаблены посылкой людей на польский фронт, татары предприняли ряд опустошительных набегов на окраинные земли Московского государства, результат которых непосредственным образом отразился на исходе боевых действий под Смоленском. Вот их краткая хроника по Орловскому уезду.

В июне 1623 года подверглись нападению татар Орловский, Карачевский, Мценский и Болховский уезды. В Орловском уезде у деревни Саголаевой между мценскими ратными людьми и татарами произошла стычка. В августе 1632 года в пределах уезда появился отряд татар в 2500 человек. В 1634 году татары «воевали» Орловский уезд почти два месяца. 23–25 июля тысячное татарское войско действовало под Мценском и в Орловском уезде. 29 сентября отряд в 500 татар подошел к границам Орловского уезда, но, получив отпор, ушел «воевать» в Болховский уезд. При возвращении они были настигнуты мценским воеводой Дмитрием Колтовским, который у Орловского городища дал им бой. Татар разогнали, взяв в плен 20 человек и освободив 650 русских полоняников [2].

В связи с непрекращавшейся «татарской войной» в разных концах Орловского уезда стали возникать небольшие крепостцы, возводившиеся силами местных вотчинников и крестьян для своей защиты, но без санкции властей.

Мценские воеводы Степан Стрешнев и Федор Сухотин в отписке, полученной в Разряде 28 апреля 1635 года, доносили, что в Орловском уезде орляне — дворяне и дети боярские вместе с уездными людьми поставили четыре острожка, в которых собирались отсиживаться во время татарских набегов с женами, детьми и с крестьянами. Поскольку Стрешневу и Сухотину было поручено оберегать от татар три уезда — Мценский, Новосильский и Ор-

Татарский полон.

Из старопечатной Псалтыри 1633 года из древлехранилища Троице-Сергиевой лавры.

ловский, то они писали, что боятся царской опалы, в случае если татары разгромят построенные самочинно укрепления и пленят людей [3].

Рассматривавшие отписку бояре приговорили поискать в Орловском уезде место, где лучше поставить острог, «а поставить бы где крепче и лучше и среди людей» для того, чтобы уездным людям было куда спасаться и не бежать с пожитками в неблизкий Мценск, а построенные самовольно острожки упразднить. Сухотину и Стрешневу было велено отписать, сколь далеки те острожки от Мценска и других городов и где поставлены. В боярской думе, по-видимому, решили, что если положение одного из острогов будет удачным, то его можно расширить, дополнительно укрепить и превратить таким образом в новый центр Орловского уезда [4].

В июне 1635 года в Москву пришло сообщение от Сухотина и Стрешнева, что они, согласно царскому указу, послали в Орловский уезд болховитина Ивана Власова, мценянина Ивана Черемисинова да орлянина Онфима Некрасова, наказав им осмотреть и обмерить орловские острожки, а также присмотреть в Орловском уезде место крепкое и у воды для новой крепости. Иван Власов «со товарищи» справился со своим поручением. Он привез смету и роспись орловским острожкам, которых оказалось три: Каменский, Тойчевский (Тайчуковский) и Корчековский (Корчаковский).

Первым 18 мая служилые осмотрели Каменский острожек у деревни Башкатовой. Острожек располагался на лесной поляне «на плоском месте». В пяти саженях от него находился овраг с ручьем — «колодезь». Крепостицу окружала острожная стена с прорубленными в ней бойницами длиной 56 сажен. Вокруг острожка были поставлены надолбы. По-видимому, в отличие от других, позднее осмотренных Власовым острогов, это укрепление имело форму, близкую к овалу или кругу. Ставили его силами двух приходов — Афанасьевского и Покровского «розные помещики, которые окола тово лесу живут». По словам сына боярского Мартына Башкотова, кроме служилых людей в осадное время в острожке укрывалось около сорока пяти «и больше» крестьян с пищалями. К сожалению, никаких следов остро-

га в современном селе Башкатово не сохранилось. Предположительно, он находился на территории бывшей помещичьей усадьбы Тиньковых.

20 мая Власов со своими людьми прибыл к Тойчевскому острожку. Из всех орловских острогов этот оказался наиболее укрепленным. Он располагался «серед лесу» между двух оврагов и был окружен дубовой острожной стеной с обламами и бойницами протяженностью в 80 сажен, образовывавшей в плане прямоугольник размером 10х30 сажен. Внутри острожка были поставлены клети «на сохах». Приступ к нему был возможен только с одной стороны, где предусмотрительно было вырублено десятин с десять леса. Власов переписал неслужилых детей боярских и крестьян с пищалями и саадаками, которые в «сполошное время бегают в тот острожек». Их, «оприч служилых и безоружных» людей, оказалось 64 человека с пищалями и 21 с саадаком. По мнению Власова, предварительно несколько расширив территорию и укрепив посредством устройства запруды в оврагах, Тойчевский острожек можно было сохранить и использовать в качестве заставы, поскольку татарская сакма (дорога. — *В. Н.*) проходила от него всего в трех верстах. Но в качестве города он не годился, по словам Власова, «жилецким людем и городку быть нечава в тесноте в лесу». Точное местоположение Тойчевского острожка сейчас определить сложно. Согласно росписи, он находился в пяти верстах от старого Орловского городища, а от татарской сакмы и реки Оптухи — в трех верстах. Предположительно, острог располагался на одном из ручьев, впадавших в Оптуху.

21 мая служилые «смечали и мерили» Корчаковский острожек в одноименном стане. Он находился «серед лесу Корчековского», на островке, «обтекли его два проточка небольшия». Острожек окружала стена в виде неправильной фигуры размером 30х15х7х15 сажен. По словам Гаврилы Тенетилова и Данила Бирлова «и ево сотни детей боярских», тот острожек был «без ратных людей, сидеть в нем некому». Предположительно, остатками Корчаковского острожка является городище у деревни Ледно современного Урицкого района.

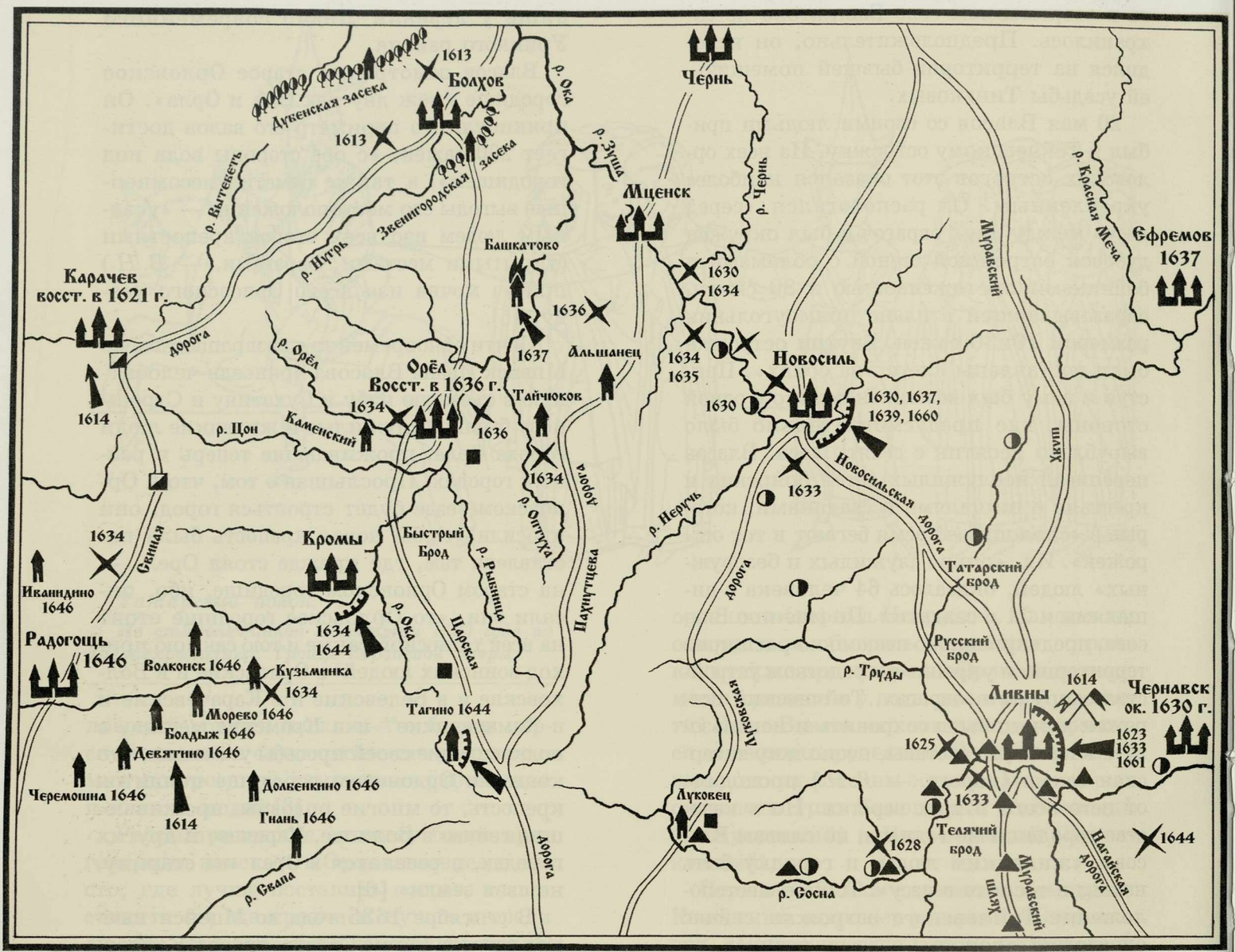
Власов осмотрел и старое Орловское городище «меж дву рек Оки и Орла». Он прикинул, что периметр его валов достигает 200 сажен, «с обе стороны вода под городищем», а также отметил несомненные выгоды его местоположения — «уездным людем изо всех сторон крепостями (укрытыми местами, оврагами. — *В. Н.*) прибеч мочна иза всево Орловского уезду» [5].

Почти одновременно с возвращением во Мценск Ивана Власова принесли челобитную в съезжую избу к Сухотину и Стрешневу бывшие служилые и жилецкие люди города Орла, проживавшие теперь в разных городах. Прослышав о том, что в Орловском уезде будет строиться город, они просили, чтобы новая крепость была поставлена там, где прежде стоял Орел, — на старом Орловском городище, ибо, писали они, «то Орловское городище стоит на всей татарской сакме и тою сакмою приход воинских людей* в Орловские и в Болховские и в Белевские и в Карачевские и в Камаритцкие** и в Кромские места», в подкрепление своей просьбы указывая, что когда на Орловском городище появится крепость, то многие орловцы, проживающие сейчас в Болхове, Карачеве и других городах, переселятся в Орел «на старину, на свои земли» [6].

В сентябре 1635 года во Мценск выехал воевода Борис Савостьянович Колтовский с правительственным наказом, которому было поручено строительство крепости в Орловском уезде. Во Мценске он должен был собрать бывших орловских стрельцов, пушкарей, казаков, прочих служилых и жилецких людей, орлян — дворян и детей боярских, которые жили по разным городам, и зачитать им царский указ о строительстве крепости и о разрешении им переселяться из Мценска и других городов на новое место — строиться. Еще в Москве Колтовскому была

*Воинские люди — в данном случае татары.

**Здесь подразумевается Комарицкая волость, занимавшая территорию современного Дмитровского района Орловской области и Севского района Брянской области.



Фортификационные сооружения и борьба с крымскими татарами на территории Орловского края в XVII веке. Реконструкция автора.

Орел — *государственные крепости;*

Болдыж 1646 — *острожки (крепостицы) и даты их основания;*

— *засеки с засечными воротами;*

— *татарские шляхи;*

■ — *орловские сторожи;*

◪ — *карачевские сторожи;*

▲ — *ливенские сторожи;*

◑ — *новосильские сторожи;*

— *осада городов татарами;*

✕ — *места боев с татарами;*

— *сожжение татарами крепостиц;*

— *место переговоров о мире с татарами.*

Примечение: на схеме отображены только те бои и стычки с татарами, о которых сохранились документальные сведения.

выдана часть снаряжения для будущей крепости — десятипудовый вестовой колокол и десять пудов ружейного пороха. Кроме того, во Мценске он должен был забрать старый орловский наряд — две пушки полковых, пять пищалей затинных, десять пудов пушечного пороха, двадцать — ружейного, двадцать пудов свинцу и по пятьдесят ядер к полковым и затинным пищалям. Для помощи в строительстве и для подкрепления гарнизона в Орел должны были послать служилых людей из соседних городов: из Белева — двадцать пять человек стрельцов и казаков и двадцать человек беломестных казаков; из Болхова — двадцать человек стрельцов и казаков; из Карачева — двадцать человек стрельцов и 50 человек стародубских выходцев — стрельцов и казаков, а также беломестных казаков 10 человек; из Новосиля — двадцать пять человек стрельцов и 30 казаков, с Черни — сорок стрельцов и казаков. Всего — 220 человек. Соответствующие царские указы воеводам этих городов были заранее отосланы. Колтовскому оставалось, прибыв во Мценск, отписать в эти города, чтобы люди оттуда были высланы к нему на Орел «тотчас, безо всякого мотчанья» (без проволочек. — *В. Н.*) [7].

Приехав во Мценск 9 октября, Колтовский пробыл в городе семь дней, дожидаясь людей из Болхова, Белева, Карачева и других городов, куда он разослал напоминания о присылке. Но до 15 октября во Мценск никто не подошел, и в тот же день Колтовский, собрав орловских стрельцов и пушкарей, проживавших во Мценске, а также тех орлян, которые успели прибыть из других городов, выступил из города. На первом стане воевода устроил смотр своих людей, их оказалось маловато — 73 человека орловских стрельцов и 9 пушкарей и затинщиков. Со своим немногочисленным отрядом Колтовский отправился было дальше, но тут его на дороге нагнал мценский рассыльщик Сенька Кошеверов, посланный мценским воеводой Ларионом Камыниным с татарскими вестями. Он сообщил, что поблизости появились татары, и Колтовскому со своими людьми пришлось три дня сидеть в лесу в устроенной им засеке, пока опасность не прошла. 18 октября Колтовский двинулся дальше и, присоединив к своему отряду немногих орловских дворян и детей боярских, догнавших его по дороге, прибыл на Орел и стал на Орловском городище. Отсюда он немедленно послал вестовщиков в Курск, Новосиль и Кромы, а также отрядил сторожу на Луковец — в сорока верстах от Орла она должна была съезжаться с ливенской сторожею, на Руду — в 20 верстах от Орла и в урочище Корабль — в 8 верстах от города. Одновременно Колтовский разослал бывших при нем детей боярских по уезду собирать местных дворян и вотчинников на Орел. Когда дворяне и дети боярские съехались на городище, Колтовский вместе с ними, а также с орловскими пушкарями, стрельцами и казаками начал осматривать места, «где быть городу лучи» [8].

Вопрос о том, где строить город — на старом Орловском городище или «на ином месте блиско тово городища», был в компетенции Колтовского, которому предстояло самостоятельно решить, «где по ево мысли и по выпросу дворян и детей боярских пригоже быть городу». Принятое решение он должен был предварительно утвердить в Москве, для чего ему необходимо было направить туда чертежи и описания места, где он хочет заложить город.

Осмотрев многие места, Колтовский остановился на старом Орловском городище. Здесь, при впадении реки Орла в Оку, хорошо сохранились земляные валы, на которых, по словам служилых людей, живших в Орле до разорения, стояли стены Рубленого города, а на подступах к нему виднелись еще две линии валов, некогда ограждавших малый острог и посад. Кроме того, на горе за рекой Орлом и за рекой Окой также виднелись следы старых укреплений. На окончательное решение воеводы, по-видимому, повлияла и челобитная на царское имя, врученная ему орловскими служилыми людьми, в которой орловцы писали, что «окроме орловского старого городища строить негде», а также отвергали возможные места для строительства города — гору за рекой Орлом,

позднее получившую название Егорьевской*, Ямскую** и Взвозную*** горы [9]. Егорьевская гора находилась напротив городища и еще в XVI веке была укреплена рвом и валом, защищавшими находившийся на ней посад, но у нее был существенный недостаток — она была далеко от реки, саженях в 70-ти, кроме того, крепость, построенная на ней, была бы прикрыта только с одной стороны — со стороны реки Орла, с других сторон к ней подходили ровные поля. Не захотели строиться служилые и на Ямской горе. Взвозная гора была приспособлена к обороне гораздо лучше — с одной стороны ее обрывы спускались к реке Оке, с двух других были глубокие овраги-суходолы, но челобитчики отвергли и ее, заявив, что в суходолах нет воды, а поля и угодья служилых людей находятся от нее далеко. В заключение орловцы писали: «Милосердный царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси, пожалуй нас, холопей своих, вели, государь, строить на старом городищи острог, агороди нас, орлян... бедных, разоренных издавна, царь государь, смилуйся» [10].

Кроме челобитной, на решение Колтовского ставить крепость внизу, на старом месте, могли повлиять и иные причины. Для того чтобы начать строительство на одной из гор, надо было определить фор-

*Егорьевская гора — высокий берег р. Орлик. Свое название получила по церкви Егория (Георгия), стоявшей на месте современного кинотеатра «Победа».

**Ямская гора — крутой берег при впадении в Оку р. Орлик. Располагалась между двумя ныне засыпанными оврагами: один шел от здания горисполкома к гостинице «Салют», другой — от памятника И. С. Тургеневу до улицы М. Горького.

***Взвозная (Ввозная) гора — крутой берег р. Оки, ограниченный с двух сторон глубокими оврагами. В 80-е годы XVII века на Взвозной горе обосновался мужской Успенский монастырь.

му крепости, наметить места, где стоять проезжим и глухим башням, где расположатся церкви и слободы, короче — для строительства нужна была определенная сумма знаний по фортификации, которой у Колтовского могло не быть или быть в небольшой степени.

Внизу же, на стрелке были целы рвы и валы старой крепости, а среди стрельцов и пушкарей было много таких, которые служили в Орле до разорения и могли рассказать и показать, где стояли проезжие и глухие башни и какие они были. Таким образом, здесь задача Колтовского существенно упрощалась, ему надо было только поставить крепость по старому образцу на хорошо сохранившихся земляных валах, которые не нужно было даже подновлять.

В то же время на любой из намеченных трех гор, кроме, пожалуй, Егорьевской, где еще оставались целы ров и вал, некогда ограждавшие посад, нужно было провести большой объем земляных работ, а также предстояли дополнительные хлопоты по разметке крепости и, как следствие, длительная переписка по поводу утверждения ее плана с Москвой. Кроме того, на новом месте предстояло заново отводить земельные участки служилым людям, в то время как на старом городище земля орлянам была ведома и многие пришедшие из других городов поселились на своих старых землях, избавив этим воеводу от довольно хлопотного занятия по отводу новых угодий, сопровождаемого, как правило, ссорами служилых.

В своих отписках царю Колтовский не дал вразумительного объяснения, почему он считает нецелесообразным строительство города на Ямской горе, высившейся прямо напротив старого городища у впадения Орла в Оку. В XVI веке на Ямской горе находилась Ямская слобода, отчего она и получила это название. Гора стояла всего в нескольких саженях от воды и была, пожалуй, более других пригодна для строительства города. С востока ее обрывы омывали воды Оки, а с юга и северо-запада прорезали глубокие овраги. Правда, и она была не без недостатка — площадка горы постепенно снижалась к обрыву, но его можно было ликвидировать, сделав крепость достаточно больших размеров и отодвинув крепостную стену на гребень горы.

По-видимому, Колтовский лукавил и пошел на поводу челобитчиков, поддержав решение, которое было ему выгодно. Строительство на одной из гор, несмотря на очевидную выгодность в военном отношении, потребовало бы большего напряжения сил и времени, между тем выбор Колтовским старого Орловского городища давал ему возможность закончить работы гораздо быстрее и не ломать голову над планировкой крепости. К тому же в наказе, который он получил, отправляясь из Москвы, требовалось, чтобы крепость была закончена уже этой осенью, до больших снегов. Как потом оказалось, срок совершенно нереальный, и воеводе следовало поторапливаться. Между тем был уже конец октября, а практически ничего сделано не было.

Решив строить крепость на старом Орловском городище, Колтовский распорядился измерить его, а также за рекой Орлом — горы Егорьевскую и Взвозную и нанести их на чертеж. Выполнил его орловский пушкарь Василий Иконник, который, судя по прозвищу, занимался иконописным делом, но с его изготовлением приключилась небольшая заминка. Оправдываясь, Колтовский писал, что Васька Иконник, отпущенный мценским воеводой вместе с ним на Орел, не взял с собой никаких красок и пришлось отправить его во Мценск. Тот особенно не торопился и погостил во Мценске семь дней: «...и как он приехал на Орел, и я, холоп твой, велел ему чертеж начертить», — доносил Колтовский. Васька Иконник «на чертеж начертил как быть городу, и острогу, и башнем, и тайнику, и из города мост и отводную башню за городовым рвом, и ров городовой, и реку Оку и Орел реку начертил на чертеж же» [11]. Можно предположить, что чертеж, изготовленный богомазом, не являлся чертежом в прямом смысле этого слова, скорее, это было подобие аксонометрического рисунка, выполненного в иконописной манере и дававшего представление не только о расположении города на местности, но и о внешнем виде

крепостных стен, башен и храмов будущего города. Несомненно, что, рисуя крепость по воображению, Василий Иконник, живший в Орле до разорения, мог придать ей черты города, существовавшего здесь ранее, а то, что он уже не помнил или забыл, ему могли подсказать сослуживцы. Таким образом, «проектный чертеж» Василия Иконника мог нести информацию не только о восстанавливаемом городе, но и о его облике до «литовского разорения». К сожалению, его чертеж не дошел до наших дней, в последний раз он упоминается в Описи чертежей Разрядного приказа, составленной думным дьяком и печатником Д. М. Башмаковым в 1668 году [12]. По-видимому, чертеж Василия Иконника вместе со множеством чертежей других городов Московского государства погиб в огне одного из больших московских пожаров XVIII века.

Руководствуясь чертежом, Колтовский начал составлять смету, сколько леса надобно на строительство. Новую крепость он решил поставить на валах, оставшихся от Рубленого города XVI века. Правда, восстанавливаемая им крепость по своему внешнему облику должна была отличаться от той, что стояла на этом месте ранее. В наказе Колтовскому говорилось, чтобы крепость он ставил городом или острогом,* «како лучше», но он решил, по-видимому, для быстроты, вместо более прочной и мощной городовой стены, бывшей здесь ранее, поставить острог, правда, усиленный обламами и тарасами, отчего и восстанавливаемая им крепостица получила название «Малого острожка». Строительство городовой стены обошлось бы гораздо дороже, на нее ушло бы больше времени и леса, но она была более приспособлена для ведения «огненного боя»,** да и наводнения выдерживала лучше. Небольшие размеры Малого острожка — периметр его стен достигал 159 сажен — позволяли Колтовскому надеяться, что он покончит со строительством до зимы. Восстанавливать острог, некогда защищавший посад, Колтовский не собирался, во врученном ему наказе об этом не было ни слова, к тому же для этого нужен был специальный царский указ. Поэтому, сообщая в очередной отписке царю о том, что он начал готовить смету для строительства Малого острожка, воевода писал: «...а на острог, государь, и на острожные башни я, холоп твой, лесу не выкладывал, сколка какова лесу на острог надобна, потому что мне на Орле, острогу, окроме города, велет не указана и а том, государь, мне, холопу своему, как укажешь» [13].

После составления сметы, а было уже 26 октября, Колтовский разослал по соседним городам орлян — детей боярских, а также орловских стрельцов и казаков за сошными людьми, которые должны были лес возить, город рубить и «всякия городовые крепости делоть». Тем временем начали подходить люди из других городов: из Карачева прибыло восемьдесят стрельцов и беломестных казаков, из Новосиля — полсотни стрельцов к казаков. Подошел 1 ноября отряд чернских служилых людей в количестве 40 человек. Начальствовавший над ними орлянин сын боярский Иван Сотников рассказал, что когда они остановились на ночлег во Мценском уезде «на Лавровом поли Чапкина, да на Иванова поли Коротеева», ночью на них напали «незнакомы люди и их погромили». Во время ночной свалки один из чернцев казак Ларька Титов был тяжело ранен «из лука под левый пах под живот». Раненого пришлось оставить во Мценске, везти его в Орел не было смысла, он умер бы по дороге. «Для береженья» с ним оставили другого казака — Калинку Михайлова, «покаместа он, Ларька, отлежетьца» [14].

Служилые люди из других городов прибыли без особых приключений и сразу же стали ставить избы в преддверии наступавшей зимы.

Но тут выяснились новые, непредвиденные обстоятельства. Оказалось, что Малый острожек слишком невелик и тесен, в результате чего места для дворов многим дворянам, детям боярским, стрельцам,

*Город, или Рубленый город, — крепость, стена которой состоит из городен — срубов, поставленных вплотную друг к другу. Острог — крепость, огороженная стеной из заостренных и вкопанных вертикально бревен.

**«Огненный бой» — артиллерийский и ружейный огонь.

Царь Михаил Федорович. Парсуна. XVII век. По его указу в 1635–1636 гг. был возобновлен Орел.

пушкарям и затинщикам просто не хватало. Ведь кроме дворов в Малом острожке должны были разместиться: соборная церковь, тюрьма разбойная, тюрьма опальная,* а также постройки, набор которых был непременной принадлежностью каждого русского города — воеводский двор с жилыми и хозяйственными строениями, казенный пороховой погреб, съезжая изба, житницы.

Все это должно было сосредоточиться на площади всего около одного гектара, таким образом, места для дворов служилых людей в малом остроге оставалось совсем ничего. В то же время строиться за пределами крепости Колтовский служилым не разрешил, руководствуясь царским наказом, в котором говорилось: «...а за городом слободами без государеву указу никаким людем строитца не велети». Очутившись в безвыходном положении, орловцы подали Колтовскому челобитную на царское имя с просьбой разрешить строиться на месте, где преж сего был посад, рядом с Малым острожком. Посад некогда также был укреплен острожной стеной, и от его укреплений еще сохранились ров и вал. Колтовский приказал чертежнику начертить на чертеж и посад, составил смету на восстановление его укреплений и, подклея челобитную служилых под свою отписку,* распорядился отослать в Москву чертеж и сметы как для строительства Малого острожка, так и для примыкавшего к нему острога [15]. Теперь оставалось только дождаться утверждения боярской думой решения Колтовского и получить царский указ о начале строительства на намеченном им месте и по его чертежу.

Наконец в начале ноября из Москвы был прислан указ о строительстве. Отписка и чертеж Колтовского были рассмотрены в Москве довольно оперативно, всего за два дня, и уже шестого числа указ вместе с орлянином сыном боярским Иваном Каменевым был отослан на Орел. Рассматривавших чертеж и роспись бояр, среди которых несомненно были люди, разбиравшиеся в ратном деле, не могло не насторожить то, что прямо напротив крепости на расстоянии пушечного выстрела высилась гора, но они не могли игнорировать челобитные орловцев, просивших построить город на прежнем месте, и мнение поддерживавшего их воеводы. Справедливо рассудив, что на месте виднее, бояре дали «добро» решению Колтовского. Это нашло свое отражение в строчках указа: «...и по нашему (царскому)

*Тюрьма опальная — тюрьма для лиц знатного происхождения.

*Голландец Ян Вердус по поводу русского делопроизводства того времени писал следующее (1596 г.): «Думаю, что во всем мире не тратится столько бумаги, сколько здесь, потому что русские никогда не пишут с двух сторон, а только с одной стороны. И к тому же они никогда не пишут за столом или на чем-нибудь ещё, но исключительно на коленях и ничего не подкладывают под бумагу. Они никогда не режут бумагу в ширину, как это делаем мы, а только разрывают её в длину, и когда этот кусок бумаги исписывают до конца, то подклеивают к нему ещё кусок, так что получается свиток длиной в 10, 20, 30 саженей».

указу бояре наши тово чертежу смотрели и приговорили на прежней городовой осыпи* против чертежу поставит город» [16].

Прежнее острожное место меж рек Оки и Орла, где хотели поселиться служилые люди, разрешили заселить и также обнести стеной. В указе Колтовскому попеняли на то, что на чертеже, хоть и была нарисована Ямская гора, но не было указано расстояние от нее до крепости. Возможно, это было сделано чертежником с подсказки Колтовского, поскольку, укажи он расстояние до Ямской горы, буквально нависавшей над городом, решение воеводы было бы отклонено. Он ведь и так фактически игнорировал ту часть привезенного с собой еще из Москвы наказа, в которой говорилось: «...и которые горы подошли блиско к орловскому к старому городищу, и ему горы измерить ж и каковы те горы мерою, и далеко ль от города которая гора будет, и в приход воинских людей от тех гор городу в нем людем какова дурна не будет ли, и в город с тех гор не будет ли видет, и за теми горами в приход воинским людем стояти нелзе ли, и из города из наряду по них стрелят мочно ли, и укрытца им за теми горами нелзе ли...» [17]. Между тем, не требовалось быть большим стратегом, чтобы не заметить, что с высоты Ямской и Егорьевской гор территория крепости хорошо просматривается, а установленные на них осадные батареи могут причинить очень большое «дурно» лежащему в низине городу.

Онисим Михайлов в своем труде «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», законченном в 1621 году, — первом русском военном сочинении, заключавшем в себе основы военного дела, артиллерии, тактики и фортификации, писал, что при закладке города или крепости следует посмотреть, нет ли близко места будущего строительства гор или холмов, или курганов высоких, или «иннова высокова места» и предупреждал, «чтоб выше города вершины ни которые не было». А если есть поблизости гора, то следовало осмотреть, нельзя ли с нее через крепостную стену поражать защитников, стоящих у зубцов и бойниц противоположной стены [18].

У Орловской крепости было как раз такое положение. Впоследствии в росписи крепости указывалось: «...а город построен на ниском месте... и с ямские земли з горы в город видно через городовые стены, и в приход воинских людей в осаде сидеть опасно» [19]. Орловские служилые люди в своих челобитных также жаловались, что «тот де старый город Орел поставлен в низком месте и в приход воинских людей от пушечные стрелбы в город укрыться нелзя», и вообще, город «к осадному времени ничем ненадежен» [20]. Но это все в будущем.

Рассматривавшие чертеж и дававшие «добро» Колтовскому на строенье бояре не знали всех обстоятельств дела, но, тем не менее, понимая опасность, грозившую городу со стороны близких гор, рекомендовали ему гору за рекой Орлом, «где преж сего был посад», укрепить честиком или «иными крепостьми како лучше», но это решение было чисто формальным. Ров, невысокий вал и деревянные ежи — честик могли хорошо защитить эту часть города от набега татар, но отряд регулярного войска с пушками и мушкетами без особого труда преодолел бы эту линию укреплений. В заключение Колтовского поторапливали со строительством крепости, чтобы он, как только к нему «сея грамота придет», лес готовил и, «прося у Бога милости и у Пречистые Богородицы помощи и у всех святых пев молебны и посветя воду, на Орловском на старом городище город обложил и делать велел, и промышлял бы еси городовым строеньем по нашему указу неоплошно, чтоб на Орле город зделат и всякими крепостьми город укрепит нынче по осени до болшие стужи», а также требовали, чтобы он о том, как «городовое и острожное дело делаетца... писал к нам почасту» [21]. Итак, Орел должен был встать на старом месте.

Согласно составленной Б. С. Колтовским «Росписи, что надобна на башенное и на острожное строение лесу по Орловскому по старому городищу» [22], Орловскую крепость предполагалось восстановить в следующем виде.

*«Городовая осыпь» — крепостной вал.

На стрелке, при впадении реки Орла в Оку было решено поставить Малый острожек (город), который играл роль кремля. В «Росписи...» не говорится ни о каких земляных работах, по-видимому, при строительстве было решено использовать старые рвы и валы. Таким образом, восстанавливаемый Малый острожек должен был полностью сохранить конфигурацию крепости, стоявшей на этом месте в XVI веке. По старой «городовой осыпи» было решено поставить семь башен, из них две проезжие. Восьмая башня — проезжая Отводная, должна была стоять вне территории Малого острога. На их строительство было положено 1900 бревен. Периметр крепостной стены острога, усиленного обламами, тарасами и мостами, должен был составить 132 сажени, не считая башен. На нее было выделено лесу 8740 бревен, в среднем 66,2 бревна на сажень стены.

Из крепости к реке Орлу требовалось прокопать тайник, на его постройку сметили 1000 двухсаженных бревен.

В «Росписи...» перечисляются также постройки внутри крепости — соборная церковь, тюрьма разбойная и тюрьма опальная. На них требовалось соответственно 500, 300 и 150 бревен.

Для хранения пороха, свинца и всяких воинских припасов, ибо «без зелейной казны осада крепка не живет», в крепости нужен был казенный погреб. Обычно он представлял из себя сруб, вкопанный в землю и перекрытый накатом, присыпанным землей, над которым стоял казенный сарай, где хранились пищали, банделиеры, бердыши, копья и другое вооружение. На казенный погреб и сарай сметили лесу 500 бревен.

Поскольку Малый острожек, расположенный на низком затопляемом месте, часто страдал бы от наводнений, были приняты меры для предотвращения подмыва водой крепостных стен и башен. Для этого перед всеми семью башнями надо было выстроить подпорные стены — быки, на которые требовалось 2000 бревен.

Главные ворота Малого острожка с Большим острогом соединял мост, на противоположном конце которого собирались поставить Отводную проезжую башню. Она должна была усилить оборону крепости с наиболее опасной южной стороны и затруднить подступ неприятеля к воротам Малого острожка, а также облегчить вылазки защитников из крепости. На городовой мост и на отводной острог сметили 4000 бревен. Первоначально отводные башни были во многих русских крепостях — как каменных (Москва, Нижний Новгород), так и деревянных, но до наших дней сохранилась только Кутафья башня перед Троицкими воротами Московского Кремля, на Орловщине же это первый пока известный случай применения сооружений подобного рода.

Примыкавший к Малому острожку Большой острог тоже сохранил размеры и конфигурацию крепости XVI столетия, во всяком случае, с юга он ограничивался валами и рвами, оставшимися от острога, стоявшего здесь в XVI веке. Длина крепостной стены Большого острога должна была составить 764 сажени, без учета места, занимаемого башнями. На ее постройку сметили 12890 бревен, в среднем 16 бревен на сажень стены. Она представляла из себя обычный острог, в одно бревно, без тарасов и обламов. На 8 башен Большого острога должно было уйти лесу 4600 бревен, а также 500 брусов, а на острог, кроме того, 500 катков.

Наугольные башни Большого острога, стоявшие по берегам рек Оки и Орла, предполагалось укрепить быками, «чтоб вода не подмыла». На быки под Наугольную башню от реки Оки нужно было 400 бревен, а под башню со стороны реки Орла «лесу надобно 200 бревен». Кроме того, быки должны были быть устроены и под одной из глухих башен от реки Орла, стоявшей напротив Малого острожка. «Под тое ж башню... лесу надобно в быки 400 бревен».

Вдоль старого рва, оставшегося от Большого острога XVI века, планировалось поставить надолбы и честик «для крепости от проходу воинских людей», на который должно было уйти 2700 бревен. Судя по тому, что в «Росписи...» не упоминаются мосты через ров перед проезжими башнями Большого острога, их, по-видимому, заменяли земляные перемычки.

Кроме того, требовалось укрепить и Заорлицкую часть города. Здесь для защиты посада, расположившегося на горе, позднее получившей название Егорьевской, вдоль старого рва XVI века было решено набить надолбы, на которые сметили 2500 бревен.

Предметом особого беспокойства Колтовского было отсутствие на месте будущего строительства городового мастера и плотников, «которым городовое дело было бы за обычей». Сам Борис Савостьянович определенным градостроительным опытом обладал, но чисто административным, искусство фортификации ему, судя по всему, было мало знакомо, иначе он, зная о последних достижениях в военном деле, не стал бы ставить крепость под горой. В 1629 году Колтовский воеводствовал на строительстве крепости Кашира, где осуществлял общее руководство работами, разбивку же плана крепости на местности и надзор за сооружением укреплений вели «кормовые немцы» Давид Францев и Иван Жемакин «с товарищи» [23]. К тому же Колтовский был неграмотен. В одной из своих отписок, оправдываясь за ошибку в смете и сваливая всю вину на писца, он доносил: «...и тое, государь, башню приписал грешною мерою подьячий и лесу на тое башню в отписке не отписал, а я, холоп твой, грамоте не умею...»* [24]

Строительство моста.
Миниатюра из «Царственной книги», XVI век.

Борис Савостьянович предпринял поиски и узнал, что во Мценске на строительстве крепостных стен у Федора Оладьина был мастер Феофил Григорьев, в настоящее время проживавший во Мценске. Поэтому воевода и просил Разряд дать указную грамоту о высылке его на Орел. В царской указной грамоте мценскому воеводе Л. Камынину было велено сыскать Григорьева и, дав ему корм «на месяц по пяти денег на день изо мценских доходов», отослать на Орел. Камынин предпринял розыск и выяснил, что бывший городовой мастер стал крестьянином у боярина Л. С. Стрешнева и в настоящее время во

*Направление для строительства Орла не слишком сведущего воеводы можно объяснить тем, что в это время начались грандиозные фортификационные работы по возведению городов и укреплений на Белгородской черте и все опытные в военном деле и градостроительстве воеводы были переброшены туда. Орёл же к тому времени стал тыловой крепостью. В Разряде, тем не менее, сознавая недостаточную профессиональную компетентность Колтовского, требовали от него, чтобы он о всех своих действиях «писал почасту».

Мценске отсутствовал, по словам приказчика, — «тот Феофилка поехал к Москве» [25]. Городового мастера так и не удалось сыскать и впоследствии на строительстве пришлось обходиться без него, что, впрочем, облегчалось тем, что крепость строили без особой «городовой хитрости», по старой черте и «прежним обычаем».

Помимо строительных, встал вопрос и о вооружении будущей крепости. Колтовский привез с собой из Мценска только старый Орловский наряд, состоявший из 2-х пищалей полковых, 5 затинных и некоторого количества пороха и ядер к ним, чего было явно недостаточно. Борис Савостьянович совершенно справедливо жаловался, что из-за нехватки наряда и припасов в городе «в приход воинских людей аборонитца не из чево, сидеть будет пристрашно», а также приложил к своей отписке список требуемого наряда. По его смете на 10 глухих башен требовалось «на всякую башню по пищали полуторной, да по пищали полковой, да по чатыря затинных, да в поземном бою (нижнем этаже. — *В. Н.*) по тюфяку». Для каждых из семи ворот Малого и Большого острогов «надобна по две пищали полковых, да по два тюфяка, да по осми затинных» [26]. Над отпиской Колтовского, по-видимому, изрядно повеселились в Разряде. Согласно его смете для вооружения новостроящейся крепости требовалось: 10 пищалей полуторных, 24 тюфяка, 24 полковых пищали и 96 затинных. Для сравнения укажем количество наряда в соседнем Мценске: 7 пушек медных и железных и 9 затинных пищалей [27]. В других городах артиллерийское вооружение было не богаче, а того количества пушек, какое просил Колтовский для Орла, с лихвой хватило бы на пяток новопоставленных городов.

Тем не менее вопрос о вооружении новой крепости необходимо было решать, к тому же сам Колтовский подсказал способ его выполнения. В Брянске в это время находился наряд, вывезенный из городов, отданных Речи Посполитой согласно условиям перемирия: Рославля, Новгорода-Северского, Стародуба, Трубчевска и Почепа. «А тот де, государь, привозной наряд во Брянску стоит не у дела, за лишком» [28], — писал Колтовский. Вопрос об артиллерийском вооружении для Орловской крепости был рассмотрен в Москве, и уже 7 февраля главе Пушкарского приказа окольничему князю А. Ф. Литвинову-Мосальскому и дьяку С. Угодскому была послана соответствующая память [29]. В указной грамоте из Пушкарского приказа, отправленной брянским воеводам князю Ивану Андреевичу Хилкову и Миките Александровичу Чоглокову, говорилось об отправке на Орел бывшего Рославльского наряда, состоявшего из 3 пищалей медных московских в станках, двух пищалей затинных литовских, отбитых в бою под Рославлем, 566 ядер для московских пищалей, 181 пуда с полупудом пороховых запасов и 109 пудов с четью свинцу; Трубчевского наряда — трех пищалей медных с 582 ядрами, 99 пищалей стрелецких ручных, 30 мушкетов; Почепского наряда — трех пищалей медных коротких с 200 ядрами, дробу железного 1 пуда с четью, двух пищалей затинных, 1 мушкета, 1 пищали стрелецкой ручной, 45 пудов пороха и свинца, а также 9 пищалей затинных, взятых в бою под Пропойском. Всё это было велено доставить на Орел с соответствующей охраной «ныне по зимнему пути тотчес», «чтоб наряд — зелье и свинец, и пищали, и всякие пушечные запасы... до Орла довести здорово» [30].

Но для обслуживания этой достаточно многочисленной артиллерии на Орле людей было очень мало, всего 9 пушкарей, воротников же не было ни одного человека, что служило предметом постоянных жалоб Колтовского в Разряд. В связи с этим представляет интерес история «старого» орловского пушкаря Ивана Суботникова. После «орловского разорения» он устроился на время (по-видимому, в крестьянах) во Мценском уезде у афанасьевского попа Иосифа. Узнав, что на старом Орловском городище вновь будет ставиться город, он хотел было идти в Орел на свое старое место, но священник заартачился и не только не отпустил пушкаря, но и стал держать в неволе, в кандалах — «в чепи и в железах». Только после упо-

минания о нем в отписке Колтовского и вследствие этого вмешательства Разряда он был освобожден и выслан на место прежней службы [31].

Кроме того, из Севска в Орел на житье «з женами и з детьми» были переведены пушкари, затинщики и кузнец из «отдаточных городов» Стародуба и Новгорода-Северского, а на Орле им велено «быти в пушкарской службе». Вышедший из-за рубежа* трубчевский пушкарь Васька Харков, после того как в Севске с него была взята поручная запись «в ызмене и во всяком воровстве» (т. е. присяга. — *В. Н.*), также был переведен в Орел. Всего в Орел было переведено 14 человек, кроме того, в Орле к уже бывшим 9 пушкарям было набрано еще 8 человек пушкарей и 1 воротник [32].

В феврале на Орловском городище уже стояли многочисленные избы орловских служилых и присланных им в помощь «прибылых» людей. Орловский гонец Иван Каменев в распросных речах в Разряде сказал, что в бывшем Большом остроге дворами устроилось около 150 человек, «а иные строятца». В городовой осыпи поставили свои избы стрельцы и казаки, присланные из других городов на Орел в прибавку «для городового дела». Там же уже стояла соборная церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, на «прежнем месте», где в XVI веке стоял одноименный соборный храм [33]. В указе Колтовскому было велено устроить собор в «то же имя в которое имя наперед сево соборная церковь на Орле была», т. е. до «литовского разорения», а также указано делать новую церковь без приделов. Церковная утварь, образа и книги для вновь освященного храма были присланы из Москвы [34].

Несмотря на неоднократное получение Колтовским указных грамот, торопивших с закладкой крепости, строительство крепостных стен и башен затянулось, их заложили только в феврале. Этому способствовало и то, что долго не могли подыскать священника и дьякона для соборной церкви и для участия в освящении строительства. Колтовский жаловался, что «как даст Бог окладывать башни и горад, и на башенных местех молебна петь и воды светить не кому... а которые, государь, попы есть в Орловском уезде, и те меня, холопа твоего, не слушеют», и просил учинить указ — «из Орловского уезду попа взять или из ыных городов к соборной церкви» [35].

В конце февраля, едва стало немного теплее, состоялась церемония закладки крепостных стен и их освящения. Крестный ход во главе с духовенством и воеводой, «прося у Богоматери и у Пресветые Богородицы помощи и у всех святых пев молебны», прошел по трассе будущих стен и башен, после чего приступили к работам.

Поскольку в указе Колтовскому было велено строить Малый и Большой острог «одномочно», т. е. одновременно, то строительство началось по всему периметру укреплений. Земля была мерзлой и забить сваи в крепостной вал было невозможно. Тогда Колтовский, для быстроты, распорядился рубить башни отдельно. А когда земля оттает, разобрать их и поставить на заранее намеченных местах на уже заколоченные сваи. «И как, государь, те башни на месте ж обложу, — писал Колтовский, — и острог меж башен стану ставить днем и ночью для поспешенья...» [36]. Воевода торопился, и уже к первому мая башни в Малом и в Большом остроге были поставлены по местам и «меж тех башен во многих местех острог поставил стоячей не ниской и в башнях ворота поделал. А те, государь, ворота стали за железом...» — доносил Колтовский. Для семи крепостных ворот нужно было железо для обивки, замки, засовы и пробои. «А о железе и о угольи и о замкех я, холоп твой, писал к тебе, государю, многижды, и ко мне, холопу твоему, о том железе и о угольи и о замке твоего государева указу не бывало» [37], — жаловался воевода.

Туго шло и снабжение строительства лесом. Помещики и мелкопоместные вотчинники Орловского и соседних уездов отказывались заготавливать лес согласно развытке и давать крестьян и лошадей для

*Согласно условиям перемирия население городов, отошедших Речи Посполитой, могло либо уйти в Россию, либо принять новое подданство.

Икона св. Параскевы Пятницы — покровительницы торговли. XVII век. Подобные образа «на золоте и на красках» осеняли все семь ворот Орловской крепости.

его перевозки. Тем не менее постоянные жалобы Колтовского в Разряд на недовоз леса сделали свое дело. Воеводам соседних с Орлом городов были посланы указные грамоты с требованием применять к злостным неявщикам самые жесткие меры, а самих воевод предупредили о царской опале за «мешкоту и понаровку» ослушникам. Во исполнение царского указа мценский воевода Ларион Камынин распорядился бросить в тюрьму осадного и стрелецкого голов Захарья и Кирилла Протасовых, Ивана Кулешина и Федора Кривцова,* а сына боярского Алешку Жиленка, кроме того, отодрали батогами на торговой площади, дабы другим ослушанье было неповадно [38]. Это возымело действие, и лес на Орел повезли. Следует заметить, что при всех нелицеприятных качествах Колтовского его умение грести под себя имело положительный результат. Леса навезли столько, что его хватило не только на то, чтобы построить крепость согласно смете, но и на укрепления, сметой не предусмотренные: дополнительно возвели несколько башен, батарею-раскат в Малом острожке, а также поставили линию надолб длиной около двух верст по трассе стен бывшего Большого острога для защиты слобод, причем часть бревен даже осталась «за лишком». Орловские дворяне же и дети боярские впоследствии подали на Бориса Савостьяновича челобитную, обвинив его в непосильном налоге и в том, что он своими лесными заготовками их «вконец разорил», но в Разряде, по-видимому, оставили её без последствий, сунув под сукно, — в конце концов Колтовский старался не для себя, а для «государева городовова дела».

Ещё одной проблемой было малолюдство. Строить город должны были служилые из Белева, Болхова, Карачева, Новосиля и Черни — около 200 человек, но стрелецкие головы этих городов присылали людей несполна, к тому же среди них было много подростков. Колтовский жаловался, что ему присылают «робят». Многие стрельцы и казаки бегали со строительства домой, посылка за ними часто ни к чему не приводила, стрелецкие и казачьи головы покрывали беглецов [40].

Тем не менее, работы шли как можно более спешно. Для этого были все основания. Уже 29 марта и позднее, 10 мая, в

*Немного погодя Захарья и Кирилла Протасовых, а также иных прочих выпустили из тюрьмы, причем по государеву указу воевода «при многих людях» должен был сделать им выговор, дабы «они б вперед так не плутали и во всем нашего (царского. — *В. Н.*) указу слушали», пригрозив в случае рецидива конфискацией поместий [39].

пределах Орловского уезда появились отряды татар, замеченные в 20 верстах от Орла в деревне Подчерной Тайчукова стана. Против них Колтовским был послан голова Василий Цуриков с сотнею. Татары, узнав, что против них направлены ратные люди, поспешно покинули уезд. Предметом беспокойства Колтовского служило и то, что местные дворяне и дети боярские со своими семьями в «сполошное время» отказывались ехать в новостроящийся город, надеясь на свои острожки в лесах. Сломать их без царского указа Колтовский не смел, а в очередной отписке жаловался царю, что в приход татар в городе «дворян и детей боярских уездных людей не будет ни одного человека», и старался заранее снять с себя всякую ответственность: «...и которое, государь, худа учинитца над уездными людми от воинских людей и мне б, холопу твоему, от тебя, государя, в опале не быть» [41].

К концу мая крепостная стена в Малом острожке была усилена тарасами и мостами* и на ней стали рубить обламы. Кроме того, началось строительство моста через ров из Малого в Большой острог, а вокруг всего города по трассе стен старого Большого острога меж рек Оки и Орла и за ними поставили надолбы в «три кобылины», кольцом окружившие крепость и слободы. 4-го июня в очередной отписке царю Колтовский писал, что вскоре начнет делать тайник из Малого острожка к реке Орлу и обещал немедленно отписать, когда начнет ставить тарасы и мосты и рубить обламы в Большом остроге. Кроме того, он сообщал, что в данном ему указе сказано еще об устройстве в городе колодезей, но поскольку на Орле колодезных мастеров нет, то и делать колодези некому. «А впредь, государь, на Орле в Малом острожке без колодезя быть не мочна» [42], — писал воевода. Колодези в Орле так и не были сделаны. В годовой смете Орла за 1645 год сказано: «А колодезей в Большом и Меншом остроге нет» [43].

К июню крепостные башни были почти полностью готовы, оставалось только накрыть их, но сошные люди отказались делать крыши, сославшись на неумелость. В очередной отписке в Разряд Колтовский жаловался: «...сошные люди мне, холопу твоему, отказали, что башен крыть они не умеют и твое государево башенное дело стало за плотники...» Кроме того, помощь плотников необходима была и в изготовлении воротных полотнищ. Согласно царскому указу на Орел для «городового дела» было велено выслать по два плотника из Новосиля и Белева, плотника и кузнеца из Калуги и одного плотника из Мценска. Калужский воевода Филипп Чюлков прислал было плотника и кузнеца, но калужский плотник был настолько стар, что «плотничать не сможет». Присланный из Белева воеводой Иваном Квашниным плотник оказался поповым старцем, «который ничево плотничьево не умеет». На Орел прибыли было двое плотников из Новосиля и Мценска и «...объявясь на Орле, убежали», уведя с собой и попова старца. Многократные посылки Колтовского в Новосиль, Белев и Мценск ни к чему не приводили, местные воеводы писали, «бутта тех плотников не сыщут», а мценский воевода отписался, что их казенный плотник помер [44].

Разгадка бегства плотников, судя по всему, довольно проста. По государеву указу Борису Колтовскому было велено платить плотникам жалованье, но он хотел заставить плотников работать либо бесплатно, либо за гораздо меньшую сумму. Надо сказать, что, судя по документам, характером Борис Савостьянович обладал склочным, сутяжническим и сребролюбивым. Еще перед отъездом на Орел он судился сразу по трем делам с соседями, в том числе с братом Дмитрием. За время своего воеводства на Орле он сумел испортить отношения, правда, в основном заочно, в письменной форме, едва ли не со всеми воеводами соседних городов. Так, еще в начале своего воеводства он нажаловался на мценского воеводу Лариона Камынина, что тот не отпускает с ним на Орел «старинного» орловского подьячего Родиона Оловенникова. Видно, подьячий был толковый, и

*Здесь имеются в виду боевые площадки на крепостной стене.

Камынину не хотелось с ним расставаться, но Колтовский кляузами в Разряд добился своего. Мценский воевода, в свою очередь, не остался в долгу и накатал на Колтовского бумагу, что тот до сих пор сидит во Мценске и на Орел для строительства не едет. Колтовскому немедленно прислали из Москвы выговор, что он в государевом деле «учинил мешкоту многую», и велели ехать на Орел «тотчас» [45]. Разумеется, расставаясь, воеводы не питали друг к другу особых дружеских чувств.

Склочность характера Колтовского проявилась и в отношениях его с орловскими служилыми людьми, которым он попортил немало крови. Так, например, на в чем-то не угодившего ему сына боярского Смирного Шепелева он написал донос, что тот распустил приданную ему артель из сорока белевских стрельцов и казаков, а «сам он, Смирной сбежал с Орла неведома где». Аналогичные наветы были написаны на Кузьму Болотникова и Ивана Константинова. Подобный донос мог иметь для них весьма печальные последствия, но, как оказалось, изветы Колтовского были сплошной липой. Так, сысканный в Москве Кузьма Константинов сказал, что ему была прислана государева грамота ехать для суда над крестьянами в Чернавский острог, куда он и выехал, предварительно взяв отпуск у Бориса Колтовского и сдав последнему списки подведомственных ему людей. После завершения суда Константинов отбыл в Москву для окончательного «вершения» судного дела, где и был задержан для служебного расследования, на каковом категорически заявил: «А без Борисова отпуску в Чернавский острог он собою не ездил, и посошных людей не роспускивал, и списка с собою не свозил» [46].

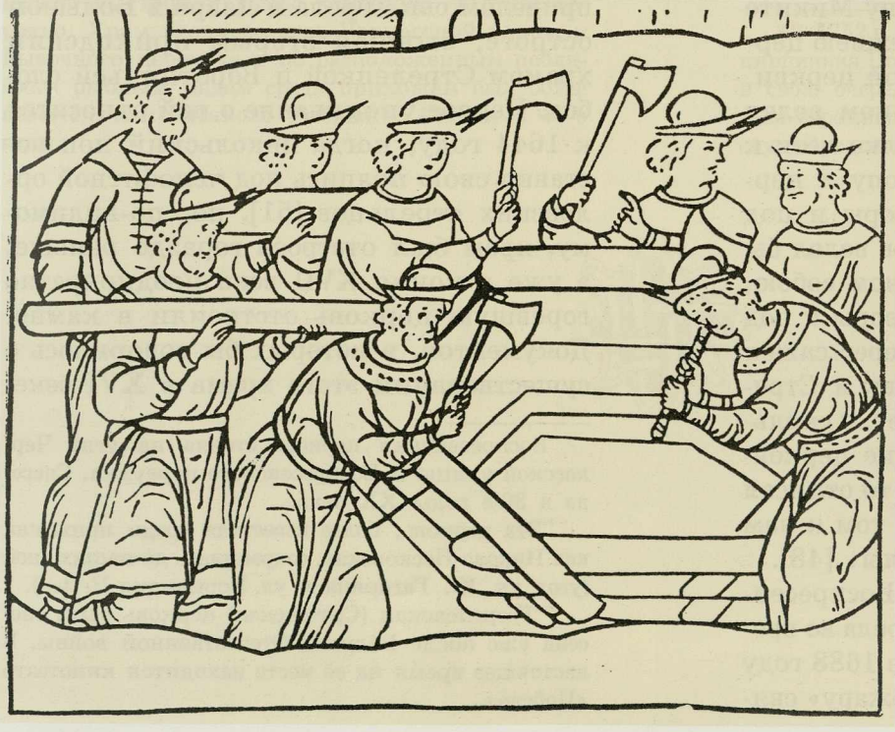
С тесом для покрытия стен и башен повторилась та же история, что и с лесом. Тес, доски и лубье на покрытие стен и башен возили из Мценска, Болхова и Карачева «немногие люди». Из Белева и из Орловского уезда не было доставлено ни одной тесины. Посланный в Белев за тесом сын боярский Афанасий Олферов ничего не добился. Более того, настырного сына боярского в Белеве даже избили. Попытка его наладить подвоз досок и лубья из Мценска также окончилась побоями. Мценский воевода Иван Бобрищев-Пушкин избил неудачника и ободрал ему бороду. Болховский воевода Юрий Мещерский также «тесу и лубья на Орел весть не велел», поэтому потребовался специальный царский указ в Болхов, чтобы его вразумить [47].

К июлю возведение укреплений было практически завершено, тем не менее, строительные работы продолжались. В городе в это время стоял только один храм — соборная церковь Рождества Пресвятой Богородицы, поэтому как только работы по возведению крепостных стен были, в основном, закончены, служилые принялись за восстановление приходских церквей.

Одной из первых была отстроена Воскресенская цер-

Постройка церкви.

Фрагмент миниатюры из Лицевого летописного свода. XVI век.



ковь в Стрелецкой Новоприборной слободе. Во время «орловского разорения» Стрелецкая Студеная слобода вместе с находившейся в ней церковью Воскресения Христова с приделом Ильи Пророка разделила участь города, сожженного литовцами. При восстановлении Орла Борис Колтовский велел «для береженья» устраиваться стрельцам ближе к острогу — место старой Стрелецкой Студеной слободы было довольно далеко от крепости «в поле», и «в приход больших воинских людей», татар или черкас, её вряд ли бы удалось отстоять. Стрельцам было указано строиться дворами на территории бывшего Большого острога, под защитою надолб, вдоль Кромской дороги, начинавшейся от одноименных ворот крепости. Отстроившись на новом месте, стрельцы подали челобитную о строительстве в слободе церкви, которую они желали освятить в то же имя, в память о своем древнем приходском храме. Их челобитье было удовлетворено, и Колтовскому было велено, чтобы он «церковь во имя Воскресенья Христово и в приделе святого Пророка Ильи велел воздвигнуть вновь в Стрелецкой Студеной слободе, а под церковь место отвел бы еси не близко города и от острогу и дворов, чтоб той церкви осквернень не было, и попу Миките велел у той церкви быти и прежнею церковную пашню, что было у той церкви, попу и церковным причетником велел отвесть сыскав до пряма, сколко чети к той церкви пашни было и попу и церковным причетником под дворы и под огороды места дал ...а церковь велел бы еси строить попу и прихожаном собою, а сколко под церковь и под дворы и под огороды места в длину и поперег сажен дашь, и далеко ль та церковь и Стрелецкая слобода от острогу будет, и сколько чети к той церкви прежние церковные пашни откажешь, и ты б то отписал строенья своего в книги, да о том к нам отписал с ыными нашими делы» [48].

Впоследствии деревянная Воскресенская церковь неоднократно горела во время орловских пожаров, пока в 1688 году после очередного «великого пожару» священник Фома Гаврилов не возвел новый, уже каменный храм. К концу 30-х годов XIX века он обветшал и в 1840–1865 годах вместо него построили более просторную и величественную церковь.*

Старый же церковный погост, где в XVI веке стояла Воскресенская церковь, довольно долго пустовал и использовался под выгон, пока уже в XVIII веке на нем не была возведена сперва часовня, а позднее, в 1775–1790 годах каменная церковь, освященная во имя св. Пророка Ильи, в память об одном из приделов некогда существовавшего здесь храма** [49].

В июле того же 1636 года «дворяне, дети боярские, дворники и орляне Егорьевского приходу» подали челобитную о восстановлении церкви Георгия Христова мученика, находившейся за рекой Орлом в Большом остроге, «где ныне поставлены надолбы». Эта церковь также была сожжена в годы Смутного времени, а «попа убили литовские люди, а после ево жаны и детей и роду ево не осталось» [50]. Восстановленная деревянная церковь простояла до начала XVIII века. В 1725 году вместо нее была заложена каменная, в свою очередь полностью перестроенная в 1888–1889 годах.***

По-видимому, вскоре была восстановлена и церковь Николы Чудотворца с приделом свв. Фрола и Лавра в Большом остроге, бывшая вторым приходским храмом Стрелецкой и Воротничьей слобод. Первое упоминание о ней относится к 1644 году, когда никольский поп поставил свою подпись под челобитной орловских стрельцов [51], но, по-видимому, храм был отстроен гораздо раньше, а уже в конце XVII века неоднократно горевшую церковь отстроили в камне. Документов, в которых бы говорилось о существовании этого храма в XVI веке,

*Воскресенская церковь стояла на углу Черкасской улицы и Воскресенского переулка. Снесена в 30-е годы XX века.

**Эта церковь, более известная среди прихожан как Николо-Песковская, сохранилась до наших дней (угол ул. Ю. Гагарина и ул. Нормандия-Неман).

***Георгиевская (Сретенская) церковь была снесена уже после Великой Отечественной войны. В настоящее время на её месте находится кинотеатр «Победа».

пока не найдено, но несомненно, что храм в остроге был и находился скорее всего на том же самом месте.*

Немного позднее была восстановлена на своем прежнем месте церковь за рекой Окой во имя Покрова Богородицы, некогда бывшая приходским храмом Казачьей Покровской слободы.

История её восстановления такова. В 1637 году орловские дворяне и дети боярские «за руками от всего города», подали челобитную об устройстве церкви «за рекою Окою на посаде», вдовою попа Кузьмы Анницею «с детишками своими с Афонькою да с Федькою». Разрешение на устройство храма было получено, но сменивший Колтовского новый воевода Ждан Юрьевич Колычев, ссылаясь на отсутствие в грамоте указаний на отвод земли под двор и наделение церкви пашенными и иными угодьями, отказался отвести попадье под «дворишка местечко», несмотря на то, что старое дворовое место было куплено её свекором Василием и мужем попом Кузьмой еще до «орловского разорения». Пахать церковную пашню он также ей запретил. Попадья жаловалась: «И я волочусь меж двор, помираю с голоду с детишками, а приходу нет, место новое». В помете на её челобитной было указано: «Государь пожаловал, буде земля той церкви изстари, дать ту землю под церковь и сенные покосы и деться им место»* [52].

В результате восстановительных работ, проведенных Борисом Колтовским, Орел был полностью восстановлен в границах XVI века и в какой-то мере по образу и подобию города, существовавшего ранее. Тем не менее, новый город значительно отличался от прежнего как по силе своих укреплений, бывших гораздо слабее — Малый острожек вместо Рубленого города, надолбы вместо Большого острога, так и по количеству церквей — некоторые храмы и мужской Богоявленский монастырь были восстановлены гораздо позднее. Менее прежнего было в Орле населения и служилых людей. Орловские воеводы писали, что Орел поставлен на «татарской сакме серед степи» и в случае прихода татар или «иных воинских людей», для оберегания уезда и города «без прибыльных людей быть не мочно, и город и острог осадить не ким». В помощь Орловскому гарнизону в летнее время присылались на первых порах головы с сотнями из Мценска и «прибылые» ратные люди из других городов, пока Орел не оброс населением [53].

*В 1749 году вместо обветшавшей Никольской церкви выстроили новую каменную, в стиле барокко. Храм стоял на углу Черкасской улицы и Рыночного переулка и по расположенным поблизости рыбным рядам среди прихожан был более известен как «Никола Рыбный». Снесен в 30-е годы.

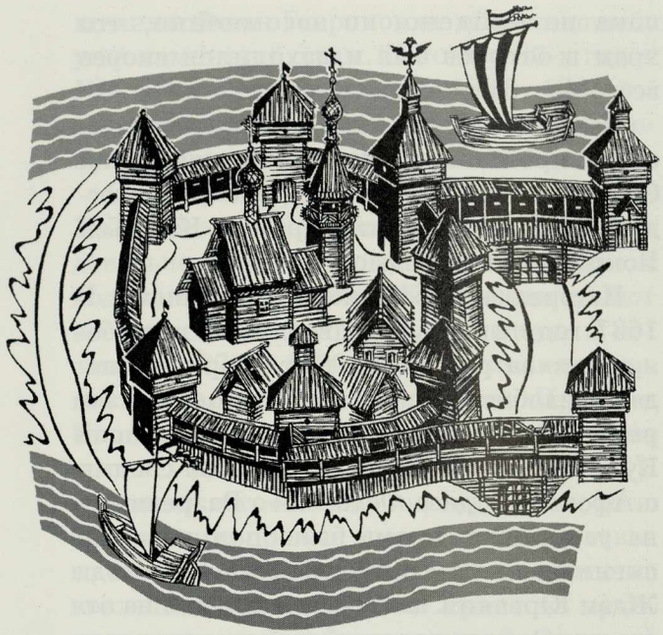
*В 1752 г. на месте деревянной была возведена кирпичная Покровская церковь (см. рис. на с. 203), в свою очередь в 1853–1885 гг. замененная новым огромным храмом. Продана на кирпич тресту «Орелстрой» в 1952 г.

ГЛАВА IX

Облик Орловской крепости в 40–60-е годы XVII века

«Орел город, мерою острог малой по городской осыпи сто шестьдесят по полторы сажени, проезжих две башни, глухих пять башен; от тово мала острогу — острог болшой мерою около петсот сорок девят сажен с полусоженью, проезжих чатыря башни, да у острогу двои ворота к воде, да глухих шесть башен; тойник в городе один, колодезей нет, в осадное время воды скудно нелзе».

Из Росписи города Орла 1641 г. [1]



До наших дней не дошли, или пока не найдены, «Строельные книги», составленные воеводой Борисом Савостьяновичем Колтовским после окончания восстановления Орла в 1636 году. Тем не менее, достаточно подробно представить облик возведенной Борисом Колтовским крепости можно по Росписному списку Орла-города «Острогу Малому и Большому и всяким крепостям» [2], составленному при воеводе Иване Ивановиче Косогове в 1648 году, т. е. через 12 лет после окончания строительства.

Согласно росписи, Орловская крепость в это время состояла из Малого острожка, игравшего роль кремля и поставленного на мысу при слиянии Оки и Орла, а также подковой примыкавшего к нему с южной стороны Большого острога, защищавшего Воротничью и часть Стрелецкой слободы, а также линии надолб, поставленных по трассе стен бывшего Большого острога XVI века, кольцом охватывавших посады и оба острога.

Малый острожек был поставлен на старой «городовой осыпи, где преж сего бывал Рубленый город», сожженный литовцами в 1615 году во время «орловского разорения». В плане он образовывал фигуру, близкую к неправильному многоугольнику, южная приступная стена которого, стоявшая на высоком земляном валу, полукругом выступала в сторону посада. В стенах Малого острожка находилось семь башен, некоторые из них были укреплены подпорными стенами — быками, «чтобы вода не подмыла». Из них две имели проезжие ворота к рекам Орлу и Оке.

Главные ворота крепости находились в башне «Проезжей к реке Оке». Предположительно, они были «косыми», т. е. воротные проезды располагались не в параллельных, а в смежных стенах башни, что давало ряд преимуществ — такие ворота трудно было выбить прямым пушечным выстрелом, к тому же нападающий оказывался при атаке в углу между крепостной стеной и башней и обстреливался с двух сторон в упор. От Проезжей башни стена шла вдоль реки Оки на юг к башне «Караульной на осыпи» (городском валу. — *В. Н.*). Значение её в системе обороны Малого острожка было тем более велико, что у её подножия оканчивался мост через ров, от

которого дорога по узкому коридору, образованному стенами Малого и Большого острогов, шла далее к Проезжим воротам. Башня венчалась дозорной вышкой, в которой был подвешен вестовой колокол весом «10 пуд 25 гривенок», «в языке 12 гривенок». Воевода Ждан Колычев жаловался, что «тот колокол мал и худ, и как в сполошное время в тот колокол учнут бить и тот колокол бризжит» [3].

От Караульной башни стена поворачивала на запад, шла по гребню крепостного вала и включала в себя башню «Глухую на осыпи», располагавшуюся примерно посредине напольной стены Малого острожка. В «Росписи Орловскому городищу» Бориса Колтовского эта башня названа Наугольной, что соответствовало действительности, поскольку крепостной вал в этом месте сильно выдавался вперед и башня венчала вершину этого угла. От неё стена спускалась по валу к другой Глухой башне «на осыпи», а затем, повернув на север, выходила к башне «Проезжей от реки Орла». От Проезжей башни стена шла далее вниз по течению реки Орла к башне Наугольной — «глухой от реки Орла против Егорьевской горы». Эта башня была переложена заново, поскольку использовалась под конюшню — «стояли в ней лошади», и быстрее других обветшала.

Между башнями «Проезжей к реке Орлу» и «Наугольной от Егорьевской горы» находился рундук, где помещался вход в тайник — подземный ход, спускавшийся вниз к реке Орлу и служивший для водоснабжения. В длину он достигал девять сажен. Где-то между 1645 и 1648 годами в устье реки Орла была выстроена мельница с плотиной. В результате уровень воды в реке значительно поднялся, и она залила крепостные рвы, «обойдя» вокруг Малого острожка, который оказался на острове. Это значительно усилило обороноспособность Малого острожка, но вода залила и тайник, который воевода Иван Косогов не смог осмотреть. «А потому в тайнике вода взошла, что усть реки Орла запружена мельница, а тайника нонеча осмотрить не мочна, потому что замерзла, не будет ли от той воды тойнику порухи», — писал Косогов.

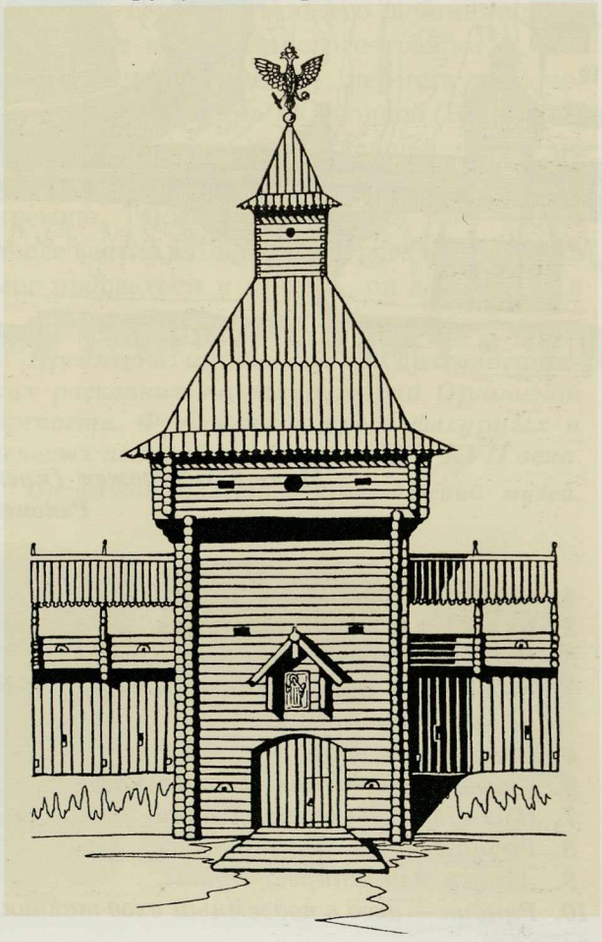
От башни «Наугольной от Егорьевской горы» стена шла к следующей «Наугольной башне усть реки Орла к Оке реке против Емской горы», отсекая от крепости значительный участок мыса при слиянии рек размером 30х20х10 сажен. Эта часть мыса была наиболее низка, и строить на ней что-либо не имело смысла, все сооружения разрушились бы при первом же половодье, к тому же крепостная стена образовала бы в этом месте острый угол, что было невыгодно для обороны. Подобный прием отсечения более низкой мысовой части берега или холма в интересах обороны достаточно часто применялся в русской фортификации, в качестве примера можно назвать крепости Олонца и Курмыша, Московский кремль, а также соседние с Орлом Болхов и Новосиль.

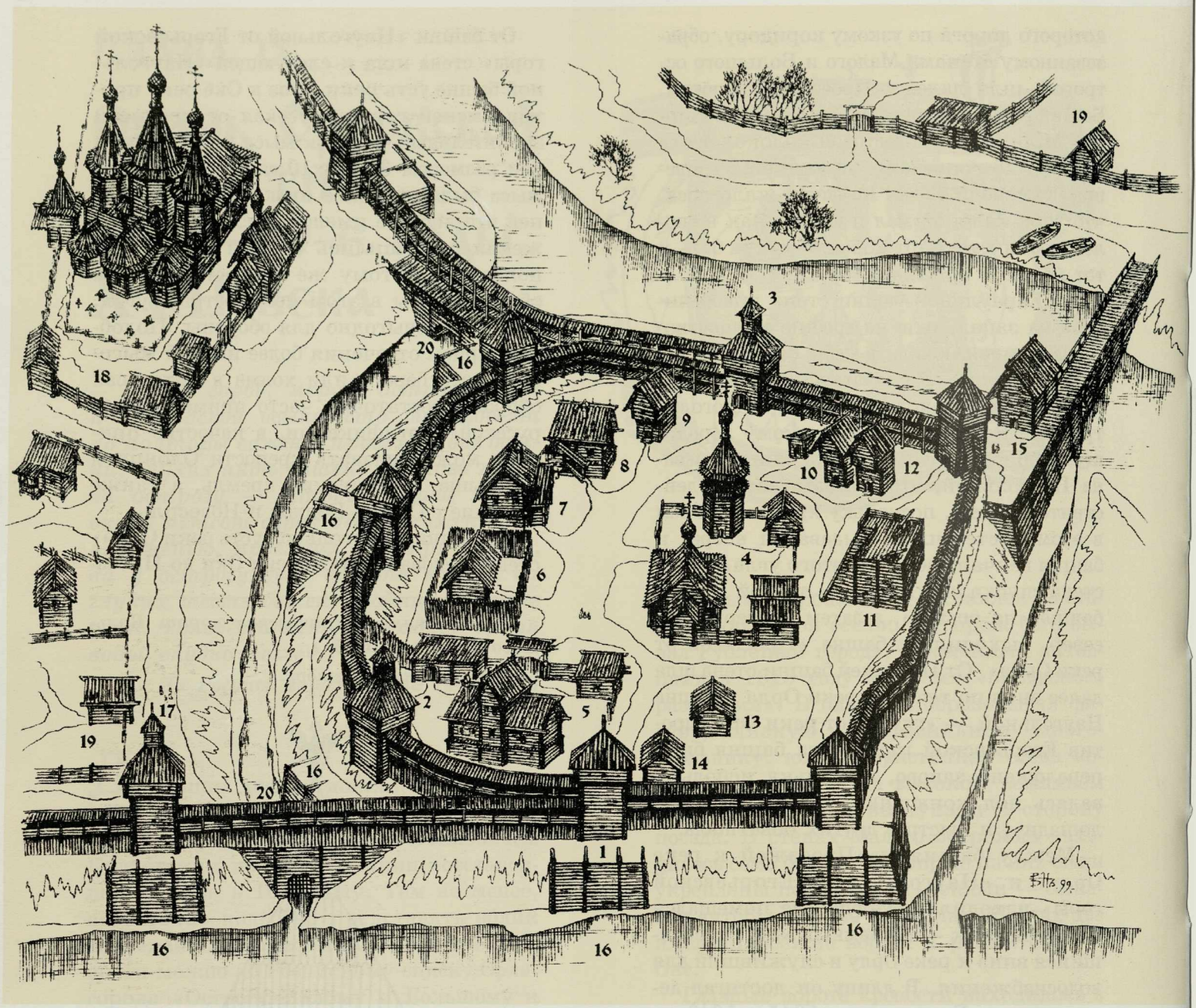
От башни «Наугольной усть реки Орла» стена следовала вдоль реки Оки до Проез-

---

Орёл. Башня Карачевских ворот Большого острога. 1636 г.

Реконструкция автора.





Малый острожек (кремль) в Орле. 40-е годы XVII века.
Реконструкция автора.

1. *Ворота Проезжие к реке Оке.*
2. *Башня глухая Караульная.*
3. *Ворота Проезжие к реке Орлу.*
4. *Рождество-Богородичный собор с дворами причта.*
5. *Воеводский двор.*
6. *Тюрьма разбойная и опальная.*
7. *Приказная (съезжая) изба.*
8. *Губная изба.*
9. *Амбар для старых бумаг.*
10. *Рундук — вход в подземный вход-тайник.*
11. *Раскат-батарея, разобран в 1645 году.*
12. *Хлебные житницы.*
13. *Казенный зелейный (пороховой) погреб.*
14. *Стрелецкая караулка.*
15. *Мельница.*
16. *Подпорные стены — быки.*
17. *Башня Отводная (Вестовая) проезжая.*
18. *Богоявленский мужской монастырь.*
19. *Осадные дворы орловских дворян и детей боярских.*
20. *Мосты через крепостной ров.*

жих ворот, замыкая таким образом крепостной многоугольник.

Периметр стен Малого острожка достигал 161 сажени «с полусаженью». В росписи Ивана Косогова также отмечены крепостные ветхости: в некоторых башнях выломались отдельные ступеньки в лестницах и даже было — «в лестницы один ступенек, а то всех ступенек нет», не хватало бревен на межэтажных перекрытиях в башнях, а в стене, обращенной к Ямской горе и стоявшей на самом низком месте и поэтому более всего страдавшей от наводнений, обвалились помосты-кровати «у трех звенах».

Внутри Малого острожка располагался Рождественский собор с дворами причта и различные казенные и административные постройки: воеводский двор, съезжая и караульная избы, казенный зелейный (пороховой. — *В. Н.*) погреб, тюрьма «разбойная и опальная», амбары, житницы и др. В казенном погребе в числе прочей воинской «снасти» хранились и найденные при восстановлении Малого острожка в 1636 году «12 ядер больших, да середних полумерных пищальных 44 ядра железных» [4].

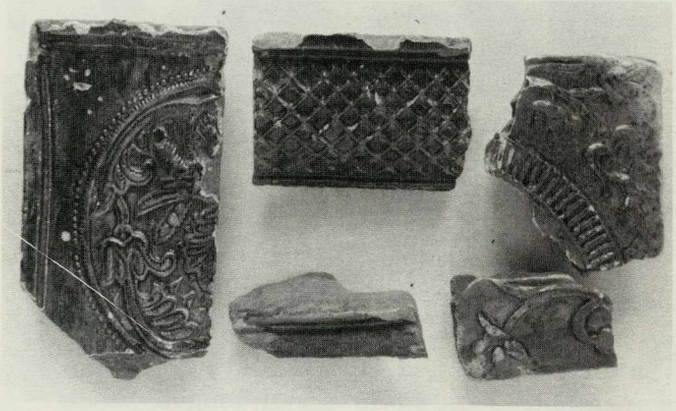
В северной части Малого острожка, напротив Егорьевской и Ямской гор, находился раскат. На нем устанавливались тяжелые орудия для подавления неприятельских батарей на горах, с которых внутренность крепости довольно хорошо просматривалась. Раскат представлял из себя мощную башнеобразную постройку со сторонами по «5 сажен и больше», высотой в 26 венцов. В последующем с раската было снято два верхних венца, для того чтобы еще больше нарастить его по высоте и сделать трехэтажным, но это так и не было осуществлено. «А недоделан тот раскат, что посошные люди разбежались и ему, Борису, учинилося перемена вскоре», — оправдывался воевода Борис Колтовский. «А делать тот раскат смотря по горе, — писал сменивший его воевода Ждан Колычев, — и с роскатом будет крепко, а впредь без роскату в городе быть не мочно». Впрочем, раскат так и не был достроен, о чем сообщают отписки последующих воевод — Семена Волконского и Льва Микулина [5].

К 1645 году мосты через ров, по которым ездили из Малого в Большой острог, настолько обветшали, что пользоваться ими стало небезопасно, служилые люди предпочитали ездить в Малый острожек прямо через ров, минуя мосты. Лев Микулин жаловался, что «в город и из города всяких чинов люди ездят и ходят косогором по городовой осыпи (крепостному валу. — *В. Н.*), и та осыпь от тово портитца, и острог и башни оседают». Воевода предложил использовать для ремонта мостов лес недостроенного раската, который стоял не накрытым и к тому времени уже сгнил, «а на мостовую поделку тот роскатной лес угодитца». Разрешение на ремонт из Разряда прислали, и Микулину было велено починить у «городовых мостов худые места... орловскими служилыми и уездными и жилетцкими людми, как деловая пора минетца» (т. е. после окончания сельхозработ. — *В. Н.*), что и было исполнено [6].

С южной стороны к Малому острожку примыкала вторая линия укреплений — Большой острог. Стена его начиналась от Проезжих ворот Малого острожка и, перейдя мост на «ряжах», перекинутый через ров, примыкала к Отводной (Вестовой) проезжей башне, закрывавшей въезд на мост и защищавшей ближние подступы к кремлю. Таким образом, для того чтобы после взятия Большого острога неприятель мог прорваться в кремль, он должен был

Предметы, найденные при археологических раскопках на территории Орловской крепости. Фрагменты краснофигурных и зеленых поливных изразцов. XVI–XVII века.

Орловский областной краеведческий музей.



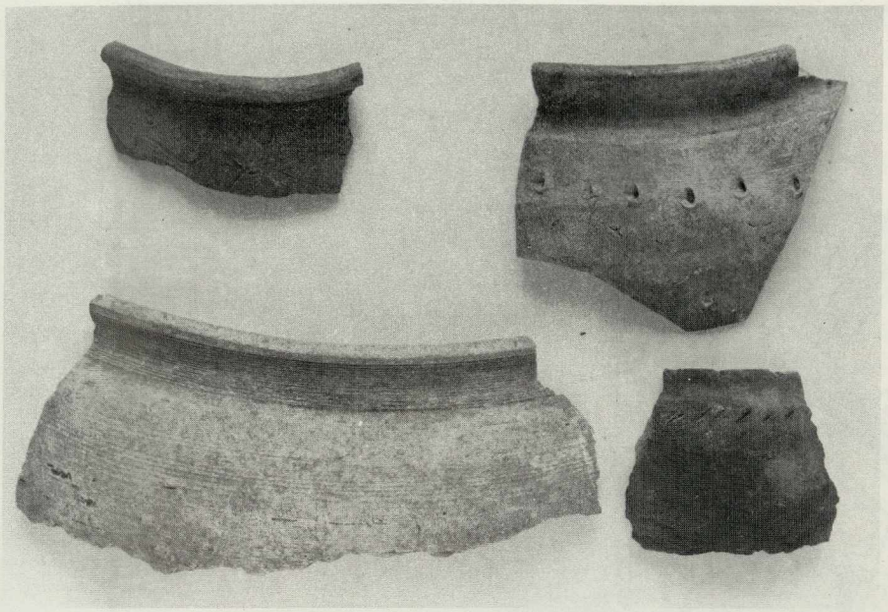
выбить ворота в Вестовой (Отводной) башне, перейти под выстрелами защитников мост, пробиться по узкому коридору, образованному стенами Малого и Большого острогов, к Проезжей башне Малого острога и выломать в ней двойные «косые», т. е. расположенные в смежных гранях, ворота. Подобное оборонительное устройство под названием «захаб» было известно в русской фортификации с древнейших времен и широко применялось в отечественных крепостях с XIII по XVII века, особенно в северо-западных землях (Псков, Изборск, Порхов, Остров и др.). Его достоинство было то, что неприятель, попав в захаб, не мог развернуться в тесном и узком коридоре большими силами и применить здесь стенобитные орудия. Своеобразием захаба в Орле являлось то, что он применен здесь в комплексе с Отводной башней, чего не встречалось в других крепостях. Кстати, это единственный случай применения подобного рода устройства в крепостях Орловской земли. Достоинством захаба было еще то, что его стены, закрывая воротные проезды, скрывали от глаз и выстрелов неприятеля перемещения защитников из Малого в Большой острог и обратно. Почти подобным же образом были укреплены и ворота Малого острожка, обращенные к реке Орлу, с той только разницей, что здесь перед мостом через ров не было воротной башни, но это компенсировалось тем, что неприятель вынужден был двигаться к ним, подставляя под выстрелы правый, не защищенный щитом бок. Можно предполагать, что захаб имелся и в Орловской крепости XVI века, поскольку её восстанавливали по образу и подобию предшествовавшей крепости. Но к началу XVII века в связи с развитием артиллерии и усилением её количественно и качественно, захабы как оборонительные устройства устаревают и перестают применяться в фортификации. Не случайно позднее, при очередной перестройке Орловской крепости, захабы были полностью разобраны.

Предметы, найденные при археологических раскопках Орловской крепости. Нож, наконечники стрелы и копья, гвозди от крепостной стены. XVI–XVII века.

Орловский областной краеведческий музей.

Свое название Вестовая башня, закрывавшая въезд в захаб и на мост, получила от тяжелой крепостной пушки — вестовой пищали, выстрелом из которой подавали сигнал тревоги. Еще две вестовые пищали были установлены на Проезжей башне Малого острожка и Кромских воротах Большого острога.

От Вестовой башни острожная стена шла вдоль берега Оки к Пятницким воротам, названным по иконе Параскевы Пятницы, покровительницы и охранительницы городов, вделанной над воротным проездом. Пятничные иконы «на золоте и на красках» были установлены



Предметы, найденные при археологических раскопках Орловской крепости. Обломки гончарной керамики. XVI–XVII века.

Орловский областной краеведческий музей.

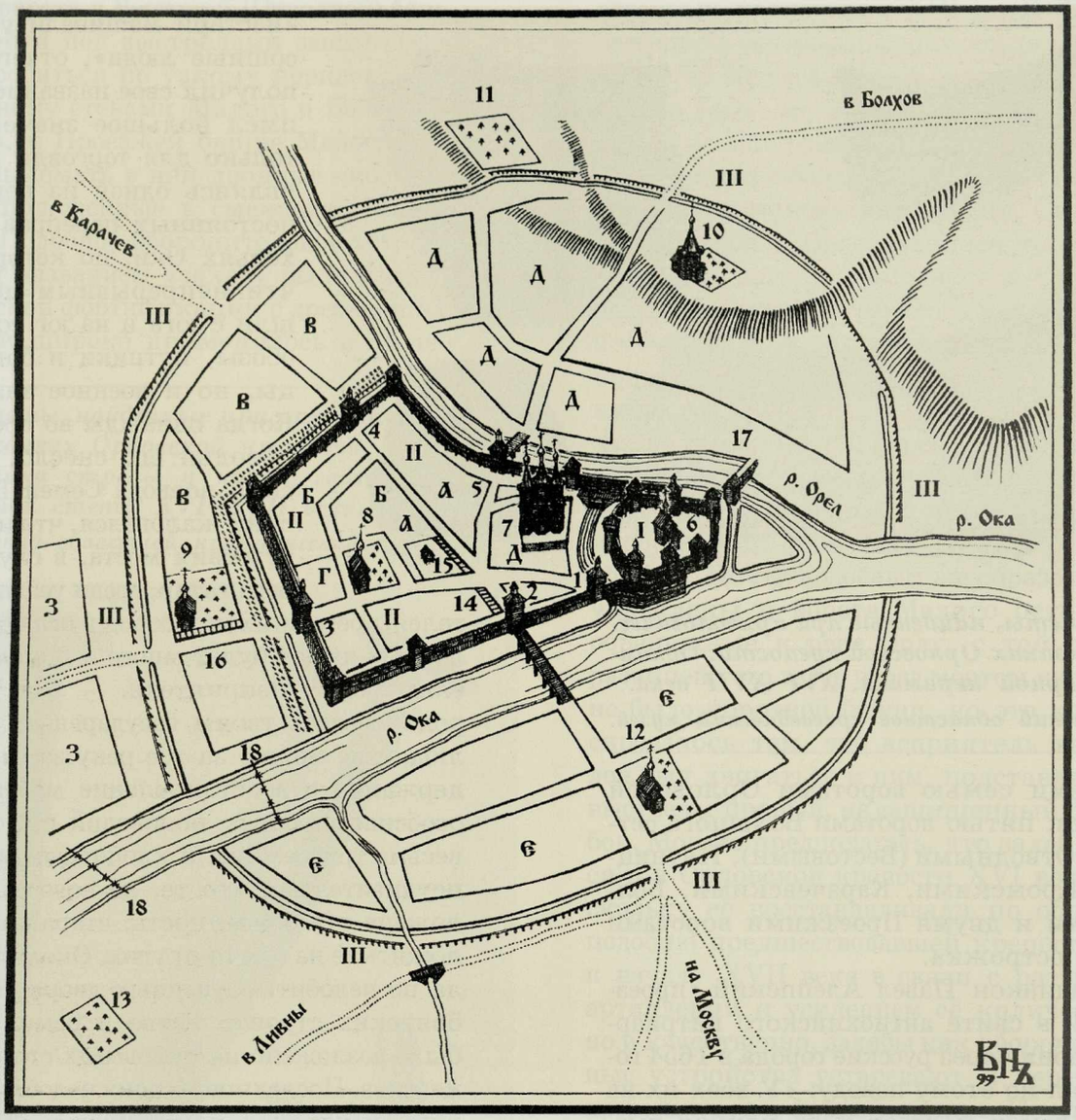
над всеми семью воротами Орловской крепости: пятью воротами Большого острога — Отводными (Вестовыми), Пятницкими, Кромскими, Карачевскими, Болховскими и двумя Проезжими воротами Малого острожка.

Архидиакон Павел Алеппский, проезжавший в свите антиохийского патриарха Макария через русские города в 1654 году, писал по этому поводу: «У всех их на дверях домов и лавок и на улицах выставлены иконы и всякий входящий и выходящий обращается к ним и делает крестное знамение; также, всякий раз, когда они проходят мимо дверей церкви, издали творят поклоны перед иконой. Ровно и над воротами городов, крепостей и укреплений непременно бывает икона Владычицы внутри и икона Господа снаружи в заделанном окне и перед нею ночью и днем горит фонарь; на неё молятся входящие и выходящие. Также и на башнях они водружают кресты» [7].

У Пятницких ворот через реку Оку был перекинут деревянный «сошный» мост, соединявший город с Московской дорогой. Мост через Оку у Пятницких ворот (современный Красный, в XIX веке Мариинский мост) существовал еще в XVI веке и его «изстари мащивали уездные сошные люди», отчего он и получил свое название. Мост имел большое значение не только для торговли города, являясь одной из немногих постоянных переправ в верховьях Оки, по которой почти непрерывным потоком шли с юга и на юг торговые обозы, путники и богомольцы, но и военное значение. Когда однажды во время половодья его снесло, орловский воевода Семен Волконский жаловался, что из-за отсутствия моста, в случае набега татар, среди уездных жителей, сбегавшихся в город в осаду, «утопленных людей будет много и против воинских людей (неприятеля. — *В. Н.*) из города выехать твоим государевым ратным людям не можно за тое реку за Оку». Содержание и восстановление моста после особенно сильных половодий было делом весьма трудоемким и хлопотным, поэтому неудивительно, что те, на кого была возложена эта обязанность, старались переложить её на плечи других. Около 1645 года по челобитью уездных дворян и детей боярских строительство и ремонт моста было возложено на орловских стрельцов и казаков. Последние в своих челобитных обвинили уездных помещиков в «ложном» челобитье, указывая на то, что они «изстари с уездными людми сошнова никакова дела не делывали и под городом на Оке реке сошнова мосту не мащивали», а также отговаривались тяготами службы, бедностью и безлошадностью. Тем не менее стрельцы и казаки проиграли спор. В указной грамоте им было велено «мостить мост» через Оку в городе, а уездным дворянам и детям боярским — чинить и строить мосты по «большим дорогам» в уезде, где они их делали «наперед сево» [8].

От Пятницких ворот стена Большого острога продолжалась вдоль реки к башне Глухой «от реки Оки» и далее к башне Наугольной «на узрубя от воденой подмоины», укрепленной от подмыва деревянными подпорными стенами — быками.

7* Заказ № 6770



Орёл в 40-е годы XVII века. Реконструкция автора.

I. Малый острожек.
II. Большой острог.

Ворота Большого острога:

1. Отводные (Вестовые).
2. Пятницкие.
3. Кромские.
4. Карачевские.
5. Болховские.

III. Надолбы вдоль рва и вала Большого острога XVI века.
А. Пушкарская слобода.
Б. Стрелецкая слобода (с 1636 г.).
В. Новоприборная Стрелецкая слобода (с 1636 г.).
Г. Воротничья слобода.
Д. Осадные дворы орловских дворян и детей боярских.
Е. Покровская казачья слобода.
3. Черкасская казачья слобода (с 1638 г.).

Основные городские здания и сооружения:

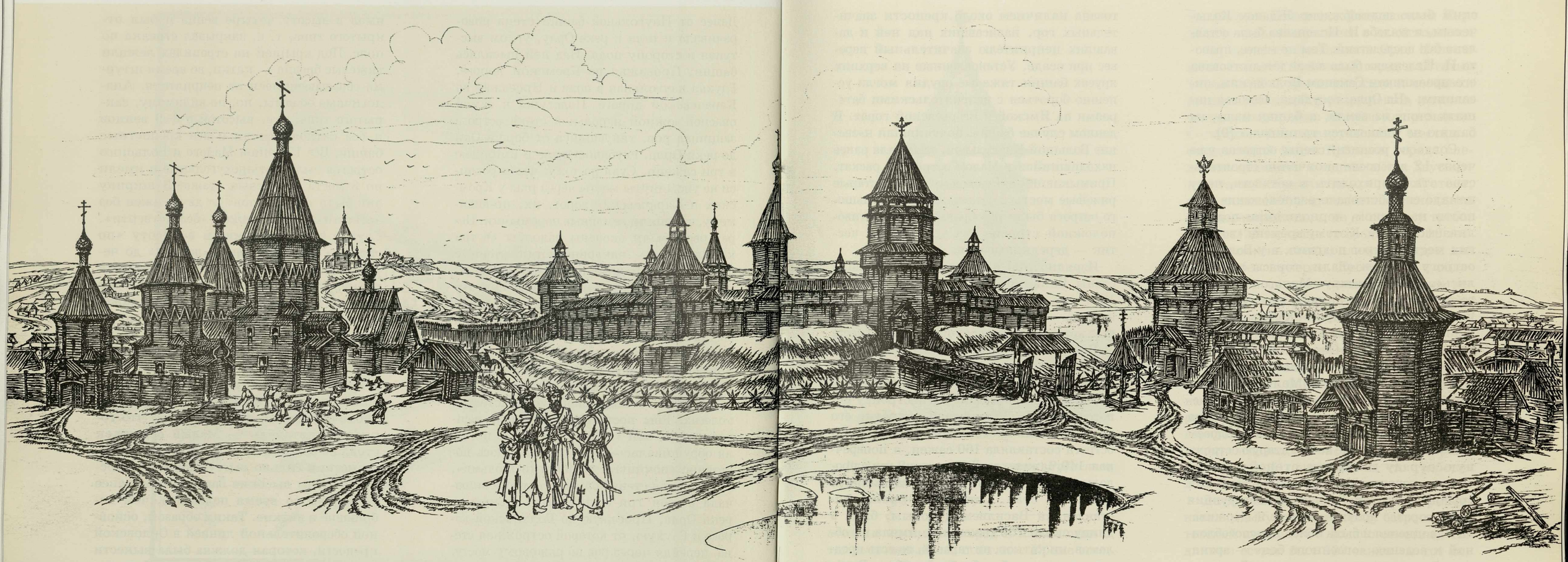
6. Рождество-Богородичный собор.
7. Богоявленский мужской монастырь с богадельней.
8. Церковь св. Николая Чудотворца.
9. Церковь Воскресения Христова с приделом св. Ильи Пророка.
10. Церковь св. Великомученика Георгия.
11. Афанасьевский погост.
12. Церковь Покрова Богородицы.
13. Пятницкий погост.
14. Торговые лавки.
15. Кабацкий (кружечный) двор.
16. Кузнечный ряд.
17. Мельница с плотиной.
18. Пешеходные лавы.

Далее от Наугольной башни стена поворачивала и шла к реке Орлу, углом выступая в сторону поля. Над ней высились башни: Проезжая по Кромской дороге, Глухая наугольная в поле и Проезжая по Карачевской дороге. Подступы к самой опасной южной напольной стене острога защищал ров, тянувшийся от берега Оки до реки Орла, глубиною в две и шириною в три сажени. Судя по тому, что в росписи не упомянуты мосты через рвы у Кромских и Карачевских ворот, их, по-видимому, заменяли земляные перемычки. Перед рвом были вкопаны надолбы «в три кобылины» — наклонно установленные бревна, соединенные поперечными брусами. Подле надолб в шахматном порядке были закопаны «столпцы» — отдельные столбы. Все эти «крепости» должны были воспрепятствовать попытке неприятеля подтащить к стене штурмовые лестницы и перекидные мостки, а также подкатить какие-либо «градоемные хитрости», вроде петарды — подрывного устройства на колесах. Рвы постоянно размывало вешнею водою, они «заростали травою и земля обрушивалась», и их приходилось постоянно «почищать тутошними людьми».

Орличная стена Большого острога включала в себя три башни: Наугольную от реки Орла, Проезжую по Болховской дороге и Глухую, от которой острожная стена, перейдя через ров по ряжевому мосту, примыкала к Проезжей Орличной башне Малого острожка. Периметр стен Большого острога достигал в длину пятьсот сорок девять сажен «с полусаженью», а его продольные и поперечные размеры составляли: 160 (с севера на юг) и 140 (с запада на восток) сажен.

Стена, окружавшая Малый и Большой остроги, представляла из себя сложную конструкцию, в основе которой был острог — ограда из вертикально врытых бревен, за которыми с внутренней стороны были нарублены низкие тарасы — срубы в 2–3 венца, засыпанные землей и камнями. Над ними были устроены два яруса помостов — кроватей. Стену завершал боевой балкон — облам, выступавший за плоскость стены и увенчанный тесовой кровлей, обычно односкатной. Облам имел в высоту четыре венца и был открытого типа, т. е. закрывал стрелка по пояс. Под крышей на стропилах лежали тяжелые бревна — катки, во время штурма сбрасывавшиеся на неприятеля. Аналогичные обламы, но, по-видимому, закрытого типа, т. е. высотой в 8–9 венцов и без катков, имели и все крепостные башни. Все 17 башен Малого и Большого острогов были четырехугольные и имели по 3 моста — боевых этажа. В ширину они были «меж углов» от двух сажен без четверти до трех сажен «без четверти». Глухие башни достигали в высоту «по обламы» от 3-х сажен с «локтем» до четырех сажен «без четверти». Учитывая размеры облама, рубившегося обычно высотой в сажень, и шатра — 2–3 сажени, высота башен достигала от 10 до 14 метров. Причем более высокие и крупные башни располагались в Большом остроге, хотя правила фортификации диктуют обратное — цитадель должна иметь более сильные укрепления. В Орле эту аномалию можно объяснить тем, что городская цитадель — Малый острожек стоял на более низком, подтапливавшемся месте и сильно выступавшие за плоскость стены высокие башни были менее устойчивы во время половодья, чем небольшие и низкие. Таким образом, основной оборонительной линией в Орловской крепости, которая должна была вынести всю тяжесть осады, стали стены Большого острога. Малый острожек играл роль тылового укрепления и убежища.

Небольшие размеры башен послужили причиной жалобы воеводы Ивана Исленьева, который писал, что тяжелую вестовую и полуторные пищали невозможно установить из-за башенной тесноты. В связи с его отпиской в Разряд были вызваны строитель крепости Борис Колтовский и его преемник Ждан Колычев. Колтовский в распросных речах сказал, что из вестовых пищалей, установленных на башнях, «при нем Борисе стреливали... и впредь с тех проезжих башен стрелять мочно». Он также указал размеры башен: «...а те проезжие ворота четвероугольные, пол — 4 сажени (3,5 сажени. — *В. Н.*), а обламы на них четырех сажень». Сказанное Колтов-



Вид на центральную часть Орла в середине XVII века. Реконструкция автора.

Центральную часть рисунка занимает Орловский кремль — Рубленый город, недавно отстроенный заново Андреем Пятово, с возвышающимся за его стенами шатром Рождество-Богородичного собора. Стены кремля венчает башня Большая Караульная — самая высокая постройка города этого времени. Площадка перед крепостным рвом заставлена деревянными ежами — честиком. Неточностью реконструкции является то, что пространство перед кремлем изображено незастроенным, на самом деле оно было густо заставлено осадными дворами орловских дворян и детей боярских. Слева от Рубленого города находится Богоявленский монастырь с двумя церквами — шатровой Богоявления Господня и «клетской» Козьмы и Дамиана. За ними на Егорьевской горе виднеется Георгиевская церковь. Справа к кремлю примыкают обветшавшие стены острога с Отводной (Вестовой) проезжей башней. Изображенная здесь же часовня Богоявленского монастыря находилась на самом деле на другой стороне улицы.

ским было подтверждено Жданом Колычевым, и жалоба И. Исленьева была оставлена без последствий. Тем не менее, правота И. Исленьева была засвидетельствована его преемником Семеном Волконским, писавшим: «На Орле, государь, вестовая пищаль стоит на земли, а башни малы, на башню не установится та пищаль» [9].

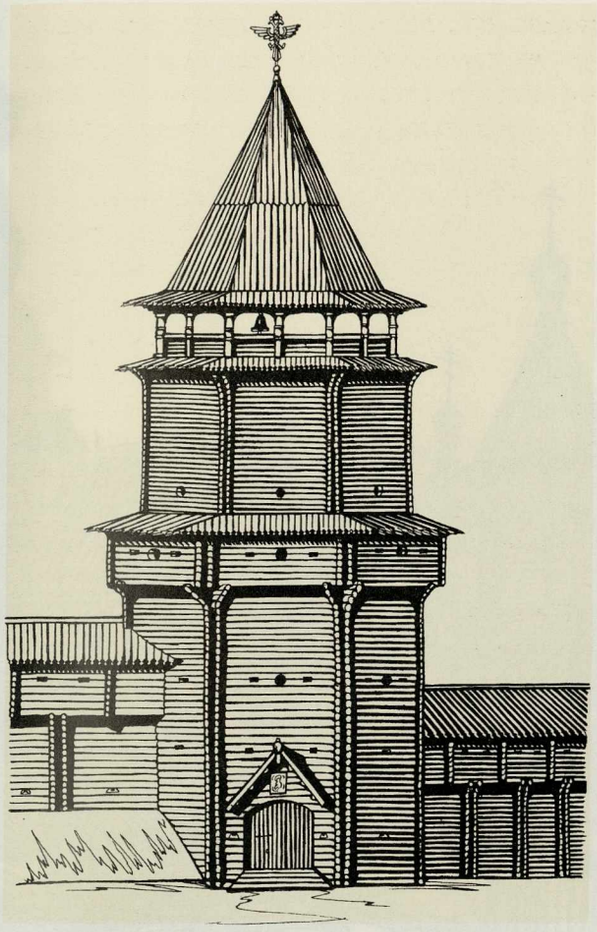
Согласно росписи, стены острогов уже через 12 лет после окончания строительства стали приходить в ветхость, чему немало способствовало расположение крепости на низком, периодически подтапливаемом месте. К этому времени «во многих местах острог подгнил, а у Большого острогу кровати опали, торасы розволялись». Кольцом вокруг Малого и Большого острогов вдоль старого рва, «что был изстари Большой острог» XVI века, защищавший посады, были поставлены надолбы «в три бревна» Они также во многих местах «обволялись и огнили» [10].

В середине XVII века Малый острожек был полностью перестроен, а его укрепления значительно усилены присланным на Орёл из Пушкарского приказа* Андреем Пятово [11]. Прежде всего, старую острожную ограду заменили стеной другого типа — городовой, срубленной из дубовых срубов — городен. Городовая конструкция была гораздо прочнее, лучше выдерживала наводнения и была более приспособленной к ведению «огненного боя» — артиллерийского и мушкетного огня. Большую часть башен переставили на другие места, что, по-видимому, диктовалось необходимостью лучше предохранить их от подмыва, хотя число их осталось прежним — 7. Проезжие ворота со стороны реки Оки заделали, и на их месте поставили глухую башню. Новые ворота срубили на месте прежней Караульной башни. Они представляли из себя шестигранную в плане башню, увенчанную обламом, над которой высилась дозорная клетка с вестовым колоколом, крытая высокой шатровой крышей. Значительная высота новой башни — около 28 метров, надолго ставшей самым высоким сооружением Орла, была продиктована наличием около крепости значительных гор, нависавших над ней и дававших неприятелю значительный перевес при осаде. Установленные на верхних ярусах башни тяжелые орудия могли успешно бороться с неприятельскими батареями на Ямской и Егорьевской горах. В данном случае башня, получившая название Большой Караульной, заменила ранее находившийся в Малом острожке раскат. Примыкавшие к Рубленому городу старые ряжевые мосты с остатками стен Большого острога были разобраны, а на противоположной стороне рва установили частик — деревянные ежи.

Изрядно подгнившие и обветшавшие стены Большого острога простояли до 1661 года, когда в Орёл прибыл новый воевода — князь Василий Дулов, воеводство которого принесло городу только вред.

Вместо того чтобы починить обветшавший, но еще прочный острог, он его «подсек и выламал», а полученные таким образом бревна употребил на постройку нового острога, существенно сократив его размеры. Если прежде длина (продольная) острога составляла 160 сажен, а поперечная 140 сажен, то Дулов уменьшил продольную длину до 70 сажен, «а выкинул сажен до ста». Острожная стена, поставленная Василием Дуловым, была в длину около 150 сажен и не имела ни обламов, ни катков, ни тарасов, то есть представляла из себя обычный забор. Рва у новой стены князь Василий тоже не удосужился выкопать. Построенный таким образом острог из-за примитивности укреплений и тесноты, к тому же располагавшийся в гуще городской застройки, был ненадежен и вскоре развалился. Принявший у Василия Дулова воеводство Осип Тургенев жаловался, что сидеть в этом остроге во время осады «страшно». Оставшиеся же от старого острога бревна, которые не пошли в строительство, князь Василий пустил на топку изб и на винокурение. Не берег он и лес, собранный для ремонта прежними воеводами, который разнесло во время наводнения. Зимой 1662 года, «как приходили татаровя», в город в осаду сбежалось много местных жителей. Они выломали часть уцелевшей острожной

*Пушкарский приказ кроме артиллерии ведал также строительством и ремонтом укреплений.



Башня Большая Караульная Рубленого города в Орле. Сер. XVII века.

Реконструкция автора.

стены и «носили в город и клали огни и тот острожный лес пожгли». Кроме того, с Вестовой башни Большого острога свалилась клетка, где раньше висел вестовой колокол, и «он князь Василей тот клетной лес пожег и башня без той клетки и без кровли гниет». Все остальные уцелевшие башни Большого острога, которых, считая Вестовую, осталось девять, также стояли без крыш, а мосты и лестницы в них прогнили и провалились [12].

В 1659 году в южные города выехал воевода Семен Иванович Колтовский. Согласно царскому указу он должен был осмотреть укрепления Белева, Болхова, Мценска, Черни, Новосиля, Орла, Кром, Курска, Обояни, Вольного, Хотмышска и Карпова и составить роспись о их состоянии.

Во время пребывания в Орле Колтовский осмотрел Рубленый город и остатки укреплений острога и посада и составил роспись ветхостей и разрушений, а также смету, сколько леса надобно для ремонта. Согласно «Росписи рухмоным местам», составленной им, в Рубленом городе следовало починить в одном месте двускатную тесовую кровлю на крепостной стене, одна сторона её на протяжении семнадцати сажен раскрылась, и на её починку требовалось 272 тесницы (в среднем по 16 тесниц на сажень стены) длиною каждая две сажени без четверти. Кроме того, с обламов свалилось семь венцов, и для их ремонта нужно было шестнадцать бревен. Необходимо было также сделать две всходные лестницы на крепостную стену, починить мосты в некоторых башнях, для чего требовалось лесу пятнадцать бревен, и прорубить в башнях двери для выхода на крепостную стену. Крепостной ров от реки Оки до реки Орла около Рубленого города, длина которого составляла 83 сажени, следовало вычистить, и «подле рову честик старой починит», на что требовалось двадцать пять бревен.

Делать смету на восстановление примыкавшего к Рубленому городу острога Колтовский не стал. Он только отметил, что длиною острог был 630 сажен «и тот острог подгнил и вывалился весь».

Укрепления посада, состоявшие из линии надолб общей протяженностью 1153 сажени, были не в лучшем состоянии. По замечанию Колтовского, «те надолбы подгнили, все вывалились и в ыных местех и знаку нет». Для их ремонта требовалось 650 бревен.

Всего же по смете Колтовского для ремонта Рубленого города и восстановления укреплений посада требовался ежедневный труд 450 человек в течение трех недель, что было выполнено, но лишь частично [13].

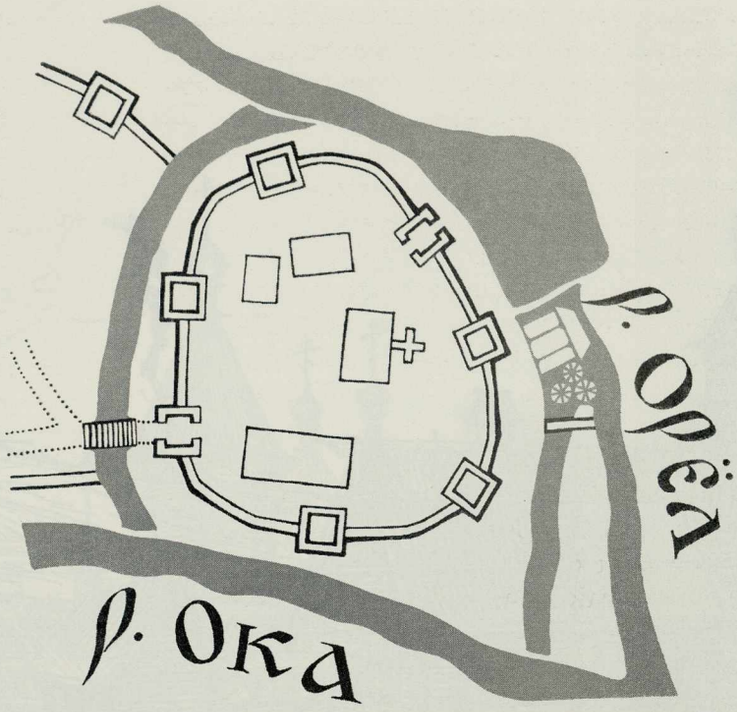
Вид на центральную часть Орловской крепости в середине XVII века.
Реконструкция автора.

На рисунке представлен внутренний вид Орловского кремля — Рубленого города. В центре видны две избы — приказная (съезжая) и губная (судная). Рядом с ними изображен казенный амбар, где хранились старые бумаги. Немного правее его —

Проезжие ворота к реке Орлу, за ними на Егорьевской горе видна Георгиевская церковь. Правую часть рисунка занимает часть Рождество-Богородичного собора. Его окружает жердевая ограда с воротами. Слева изображена обнесенная острогом (частоколом) тюрьма «разбойная и опальная». За ней видны возвышающиеся над крепостной стеной шатры и главы Богоявленского монастыря. Левее башни виден ещё один шатер — церкви св. Николая Чудотворца в Стрелецкой слободе.

ГЛАВА X

Состояние Орловской крепости в 70–80-е годы XVII века и попытки переноса города на другое место



«В прошлых де годах, после Литовского разорения, город Орёл поставлен на старом городище в низком месте... и в приход воинских людей от пушечные стрельбы в город укрыться нельзя, и в полую воду казенной погреб заливает и зелейную казну по вся годы от воды выносят вон на городовую стену, и в сполошное де время по вестям от воинских людей Орловского уезду уездные люди, видя городовую некрепость, бегают в иные городы и в леса... а есть де близко того города, за рекою Орлом к реке Оке, Ямская гора порожжа и высока и пространна и городу быть на той горе пристойно и впредь прочно и к осадному времени надежно... и о строенье на той горе города Орловские жители, всяких чинов люди нам, Великому Государю, бьют челом безпристанно».

Из указной грамоты орловскому воеводе П. Скрябину. 1679 г. [1]

Бушевавшая в начале 70-х годов крестьянская война под руководством Степана Разина косвенно затронула и Орловский край, сюда прорывались отдельные разведывательные разъезды разинцев, действовали немногочисленные отряды восставших крестьян, правда, в основном в пределах Новосильского и соседних Богородицкого, Чернского и Ефремовского уездов. Так, например, в ночь на 7 октября 1670 года под городом Чернавском* появился отряд «воровских казаков» численностью около 40 человек с 10 телегами. Посланные вдогонку за ними чернавские казаки, стрельцы и дети боярские под руководством подьячего Иева Титкова и сына боярского Захарья Титкова были разбиты близ села Истобново в Ливенском уезде наголову. «Воры» убили Иева Титкова и двух детей боярских, в том числе и Захарья Титкова, многих служилых людей переранили и отняли у них две затинные пищали [2].

Ранее, в сентябре 1670 года, добравшийся до Черни жилец Поликарп Беленьков сообщил, что ехавшие на службу в полк к боярину и воеводе Юрию Алексеевичу Долгорукому «многие стряпчие, и жильцы, и рейтары» попали в засаду в урочище Озерки «меж белевских и чернских и крапивенских поль». По рассказу Беленькова, на них напали «воровские многие люди с пищали и с

*Городок Чернавск находился на полпути между Ельцом и Ливнами, сейчас село Чернава Измалковского района Липецкой области.

саадаки и с копьи и их де Поликарпа Беленькова с товарыщи разбили, лошади и платье и деньги и всякую служилую рухледь поимали» [3]. В том же месяце, 30 числа, орловский никольский поп Дмитрий жаловался тульскому воеводе Роману Перфильевичу Карпову: «...ехал он де поп Дмитрей, с Орла на Коломну к Мисаилу епископу Коломенскому и Каширскому с отписки. И как будет де он в Соловском уезде на реке Плаве, и наехал де он, поп Дмитрей на разбойников. И оне, разбойники, ево, попа Дмитрея свезали и лошади и платья и рухледь с нево сняли». Священник передал, что «воры» похвалялись, что они в Ольшанске и Острогожске «воевод побили», а также собираются идти на Тулу, где по тюрьмам сидело много колодников, выпускать их на волю. По его словам, промышляли на большой дороге донские казаки, «а тех де разбойников по смете человек с 30 и больши» [4].

Подобные происшествия, по-видимому, не были единичными, и положение в Орловском и соседних уездах было достаточно напряженным, если согласно царскому указу местным помещикам и вотчинникам было велено свозить на Орёл в осаду запасы, корма, а также съезжаться самим вместе со своими крестьянами. Орловский воевода Никифор Спесивцев, написавший о происшествии с Поликарпом Беленьковым и сообщивший также о неповиновении уездных помещиков, отказывавшихся свозить в город запасы и самим садиться в осаду, счел нужным сообщить и о ненадежности Орловской крепости: «А на Орле де город Орёл во многих местах бурею раскрыло и бес кровли гниет, а острогу нет, и в осадное время сидеть будет тесно». О ветхом состоянии крепости была послана память в Пушкарский приказ, но с затуханием крестьянского движения надобность в срочном ремонте сама собой отпала.

Новый воевода, назначенный в Орёл, — Афанасий Титов в сентябре 1672 года писал: «На Орле де по осыпи город худ и развалился, и башни раскрыты, и острог подгнил и упал, а без поделки де городу и острогу быть нельзя и в приход воинских людей быть в нем страшно». В грамоте, присланной в Орёл 13 февраля из Пушкарского приказа, Титову было велено «на Орле городовые худые места и башенные кровли и всякие крепости, которым без поделки быть нелзя, поделать ...тутошними грацкими уездными сошными людми», тою же зимой. Воевода должен был отремонтировать укрепления Города рубленого и отстроить острог, ему было указано: «...что вновь сделано будет, о том велено писать и городовому и острожному делу книги прислати к Москве, в Пушкарский приказ» [5], т. е. все вновь выстроенные укрепления необходимо было описать и измерить, а их описания, как и сметы на строительство, требовалось отослать в Москву.

Ни зимой, ни весной 1673 года Титов за ремонт не принимался. Вспыхнувший же в июне 1673 года пожар, во время которого сгорела большая часть города, надолго отложил все помыслы о ремонте крепости. В своей отписке об этом бедствии Афанасий Титов писал: «В нынешнем, государь, во 181 (1673) году июля в 25 день изволением Божьим, на Орле святилище Божие, и острожные башни, и что было старого острогу, и которые жители Орляне и иных городов всяких чинов в том острожном месте жили, все дворы их, и анбары, и кузницы, и таможенный и кабацкий двор выгорели». Многие дворы и амбары располагались близко от стен Рубленого города — «сажень в двадцати и менши», поэтому огонь неоднократно перебрасывался на кровли стен и башен крепости, «и от того пожару город во многих местах загорался». Но сбежавшиеся служилые и посадские люди сумели отстоять от огня Рубленый город вместе с хранившейся в нем денежной и пороховой казной. По воеводской смете сгорело: «четыре церкви,* да острожных шесть башен, а дворов орлян и иных городов всяких чинов людей, и анбаров,

*Предположительно, во время пожара 25 июля 1673 года сгорели следующие церкви: Воскресенская (Ильинская), Никольская и два храма в мужском Богоявленском монастыре — Богоявления Господня и свв. Козьмы и Дамиана.

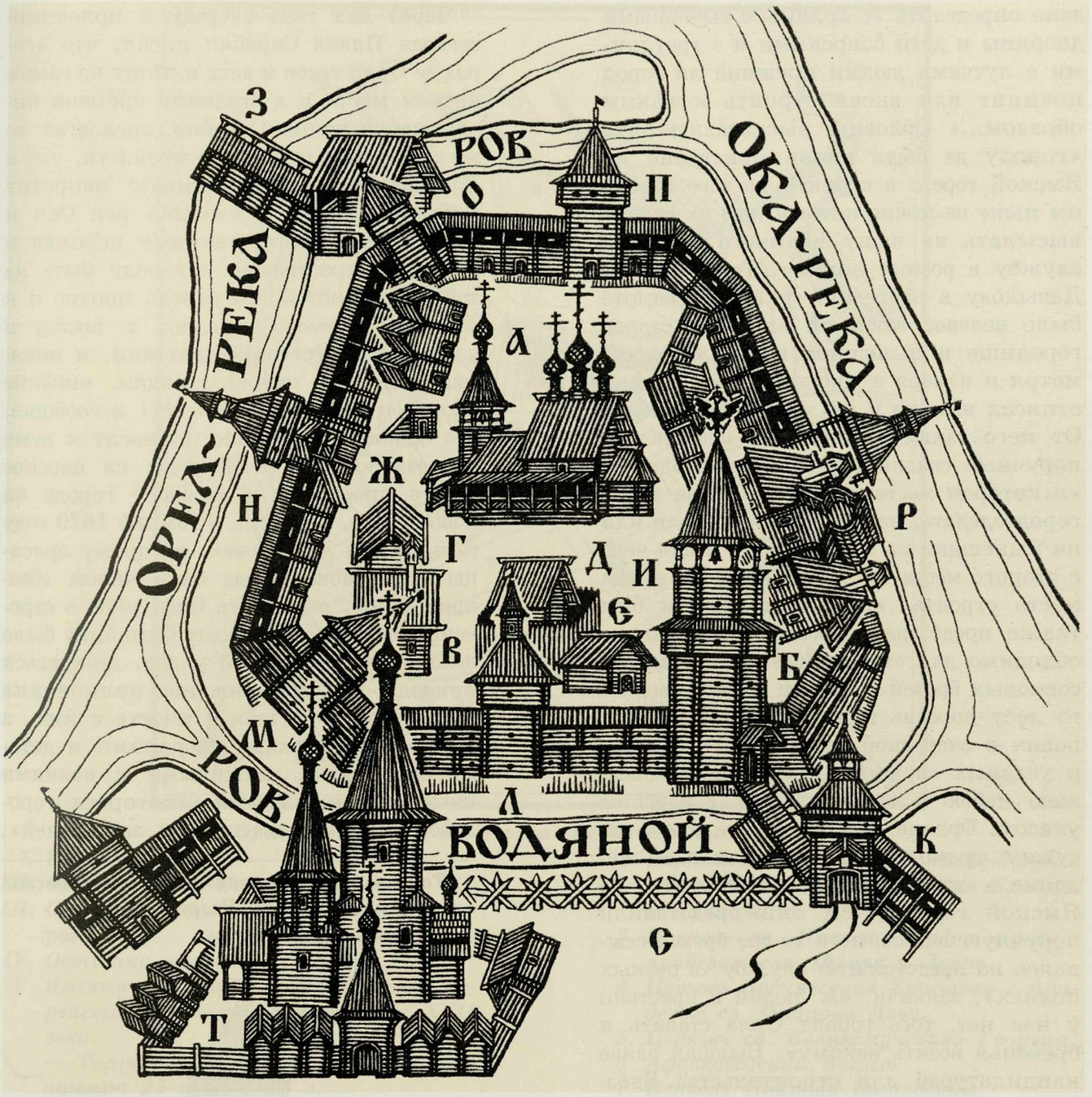
Пожар в средневековом русском городе. Миниатюра Лицевого летописного свода.

и кузниц с двести и болши» [6]. Упоминаемые в отписке Афанасия Титова острожные башни — это остатки старого острога. Прежний воевода Никифор Спесивцев писал, что в Орле нет острога, но это не совсем так, в городе еще стояли в это время шесть сохранившихся башен старого острога (из 10), но от острожной стены между ними остались лишь незначительные остатки, и как оборонительное сооружение его можно было не брать в расчет. Теперь и он сгорел.

Принявший у Титова воеводство Сафон Карпов в январе 1674 года сообщал о поистине бедственном состоянии крепости: «...при прежнем де воеводе — при Афанасье Титове город и острог не поделыван, весь худ, сгнил и развалился и без поделки де никоторыми делы быть нельзя, и в приход воинских людей быть в нем страшно» [7]. Несмотря на присылку на Орёл указной грамоты, в которой во избежание пожара запрещалось возводить какие-либо постройки ближе 20 сажен от острожной и городовой стены, орляне после пожара отстроились на своих прежних дворовых местах. Сафон Карпов в очередной отписке жаловался: «...и те орляне и иных городов всяких чинов люди дворы свои и всякие угодья построили на тех же местех до моево, холопа твоего, приезду на Орёл, а иные, государь, дворы и анбары и всякия угодья орлян и иных городов всяких чинов людей построены от городового рву и от острожной старой стены сажен в двух...» [8]. К отписке о состоянии крепости воевода приложил челобитную орловцев, в которой те сообщали, что после «литовского разоренья» город Орёл поставлен на старом городище в низком месте и «из-за реки Орла с Егорьевской горы в город видеть», поэтому в случае осады «от пушечные стрелбы в город укрыться нелзя». Кроме того, орловцы жаловались, что во время наводнений крепость подтапливает, «и в полую воду казенный погреб заливает и зелейную казну (порох) по вся годы, от воды выносят вон на городовую стену», а уездные люди, видя ненадежность Орловской крепости — «городовую некрепость», во время татарских набегов укрываются в других городах и лесах, благодаря чему уменьшается число потенциальных защитников Орла. В заключение орловские всяких чинов люди просили новую крепость построить на другом месте, а именно на Ввозной горе, которая к городовому строенью крепка и к которой «с трех сторон приступу не будет» [9].

Но предложение о переносе города (точнее крепости) на Ввозную гору так и осталось прожектом, хотя вопрос о строительстве крепости на новом месте с той поры поднимался неоднократно.

В 1677 году новому орловскому воеводе Ивану Петровичу Давыдову было ука-



Рубленый город (кремль) в Орле. Середина XVII века.
Рисунок автора, стилизованный под древнерусский чертеж XVII века.

А. Рождество-Богородичный собор.
Б. Воеводский двор.
В. Приказная изба.
Г. Губная изба.
Д. Тюрьма «разбойная и опальная».
Е. Казенный погреб.
Ж. Рундук — вход в подземный ход-тайник.
З. Мельница откупная.
И. Башня Большая Караульная проезжая.
К. Башня Отводная (Вестовая) проезжая острога.
Л. Башня Средняя на осыпи.
М. Башня Наугольная на осыпи.
Н. Башня проезжая к реке Орлу.
О. Башня Наугольная от реки Орла от Ямской слободы.
П. Башня Наугольная меж рек Оки и Орла.
Р. Башня Наугольная от реки Оки.
С. Честик.
Т. Богоявленский монастырь.

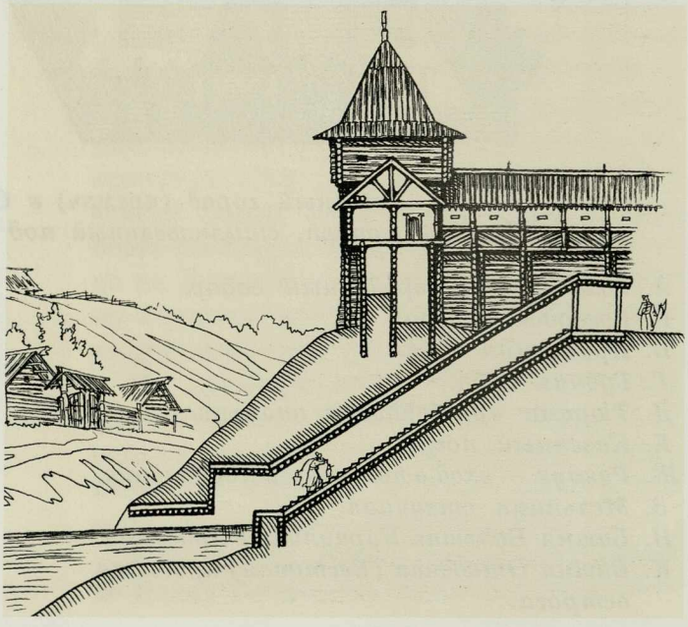
зано определить «с орляны с выборными дворяны и дети боярскими и з гратцкими с лутчими людми прежний ли город починит или вновь строить и каким образом...» Орловцы высказались, что «городу де быть вновь пристойно на Ямской горе... а строить де того города им ныне не мочно потому, что их велено высылать на нашу великого государя службу в розные полки». Тем не менее Давыдову в очередной указной грамоте было велено, чтобы он «на Орле старое городище и нынешнее новое место осмотря и измеря в трехаршинную сажень отписал имянно и на чертеж начертил». От него также требовалось представить поручные сказки городских жителей — «в котором месте пристойно ныне вновь город зделать, на прежнем ли месте или на нынешнем на новом месте, и для чего с старого места тот город лутче на новом месте строить...» Давыдов должен был также представить роспись, сколько необходимо для строительства «дубовых и сосновых бревен и тесниц и иного всякого лесу порознь и железа...» Иван Петрович в очередной раз собрал городских и уездных «лучших» людей перед съезжею избою и ознакомил их с царским указом. Орляне, «выслушев великого государя грамоту», подтвердили свое желание о строительстве новой крепости на Ямской горе, о чем они представили поручную запись, но в то же время, ссылаясь на предстоящую службу «в розных полкех», заявили: «А людей и крестьян у нас нет, того города Орла ставить и бревенья возить некому». Бывшая ранее кандидатурой для строительства Ввозная гора к тому времени, по-видимому, отпала. На ней уже успела обосноваться Успенская пустынь, и решение о строительстве крепости на этой горе привело бы к тяжбе с монастырем, «монастырскому утеснению» и сносу части построек обители.

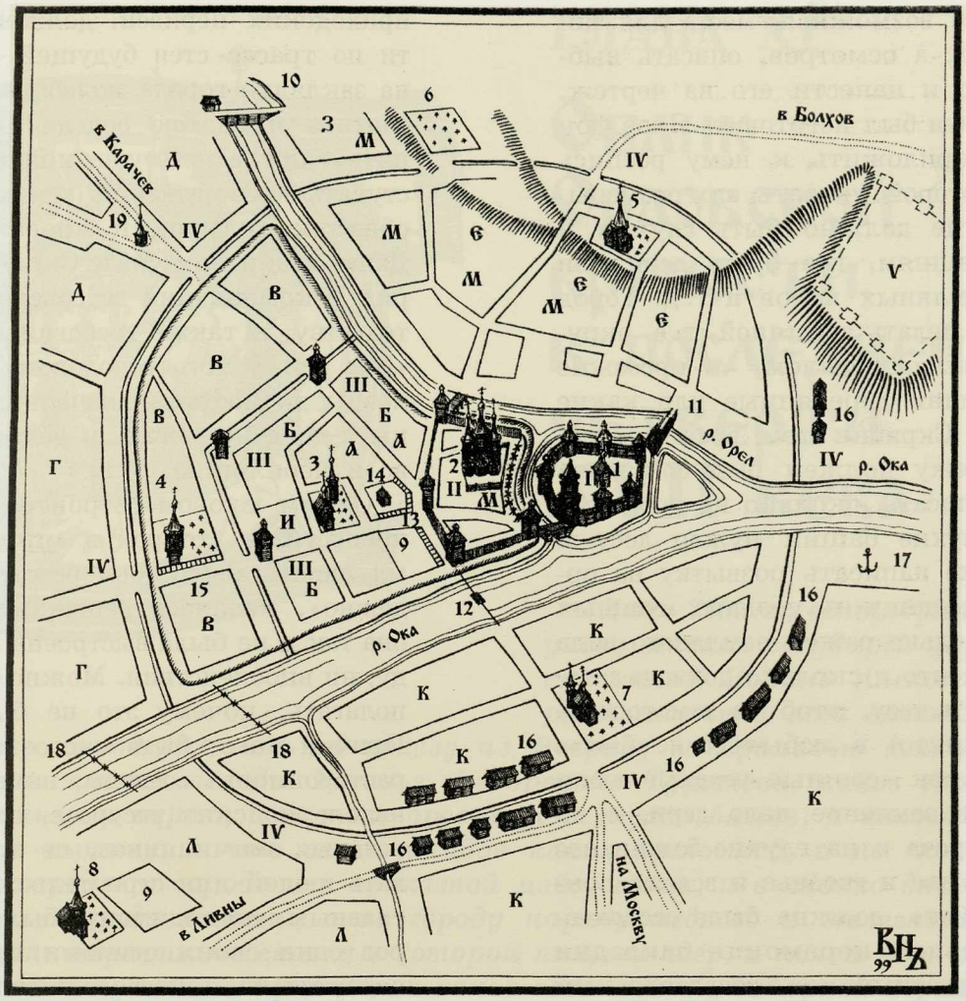
При воеводе И. П. Давыдове, который, надо сказать, настолько хорошо проявил себя в делах городского управления, что орловцы подали челобитную о продлении его воеводства на год, строительство так и не было начато [10].

Через два года очередной орловский воевода Павел Скрябин писал, что «город де Орел тесен и ветх и стоит на самом низком месте и к осадному времени ничем ненадежен». Скрябин предлагал то же место для устройства крепости, что и Давыдов, — расположенную напротив Рубленого города у слияния рек Оки и Орла Ямскую гору, «которая порожжа и высока и пространна, и городу быть на той горе пристойно и впредь прочно и к осадному времени надежно, и посаду и слободам и струговой пристани, и никаким людем и торговым рядам, никакие порухи и переноски не будет» и сообщал, что орловцы постоянно приносят к нему в съезжую избу челобитные на царское имя с просьбами о переносе города на новое место. Наконец, в том же 1679 году царь Федор Алексеевич, которому орловцы о переносе города били челом «безпристанно», выслал на Орёл указ о строении нового города. Павлу Скрябину было велено, по получении указа, дождаться приезда в Орёл инженер-полковника Якова фон Фростена и вместе с ним, а также с орловскими дворянами и детьми боярскими, служилыми и всякими смышлеными людьми, «которым городовое дело (строительство) за обычей»,

Тайник для водоснабжения в Орловской крепости. XVII век. Разрез.

Реконструкция автора.





Орел в 70-е годы XVII века. Реконструкция автора.

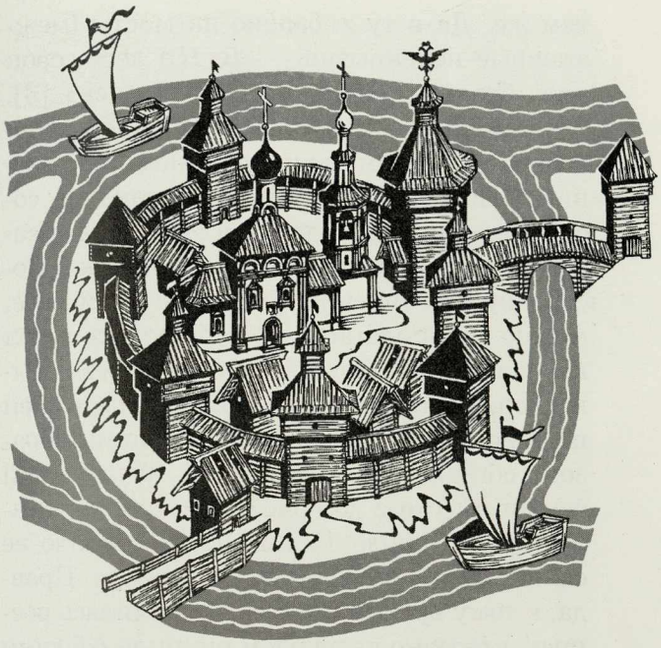
I. Рубленый город.
II. Острог князя Василия Дулова.
III. Остатки укреплений Большого острога.
IV. Остатки укреплений слобод.
V. Ямская гора, куда предполагалось перенести крепость в 70-е годы XVII века.
— Территория, выгоревшая во время пожара 25 июля 1673 г.
А. Пушкарская слобода.
Б. Стрелецкая слобода.
В. Новоприборная Стрелецкая слобода.
Г. Черкасская казачья слобода.
Д. Посадская слобода (с 1676 г.).
Е. Егорьевская слобода.
З. Афанасьевская слобода.
И. Воротничья слобода.
К. Покровская драгунская слобода.
Л. Пятницкая драгунская слобода.
М. Осадные дворы орловских дворян и детей боярских.

Основные городские здания и сооружения:

1. Рождество-Богородичный собор.
2. Богоявленский мужской монастырь с церквами Богоявления и свв. Козьмы и Дамиана.
3. Церковь св. Николая Чудотворца с приделом свв. Флора и Лавра.
4. Церковь Воскресения Христова с приделом св. Пророка Ильи.
5. Церковь св. Великомученика Георгия.
6. Афанасьевский погост.
7. Церковь Покрова Богородицы.
8. Церковь св. Никиты Мученика на бывшем Пятницком погосте.
9. Дворы разных городов торговых людей для хлебных и иных промыслов.
10. Вышняя Орличная плотина.
11. Нижняя Орличная плотина.
12. Паром.
13. Торговые лавки.
14. Кабацкий двор.
15. Кузнечный ряд.
16. Ссыпные амбары.
17. Струговая пристань.
18. Пешеходные лавы.
19. Часовня.

осмотреть все возможные места для новой крепости, а осмотрев, описать выбранное место и нанести его на чертеж. Чертеж должен был изготовить Яков фон Фростен и приложить к нему роспись города, в которой указать его размеры, сколько и где должно быть глухим и проезжим башням, где брать дерн для обкладки земляных валов и т. д. Город было велено делать земляной, т. е. окруженный земляным валом, «а проезжие ворота и башни деревянные или какие пристойно». Скрябин тем временем согласно чертежу должен был составить смету и расписать, сколько на проезжие ворота и глухие башни нужно лесу и тесу, а также написать розвытку на орловских посадских и уездных сошных людей — сколько сажен земляного вала кому делать, кто и сколько должен заготовить лесу и тесу, чтоб «в том городовом деле (никто) в избылых не был». После того, как «сошные уездные люди на городовое земленое дело дерн, а на проезжие ворота и на глухие башни лес и на кровлю тес и гвоздье и всякие припасы изготовят», должна была состояться официальная церемония закладки крепости. Крестный ход, возглавляемый местным духовенством — архимандритами и игумнами орловских монастырей, протопопом соборной церкви, попами приходских церквей, должен был пройти по трассе стен будущей крепости «и на закладке города молебствовать и воду святить и святою водою то место кропить», после чего уже можно было приступать к сооружению земляного вала и обкладке глухих и проезжих башен. Далее в царском указе Скрябину давался ряд рекомендаций и советов по строительству, а также требовалось, чтобы он «сам еси у того городового дела на деловцы дасматривал почасту, чтоб деловцы у дела не гуляли и делали неогурливо и неоплошно» [11].

Одним словом, строительство новой крепости, в которой в «приступное время сидеть было (бы) безстрашно и надежно», казалось решенным делом, но она так и не была выстроена ни в 1679 году, ни впоследствии. Можно только предполагать, почему это не было сделано. Причин могло быть много: леность и нерасторопность воеводы, нехватка денежных и людских ресурсов, сопротивление уездных вотчинников, не желавших давать людей для строительства, и др. Но главным, по-видимому, было то, что город один своими силами просто не мог осуществить такое сложное и дорогостоящее «городовое дело» государственного масштаба, как перенос крепости на другое место.



ГЛАВА XI

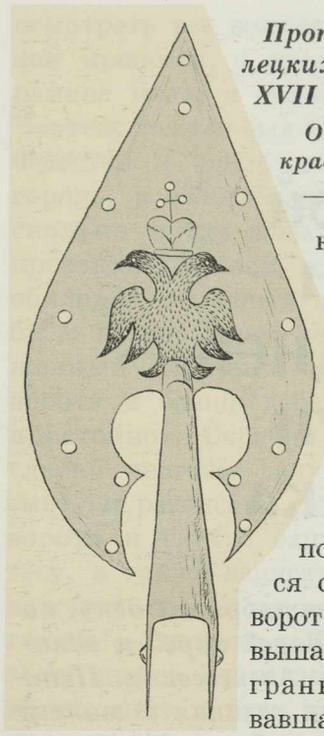
Облик Орловской крепости в последней четверти XVII века

«Лета 7193 г., сентября в 1 день, по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержцев, и по ноказу из Розряду за приписью дьяка Перфилья Оловеникова по смете воеводы Василья Федоровича Тургенева, каков город Орёл и острог строеньем и мерою, и сколько проезжих и глухих башен, и каковы те башни в ширину и в вышину, и что около посадов каких крепостей, и по сколку человек стрелцов на короуле в городе и в приказной избе стоят, и в сколко дней переменяютца, и что в городе житниц и по городу наряду медного и железного, и кокова котороя пищаль мерою, и по сколку х которой пищали ядер, и почем весу и что зелья и свинцу и всяких пушечных припасов, и каков вестовой и у соборной церкви колокола весом, и хто имяны стрелецкой голова и приказные люди, подьячие и площедные дьячки... и что стрелцов и драгунов, и пушкарей, и воротников, и козенных кузнецов, и черкас, и посацких людей, и дворников, и в таможни, и на кружечном дворе, верной голова, и целовалники, и подьячей, и что у всех вышеписанных чинов людей детей, и братьи, и племянников, и всяких свойственников, и то всё писано в сих книгах ниже сего порознь».

Из Сметной книги города Орла 1685 г., составленной воеводой Василием Федоровичем Тургеневым [1].

Облик Орловской крепости в 80-х годах XVII века можно представить по Росписному списку, составленному в 1682 году при передаче крепости стольником и воеводой Микитой Никифоровичем Спесивцовым воеводе Луке Васильевичу Изъединову. Новый воевода принял у своего предшественника «город Орёл рубленой дубовой и ключи городовые и по городу наряд медной и железной и в козне зелья и свинец в пул[ь]ках и в стулах и в усечках и в житницах хлебные запасы и зборный лен и пеньку». Далее в росписи говорилось: «А каков город и острог мерою, и что крепостей, и норяду, и зелья, и свинцу, и хлебных запасов, и зборнова льну, и пеньки, и поскони и всяких припасов, и что на Орлу стрельцов, и пушкарей, и драгунов, и посацких людей, и черкас, и бобылей, и то писано в сех книгах ниже сего порознь и по статьям».

Росписной список начинался с описания Города рубленого, о котором говорилось, что он был «дубовой, крыт был тесом дубовым же, в стенах семь башен». В следующем затем подробном описании



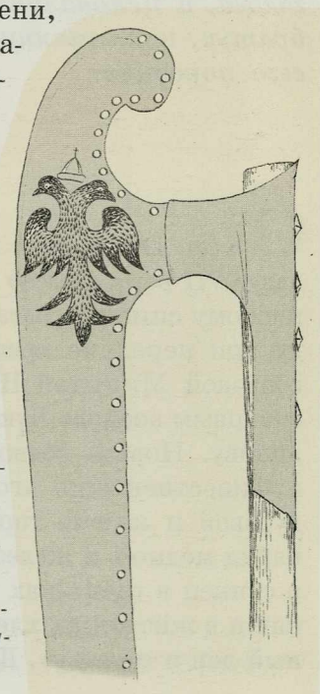
Протазан. Оружие стрелецких начальных людей. XVII век.

Орловский областной краеведческий музей.

крепости даны размеры крепостных башен, указано расстояние от одной башни до другой, описаны различные «городовые хитрости» [2].

Описание крепости по традиции начинается с главных проезжих ворот, над которыми возвышалась мощная шестигранная башня, называвшаяся Большой Караульной, или просто Караульной башней. Каждая ее грань была размером по 2,5 сажени. К сожалению, в росписи не указана ее общая высота, говорится, что она была 6 сажен по обламы, т. е. до уровня боевого балкона. Башню венчала дозорная вышка-клетка, в которой был подцеплен вестовой колокол весом в 14 гривенок. Вскоре после постройки башни вышка во время бури рухнула, и висевший в ней вестовой колокол разбился. В 1667 году орловскому воеводе Авдею Лыкову было велено «из грацких и из жилецких людей выбрать сколко человек пригоже знающих и с теми людми осмотреть по городу всех мест, которых доведетца починить...» Воевода вместе с «лутчими людми», в число которых входили губной староста Онфим Некрасов, богоявленский и покровский попы Давыд и Наум, стрелецкие пятидесятники Петрушка Пулков и Ивашка Тараканов, пушкарский староста Онфим Телегин и «иные многие градцкие люди», составили смету и роспись материалов, необходимых для ремонта, «что на те роскрытые и худые места лесу и тесу надобно, и на башню и на клетку бревен же, и на всякую городовую поделку...» Согласно росписи «на ту клетку... надобна сто восемдесят бревен длиною двух сажен с лохтям же. Да в ту ж башню на мосты (межэтажные перекрытия. — *В. Н.*) лесу сорок пять бревен длиною четырех сажен» [3]. Судя по росписи, дозорная клетка была довольно сложным архитектурным сооружением. По-видимому, она представляла собой шестигранный сруб высотою до 3-х сажен, являвшийся продолжением башни. Поскольку в росписи не говорится об обламе, можно предполагать, что верх ее, где висел колокол, был окружен только деревянными перилами и венчался шатровой крышей не менее 3,5–4 сажен высоты. Таким образом, общая высота Большой Караульной башни вместе с дозорной клеткой достигала высоты около 15 сажен, что делало ее самым высоким сооружением города. Правда, к тому времени, когда составлялась роспись, клетка с колоколом рухнула с башни к мосту, и вестовой колокол весом в 14 гривенок (1 гривенка — 409,5 грамма. — *В. Н.*) разбился. Его обломки были отвезены в Москву «и вместа того росшибленного колокола иного не прислано». Караульная башня же, оставшись без кровли, начала гнить. Позднее новый вестовой колокол на Орёл все же привезли, но поскольку вешать его было некуда, — вышка на Караульной башне так и не была восстановлена, — его подвесили на крепостной стене.

Крепостная стена, окружавшая Рубленый город, была срублена городнями дубовыми размером 2х2 сажени, высотой также в 2 сажени и венчалась обламом, накрытым дубовой кровлей. Ее общая высота, учитывая облам и крышу, была свыше 3-х сажен. Для «приступного времени» на стенах было сложено колье и каменье.



Бердыш. Оружие рядовых стрельцов. XVII век.

Орловский областной краеведческий музей.

От башни Большой Караульной до ближайшей Глухой башни было городовой стены 30 сажен (описание идет по часовой стрелке).

Башня Глухая была размером «полтретья» сажени — (2,5 саж.) и в высоту по обламы — «полчетверта» сажени (3,5 саж.). Ранее её венчала дозорная вышка-клетка, но ко времени составления росписи она уже сгнила и свалилась. От башни Глухой до следующей башни — «Наугольной на осыпи» было городовой стены 17 сажен.

Башня «Наугольная на осыпи» была размером в «две сажени с четверту», вверх по обламы — «полчетверта» сажени. От нее до башни «Проезжей что к реке к Орлу» стояла стена двадцать две сажени с полусаженем.

Башня «Проезжая, что к реке к Орлу», была размером «полтретья» сажени — вверх по обламы «полчетверта» сажени. От нее до башни «Наугольной, что от реки Орла», стена отмеряла семнадцать сажен.

Башня «Наугольная глухая от реки Орла» была самой маленькой башней Орловской крепости, размером всего в две сажени без четверти. Высота ее в росписи не указана и, по-видимому, была такой же вышины, как и соседние башни — «полчетверта сажен» по обламы. От нее до башни «Наугольной, что стоит внизу реки Орла», городовая стена насчитывала одиннадцать сажен.

Башня «Наугольная, что меж рек, внизу реки Орла», была размером двух сажен с четвертью, вверх по обламы — «полчетверта» сажени. От нее до следующей башни — «Наугольной от реки Оки» было стены двадцать восемь сажен.

Башня «Наугольная, что от реки Оки», последняя седьмая башня Рубленого города, была размером «полтретья сажени», а в высоту по обламы четыре сажени без четверти. Ее венчала дозорная вышка-клетка, «и та клетка развалялась». От Наугольной башни до Большой Караульной проезжей башни было городовой стены двадцать четыре сажени.

Общий периметр крепостных стен достигал 149,5 сажени, не считая башен. Продольные и поперечные размеры крепости были 48х43 сажени. Измерения обычно производились от крепостных ворот, в данном случае, по-видимому, от Большой Караульной башни до противоположной стены и от проезжей башни, «что от реки Орла», и также до противоположной стены.

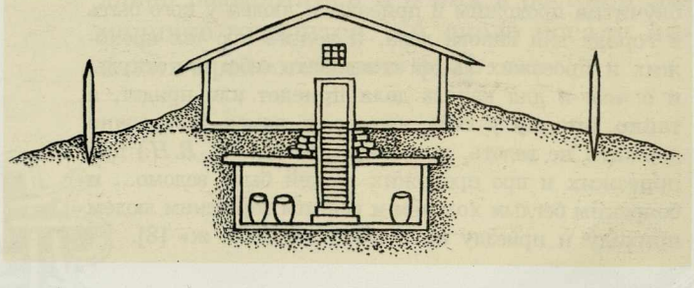
Водоснабжение крепости осуществлялось при помощи подземного хода — тайника, выводившего к реке Орлу. Правда, ко времени составления росписи «тот тайник завалился». Колодцев в Рубленом городе не было, что оговаривалось в росписи. В ней также упоминаются некоторые постройки внутри крепости: 4 житницы, приказная изба, 2 амбара и располагавшийся у Караульной башни казенный погреб. Большая часть пороха и свинца из казенного погреба в марте 1679 года была отправлена в Рыльск и Севск — Орловская крепость уже начала терять свое значение. В остатке в нем еще было 53 пуда пороха в 5 бочках и 51 пуд свинцу в «стулах и усечках».* Кроме того, в погребе хранилась различная воинская арматура и инструмент: три знамени кумачных, киндячных и полотняных, два подсвета железных (обивка крепостных ворот), четыре крюка воротных и т. д. На карауле в Рубленом городе, у проезжей башни и у приказной избы каждый день стояло пять человек орловских стрельцов, сменяли их каждые сутки. У казенного погреба, также ежедневно сменяясь, дежурили по два пушкаря [4].

Артиллерийское вооружение крепости в это время состояло из медной вестовой полуторной пищали, двух пищалей полуторных медных и 5 пищалей коротких мед-

*Стул — свинцовая чушка, усечка — кусок чушки.

Разрез «казенного» (порохового) погреба. Аналогичную конструкцию имел и пороховой погреб в Орловской крепости.

С чертежа крепости Кола. XVIII в.



ных же, двух пищалей полковых железных и медной дробовой пищали. Кроме того, имелось 18 пищалей затинных. Ко всем пушкам было 1227 ядер, к дробовику — два пуда без трех гривенок дробу железного, к затинным пищалям — 1200 пулек железных и 1080 пулек свинцовых [5].

В трех житницах хранился хлебный запас на случай осады: крупа, толокно, сухари. Всего 136 четвертей. Впрочем, по смете 1685 года, «...тот хлеб, и толокно, и крупы огорчали, сухари перемокли, распались, погнили, а кули все распались и мыши переели. А по осмотру в тех сухарях, и крупах, и толокне завелись черви, а есть тот запас невозможно» [6].

Внутри крепости, ближе к восточной стене, располагался воеводский двор с жилыми и хозяйственными постройками, в число коих входила и банька. Правда, двор этот к тому времени начал приходить в ветхость. Кровля на нем погнила и провалилась, бревна на углах вылезли из пазов. Бывший в 1685 году на воеводстве в Орле Василий Тургенев писал: «...да в том же, государи, городе прежних воевод хоромное строенья, в чём живали, они, воеводы, и то всё хоромноя строенья и кровли и у них углы огнило и розволялось, и от мочи (сырости. — *В. Н.*) и от стужи; мне, холопу вашему, будучи на вашей, великих государей (Ивана и Петра Алексеевичей. — *В. Н.*) службе, в тех хоромах жить некоторым делы не возможно» [7].

В Рубленом городе, кроме того, находились две караульные избы (по одной у каждых ворот), губная изба, тюрьма «разбойная и опальная» и приказная (съезжая) изба, где сидели дьяки и подьячие, ведавшие делопроизводством, и хранился городской архив: указные государевы грамоты на Орел, «приводы и распросы*» и всякия дела прежних воевод и приказных людей, да книги строельные дворовые и анбарные, да книги орловские плотежные письма и дозору Ивана Кутузова да подьячего Ивана Коровина 133-го и 134-го (1625–1626-го) году». Здесь же хранились судные дела «вершенные и невершенные», списки орловских служилых людей — «отставных дворян и детей боярских, и пушкарей, и затинщиков, и воротников, и казенных кузнецов, и драгунов, и черкас, и дворников, и захребетников», а также денежная казна. Среди прочего, принадлежностью интерьера являлись: «двои железы (цепи. — *В. Н.*), кандалы, сукно красное (для стола. — *В. Н.*), багор железный, бердыш, чекан (боевой молот. — *В. Н.*), лук, двенадцать стрел...» [9].

При приказной избе находилась тюрьма «разбойная и опальная». Она представляла из себя избу, разделенную на две половины с погребом — «прорубом», окруженную частоколом. «Разбойная» тюрьма предназначалась для «убивцев», беглых холопов и пленных татар; вторая — для знатных и именитых лиц, в чём-либо провинившихся и попавших в опалу. Сюда могли засадить по государеву указу и самого воеводу «за дурость и нерадение, простоту и глупость».

В центре Рубленого города высился деревянный Рождественский собор, построенный воеводой Борисом Колтовским в 1636 году на месте одноименного храма, стоявшего здесь в XVI веке. Рядом с ним располагались два двора соборных попов, двор дьяконов и двор просфорницы. Согласно приемной сказке соборного попа Дмитрия Мокавеева, в 1672 году в соборе имелись: «...на престоле образы Пресвятые Богородицы, да местной образ Николая Чудотворца, да мелких икон сорок шесть, да тринатцать деисусов с празники, сасуды церковные оловеные, трои ризы, адни дорагилные, да двои полотняные, одни обгарели, два стихоря, потрахиль, поручи, одинадтцать книг всех, да на колокольнице благовесной колокол да два зазвонных, адин росщибен» [10]. В это время храм довольно длительное время пустовал и постепенно начал приходить в ветхость. Воевода Афанасий Титов в 1674 году писал:

*«Приводы и распросы...» — в числе должностных обязанностей воеводы была и такая: «А кому случитца прохожим и приезжим людем у кого быть в городе для какова дела, и велеть про тех прохожих и проезжих людей сказывать себе: хто откуды и с чем и для какова дела приедет или придет, а тайно никому у себя никого в домех безъявочно держать не велеть, чтоб ему (воеводе. — *В. Н.*) про приезжих и про прохожих людей было ведомо... и боярским беглым холопем и всяким воровским людем приходу и приезду ни х кому не было ж» [8].

«А попа у тое соборной церкви нет; стоит без пения многое время, лет з дватцать и болши, а был у тое саборные церкви поп Данила, и тот поп ныне пострижен и служит в черных попех на Орле в Богоявленском монастыри, а соборная церковь вся и паперти обвалились и гниют без кровли» [11]. В ночь с 23 на 24 декабря 1676 года «в полночь» собор неожиданно сгорел со всей церковной утварью. Произошло это вскоре после окончания вечерни в честь праздника святой Великомученицы Екатерины, ангела «благоверные государыни царевны и великие княжны Екатерины Алексеевны» — дочери царя Алексея Михайловича, на которой присутствовал и воевода.

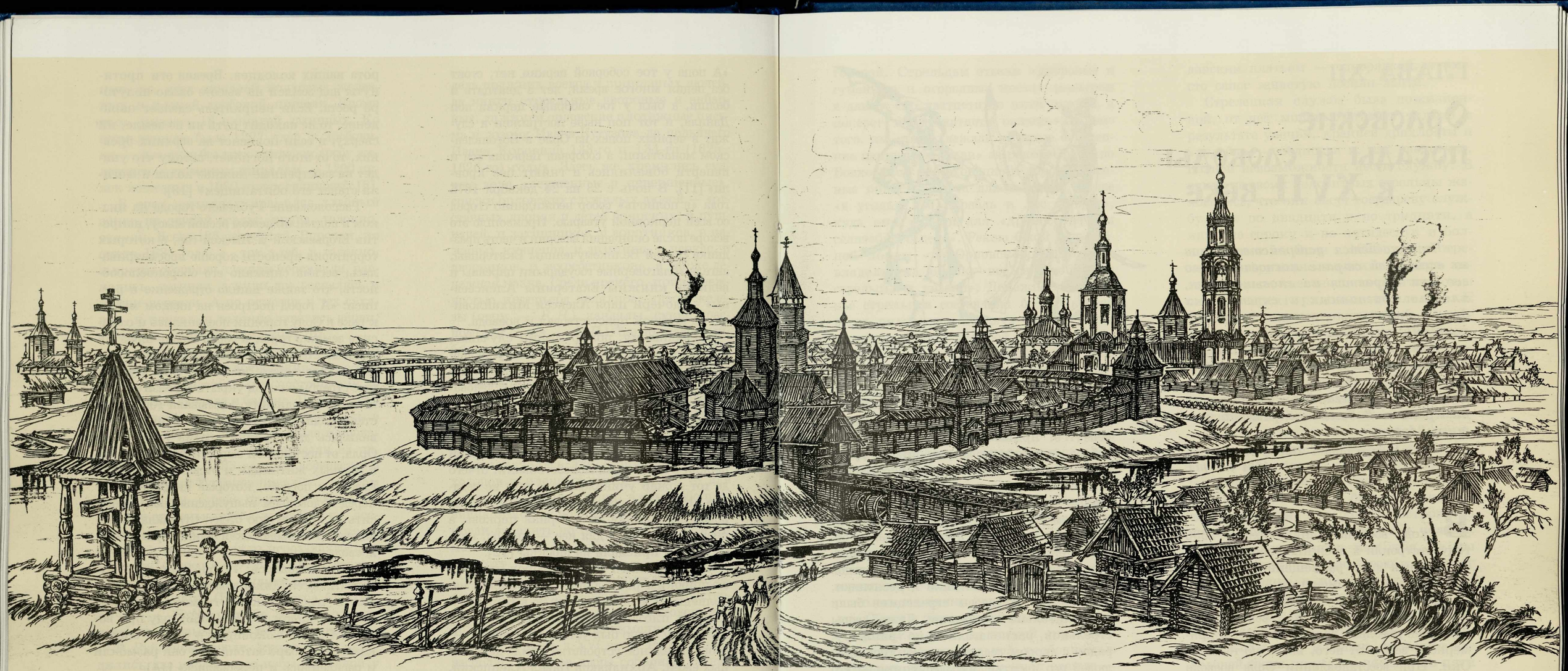
По-видимому, пожар возник случайно, от плохо затушенной свечки или упавшей лампадки, во всяком случае проведенное воеводой Иваном Давыдовым расследование злого умысла не выявило. «А по скаске Богоявленского монастыря черного попа Сергия и иных грацких прихоцких церквей священников, которые в той соборной церкви в навечерни молебствовали, отчего де тот пожар учинился, того они не ведают». На месте сгоревшей была построена новая деревянная же соборная церковь, а церковную утварь для нее — иконы, книги и ризы прислали из Москвы [12].

От застройки Рубленый город отделялся широким рвом длиной 83 сажени, наполненным водой, подпор в котором создавала плотина на реке Орёл. По его внешнему краю был установлен честик — оборонительное устройство в виде деревянных ежей. Архидиакон Павел Алеппский, видевший честик у стен русских городов, сделал описание столь поразившего его сооружения в своем дневнике: «Москвитяне обладают светлым умом, подобно франкам, ибо они изобрели такие приспособления для укрепления этой крепости, каких мы не видели в этой стране. Они поставили кругом рва брёвна вроде длинной оси водяного колеса, очень большие, и переплели их жердями, торчащими с четырех сторон оси в виде креста, как ворота наших колодцев. Бревна эти протянуты над землей на высоте около полутора роста. Если неприятель сделает нападение, то не находит пути ни по земле, ни сверху, и если повиснет на верхних бревнах, то от этого погибнет, потому что упадет на заостренные нижние колья и могила станет его обиталищем» [13].

Расположение Рубленого города на низком и подтапливаемом весной мысу, напротив Егорьевской и Ямской гор, с которых территория крепости хорошо просматривалась, весьма снижало его обороноспособность, что также нашло отражение в росписи: «А город построен на низком месте, к реке к Орлу городни посланились и с Ямские земли з горы, в город видно через городовые стены, и в приход воинских людей в осаде сидеть опасно» и «...от пушечные стрелбы в город укрыться нелзя». Кроме того, наводнения подмывали городские стены и башни. В 1674 году, например, обвалились две городни против устья реки Орла, от постоянной сырости портился хлеб в осадных житницах и отсыревал порох в казенном погребе, который каждую весну перед половодьем вынуждены были выносить на крепостную стену. Страдала от наводнений и воеводская канцелярия. Так, воевода Осип Тургенев в одной из своих отписок жаловался: «Твои, великого государя (Алексея Михайловича. — *В. Н.*), указные и челобитчиковы грамоты и всякие дела в прошлом во 166 (1658) году при воеводе Одолее Соковнине в полую воду в казенном анбаре затопило, и они размокли и расклеились и перервались» [14].

О сгоревшем в 1673 году остроге, примыкавшем к Рубленому городу, в росписи сообщалось, что периметр его стен составлял около 589 сажен, продольные и поперечные размеры его были 160х140 сажен, «и что было острожных башен, и те башни и острог в пожарное время погорели».

Укрепления посада к этому времени уже давно развалились и о них в росписи лаконично говорится: «А около посаду никаких крепостей нет» [15].



Вид на город Орел с Ямской горы в конце XVII — начале XVIII веков. Реконструкция автора.

Одна из самых живописных панорам города этого времени. На рисунке хорошо видно, насколько устарел Орловский кремль с фортификационной точки зрения. Осадная артиллерия с высоты Ямской горы могла простреливать его вдоль и поперек, поражая в спину защитников напольной стены. К счастью, Орел уже потерял какое-либо военное значение, и надобность в модернизации крепости или в переносе ее на другое место отпала.

В центре Рубленого города в окружении казенных и административных построек высится Рождество-Богородичный собор. Правее собора виден собор Богоявленского монастыря, а за ним — верха Никольской и Ильинской (Воскресенской) церквей в Стрелецкой слободе. Справа, на переднем плане — поклонный крест, за ним, за рекой Окой — Покровская и Преображенская церкви в Драгунской слободе, вдали видна Никитская церковь в Пятницкой слободе.

ГЛАВА XII

Орловские посады и слободы в XVII веке

«Что касается устройства домов во всей этой стране московитов, то все они строятся из еловых бревен, плотно пригнанных и скрепленных друг с другом; они высоки, с горбообразными крышами, дорого стоющими: все дома этих стран от Валахии до Москвы имеют горбообразные досчатые крыши, что необходимо вследствие обилия снега, дабы он не лежал на крышах. В домах непременно каптуры (печи)».

Архимандрит Павел Алеппский. 1654 год [1].

В ходе восстановления Орла в 1636 году отстроили и прежние городские слободы, хотя в их размещении и произошли некоторые изменения.

Одной из первых слобод в Орле возобновили Стрелецкую. В XVI веке она находилась довольно далеко от города, примерно в версте от него, вверх по течению Оки. При восстановлении Орла воевода Борис Колтовский указал 100 орловским стрельцам, переведенным из Мценска «для береженья от воинских крымских людей приходу», селиться в крепости. Большая часть стрелецких дворов — 109 — расположилась в остроге, где стрельцы срубили церковь Николая Чудотворца, а остальные 90 заняли часть территории бывшего Большого острога XVI века в междуречье рек Оки и Орла, под защитой старого рва и новопоставленных надолб. Эта часть Стрелецкой слободы получила название Новоприборной, потому что основу её составили стрельцы, новонабранные из «вольных охочих» и «гулящих» людей, от которых требовалось, чтобы они «были собою добры и стрелять были горазди, и служивое дело им было за обычей (т. е. привычно)». Им выдали при наборе «подмогу на дворы» по два рубля стрельцу, «как в иных городах стрелцом и казаком на дворы давано», а также казенные пищали, порох и свинец [2]. Со временем стрелецкая служба стала наследственной, зачисляли в стрельцы «от отцов детей, от братьев братью, от дядь племянников». Из старослужащих стрельцов назначались пятидесятники и десятники, сотники же и головы стрелецкие были исключительно из дворян. Даже дворы стрельцов располагались по ранжиру: рядом с двором десятника ставились избы людей его десятка, пятидесятника — его пятидесятка.

В Новоприборной слободе стрельцы поставили еще одну приходскую церковь, освященную во имя св. Ильи Пророка — в память о храме, бывшем в XVI веке в старой Стрелецкой слободе [3]. Территория же ее отошла под пашенные и сенокосные угодья орловских казаков — черкас, а пустовавший Ильинский погост, где был храм в XVI веке, и церковная земля были отписаны «на государя», потому что «к той церкви черкасы попа не призвали». Начальником приказа (полка) орловских стрельцов в 1638 году был Иван Голофеев, он же являлся и казачьим

головой. Стрельцам отвели «дворовые и гуменные и огородные места» размером в длину «по дватцети по пяти сажень, а поперег по двенатцети сажень». Кроме того, им принадлежали «старые стрелецкие пашенные земли» за рекой Орлом по Болховской и Моховицкой* дорогам, сенные покосы, выгон для скота, а также «в угодья лес Корабль и лес Лавров», куда они ездили для «дровосечного и селитебного дела». Рекою Окой для рыбной ловли «до Орловского разоренья владели из оброку всеми слободами стрельцы и казаки». Денежное жалованье стрельцов составляло 50—70 копеек в год рядовым и до двух рублей в год пятидесятникам; натурой они получали по 10 четей ржи (насыпная четь, или четверть, равнялась шести пудам) и овса, по пуду соли в год. Зато во время похода оно было гораздо выше — «по полтине денег» человеку, рядовым и десятникам по 2,5, а пятидесятникам по 3 чети ржи. Но денежное и хлебное жалованье в мирное время стрельцы получали нерегулярно, от случая к случаю.

Вооружение стрельцов традиционно состояло из пищали или мушкета, сабли и бердыша. Через плечо стрельцы перебрасывали кожаную перевязь — берендейку (банделиер) с подвешенными к ней зарядцами — патронами с заранее отмерянными порциями пороха, пыжем и пулей. Сбоку к берендейке подвешивался рог с порохом и сумка со всякой «ружейной снастью». Отличительной особенностью стрельцов являлась форменная одежда — служилое платье, причем каждый полк имел кафтан, шапки и сапоги определенного цвета. Цвет кафтанов орловских стрельцов неизвестен, возможно, это был один из оттенков красного цвета, традиционного для стрельцов. Но поскольку стрельцы из пограничных городов получали жалованье куда меньше московских, то возможно, что многие орляне не имели «цветного» платья, ограничиваясь походным, обычно из серого сукна, служилым кафтаном или даже общегражданским платьем — однорядкой, а вместо сапог зачастую носили лапти.

Стрелецкая служба была пожизненной, от неё могли отставить только в результате увечья, крайней дряхлости и «худобы» — бедности и, как следствие, полной невозможности нести службу. В одной из своих челобитных стрельцы жаловались, что они несут государеву службу «лет по двадцати и по тридцати, а иные по сороку и по пятидесяти и болши». Всего на Орле в 1638 году в стрелецком гарнизоне служило четыре пятидесятника, шестнадцать десятников и сто семьдесят рядовых стрельцов. К 1702 году количество стрельцов увеличилось до 345 человек (в т. ч. 156 недорослей. — *В. Н.*) [4].

В одной из челобитных стрельцы подробно описывали свою службу на Орле: «Служим мы холопи твои твою государеву службу в Серпейску* по десяти человек, а стоим на твоей государевой службе по два месяца переменяясь меж себя, да мы же холопи твои служим твою государеву службу на Орле по короулом в меншом остроге в башни стоим по десяти человек, а в болшом остроге на четырех башнех стоим по пяти человек на сутки, переменяясь меж себя, да мы же холопи твои служим твою государеву службу, ходим в провожатых за твоею государевою казною и за колодники до Курска и до Кром и до Болхова и до Мьценска человек по двацать и по трицати и по сороку и болши, посылают нас холопей твоих по уездом человек по пяти и по десяти и по двацати и болши... высылать орлян дворян и детей боярских в город для всякова дела» [5]. Стрельцы также выполняли полицейскую и противопожарную службу в городах: «А как случится... пожар, и они, стрельцы, обязаны все ходить на его тушенье — с топорами, ведрами... и с баграми... а после пожара устраивают им смотр, чтоб кточего во время пожара не утаил из пожитков, а кто на смотр не придет, наказывают батогами» [6].

*Дорога получила свое название по речке Моховице. Она проходила между Болховской и Наугорской дорогами.

*Серпейск — город в современной Калужской области, куда на временную службу высылались орловские стрельцы.

Поскольку государева жалованья не хватало, да и выплачивалось оно через пень-колоду, то в свободное от службы и караулов время стрельцы занимались ремеслами и «торговлишкой», держали лавки и харчевни, причем благодаря имевшимся у них льготам некоторые из них сколотили достаточно значительное состояние. Были и такие, кто занимался кузнечным делом. Так, например, в 1692 году стрельцу Сергею Полунину передали по его челобитью «порозжее» место для строительства кузницы у Воскресенского погоста в кузнечном ряду. За пользование кузницей ему было указано «платить... в казну Великих Государей по шти (шести. — *В. Н.*) денег на год» [7].

К 1636 году относится и восстановление Пушкарской слободы. При возобновлении города воевода Борис Колтовский хотел поселить пушкарей и затинщиков в кремле — Малом острожке, но пушкари воспротивились этому, заявив, что там им из-за тесноты «вместитца негде», «и по саженю человеку недостанитца под двор». Во главе со своим начальным человеком Андреем Селчюковым они подали челобитные, в которых просили разрешения поселиться на своих старых местах, где ранее жили до «литовского разорения» — в остроге, благо, писали они, «...ныне те дворовые наши месты лежат порожни, неотданы никому» [8]. Они утверждали: «А теми дворовыми местами владели исстари прадеды и отцы их, и они, а дворы де у них были в Орле в большом остроге: пушкарских 33 двора в Богоявленском приходе, по обе стороны, едучи от кружечного двора к проезжей Корчаковской башни». Воротникам, приписанным к «людям пушкарского звания», принадлежали дворы в «Никольском приходе, у Кромской башни, едучи от кружечного двора к Кромской проезжей башне, в правой стороне два двора, а в левой стороне двор» [9]. Выше по течению реки Орла за бывшей Посадской слободой пушкари владели пашенными и сенокосными угодьями, на месте которых располагается современная Пушкарная слобода.

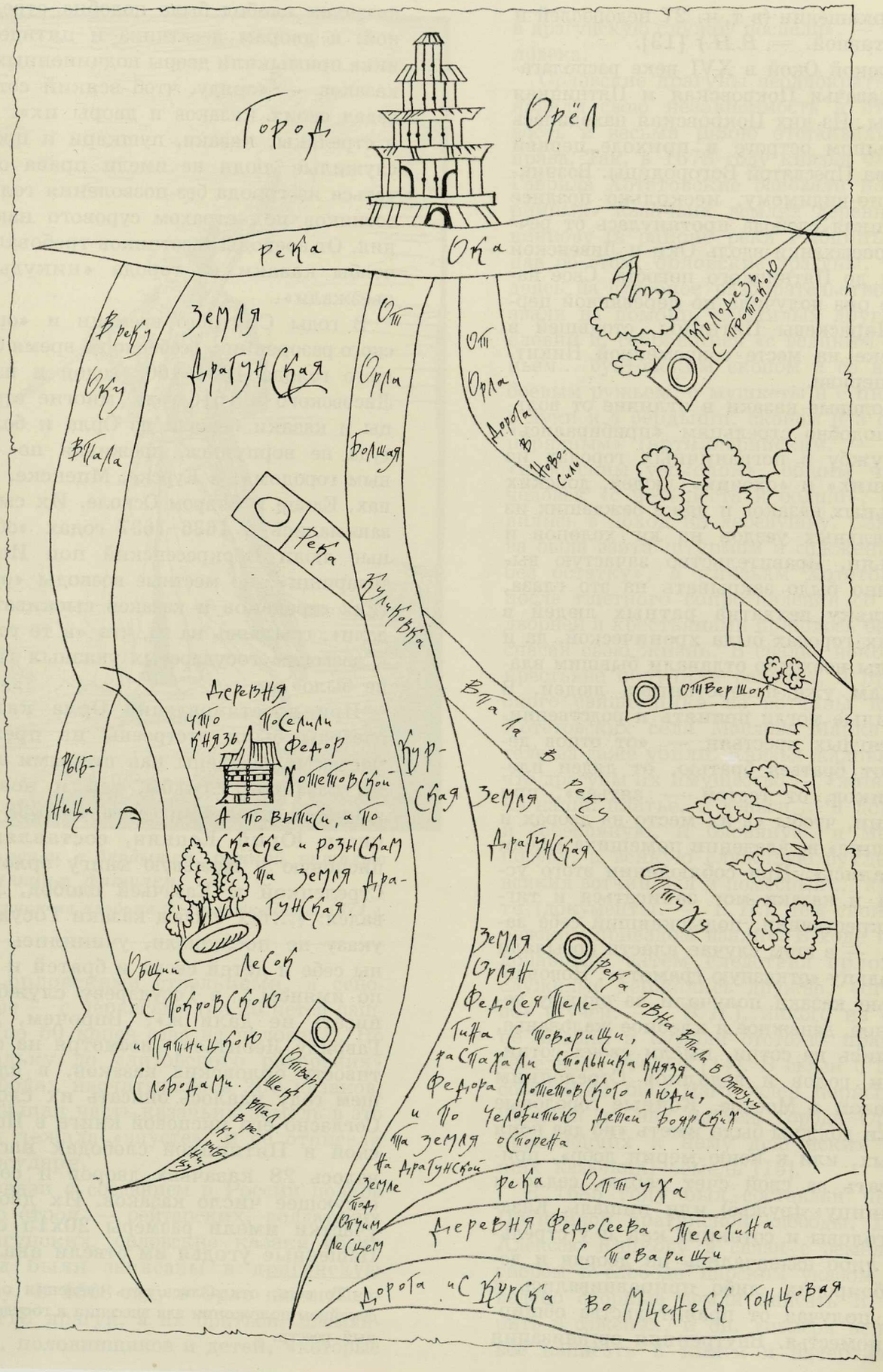
Пушкари просили также о выдаче им денежного жалованья на дворовое строительство: «Приехали мы на пустом месте, помираем голодною и студеною смертью, живем по ямом и шелашом, людишка бедные». Их челобитье было удовлетворено по обоим пунктам, и 14 орловским пушкарям и затинщикам было выдано на «хоромное строение» по два рубля «против орловских стрельцов» [10].

Пушкари так же, как и стрельцы, в свободное от службы время занимались ремеслами и торговлей. Некоторые из них, например К. Марков, превратились в весьма крупных торговых дельцов, уступавших по размерам сделок лишь москвичам Гостинной сотни [11]. К 1702 году число орловских пушкарей и «людей пушкарского звания» выросло до 123 человек (в т. ч. 45 недорослей и 30 отставных. — *В. Н.*) [12].

На месте бывшей казачьей Студеной слободы была устроена в 1638 году Черкасская слобода — из выходцев с Украины, записанных на Орле в казачью службу. На первых порах она состояла из 34 дворов, в которых проживало черкас «34 человека, а детей у них 44 человека». Начальствовал над ними атаман Михаил Олфимов. Московское правительство было заинтересовано в увеличении населения южных порубежных городов, поэтому переселенцы пользовались весомыми льготами и им выделялись земельные владения даже более значительных размеров, чем у местных служилых. Так, например, дворовые, гуменные и огородные участки черкас были размером 31х21 сажен, пашни им отвели по 20 четвертей человеку, а с сенокосных угодий они собирали по 50 копен сена на человека (против, соответственно, 25х12 сажен, 8 четвертей и 20 копен человеку, полагавшихся орловским стрельцам). В 1702 году в Орле на службе числился

Чертеж города Орла и прилежащих к нему драгунских земель по рекам Оптухе и Рыбнице. 1678 г.

Транскрипция надписей на чертеже автора.


Город Орёл
река Ока
Земля Дратунская
Молодезь с протопою
Дорога в Новосиль
Река
Деревня что поселили князь Федор Хотетовской а по выписи, а по сказке и розыскам та земля Дратунская.
Общий лесок с Покровскою и Пятницкою слободами.
Земля Дратунская
Земля Орлян Федосея Телетина с товарищи, распахали Стольника князя Федора Хотетовского люди, и по челобитью детей боярских та земля осторена
река Оптуха
Деревня Федосеева Телетина с товарищи
Дорога с Курска во Мценск гонцовая

121 черкашенин (в т. ч. 27 недорослей и 51 отставной. — *В. Н.*) [13].

За рекой Окой в XVI веке располагались казачьи Покровская и Пятницкая слободы. Из них Покровская находилась в Большом остроге в приходе церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Возникшая, по-видимому, несколько позднее Пятницкая слобода протянулась от речки Пересыханки вдоль Оки и Ливенской дороги до Пятницкого погоста. Свое название она получила по деревянной церкви Параскевы Пятницы, стоявшей в XVI веке на месте современной Никитской церкви.

Городовые казаки в отличие от вольных подобно стрельцам «прибирались» на службу в пограничных городах из «гулящих» и «охочих» людей, донских и вольных казаков и даже бежавших из центральных уездов на юг холопов и крестьян. Правительство зачастую вынуждено было закрывать на это глаза, поскольку нехватка ратных людей в южных городах была хронической, да и воеводы неохотно отдавали бывшим владельцам уже поверстанных людей. В служилые могли принять и родственников тяглых крестьян — «от отцов детей, от братьев братью, от дядей племянников, от тестей — зятьев», при условии, чтобы «в их место на дворах и на пашне» во владении помещика «люди оставались». При соблюдении этого условия в казаки мог записаться и тяглый крестьянин, подыскавший себе замену, — в этом случае власти посылали владельцу «отказную грамоту». Новонабранные казаки получали за службу земельное, денежное и хлебное жалованье, делились на сотни, имели своих сотников и голов и ведались Стрелецким приказом в Москве. Конные городовые казаки должны были иметь «по два коня добрых, или к коню мерин добр», приобретать за свой счет саблю, седло и «рушницу» (ружьё) или пищаль. Казачьи головы и сотники, как и у стрельцов, либо назначались из дворян и детей боярских, либо приравнивались к ним, получая от правительства обширные поместья. Внутренняя организация казачьих слобод была подобна стрелецкой: к дворам десятника и пятидесятника примыкали дворы подчиненных им казаков — «сряду, чтоб всякий сотник ведал своих казаков и дворы их». Как и стрельцы, казаки, пушкари и прочие служилые люди не имели права отлучаться из города без позволения голов и сотников под страхом сурового наказания. От воеводы и сотников требовалось, чтобы казаки из города «никуды не съезжали».

В годы Смутного времени и «орловского разорения», особенно во время большого голода 1601–1602 годов и набега Лисовского в 1615 году, многие стрельцы и казаки бежали из Орла и больше туда не вернулись, проживая по «розным городом»: в Курске, Мценске, Ливнах, Ельце и Старом Осколе. Их сыском занимались в 1636–1637 годах «обыскные люди Воскресенский поп Иван с товарищи», но местные воеводы «орловских стрельцов и казаков сыскивать не дали», ссылаясь на то, что «в те городы к воеводам государевых указных грамот не было».

При восстановлении Орла казачьи слободы были отстроены на прежних местах и заселены как старыми людьми казачьей службы, так и новонабранными казаками. Уже в 1638 году писец Юрий Копнин, составлявший писцовую и межевую книгу орловской Стрелецкой и Казачьей слобод, жаловался: «...тех слобод казаки Государева указу не послушали, учинились сильны себе и детей своих и братей и зятей по имяном... в Государеву службу написать не дали ж».* Впрочем, дьяку Гаврилу Леонтьеву, несмотря на строптивость орловских казаков, в следующем году удалось описать их слободы. Согласно его писцовой книге в Покровской и Пятницкой слободах насчитывалось 28 казачьих дворов и соответствующее число казаков. Их дворовые участки имели размеры 20х15 сажен. Пашенные угодья им отвели аналогич-

*То есть, отказались дать сведения о себе и семейном положении для внесения в государственный реестр.

Стрелец с бердышем, ручной пищалью и тлеющим фитилем.

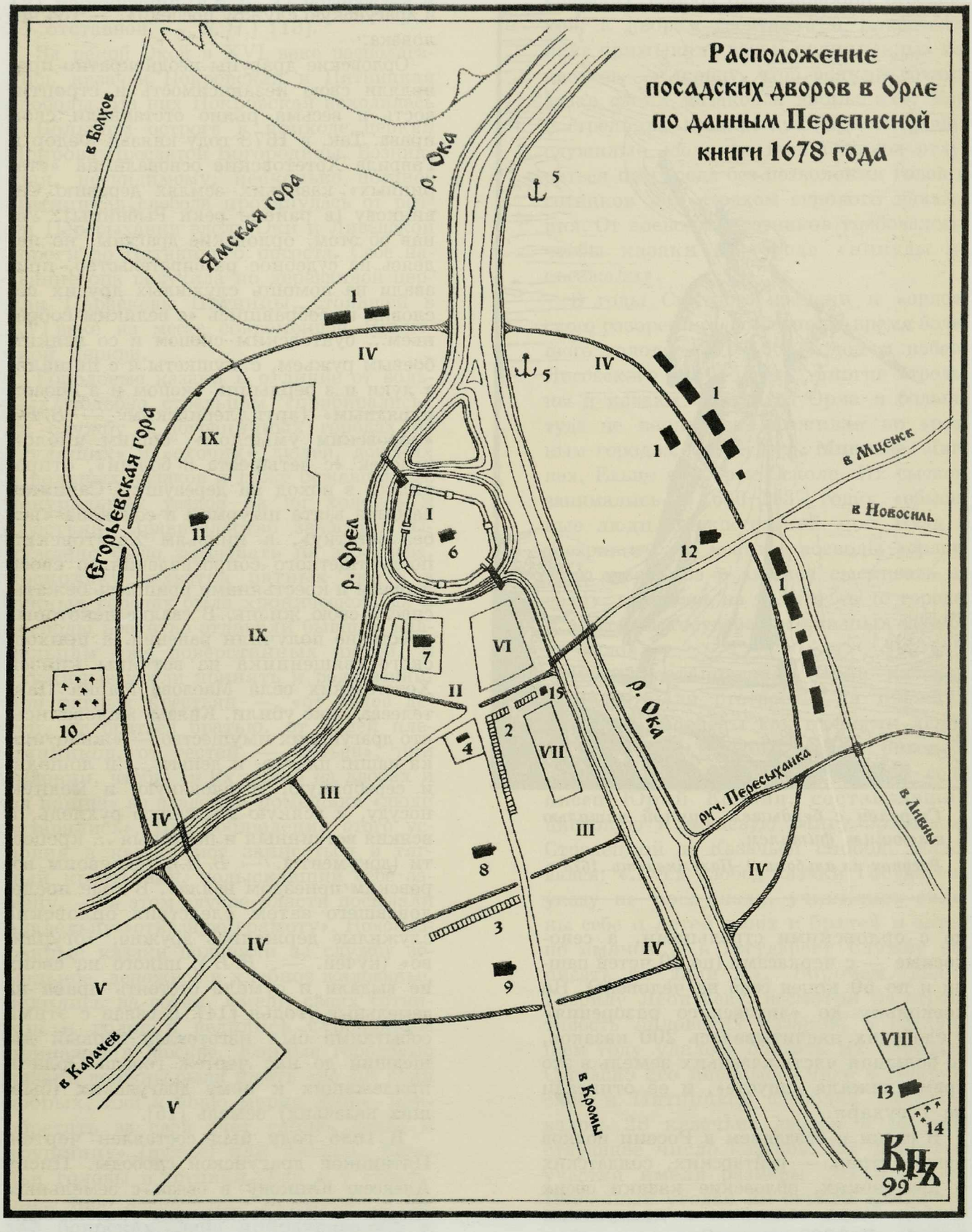
Рисунок из альбома Э. Пальмквиста. 1674 г.

но с орловскими стрельцами, а сенокосные — с черкасами (по 20 четей пашни и по 50 копен сена на человека). Но поскольку до «литовского разорения» в слободах насчитывалось 200 казаков, то большая часть казачьих земель в это время лежала «впусте», и её отписали на Государя.

В связи с созданием в России полков нового строя — рейтарских, солдатских и драгунских, орловские казаки обеих слобод были записаны в драгунскую службу. В 1668 году в Орле насчитывалось 118 драгун, а их братьев, племянников, половинщиков и детей, «которые в драгунскую службу поспели», — 154 человека.

Орловские драгуны неоднократно проявляли свою независимость и строптивость и весьма рьяно отстаивали свои права. Так, в 1678 году князья Федор и Гаврила Хотетовские основали на «старинных» казачьих землях деревню Савинкову (в районе реки Рыбницы). Узнав об этом, орловские драгуны, не надеясь на судебное разбирательство, призвали на помощь служилых других сословий и, собравшись «с великим собраньем... бунтовским скопом и со всяким боевым ружьем, с мушкеты и с пищали, с луки и з бердыши, скопом и з обозом нарядным» (артиллерийским. — *В. Н.*) «воровским умыслом», общим числом человек «с четыреста и болши», отправились в поход на деревушку. Савинкова была взята штурмом и сожжена «вся без остатку», а князьям Хотетовским после тщетного сопротивления со своей дворней и крестьянами пришлось бежать, спасая свою жизнь. В свалке некоторые крестьяне получили ранения, а приходского священника из вотчины князей Хотетовских села Маслова Марка Пантелеева даже убили. Князья жаловались, что драгуны их имущество — «животишка наши: платье, и деньги ... и лошади, и серебряную, и оловяную, и медную посуду, и всякую служилую рухледь, и всякия вотчинныя и поместныя ... крепости (документы. — *В. Н.*), тем своим воровским приездом взяли». В ходе последовавшего затем следствия орловские служилые держались дружно, «огурливо» (кучей. — *В. Н.*), никого из своих не выдали и сумели отстоять права на земельные угодья [14]. В связи с этими событиями был изготовлен первый дошедший до нас чертеж города Орла и прилежащих к нему драгунских (бывших казачьих) земель [15].

В 1685 году был составлен чертеж Пятницкой драгунской слободы. Писцу Алексею Юшкову в связи с земельным спором в слободе царским указом было велено спорные земли описать и измерить в саженях, и он, «измеря велел то всё написать в книги и начертить на



Расположение посадских дворов в Орле по данным Переписной книги 1678 года. Реконструкция автора.

I. Рубленый город.
II. Остатки укреплений «Другого острога» (сгорел в 1673 году).
III. Остатки укреплений Острога (сгорел в 1673 году).
IV. Остатки укреплений Большого острога XVI века.
V. Посадская слобода (38 дворов).
VI. Боярские, княжеские и дворянские дворы «для приезду и для осадного времени» (18 дворов).
VII. Дворы «торговых людей разных городов для торговых промыслов» (7 дворов).
VIII. Дворы «приезжих разных городов людей для хлебных промыслов» (8 дворов).
IX. Дворы орлян — дворян и детей боярских «для приезду и для осадного времени» (29 дворов).
1. Ссыпные амбары.
2. Торговые лавки.
3. Кузнечный ряд.
4. Кружечный двор.
5. Струговая пристань.
Церкви:
6. Рождество-Богородичный собор.
7. Богоявленский монастырь.
8. Церковь св. Николая Чудотворца с приделом свв. Флора и Лавра.
9. Церковь Воскресения Христова.
10. Афанасьевский погост.
11. Церковь св. Георгия Страстотерпца.
12. Церковь Покрова Богородицы.
13. Церковь св. Великомученика Никиты.
14. Пятницкий погост.
15. Часовня Богоявленского монастыря.

чертеж с росмером со всякою подлинною ведомостью»* [16]. Население слобод быстро росло, и позднее рядом с Покровской церковью ближе к реке Оке драгуны поставили еще одну деревянную церковь — Спасо-Преображенскую, впервые зафиксированную на чертеже Орла 1728 года. В 1702 году в обеих слободах драгунов насчитывалось 710 человек (в т. ч. 152 недоросля и 382 отставных) [17].

Посадская слобода в Орле была восстановлена в 1676 году. В январе 1678 года Ефим Маркович Норов и подьячий Савин Репьев «переписали на Орле на посаде дворы посацких людей и на дворничестве дворников... и по имяном с отцы и с прозвищи, и соседи и подсоседников, и захребетников и недорослей сколких кто лет», а также, «что на посаде посацких людей дворов, и помещиков, и вотчинников, на осадных дворах дворников и в них людей по имяном». По данным книги, посад на Орле состоял в это время из возобновленной на прежнем месте Посадской слободы, в которой насчитывалось 39 дворов, а также из разбросанных по разным слободам отдельных посадских же дворов: «Да на Орле на посаде живут по розным слободам на пушкарских и на стрелецких и на казачьих и на драгунских землях посадцкие ж люди». Обычно в слободе был еще «Братский двор» — центр её самоуправления.

Согласно Переписной книге имелось «всего на посацкой земле посацких людей тритцать девять дворов, а людей в них сто человек, да двор солдатцкой, а людей в нем один человек, да по розным слободам посацких людей дватцать один двор, а людей в них тритцать пять человек и обоиво посацких людей и с солдатцким двором шестьдесят один двор, а людей в них сто тритцать шесть человек» [18].

Переписывали только лиц мужского пола, независимо от возраста, и лишь когда во дворе не было никого из мужчин или были малолетки, в качестве владельца указывали женщину. Так, хозяйкой одного двора в Посадской слободе была Авдотьица — вдова пушкаря Федора Шепелева; дворницей во дворе торгового человека, жителя Садовой слободы Савина Иванова была вдова Прасковья Козаринова; в Заорлицкой части держала двор вдова Мавра Овсеиникова.

На территории острога, сгоревшего в 1673 году, располагались дворы «торговых людей разных городов для торговых промыслов».

«Двор коломнитина посацкого человека Ивашки Алексеева сына Безносова, а в том дворе живет дворник Афонька Ермолов сын Соболев, у него детей Данилка пятнатцати лет, Филимошка десяти лет. Савка осми лет, Микишка четырех лет.

---

*К сожалению, автору не удалось найти в архивах этот чертеж, возможно он уже давно утрачен.

Малороссийский казак с казачкой. Рисунок Г. Боплана. XVII век.

Двор гостей Василья да Григорья Федоровых детей Шустовых з братьеми, а в том дворе живет дворовой их человек Никонка Екимов» и др.

Всего же здесь было 7 дворов, «а людей в них одиннатцать человек», принадлежавших торговым людям из Коломны, Белева, Калуги, а также москвичам — жителям Кодашевской и Садовой слобод. Хозяева жили в них только во время приездов по торговым делам, в остальное время здесь проживали их дворники с семьями.

Кроме того, часть дворов торговых людей помещалась за рекой Окой.

«Да на Орле ж в драгунской слободе за Окою рекой на церковной земле Никиты Христова мученика построены дворы, а в тех дворах живут приезжие разных городов торговые люди для хлебных своих промыслов».

Здесь находилось 8 дворов, принадлежавших торговым людям из Коломны и уезда, Калуги и московской Садовой слободы, в которых проживало 17 человек.

В «другом остроге»* располагались осадные дворы дворян и детей боярских, в которых жили их дворники.

«Да в Орле ж в другом остроге построены дворы для приезду и осадного времени:

Двор боярина Ивана Михайловича Милославского, а в нем живет дворник Сенька Дементьев сын, прозвище Кострома, у него сын Петрушка четырех лет.

Двор боярина и дворецкого и оружничего Богдана Матвеевича Хитрово,** а в нем живет дворник Савка Савельев, у него сын Якушка десяти лет...»

Кроме того, здесь находились дворы окольничего Александра Савостьяновича Хитрово,*** боярина князя Юрия Петровича Трубецкого,**** боярина князя Ива-

*«Другой острог» — часть территории крепости, отгороженная дополнительной стеной, поставленной воеводой князем В. Дуловым в 1661 году, район церкви Богоявления.

**Хитрово Б. (Иов) М. (1615 или 1616 — 27 марта 1680 г.) — ближний боярин (1667), дворецкий, оружейничий, наместник Ржевский, виднейший царедворец и сотрудник царей Алексея Михайловича и Федора Алексеевича, дипломат. Воеводствовал в Темникове (1646), Атемаре (1647). Заново укрепил города Керенск, Корсун и основал Симбирск, за что был пожалован в окольничии (1647). В 1655 г. участвовал в русско-польской войне, осаде и взятии Смоленска, Минска, Ковно и Гродно, а также в русско-шведской войне в 1656 г. и взятии Динабурга и Кокенгаузена. В 1657 г. пожалован в оружейничии и в течение четверти века управлял Оружейной палатой, которая под его началом достигла наивысшего расцвета. С 1663 г. ведал Приказом Большого дворца, Золотой и Серебряной палатами, а с 1665 г. присутствовал в Приказах Лифляндских дел и Дворцовом судном.

***Хитрово А. С. (ум. 28 августа 1686 г.) — думный дворянин (1671), стольник (1649), окольничий (1676). Принимал участие в Литовском походе 1653–1656 гг., ранен под Смоленском. В 1663–1665 гг. — воевода в Свияжске. В 1669 г. назначен товарищем (заместителем, помощником. — *В. Н.*) Б. М. Хитрово, управлявшего Приказом Большого дворца и Оружейною палатою. В 1680 г. подвергся опале и сослан на Терек. Умер в Москве.

****Трубецкой Ю. П. (ум. 1679) — князь, внук выехавшего в Польшу Ю. Н. Трубецкого. После того как в 1645 г. Трубчевский уезд в результате пограничного размежевания был передан Речью Посполитой в состав России, вернулся в Москву, где был пожалован саном боярина.

на Борисовича Репнина,* стольника Петра Михайловича Пушкина,** стольника князя Ивана Ивановича Дашкова,*** боярина Петра Михайловича Салтыкова,****

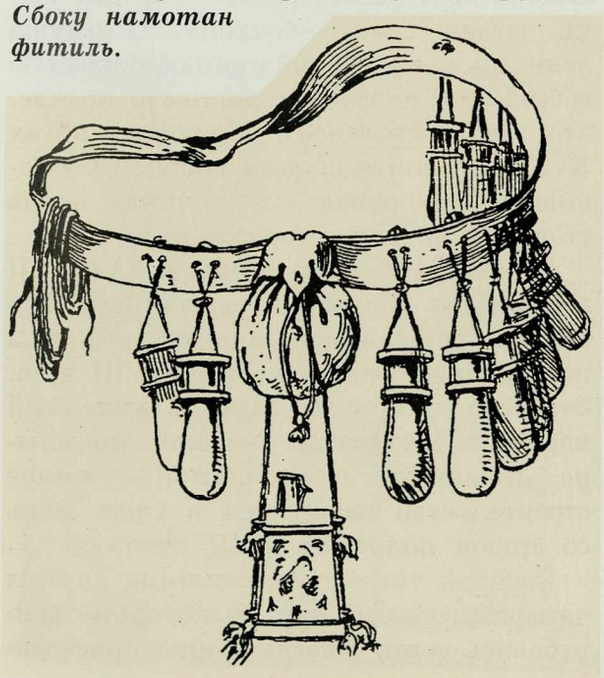
*Репнин И. Б. (ум. 1697) — князь, стольник с 1640 г. В 1655–1656 гг. — воевода в Могилеве. В 1659 г. пожалован в бояре. В 1656 г. был начальником московских войск в Малороссии. В 1660 г. — судья в Судном приказе. В 1663 г. — воевода в Новгороде, в 1664–1665 гг. — в Белгороде, в 1667–1668 гг. — в Смоленске, в 1671–1672 гг. — в Тобольске. Позже был судьей Приказа Казанского дворца и начальником Сибирского приказа.

**Пушкин П. М., по прозвищу Желтоух — стольник. Воеводствовал в 1648 и 1650 гг. в Мценске, в 1653–1654 гг. — в Козлове, в 1656 г. — в Олонце. В 1655 г. разбил отряд литовцев в Ошмянском уезде. В 1674 г. назначен «товарищем» в Московский и Судный приказ, затем Владимирский.

***Дашков И. И. — князь, стольник с 1627 г. В 1671 г. — судья Разбойного приказа, окольничий — с 1685 г.

****Салтыков П. М. (ум. 1690) — кравчий (1639–1640), боярин (с 1657), доверенное лицо царя Алексея Михайловича. Стоял во главе приказов: Денежного сбора и Судного Владимирского (1659–1661), Владимирской, Галицкой четвертей и Малороссийского (1662–1667). Руководил расследованием и судом над патриархом Никоном. Воеводствовал в Тобольске (1673–1677), Астрахани (1677–1678) и Смоленске (1681). В 1682 г. во время Московского восстания мятежники сами принесли к нему тело «побитого» по ошибке сына Федора. «Божья воля!» — сказал старик и, по словам современника, велел угостить пришедших.

Стрелецкий бандельер («берендейка») с подвешенными к нему зарядцами, мешочком для пуль и пороховницей-натруской. Сбоку намотан фитиль.



а также других, в том числе и местных, дворян. Всего же здесь насчитывалось 16 осадных дворов.

Часть осадных дворов, принадлежавших местным дворянам и детям боярским, располагалась на горе за рекою Орлом в приходе церкви Георгия Страстотерпца. Здесь насчитывалось 29 дворов, «а людей в них 46 человек» [19].

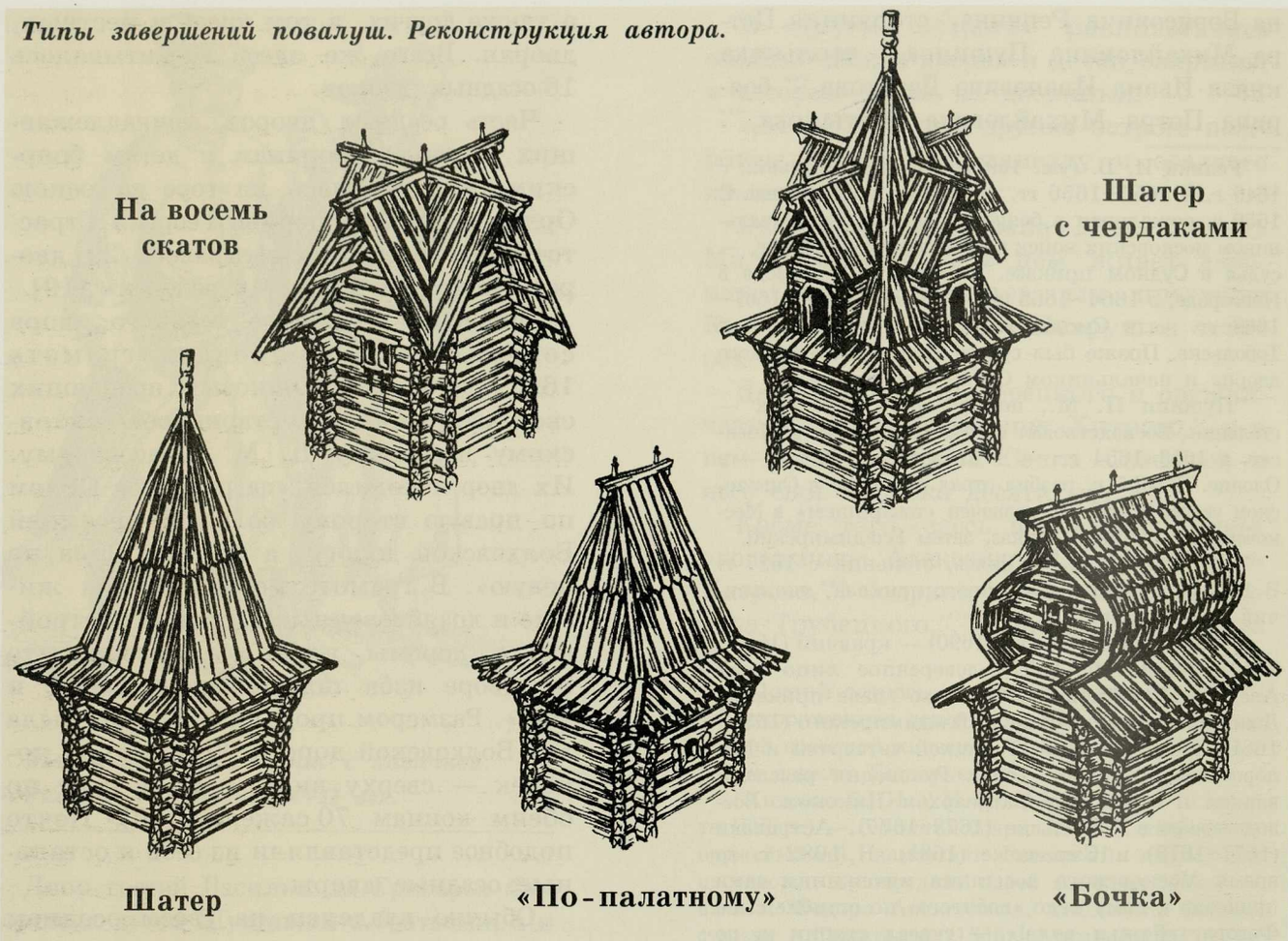
Описание подобного осадного двора содержится в променной грамоте 1692 года братьев Юшковых, продавших свой двор — «место старинное» болховскому помещику Д. М. Юрасовскому. Их двор находился «за рекою за Орлом по правую сторону большой проезжей Болховской дороги, а от реки Орла по левую». В грамоте перечисляются жилые и хозяйственные дворовые постройки: «...хоромы, клеть, сад, двор и что на дворе изба поставлена и сарай и тын». Размером проданная усадьба была «от Болховской дороги 90 сажень, а поперек — сверху вниз, к Орлу реке по обеим концам 70 сажень» [20]. Нечто подобное представляли из себя и остальные осадные дворы.

Обычно владелец на своем осадном дворе постоянно не жил, находясь в уезде в своем поместье, и приезжал сюда только в «сполошное время» или для каких-либо дел. «По татарским вестям» осадный двор заполняли не только вотчинник со своими домочадцами, но и его крестьяне. Всё остальное время на дворе жил либо смотревший за двором крестьянин, либо специально нанятый для этого человек из вольных или «гулящих» людей — дворник.

Обычной принадлежностью дворов бояр, князей и состоятельных дворян были высокие башнеобразные постройки — повалуши. Предположительно, повалуши появились на Руси в XII–XIII веках в укрепленных усадьбах и владельческих замках знати и использовались как оборонительные сооружения и укрытия во время осады, наподобие донжона* в Западной Европе. Такие баш-

*Донжон — наиболее высокая и прочная башня замка, последнее укрытие обороняющихся, иногда здесь же находилось и жильё феодала.

Типы завершений повалуш. Реконструкция автора.



ни и в XVI–XVII веках были не только выражением боярской спеси, но и необходимостью на случай наезда соседа-помещика, городского восстания и для «бережения» от неспокойных вольных людей, «что шатаютца между двор». Само название этого сооружения «повалуша» произошло от слова «повал», что означает выпуски бревен, нависающие над нижними венцами. Башни эти были срубными, в подавляющем большинстве в несколько этажей (от двух до четырех), и в ширину примерно тех же размеров, что и обычная изба (от 3 до 5 сажен). В нижнем этаже обычно помещались жилые или хозяйственные помещения, а верхний этаж, сообщавшийся с нижним через люки (западни), мог использоваться для обороны. Этот этаж делали несколько больших размеров на выступах, повалах, и он нависал над нижними ярусами, что позволяло выстрелить из пищали в «лихого» человека, подобравшегося к самому подножию башни, или обварить его кипятком через окна-бойницы. Покрытие повалуш было самым разнообразным: на два ската, четыре ската, «бочкой». Повалуша являлась непременной принадлежностью воеводских дворов, стоявших в кремле, что зафиксировано в Сметных книгах XVII века почти по всем городам Орловщины. Небольшая «повалушка» могла стоять и на дворе горожанина.

Жилая застройка города в XVI–XVII веках была полностью деревянной. Первое каменное сооружение жилого типа появилось в Орле в начале XVIII века. Это был настоятельский и келейный корпус в Успенском мужском монастыре. Каменное же мещанское жилое строительство начинается в Орле лишь со второй половины XVIII века.

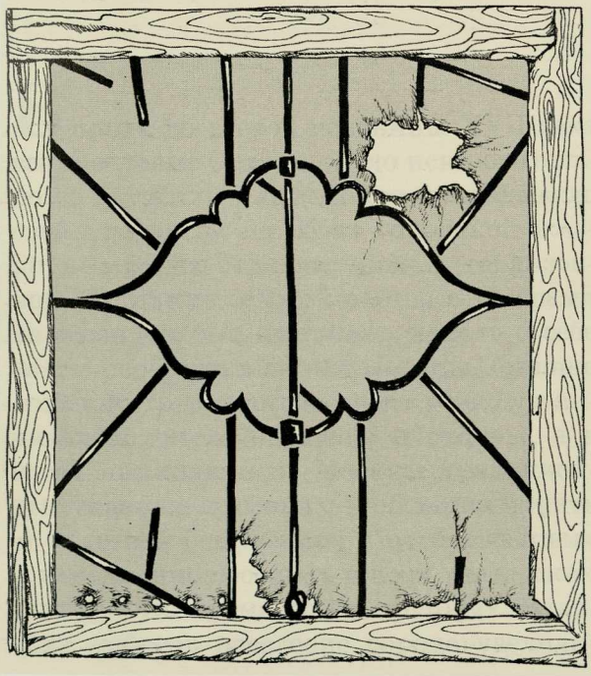
Основой тогдашнего жилища служил четырехугольный сруб, к которому прирубались сени. Иногда к ним пристраи-

вался еще один сруб, в котором размещалась горница или комната. Обычно избы были «поземные», т. е. ставились непосредственно на землю. У более состоятельных людей они рубились на глухом или жилом подклете — первом полуподвальном этаже, служившем в основном для хозяйственных целей. Окна были небольшого размера — «волоковые», узкие и продолговатые. Зимой они затягивались высушенным бычьим пузырем, а на ночь задвигались изнутри волоковой доской. Слюдяные окна больших размеров (косящатые) имелись только в домах знати, да и то в немногих парадных горницах, которые в описях названы светлицами. На главном фасаде избы обычно помещались три окна: центральное — «красное», большее по размерам и украшенное резным наличником со ставнями и два боковых — волоковых. Одно из них традиционно освещало устье печи, а другое — обеденный стол.

Жилище топилось, как правило, по-черному. В старину говаривали: «Горечи дымныя не претерпев, тепла не видати».

Слюдяное оконце с металлической обрешеткой. XVII век.

Орловский областной краеведческий музей.



Избы поэтому строились довольно высокими — дым мог часами плавать вверху, либо не делали потолок. Вдоль стен устанавливали полки, на которые сверху сыпалась сажа. Дым после топки выходил через специально прорубленное на фронтоне дымовое окно, дверь, щели. В богатых домах печи обкладывались цветными изразцами. При раскопках Орловской крепости были найдены обломки красно-коричневых изразцов XVI, зеленых поливных XVII и бело-голубых XVIII веков с изображением сказочных животных, причудливых растений и орнаментов. На некоторых домах ставились деревянные дымницы, они не являлись печными трубами, а служили для вытяжки дыма из избы.

Из-за дороговизны теса избы и прочие постройки обычно крылись дранью и лубьем, ими покрывались даже воеводские хоромы. Тесовыми были только крыши наиболее значительных сооружений — городских стен и башен, храмов.

На дворе, кроме жилья, находились немногочисленные хозяйственные постройки: сараи или клети для различных надобностей, «нужный чуланчик» (уборная), иногда амбары и конюшни. Несколько в стороне от построек, обычно на огородах, располагались камельки, а у состоятельных людей поварни — готовить в домах на печи в летнее время во избежание пожаров категорически запрещалось. С наступлением теплого времени по указу воеводы по дворам ходили стрельцы и опечатывали печи. Вечерами начальные люди и стрельцы смотрели по улицам, не топит ли кто печь в нарушение воеводского указа и не работает ли при открытом огне. Нарушителей ждало наказание плетьми на торговой площади.

В освещении городских улиц не было нужды, движение по ним с наступлением темноты прекращалось, городские ворота запирались, и к ним ставился очередной наряд стрельцов, а сами улицы перегораживались решетками или рогатками, у которых «от приходу воровских людей» дежурили местные жители по очереди или жребию.

При каждом доме имелись сад и огород, которые обязательно окружались изгородью. «Первое, городба перекрепити, — призывает «Домострой», — чтобы в огород... всякой животине взойти не иметь ни [с] чюжево двора, ни с своево». У состоятельных людей дворы обычно огораживались частоколом или заполотом — забором из вертикально врытых столбов, между которыми в пазах лежали горизонтально уложенные бревна или плахи, у прочих — плетнем или жердями. Избы, как правило, были расположены в глубине участка, на улицу выходили лишь ворота, заборы и иногда глухие стены хозяйственных строений. По берегам рек стояли баньки. Город окружали земли для выгона городского стада — «животинный выпуск».

К этой картине следует добавить то, что застройка Орла, да и других степных городов — Ливен, Ельца, Кром, Старого Оскола, Обояни, Острогожска, Белгорода, из-за особенностей природного окружения имела некоторое отличие от других регионов. Орёл находится на границе лесостепной зоны, и лесов здесь очень мало, да и те к началу XVIII века были почти полностью сведены, «окроме малого количества береженых рощь». Уже в первой половине XVII века жителям города приходилось ездить за дровами в урочище Корабль и в Лавров лес за 8–10 верст от Орла. Поэтому в отличие, скажем, от подмосковных городов и тем более от русского севера из-за нехватки строевого леса застройка была достаточно мелкой, дома небольшими, а среди покрытий преобладала даже не драньи лубье, а солома, особенно в сельской местности. Соломой были покрыты и дома местных помещиков, например, в вотчине стольника Петра Петровича Пушкина в селе Тагино. Весьма распространены были плетневые конструкции. Плетеными иногда делали сени и некоторые хозяйственные постройки. Часто дома и хозяйственные постройки обмазывались глиной и белились.

ГЛАВА XIII

Жизнь и быт орлян в XVII веке

«В этот день меня с царскими переводчиками пригласил к себе воевода (Болхова. — В. Н.). Он сам подносил нам чарки с водкой, стоя на ногах, тогда как мы сидели... воевода позвал свою жену, и она пришла со своими дочерьми и сыновьями в наилучших одеждах. Войдя, она приветствовала нас наклонением головы. Муж поставил её посредине и просил нас подходить и целовать её в уста святым пасхальным поцелуем, который по их верованию безгрешен, при чем говорят: «Христос воскресе!»... Муж настойчиво приглашал меня, но так как я отказывался, то переводчики стали уговаривать меня подойти и поцеловать её, а то муж рассердится. Со стыдом и большим принуждением подошел я и поцеловал её в уста, говоря «Христос воскресе», я был словно лишенный зрения и разума, ибо никогда ничего подобного не видел... Возвращаясь на своё место, я поклонился хозяйке, и все присутствующие поклонились ей в то же время. Затем хозяйка взяла сосуд с водкой и чарку, поднесла нам два раза и села с нами за стол — таков их обычай. Под конец обеда мы выпили чаши за здоровье хозяина и хозяйки, осушая их до капли, ибо у них обыкновение, что кто не осушает чарку, тот считается отъявленным врагом, потому что не выпил за полное здоровье хозяина».

Архимандрит Павел Алеппский. 1656 год [1].

Вплоть до второй половины XVII века всё население Орла состояло исключительно из служилых людей, что накладывало свой отпечаток на образ городской жизни, не многим отличавшийся от гарнизонного. Влияние вековой войны с татарами на жизнь и быт постоянно давало о себе знать, особенно в летние месяцы, бывшие особенно тревожными, когда резко увеличивалось число караулов и сторож, а в город приходили из Москвы традиционные указные грамоты с требованием жить «с великим бережением и остережением» и немедленно сообщать о всех «татарских вестях». Во время особо крупных татарских набегов население города увеличивалось в несколько раз за счет беженцев-крестьян из уезда, заполнявших с семьями осадные дворы своих хозяев — орловских дворян и детей боярских, ставивших шалаши и рывших ямы на городских пустырях и выгонах. Война давала о себе знать свежими могилами у приходских церквей, израненными служилыми людьми, возвращавшимися с боев и стычек и пригонявших отбитых полоняников и татарских «языков», а также нечаянной радостью, когда кто-то из орлян, попавший в татарский плен, измученный и оборванный, зачастую через несколько лет бежавший или выкупленный из полона, возвращался домой. Рассказы и пересуды

о войне, битвах и военных приключениях являлись одной из главных тем в городском фольклоре. За дальностью лет сведения о многих событиях и героях этого времени утеряны, но несколько происшествий, отображенных в сохранившихся бумагах Разрядного приказа, позволяют нам представить суровые будни степной границы. Вот несколько наиболее типичных историй.

В сентябре 1637 года воевода Борис Колтовский послал на сторожу в Луковец двоих детей боярских — Богдана Трещевского и Савву Микитина. Луковский брод на реке Сосне был одной из излюбленных переправ татар, и сторожи на нем выставлялись начиная со второй половины XVI века. Но не доезжая Луковца, Трещевский и Микитин наткнулись на татарский отряд. Сперва они пытались ускакать, но потом, поняв, что на измученных конях далеко не уйдешь, повернули и приняли бой. Он оказался коротким — служилых истыкали стрелами и сбросили с коней. Богдана Трещевского стрелой ранило в левую руку, а его товарищ получил сразу две стрелы — в правую лопатку и левую руку. По-видимому, крымцы умышленно щадили своих противников, стараясь не нанести им серьёзных ран — за молодых и здоровых мужчин можно было выручить неплохую цену на рабовладельческих рынках Гезлева (Евпатории) и Кафы (Феодосии). Но даже будучи ранеными, Трещевский и Микитин по дороге сумели бежать из плена и добраться до Орла. Оправившись от ран, они подали челобитную на царское имя с просьбой о выдаче им пожалования за раны [2]. Согласно существовавшему в то время положению, каждому, кто получил ранение или увечье на государевой службе, выдавали в качестве компенсации денежное или иное жалованье, к примеру — штуку «сукна доброго». Увечье и, как следствие, пожалование можно было получить не только на ратной службе — в 1669 году денежную компенсацию получил плотник Прокофий Ерофеев, сильно разбившийся при строительстве башни в Кромской крепости. Ему выплатили два рубля — на эту сумму в XVII веке можно было поставить дом, а также пожаловали штуку сукна [3]. Надо полагать, что жалование получили и Трещевский с Микитиным. Особыми наградами отмечался «язычный привод» (взятие пленных), доставка победного донесения — так называемый «сеунч», и личная отвага в бою.

Отписка воеводы Ивана Турского сохранила имя юного сына боярского Мики* Боркалова, отличившегося во время обо-

*По-видимому, молодого человека звали Микифор, но по молодости в отписке дается уменьшительная форма его имени.

Русская женская одежда. XVII век:
А — женщина в летнике;
Б — в телогрее;
В — в накладной шубке;
Г — в опашне.
Д — девушка в короткой шубе.

Русские костюмы середины XVII века. Западноевропейская гравюра по рисунку А. Олеария.

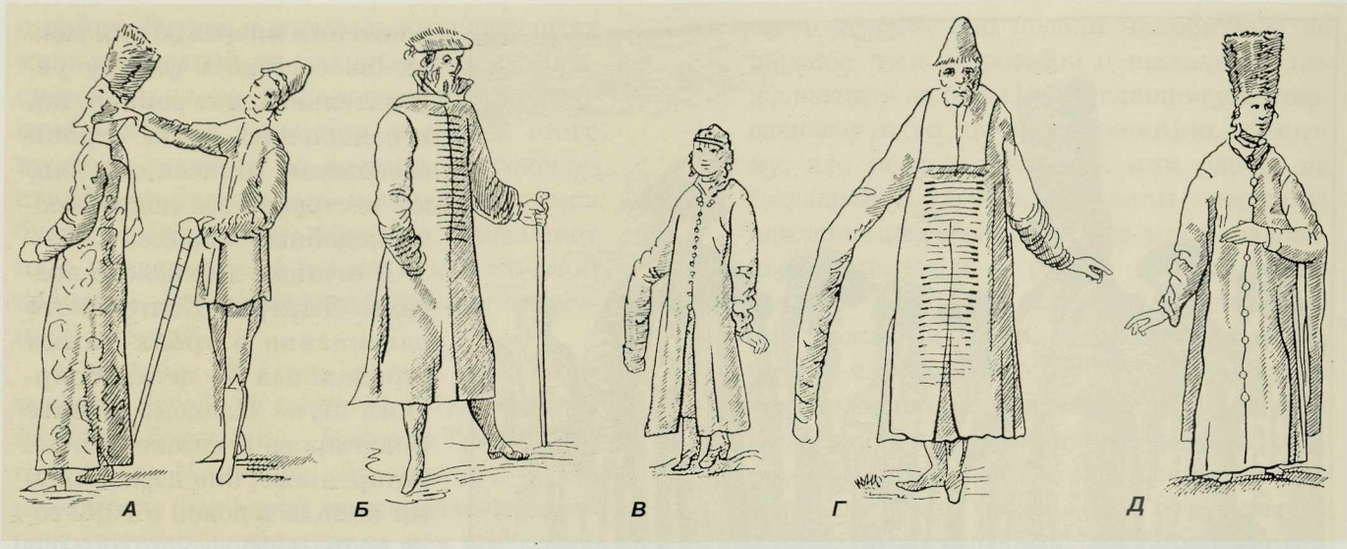
роны Новосиля в 1639 году. Мика участвовал в бою с татарами, смело рубился с ними и сумел убить двоих крымцев. Но и ему досталось. Татары сбили сына боярского с коня, а один из них рассек саблей Боркалову бровь. Воевода отписал о его подвиге в Разряд, где внесли запись о службе Мики Боркалова в послужной список и отпустил его в Москву для получения награды [4].

Во время своих набегов татары угоняли в полон сотни, а иногда во время особо удачных нападений — тысячи русских людей, попадавших затем на рабовладельческие рынки Крыма и Турции. Некоторых из них, кого не успевали продать, выкупали на свои средства родные и близкие, других выкупали на так называемые «полоняничные деньги», собиравшиеся правительством в качестве налога, но это была капля в море, многие попадали на чужбину навсегда. Отдельные полоняники бежали из плена, на Русь ежегодно возвращались, иногда через многие годы, десятки, а может быть и сотни некогда угнанных в полон людей. Жизнь и приключения многих из них могли бы составить фабулу увлекательнейшего романа, но, к сожалению, сухие строки воеводских отписок оставляют в стороне все подробности подобных «одиссей».

В отписке ливенского воеводы Дмитрия Колтовского рассказано о троих таких страдальцах — детях боярских Луке Плохом, Игнате Бохтиярове и казаке Сеньке Тотаренкове. Они израненными попали в полон в 1632 году после трагического для ливенцев боя в Савинской дубраве, где погиб отряд головы Василия Гринева. Татары угнали их в Крым и на одном из рабовладельческих рынков продали пленников в Турцию. Служилым удалось сбежать в Персию, откуда они добрались до калмыков на Терек, а оттуда уже рукой подать было до Русской земли — Астрахани. В январе 1638 года они доплелись до Ливен и подали челобитную о пожаловании их за «полонное терпение». Прошение было удовлетворено, и вскоре ливенский воевода отпустил их на Москву для получения государева жалованья [5].

На Русь выходили даже женщины с детьми. Иногда это были уже татарчата — дети русских полонянниц и татар. Так, в 1644 году русскому дозору сдался татарин, оказавшийся сыном такой полонянки. Перед смертью она велела ему вернуться на родину, что он и исполнил, присоединившись к отряду татар, отправлявшемуся в очередной набег. Перебежчик сообщил ценные сведения о положении и междоусобице в Крыму и о намерениях татар.

Тяжелые испытания выпали на долю двух детей одной такой полонянки. Их мать, уроженка Новосильского уезда, была угнана в полон татарами и от своего хозяина прижила двух сыновей. Во время нападения казаков на Азов женщина с детьми бежала на Русь, но не вынесла тягот и опасностей пути и скончалась по дороге,



Русская мужская одежда (по А. Майербергу). XVII век:
А — боярин в кафтане и горлатной шапке, слуга в зипуне;
Б — купец в кафтане;
В — мальчик в кафтане;
Г — священник в однорядке;
Д — дворянин в однорядке.

завещав детям дойти до Новосиля и найти там единственного родного человека — своего дядю. Испытав массу лишений, дети при помощи казаков добрались до Новосиля, но встреча оказалась совсем нерадостной. Дядя оказался человеком корыстным и недобрым, закабалив своих племянников. И дети из одного ярма попали в другое. Старшему из мальчиков — Торке, по-видимому, не без помощи добрых людей, удалось составить и отправить в Москву челобитную, в которой он рассказал о своих с братом злоключениях. Его прошение было рассмотрено, и в Новосиль была отправлена указная грамота о их немедленном освобождении.

Начиная с середины XVII века Орел и уезд избавляются от непосредственной угрозы татарских набегов. Несмотря на то, что орловские служилые в составе Белгородского полка участвуют во всех войнах, которые ведет Россия в это время (русско-польская война 1654–1667, Чигиринские походы 1677–1678), перипетии военного времени обходят город далеко стороной, и Орел постепенно всё более и более переходит к мирной жизни. Надо сказать, что в Орле, как и в любом другом небольшом городе с достаточно однообразным и монотонным образом жизни, всякий ничтожный случай или происшествие немедленно обрастали разного рода слухами и домыслами и могли месяцами служить нескончаемой темой для разговоров и пересудов. А такие происшествия, как находка стрелецкими детьми Истраткой Пирожниковым, Исайкой Даниным и Игнашкой Лариным клада, или обивка соседями яблок и потолока конопли у стольника Ожилина, не говоря уже о стрельбе из пистолей в потолок, которую драгуны както устроили в Георгиевской церкви, могли нескончаемо долго будоражить город. Каждый подобный случай мог бы составить отдельную главу в этой книге, но автор вынужден оставить их в стороне, дабы не отходить от основной линии повествования, ибо количество бытовых дел, отражающих различные стороны жизни и быта орлян, кромлян, болховитян, новосильцев и ливенцев в XVII веке, сохранившихся в бумагах Разрядного приказа, весьма велико и может послужить основой для отдельной книги.

Особое место в жизни горожан занимали праздники, прерывавшие унылую череду будней, заполненных заботами о хлебе насущном. Из них особенно любимыми были весенние праздники: Масленица, Вербное Воскресенье и, конечно же, Пасха. Они отмечались по всей Руси, погружая города и села на несколько дней в атмосферу праздничного настроения, торжественных крестных ходов, гуляний и ве-

селья. Особым великолепием отличалось празднование Вербного Воскресенья — праздника Входа Иисуса Христа в Иерусалим. Оно начиналось с праздничной обедни в городском Рождество-Богородичном соборе, после которой крестный ход, возглавляемый духовенством, в сопровождении толп народа направлялся в Богоявленскую церковь. Обычно впереди «на очень большой и широкой, но весьма низкой телеге, везли дерево, на котором было нацеплено много яблоков, фиг и изюму. На дереве сидели 4 мальчика в белых сорочках, певшие «Осанна». За ними следовали многочисленные священники в белых ризах и богато украшенном богослужебном одеянии. Они несли хоругви, кресты и иконы на длинных палках и пели в один голос. У некоторых были в руках кадильницы, которыми они кадили в сторону народа. За ними двигались знатнейшие местные землевладельцы — князья и бояре, дворяне, купцы и прочий люд. По традиции во время шествия надо было держать в руках пальмовую ветвь, но поскольку пальмы на Руси не произрастали, их заменяли веточками вербы. Воевода, поддерживаемый под руки дворянами или родственниками, вел под уздцы белого коня, покрытого сукном,* на котором бочком сидел богато одетый священник, крестом благословлявший толпившийся народ, низко кланявшийся и крестившийся. Лошади для придания ей сходства с ослом были приделаны длинные тряпичные уши.** Поскольку Орел в то время не являлся центром епархии, то, надо полагать, на «осляти» восседал либо соборный протопоп или благочинный, управлявший церковным сороком,* либо игумен Богоявленского монастыря. В крупных городах на коне ехал обычно епископ, а в Москве — сам патриарх. Перед процессией шли одетые в красное мальчики, устилавшие землю цветными платами, по ко-

*В Москве коня под уздцы вел сам царь.

**Иисус Христос въехал в Иерусалим на осле.

*Сорок — городской церковный округ. В небольшом городе обычно был один сорок, а в крупных — несколько. В Москве, например, имелось 40 сороков. Вопреки расхожему мнению, в сорок входило не 40 церквей, а гораздо меньше.

Якоби (Якобий) В. И.
Князь Серебряный в гостях у боярина Морозова. Попытка художника второй половины XIX в. реконструировать боярский быт XVI столетия.
Орловский музей изобразительных искусств.

торым ступали воевода и ведомый им конь со священником [6].*

Особым веселием отличалась Пасха — Воскресение Христово, знаменовавшая также окончание долгого и изнурительного зимнего поста. На этот праздник все запасались вареными крашеными яйцами, а по улицам сновали многочисленные продавцы яиц. Встречаясь на улице, горожане обменивались расписными яичками и поцелуем в уста, восклицая: «Христос воскресе!» — «Воистину воскресе!» В этот день разница в сословном и имущественном положении не играла никакой роли, никто не имел права отказать другому в поцелуе и крашеном яичке, равно как и не принять их от кого-либо другого, хотя несомненно многим приходилось преступать при этом через собственное чванство и спесь. Особенно доставалось местным красавицам, а их мамкам и нянькам приходилось здорово стараться, дабы оттереть молодых нахалов, толпой желавших вручить милой любовно разрисованное яичко и получить поцелуй из нежных уст.

Яркие и праздничные пасхальные торжества привлекали внимание и нашли своё отражение в записках и рисунках многих иностранных путешественников. Вот как изображено празднование Пасхи в дневнике архимандрита Павла Алеппского, наблюдавшего его в Болхове в 1656 году: «На этой (пасхальной. — *В. Н.*) неделе никто не путешествует и никуда не ездит, но все занимаются в своих домах едой и питьем и предаются безмятежному покою и посещению церковных служб. Начиная с воскресения до конца недели священники в фелонях, с хоругвями и с крестами в руках, в сопровождении своих товарищей или учеников (причта. — *В. Н.*), которые несут икону Воскресения, храмовую икону и Евангелие, обходят своих прихожан, поя «Христос воскресе». Войдя в дом, священник читает Евангелие на Пасху и произносит ектенью, в коей поминает имена всех обитателей дома, затем говорит многолетие Царю и патриарху и заключает службу, троекратно повторяя: «Христос воскресе». Ему дают денег и провожают до дверей, а потом все предаются чрезвычайной радости и веселью. Когда процессия проходит мимо церкви, мальчики этого прихода звонят в колокола, ибо удовольствие и занятие мальчиков на этой неделе — звонить безпрестанно в колокола» [7].

Празднование сопровождалось посещением добрых друзей и родственников, а также казенных кабаков, что сопровождалось обильными возлияниями, зачастую переходившими в повальное пьянство. Желанному гостю по традиции наливали «в почесть». Отказаться пить «в честь» было нельзя, хозяин мог смертельно обидеться — чем больше подносили, тем больше чести, поэтому часто дорогой гость падал под стол. Высшим признаком дружбы и доверия, которого удо-

*В 1678 году постановлением церковного собора «шествие на осляти» было упразднено во всех городах России, кроме Москвы.

Зимний выезд русской боярыни.
Рисунок Э. Пальмквиста.

Варка пива.

Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI век.

стаивались немногие, было разрешение поцеловать жену хозяина. С пиршества расходились с помощью слуг и друзей — большинство гостей к тому времени обычно не держались на ногах и не вязали лыка. На улицах можно было встретить пьяного дворянина или даже боярина, свалившегося с коня или вывалившегося из саней. Про простой люд лучше и не говорить. Поэтому родственники старались прислать телегу или сани, дабы развезти гуляк по домам, поскольку нередки были случаи, когда пьяных, лежавших на улицах, грабили и раздевали [8].

Цикл весенних праздников завершала Троица. К её празднованию все готовились накануне, украшая избы изнутри и снаружи зелеными ветвями и посыпая полы травой. Некоторые хозяева втыкали перед домами молодые березки. В 8 часов утра по звону благовеста прихожане, неся с собой березовые ветки и букеты из душистых трав и цветов, шли к своим приходским храмам, которые с украшенными березовыми и кленовыми ветвями иконостасами и устланными свежей травой полами казались райскими кущами. После обедни народ расходился по родным могилам, раскладывая на могильных холмиках принесенное для усопших родственников скромное угощение, в основном, пироги и яйца. Украсив и прибрав могилы, люди шли домой, причем молодежь собирала цветы и плела венки, возвращаясь в которых являла из себя картину «самую приятную». Принесенные венки развешивали по стенам и вокруг икон, и впоследствии, когда они засыхали, их опускали в воду, которую давали больным, клали на одержимых падучей болезнью и вешали в конюшне, оберегая коней от чужого домового.

В этот день обедали не очень плотно, приберегая лучшие кушанья — жаркое, караваи, яйца и пироги для похода в ближайший лес. В Орле гулянья обычно проводились в Монастырской роще за Успенским монастырем. Туда отправлялись зачастую целыми семьями, хотя обычно преобладала молодежь — парни, девушки, дети, и лесные поляны наполнялись весельем, песнями и хороводами. В пятом часу вечера веселье постепенно гасло, и разбредшиеся люди собирались в кружки, из туесов вытаскивалась снедь, и усталые гуляки начинали трапезничать и угощать друг друга. Из напитков бывал обычно квас и бесхмельная брага, крепкого питья в этот день не брали. После трапезы веселье возобновлялось, а парни и девушки, к которым зачастую присоединялись и люди более солидного возраста, кумились между собой — завязывали дружбу на целый год. Происходило это следующим образом: «Для этого соединяли две ветви двух деревьев, находившихся в близком друг от друга расстоянии, и связывали концами ветвей в крепкий узел. Потом, надев на голову венки и стоя под аркою связанных ветвей друг против друга, протягивали друг другу правые руки со словами: «Будь кумом, будь кумою» и переводили друг друга на свою сторону — три раза, сопровождая каждый переход объятиями и поцелуями (через венки. — *В. Н.*), после чего

целый год называли друг друга кумовьями». В вечеру веселье прекращалось, и гуляющие с венками на головах тянулись с песнями домой. По пути девушки занимались гаданиями — бросали венки в воду, смотря на то, у кого венок потонет, а у кого останется на плаву. Лес старались покинуть до захода солнца, поскольку начиная с ночи Троицы он на целую неделю переходил во власть русалок. И если для мужчины встреча с ними была не лишена приятности, то женщинам и девушкам в ночной лес в это время было лучше и не соваться* [9].

О развлечениях, равно как и о суевериях орлян в XVII веке можно узнать из указной царской грамоты, разосланной в города Белгородского полка в 1648 году. Указ был направлен на искоренение полуязыческих обычаев и верований, всё еще державшихся в среде городского и особенно сельского населения, многие из которых благополучно дожили до наших дней и которые церковь тщетно пыталась

Вожак с медведем.
Лубок. XIX век.

искоренить. В грамоте 1648 года об этих суевериях говорится следующее: «...сходятся многие люди мужесково и женсково полу по зорям, и в ночи чародействуют, с солничнаго всхода перваго дни луны смотрят, и в громное громление (в грозу. — *В. Н.*) на реках и озерах куплются, чают себе от того здравья, и с серебра умываются, и медведи водят, и с собаки плясшут, зернью (костями), и карты, и шахматы, и лодыгами играют, и безчинное скакание и плесание, и поют бесовские песни; и на Святой недели жонки и девки на досках скачут (на качелях. — *В. Н.*), а об Рождестве Христове и до Богоявленьева дни сходятся мужсково и женсково полу многие люди в бесовское сонмище по дьяволской прелести, многое бесовское действо играют во всякии бесовския игры; а в навечери Рождества Христова и Васильева дни и Богоявления Господня клички бесовские кличут — коле-

*Согласно легендам Орловской губернии русалки представляли из себя существ женского пола с молочно-белыми телами и светлыми волосами льняного или пепельного цвета. К женщинам и девушкам они ревновали, и те из них, что имели несчастье оказаться в ночном лесу, могли жестоко поплатиться за это. Русалки срывали с несчастной одежду и, хлеща ветвями, гнали из леса, и она могла благодарить Бога, если отделывалась исхлестанной спиной, — иные умирали от страха или засекались до полусмерти.

К мужчинам русалки относились гораздо более благосклонно, с охотой принимали их в свои игры и хороводы, миловались и целовались с ними. Но кончалось это далеко не так хорошо, как начиналось. Русалки в конце концов защекотывали бедолагу до глубокого обморока, после чего, став невидимыми, обнимая и целуя своего избранника, несли его домой — молодого парня на его холостяцкую постель, а женатого подсовывали под бок женушке.

В Троицкую неделю только старички могли не опасаться русалок, поскольку те их панически боялись. Бабушки и дедушки могли лишь слышать их мелодичные голоса и видеть дрожащие ветки кустов, где русалки прятались. В начале лета русалки исчезали. Куда? На этот счет было много поверий, согласно одному из них, они превращались в бабочек. По деревням ходило множество историй о приключениях попавших к русалкам, а иногда можно было встретить и «очевидца», побывавшего у них в гостях и готового поклясться в этом.

ду, и таусет,* и плугу, и многие человецы неразумием веруют в сон, и встречу, и в полаз, и во птичай грай, и загадки загадывают, и сказки сказывают небылные, и празнословие с смехотворением и кощунанием, и души свои губят такими помраченными и беззаконными делами»... [10].

Надо сказать, что для появления подобного указа были все основания, другое дело, что ни этот, ни предыдущие, а также все последующие указы так и не смогли искоренить стойко державшиеся народные традиции и суеверия, бравшие начало ещё в дохристианские времена. Например, в выше упоминавшийся праздник Богоявления Господня (6/19** января) в деревнях, да и в городах совершался обряд «освящения скота», в котором причудливо переплетались как христианские, так и языческие верования. С. В. Максимов, наблюдавший его в Орловской губернии ещё в начале XX века, оставил описание этого священнодействия, судя по всему, не очень изменившегося с XVI века.

«После обедни, которая на Крещение отходит рано утром, крестьяне расходятся по домам... потом один из членов семьи берет с божницы икону с зажженною перед ней свечой, другой кадильницу, третий топор, четвертый (обыкновенно сам хозяин) надевает вывороченную наизнанку шубу и берет миску с богоявленской водою и соломенное кропило. Вся семья отправляется на скотный двор в следующем порядке: впереди, согнувшись, сын или брат домохозяина несет топор острием книзу, так, что он касается земли. За ним кто-нибудь из женщин несет икону (по большей части Воскресения Христова), далее идут с кадильницей и, наконец, хозяин с чашею воды.

Шествие завершается торжественно, среди полнейшего молчания, причем процессия останавливается посреди двора, где разложен особый корм для скота: печеный, разломанный на куски хлеб, ржаные лепешки, сохраненные для этой цели от праздника Рождества и Нового года, хлеб в зерне и немолоченные снопы ржи, овса и других хлебных растений, оставленные к этому дню с осени (оставляют обыкновенно по шесть снопов каждого хлеба).

Когда процессия останавливается, хозяйка выпускает из хлевов до тех пор запертую скотину, которая с недоумевающим видом бродит по двору и, наконец, накидываются на лакомую пищу. Между тем процессия обходит вокруг скотины с образом, причем хозяин окропляет святой водой каждую голову крупного и мелкого скота в отдельности. Этот обряд делается три раза, после чего топор крестообразно перебрасывается через скот, и участники процессии направляются в избу» [11].

Кроме запрещения различных полуязыческих обрядов вроде «волхования над скотом», порицанию в указе 1648 года также подверглись такие популярные в народе развлечения, как гадание, представления скоморохов, поводырей с дрессированными медведями и собаками, катание на досках, веревках (современные «большие шаги») и качелях, особенно любимое девушками (под предлогом, «что с качелей многие убиваются до смерти»), карточные, шашечные и шахматные игры, игры на домбрах, сурнах, гудках и гуслях «и на всяких гуденных бесовских играх». Впрочем, шахматы, расписные игральные карты и музыкальные инструменты держались и при государевом дворе, служа любимым развлечением не только царских детей, но и самого царя. Известно, что Иван IV Грозный умер за игрой в шахматы, а скоморохи, сказочники, медвежатники, гудошники и гусельники были желанными гостями на боярских и княжеских дворах. Это, по-видимому, и определяло двойственность отношения власти к этим видам развлечений, иногда, под нажимом церкви они запрещались, но через некоторое время запрет негласно сходил на нет.

Указ 1648 года вводил целый комплекс мер по борьбе с «бесовской прелестью». Его предписывалось «многожды» зачитывать по торгам, списки с него «слово в слово» рассылались в наиболее крупные села и волости, дабы «сей наш крепкий заказ ведом был всем людям», и никто не смог бы потом отговориться его незнани-

*Таусет — песня-игра.

**По старому стилю / по новому стилю.

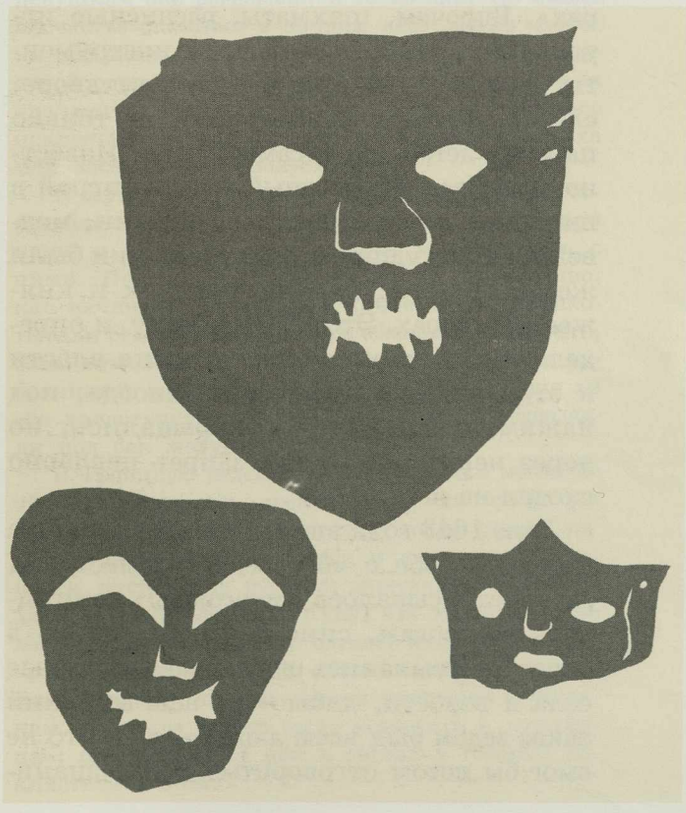
ем. Скоморошьи одежды, хари и маски, домбры, гудки, сурны и гусли предписывалось отбирать и жечь, а в отношении людей, замеченных в нарушении указа, воеводам велелось, «где такое безчиние объявится, или кто на кого такое безчиние скажут, и вы б тех велели бить батоги; а которые люди от такова безчиния не отстанут, а вымут такие богомерские игры вдругие, и вы б тех ослушников велели бить батоги; а которые люди от того не отстанут, а объявятся в такой вине в третие и в четвертые, и тех, по нашему указу, велено ссылать в украйные (т. е. пограничные. — *В. Н.*) города за опалу». Да и самим воеводам, дабы они не манкировали с выполнением указа, делалось строгое внушение: «А толко ты по сему нашему указу делать не станешь, и тебе быть от нас (царя Алексея Михайловича. — *В. Н.*) в великой опале» [12].

Надо полагать, что первоначально указ выполнялся со всей присущей ему жестокостью, и не одному скомороху, гусляру или просто бедолаге, на которого донес сосед, ободрали плетьми или палками спину на торгу. Но согласно пословице: «Жестокость законов на Руси смягчается возможностью их неисполнения», — действие этого указа постепенно сошло на нет, в основном из-за физической невозможности его исполнения, и гудошники, поводыри с медведями и прочий люд «скоморошьего чину» опять появился на рынках и городских торгах.

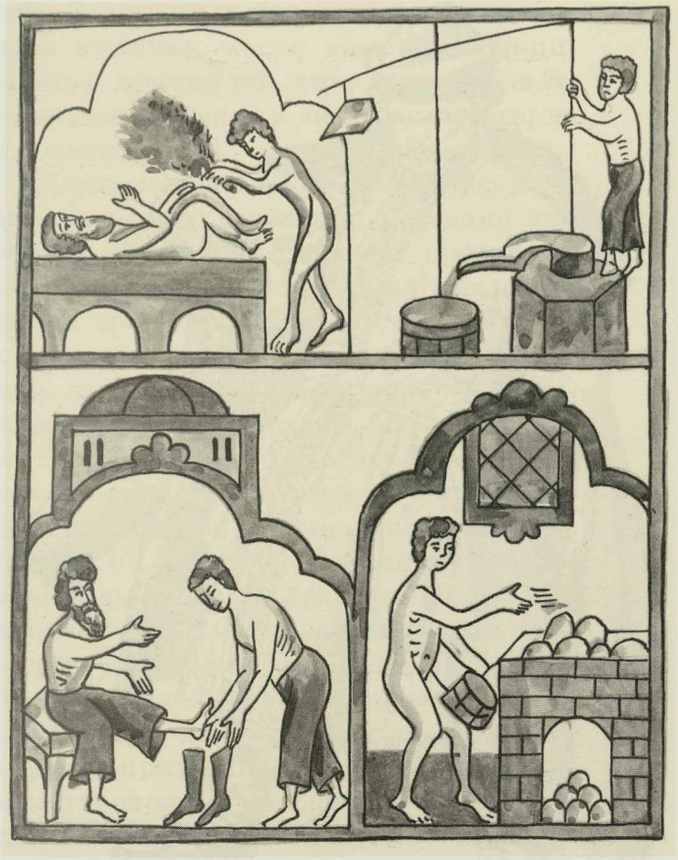
Гонению церкви подвергалось и табакокурение, а во время правления царя Алексея Михайловича прослыть «табашником» было чревато: могли отодрать батогами на торговой площади и отправить куда-нибудь в Пустозерск в ссылку. Но позднее, с легкой руки Петра I, несмотря на то, что церковь по-прежнему метала громы и молнии по поводу этого «бесовского наваждения», курение широко распространилось как среди городского, так и сельского населения. О популярности в Орле этой вредной привычки свидетельствуют не только отдельные экземпляры трубок, попадающихся во время археологических раскопок, но и случайная находка ящика с более чем сотней глиняных курительных трубок, видно предназначенных на продажу, найденного в районе городского рынка.

Одним из излюбленных мест досуга русских людей (орляне не являлись исключением) была баня, где не только мылись, но и проводили массу времени в приятной компании за беседой и угощением. Баня являлась также лечебным средством, зачастую весьма радикальным, при малейшем недуге или хвори первым делом шли в баню. В Орле в начале XVIII века имелась одна общественная «торговая» баня, платная баня на воеводском дворе в кремле, которой пользовались знатные люди и состоятельные орляне, и масса домовых бань в частном владении, где мылись и парились не только хозяева, но и все желающие, в основном их друзья, родственники и соседи, за что «баннодержатели» обязывались платить определенный налог в казну — от одного рубля до трех алтын двух денег (17 коп.) в год.* Всего в Орле насчитывалось 117 бань, т. е. их имела

Скоморошьи «хари».



*С общественной «торговой» бани собиралось «по дватцати рублев по четыре алтына по три деньги» в год.



Русская баня.
Миниатюра из рукописи XVII века.

примерно четвертая часть дворов в городе (по данным за 1718 г. в Орле насчитывалось около 400 дворов). В уезде же насчитывалось 1028 бань — практически при каждом крестьянском и помещичьем дворе [13]. Это не говорит о том, что горожане были грязнулями, просто удобных мест в городе у рек Оки и Орла под частное банное строение имелось немного, да и большая часть дворов находилась от рек довольно далеко, вынуждая их хозяев пользоваться гостеприимством соседей и услугами торговой бани. Причем в торговой бане обычно мылись одновременно мужчины и женщины, что считалось вполне естественным и было в порядке вещей в русской жизни того времени. Если же находился шутник (впрочем, такое случалось весьма редко), осмеливавшийся произнести комплимент местной красавице или, не дай Бог, ущипнуть её за прелести, то его участь была незавидна — наглеца могли голышом выбросить на улицу или треснуть ведром по непутевой голове, причем это могли проделать не только отец, муж или иные родственники мужского или женского пола, но и совсем посторонние люди. В этом случае на охальника поднимались «всей баней», и он мог почитать себя родившимся в сорочке, если ему удавалось унести целыми ребра, а попутно и свою одежду.

Образное описание русской бани оставил немецкий дипломат Адам Олеарий, посетивший Россию в 40-е годы XVII века: «Баня была разгорожена бревнами, чтобы мужчины и женщины могли сидеть отдельно. Однако входили и выходили они через одну и ту же дверь, притом без передников; только некоторые держали спереди березовый веник до тех пор, пока не усаживались на место. Иные не делали и этого. Женщины иногда выходили, без стеснения, голые — поговорить со своими мужьями.

Они в состоянии переносить сильный жар, лежат на полке и вениками нагоняют жар на своё тело или трутся ими (для меня это было невыносимо). Когда они совершенно ослабнут от жары до того, что не могут более вынести в бане, то и женщины и мужчины голые выбегают, окачиваются холодною водою, а зимою валяются в снегу и трут им, точно мылом, свою кожу, а потом опять бегут в горячую баню. Так как бани обыкновенно устраиваются у воды и у рек, то они из горячей бани устремляются в холодную. И если иногда какой-либо... парень прыгал в воду, чтобы купаться вместе с женщинами, то они вовсе не казались столь обиженными, чтобы в гневе, подобно Диане с её подругами, превратить его водяными брызгами в оленя, — даже если бы это и было в их силах» [14].

Обычай совместного помыва мужчин и женщин в общественной бане сохранялся на Орле еще в первой половине XIX века. В частности, священник Н. И. Соколов писал об этом в своих воспоминаниях: «В последний год пребывания моего в орловском духовном училище (1821 г. — *В. Н.*) я ходил в торговую баню, будучи 16 лет; но право равнодушно смотрел на молодых женщин, только любовался иногда прекрасною фигурою 15-летней девочки, и то

нисколько не обращая внимания на детали фигуры. — В раздевальной не позволялось (как обычаем принято было) мущинам обращаться к женщинам ни одним словом. Я помню, что досталось мещанину за несколько безобидных слов, обращенных к молодой женщине. Приходит толстая, претолстая старуха с красивою молодою женщиною, должно быть — невесткою. Разделись. Красавица, прикрыв себя веником, сопровождаемая старухою, шла в прибанник. 30-летний балагур из мещан со смехом сказал: «Эх! молодайка! Спереди-то закрыла, а сзади — видно!» — Старуха огрызнулась: «Смотри у матери своей, сучий сын!» — и пошла, загораживая собою молодайку и проклиная озорника: «Чтоб тебе очи вылезли, чтоб ты навеки ослеп!» Все женщины, бывшие в раздевальне, взъелись на несчастного. Выходят из бани два геркулеса; узнав, в чем дело, накидываются на озорника: «Ты что?» — «А вы что?» — отвечает озорник тихо. — «Ты что?» — вскрикивают громче первые. — «А вы что?» — отвечает последний еще тише. — «Давно у тебя считались ребра?» — вскричали первые. Тогда озорник, схватив остальное платье свое, котораго не успел надеть, скорее вон из раздевальной; женщины дружным хохотом проводили труса...» [15]

Одним из видов развлечения мужской части населения в Орле, как, впрочем, и в других русских городах, являлись кулачные бои, или попросту говоря — кулачки. Для их проведения мужчины и юноши «сходятся обычно по праздничным дням в городе на обширном и известном месте, так что большинство жителей может их там видеть и слышать; они собираются вместе некиим свистом, который является как бы условным знаком; созванные, они тотчас же сбегаются вместе и вступают в рукопашный бой... Всякий, кто победит больше народу, дольше других останется на месте сражения и весьма храбро выносит удары, получает особую похвалу в сравнении с прочими и считается славным победителем. Этот род состязания установлен для того, чтобы юноши привыкли сносить побои и терпеть какие угодно удары» [16]. Такими увидел

Кулачный боец.
Рис. И. Билибина.

кулачные бои на Руси немецкий посол Сигизмунд Герберштейн в XVI веке. Кулачки получили отображение и в произведениях писателей-орловцев Н. С. Лескова и Л. Н. Андреева, имевших возможность наблюдать их воочию. Например, один из героев Лескова — Мишенька из рассказа «Грабеж» являлся первостатейным кулачным бойцом и заявлял: «Я десятерых бивал на один кулак...»

Надо сказать, что кулачки не были беспорядочной дракой, как это иногда представляют сейчас. За порядком на кулачках, если можно так выразиться, следили наиболее уважаемые и соответственно сильные мужики с обеих сторон, способные призвать к ответу любого зарвавшегося драчуна. Их слово являлось законом, и дополнительного увещевания, имеется в виду физического, обычно не требова-

лось. Злостного нарушителя правил и обычаев кулачек могли «дисквалифицировать», причем так, что у него отпало бы не только желание в них участвовать, но и возможность.

Обычно кулачные бои проводились между отдельными слободами, посадами или селами. Например: стрельцы против казаков, пушкари против посадских и пр. Могли проводиться бои и «по профессиям» — местные купцы с приезжими, кузнецы против кожемяков — впрочем, с кузнецами обычно старались не связываться. Иногда несколько слобод, расположенных на одной стороне реки, объединялись, дабы померяться силами со слободами на другой. Кулачки проводились зимой на речном льду, в Орле традиционно на Оке напротив мужского монастыря, а летом на хорошо утоптанном лугу или выгоне. Проведение кулачных боев приурочивалось к какому-либо определенному дню или церковному празднику, что обговаривалось представителями сторон заранее, равно как и количество участников с обеих сторон, дабы побежденные не могли отговориться численным превосходством противника. Иногда одна из сторон, имея недостаток в сильных бойцах, могла зазвать постоять за честь своей слободы одного или нескольких известных в округе кулачных мастеров. Знаменитого кулачного бойца могли пригласить и в другой город, причем деньги на его наём и угощение хозяева собирали всей слободой.

Правила кулачных боев были довольно консервативны и без особых изменений дожили с глубокой древности вплоть до XX века. Традиционно они начинались с «затравки» — стычек детей и подростков, затем в бой вступали холостые ребята — «недоросли», за ними шли женатые парни, а следом степенные мужики. Иногда общая свалка предварялась боем одной или нескольких самых сильных бойцовских пар. Бились только в варежках или специальных боевых перчатках — драка голыми руками не допускалась. Запрещалось трогать малолетков и младше себя по возрасту, наваливаться кучей на одного, а также сводить личные счеты. Если человек видел, что противник заведомо сильнее, ему достаточно было сесть на землю, и тот проходил мимо, не завязывая поединка*; если один из бойцов просил пощады, бой также прекращался. Запрещалось драться ногами (подножки считались бесчестьем),** бить в «причинное» место, в висок, словом туда, где можно было нанести человеку увечье. Некоторые хитрецы прятали в варежки гирьки и тяжелые предметы, но если такого ловили, то его нещадно избивали и свои и чужие, а впоследствии третировали как человека бесчестного. Могло жестоко влететь за недосмотр и старшине той стороны, где объявился подобный ловкач, поэтому старшой перед началом боя требовал от своих «витязей»: «А ну, братцы-молодцы, перекрестись, что в кулаке обману нету».

Потерять что-либо на кулачках было невозможно, постоянно находились доброхоты, которые ходили по бывшему полю боя и голосили: «Чей валенок? Чья шапка? Чей кушак?» Постоянное участие в кулачках развивало у молодежи чувство локтя, умение держать строй — «стенку», чувство взаимовыручки и товарищества, делая русских солдат страшными противниками в рукопашной в то время, когда судьбы сражений решались в основном холодным оружием. Конечно, не следует идеализировать кулачки — многим они стоили подорванного здоровья и увечий, несмотря на все правила, а кое-кому и креста на погосте, но при виде драк в современной жизни и в кино, когда сворой накидываются на одного и бьют человека чем попало и по чему попало, или зверски избивают лежащего, кулачки начинают восприниматься как рыцарский поединок.***

---

*Отсюда пошла пословица: «Лежачего не бьют».

**Впрочем, С. Герберштейн наблюдал кулачки, где дрались и ногами, отсюда следует, что правила кулачных боев в разных местностях разнились между собой.

***Правительство неоднократно запрещало кулачки (указы от 5 декабря 1648 г., 2 ноября 1684 г., 21 июля 1726 г.), впрочем, без особого успеха. Окончательно кулачные бои в Орле были прекращены только в 30-е годы XX века многолетними усилиями городских властей и милиции, путем административного и судебного преследования «энтузиастов» и «активистов» кулачек. Но в сельской местности, в частности под Кромами, кулачные бои проводились еще в 60-е годы XX века.

Судебный поединок в Московской Руси. ***Гравюра Шюблера по авторскому рисунку К. Лебедева.***

Особым видом кулачек являлись судебные поединки, где тяжущиеся сводили взаимные счеты, происходившие в присутствии судей и многочисленных зрителей. Здесь также дрались в бойцовских перчатках, но уже без правил, вплоть до того момента, когда один из противников попросит пощады или будет не в состоянии продолжать поединок. При особо тяжелых случаях — смертельном оскорблении, обвинении в недоказанном убийстве и прочем, когда вину можно было смыть только кровью обидчика, противники сходились с оружием, причем вид поединка — конный или пеший, тип оружия и наличие доспехов обговаривались противниками и судьями заранее. Впрочем, «оружные» бои являлись скорее исключением, нежели правилом, в основном бились дубинами или ослопами, но и это требовало немалого умения — палкой надо было уметь фехтовать, наносить и отбивать удары.

При невозможности самому участвовать в поединке (болезнь, старость, увечье, очевидное неравенство сил) одна из сторон, если, конечно, позволяли средства, могла выставить наемного бойца. Результаты такого поединка при любом исходе считались «Судом Божиим» и какому-либо пересмотру не подлежали.

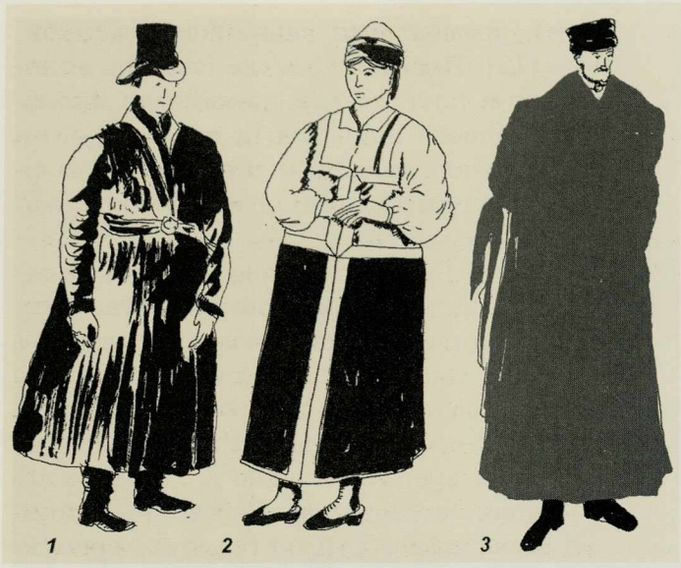
Еще об одном виде досуга мужской части населения — винопитии следует сказать несколько слов особо. Еще князь Владимир в X веке заявил: «На Руси есть веселие пити, не может без того быти». С тех пор в России эту истину никто не оспаривал. В Орле местом, где страждущий мог купить, как сказали бы сейчас, лицензионного вина, служил кружечный двор, располагавшийся в Малом остроге на пересечении двух наиболее оживленных улиц — Кромской и Карачевской (сейчас угол Гостиной и Черкасской). Первое упоминание о казенном кабаке в Орле содержится в грамоте Лжедмитрия II воеводе Семену Шаховскому (1612 г.) [17], но скорее всего, кабак в городе существовал с незапамятных времен, и орловские слу-

жилые и жилецкие люди отводили в нем душу со дня основания города. Первоначально (более 100 лет) это было единственным питейным местом в городе, поскольку торговать вином в частных харчевнях, а также изготавливать его самовольно категорически запрещалось и по возможности пресекалось. Но позднее, к концу XVII века, в связи с ростом населения, а также соответственно и потребителей, увеличилось и число казенных кабаков. Описание орловского кружечного двора автору не встречалось, поэтому в качестве аналога приведем опись 1686—1687 годов кабака в соседнем Мценске: «Кружечный же двор близ Ямской слободы, подле Московской проезжей Большой дороги, строенья: ледник, на леднику анбар сосновой, покрыт с корою и дором (дранью), подле того анбара и ледника изба с стойкою (прилавком), промеж ими сени, покрыта лубьем» [18]. Иногда здесь же ставили винокурню и клети, необходимые для производственного процесса, а все постройки огораживали забором или тыном. Примерно так же выглядел и орловский кружечный двор.

Свадебная трапеза.

Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI век.

Казенный кабак обычно сдавался на откуп, то есть кто-либо из состоятельных людей или несколько человек, объединившихся в своеобразную артель, вносили в казну, сразу или в рассрочку, оговоренную сумму, а затем, держа кабак, не только возмещали убытки, но и с лихвой покрывали затраченное. Кабак традиционно сдавался в откуп на год, с его временными хозяевами заключался договор, и местный воевода выдавал им наказную память, где обговаривались их права и обязанности. Вот, например, фрагмент наказа воеводы князя Федора Елецкого болховским кабацким откупщикам (1611 г.): «А будучи на кобаке, Степану, да Арсену, да Павлу с товарыщи (держателям заведения. — *В. Н.*) тово беречи накрепка, чтоб на кобаке у всяких людей душагубства и смертного убойства не была, а пили бы всякие люди на кобаке смирно, безо всякие зацепки. А которые люди, будучи на кобаке, учнут пить мед и вино или, напив, не учнут давать напойных денег, или учинитца душегубс(тво) или смертное убойства, и старосте Степану Неустроеву, да Арсену Козакову, да Павлу Епифанову с товарыши тех людей, имая, приводить в съезжую избу к воеводе князю Федору Ондреевичю». Кроме того, откупщики обязаны были следить, чтобы служилые и посадские люди самовольно не гнали хмельные напитки, т. е., попросту говоря, не занимались самогоноварением, и пресекать подобное с помощью приставов (что, кстати, было в их интересах): «Да и тово Степану, да Арсену, да Павлу беречи накрепка, чтоб в Болхове на посаде, и в стрелетцких, и в казачьих и в ямских слободах, и в остроге никакие люди продажнова никакова питья опроче кобака не держали, а которые люди учнут опроче кобака держать продажное какое питье, и Степану, да Арсену, да Павлу с товарыщи у тех людей то про-



Костюмы жителей Орловской губернии в зарисовках орловского чиновника. Кон. XVIII в.:

1. *Костюм жителей подгородных слобод г. Орла.*
2. *Костюм жительницы среднего достатка в г. Болхове.*
3. *Костюм «общий купеческий для мущины».*

дажное питье выимать с приставом и приводить тех людей к воеводе князю Федору Ондреевичю...» [19]. В случае нарушения условий наказа кабак мог быть изъят из ведения откупщика и передан другому, более добросовестному.

По причинам, не требующим особого объяснения, городской кабак являлся предметом особого беспокойства для воевод в силу своей повышенной криминогенности: кроме драчливых «питухов», здесь постоянно ошивались любители дармовой выпивки, легкой наживы и прочий воровской люд. Так, орловский воевода Семен Шаховской писал, что «...на кабак приезжают многие воровские люди и пьют по ночам, и, ездя по дорогам, воруют, и в посаде от них убийство живет великое...» [20]. Надо сказать, что большинство обывателей отрицательно относились к кабакам, и обычно его посещали лишь самые забубенные. Молодой парень, замеченный в кабаке, мог решительно подорвать свою репутацию жениха: «Ох, матушка, он трахтырщик, в трахтире был!» — шептались о нем в городе и девушку из порядочной семьи за него уже не отдали бы [21].

Несмотря на то, что гнать вино частным порядком запрещалось, служилым людям, памятуя об их тяжелой службе, правительством делались некоторые послабления. В то же время на местных воевод ложилась тяжкая обязанность, добавлявшая им лишней головной боли, — следить за мерой потребления, ибо в пограничных городах и воинских гарнизонах пьянство было чревато неприятными последствиями и случаев проигрыша сражений и сдачи городов по пьяному делу в русской истории хватало (р. Пьяна, 1377 г.; Динабург, 1577 г.; Вологда, 1612 г. и др.). Служилые люди и сами проявляли инициативу, выпрашивая льготы и обосновывая право на них зачастую самыми своеобразными причинами. Ливенские дети боярские, бившие челом всем городом о восстановлении привилегии «вино курить и пиво варить без явочно и без пошлинно» (1615 г.), писали царю: «А мы, холопы твои, люди одинакие, а места наши украинныя и безпрестанна мы бываем на твоих, государевых,

Костюмы жителей Орловской губернии в зарисовках орловского чиновника. Кон. XVIII в.:

1. *Древний костюм жительницы Орла среднего сословия.*
2. *Современный костюм жительниц городов Орловской губернии среднего сословия.*
3. *Костюм жителя Ельца среднего сословия.*

Боярин князь Юрий Петрович Репнин. По живописному портрету 1697 г.

службах и воды пьем из разных степных рек, и от разных вод нам, холопем твоим, чинятца скорби (болезни. — *В. Н.*) и без питья нам, холопием твоим, быть нельзя». Безутешные ливенцы просили: «Вели, Государь, нам вино курить и к Господским праздникам, хто Богу должан, пивка сварить безьявочно и без пошлинно, чтоб нам от скорбей вконец не поги[б]нуть» [22].

Служилым разрешалось варить брагу и квас бесхмельные. Если же кому-то требовалось сварить хмельные напитки к какому-либо церковному или семейному празднику, то он должен был явиться к воеводе за разрешением, и тот указывал: «Пива варить не по велику: по полуосмине, и по осмине и по четверти, смотря по человеку». От воевод требовалось, чтобы они разрешали служилым пить только «в урочные (специально отведенные) дни, и того беречь накрепко, чтоб они того питья не продовали: и пили б смирно, и драк и блядни, и зерни (игры в кости. — *В. Н.*) и табаку у них не было». Об остатке питья служилые должны были сообщить воеводе, который приказывал подьячему сделать запись в соответствующей книге о количестве оставшегося, после чего бочка или сосуд запечатывались до следующего праздника. Само собой, что, несмотря на требования к воеводам в правительственных наказах «не корыствоваться» и «явочного от того... не имать» [23], подобные правила создавали простор для злоупотреблений, ибо воевода самолично решал, кому и сколько можно сварить и можно ли варить вообще, в результате чего служилые вынуждены были задабривать воеводу подношениями и подарками. Впрочем, справиться со служилыми, самовольно гнавшими хмельные напитки, а особенно со стрельцами, которые несли полицейскую службу в городах, благодаря их корпоративной солидарности, было весьма непросто, а посылавшиеся в Стрелецкие слободы для пресечения винокурения приставы часто возвращались с синяками и шишками, радуясь тому, что дешево отделались. Так, например, мценский воевода жаловался царю Михаилу Федоровичу на подведомственных ему стрельцов, что они «вина у себя и суды (сосуды. — *В. Н.*) винны сдержат и вина сидят (гонят. — *В. Н.*) беспрестани. И я, холоп твой, по челобитью кабацких откупщиков посылал приставов на винную выемку, и те стрельцы твоего государева указу не слушеют, чинятца силны, вин у себя вымать не дают» [24].

Об одежде орлян в XVI–XVII веках в письменных источниках сохранилось очень мало сведений, не говоря уже о том, что до нас не дошло ни одного изображения местного костюма этого времени. Первые рисунки костюмов орловских жителей датируются XVIII веком. Надо полагать, что одеяние орлян мало чем отлича-

Работа портного.
Фрагмент миниатюры.

лось от общерусской одежды того времени, особенно это касалось «служилой» (военной) одежды. В первой половине XVII века, а особенно с 1638 года, после появления в Орле черкас — украинских казаков, в костюме усиливается польско-украинский элемент. Из одежды в документах достаточно часто упоминается однорядка, которую носили и мужчины и женщины. Это длинная однобортная просторная верхняя одежда с откидными рукавами и обычно без воротника, застегивавшаяся спереди. Однорядку можно было носить в рукава или просунуть руки сквозь «прореху» (разрез) под проймой. Женский городской костюм орлянок, по-видимому, также мало чем отличался от российского, поэтому специально останавливаться на нем не будем, рекомендуем читателю обратиться к соответствующей литературе. В XVI–XVII веках в Орловском уезде, по-видимому, уже сформировался женский костюм, отличавшийся красочностью и самобытной местной индивидуальностью, благодаря которой позднее, в XIX — начале XX веков некоторые знатоки по костюму определяли не только из какого уезда женщина приехала на рынок (а также замужняя она или нет), но и из какого села. К сожалению, рас-

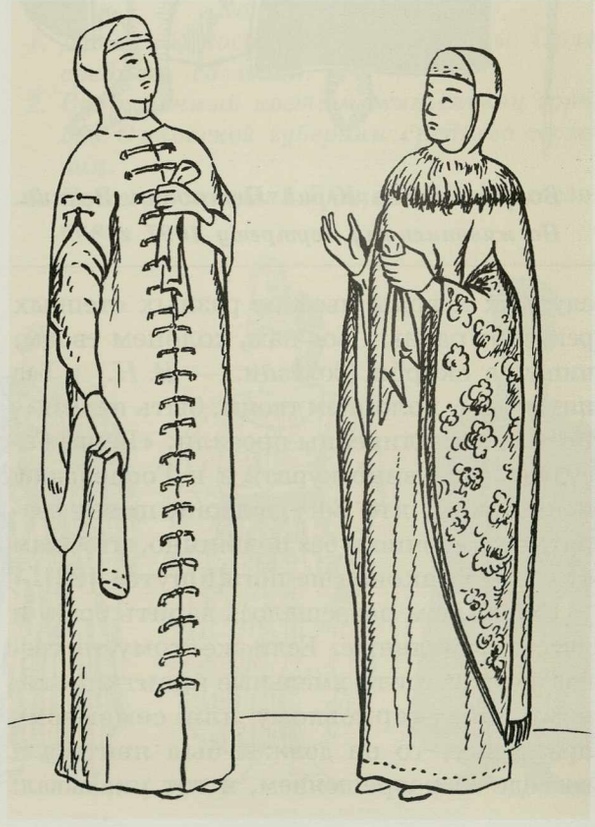
Знатные русские боярыни.
Рисунок А. Мейерберга. XVII век.

Слева — женщина в опашне*, хорошо виден свисающий декоративный рукав, на ее голове убрус,** справа — женщина в летнике и меховом ожерелье.***

**Опашень — легкая шелковая одежда на подкладке свободного покроя с длинными, сужающимися к запястью рукавами, носившаяся внакидку «на опашь». Опашень никогда не подпоясывали, так что его передние полы были значительно короче заднего полотнища.*

***Убрус — часть женского головного убора — белое полотенце, богато украшенное вышивкой. Укладывалось вокруг головы поверх подубрусника — мягкой легкой шапочки, закрывавшей волосы, и закалывалось специальными булавками.*

****Летник — длинная женская верхняя одежда с очень широкими рукавами — накапками, богато украшенная декоративной вышивкой, жемчугом, драгоценными и полудрагоценными камнями.*



Свадьба.
Гравюра по картине К. Лебедева.

сказать более подробно о сельском костюме этого времени из-за отсутствия источников и иконографии достаточно трудно, как и о том, чем он отличался от позднейшего костюма XVIII–XIX веков. Следует заметить, что вообще городской южно-русский костюм, особенно женский, отличался большой пестротой вследствие перемешанности населения. В 1566–1567 и 1635–1636 годах Орел отстраивали «сведенцы» из Новосиля, Мценска, Карачева и других городов, многие из которых были здесь оставлены по государеву указу на «вечное житьё». В свою очередь орляне в XVI–XVII веках участвовали в строительстве и заселении не менее десятка городов (Ливны, Кромы, Валуйки, Курск, Новобогородск и др.) и многие из наиболее «добрых и прожиточных» горожан были оставлены там на поселении. Переселенцы увозили с собой не только семьи и имущество, но и традиции, обряды и, конечно, костюм, что создавало во вновь основанных городах значительно более пеструю и разнообразную бытовую картину, нежели, к примеру, в замосковных и особенно северных городах, славившихся своей патриархальностью.

Об одной особенности женской моды XVI–XVII веков следует заметить особо. Иностранные путешественники в своих записках отмечали, что русские женщины были бы довольно красивы, если бы так нещадно не красились и не белились. С набеленными лицами, крашенными кармином губами и щеками, подведенными сурьмой бровями и ресницами, женщины и девушки теряли свою индивидуальную красоту и становились похожими на раскрашенных кукол. Модным было также отбеливать и даже чернить (!) зубы. К счастью, мода на черные зубы продержалась сравнительно недолго. Надо полагать, что в модничанье орловские красавицы не уступали москвичкам и так же жестоко кра-

сились и белились, во всем следуя общероссийской моде того времени.

В заключение приведем роспись приданного богатой невесты — девицы Екатерины Прокофьевны Кривцовой*, по которому можно судить о достатке дворянства средней руки (1699 г.). В приданое красавица получила: «оброз (икону. — *В. Н.*), нареченныя Пятницы, обложен серебром, позлощен; оброз Сергия Радонежского чудотворца, обложен серебром, позлощен. Да приданаго платья: ларец с кузнею (казною. — *В. Н.*), а в нем чепочка серебреная со кресты, четыря креста серебреныя вызолочены, трои сер[ь]ги с жемчюги и с каменьи, деветь персней серебреных, к ларцу девка (служанка. — *В. Н.*) Вар[ь]ка, Иванова дочь. Треух саболей вершек золотой; шуба комчатая,** жеркий цвет, мех белей, круживо залотоя с городами;* телогрея камчатая, весилковой (васильковый. — *В. Н.*) цвет, круживо серебреноя, пуговицы серебреныя, вызлочены; шуба товтяная** алоя, мех белей, круживо кушашчетое, пуговицы серебреныя; телогрея дорогилная, саломеной цвет, пуговицы серебреныя; постеля су взголовьи и с подушки, одеяло песовое, крыто выбойкою, и всего приданого, платья и кузни, на сто рублев».

Кроме того, девица получила в приданое землю в Однолуцком стане Болховского уезда — 20 четвертей и два двора с крестьянскими семьями (всего 18 человек) «и с их крестьянскими животы (имуществом. — *В. Н.*), и с хлебом стоячим и с молоченым, и с земленым, с дворовым и с хоромным строением» [25].

*Из рода Кривцовых происходил впоследствии известный декабрист Сергей Иванович Кривцов. Имение Кривцовых находилось в с. Фандеево Орловского района (в XVI — нач. XX века — Болховский уезд).

**Камка — шелковая тонкая ткань с разнообразными текстильными узорами, выполненная сочетанием атласного и других типов переплетений.

*Городки — узоры на русском кружеве в виде зубчиков, реже зигзагов, которыми оканчивались края мерного или штучного изделия.

**Тафта — шелковая или хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения из очень туго скрученных нитей основы и утка, восточного происхождения.

ГЛАВА XIV

Городской торг Орла в XVII–XVIII веках

«Купечество торгует большою частию хлебом и пенькою, а притом маслом, салом, медом, воском, скотом, кожами, шерстью, щетинами. Скупая... хлеб, пен[ъ]ку, масло, сало, щетину, кожи в самом городе Орле и вокруг его лежащих селениях, а протчие есть большою частию в малороссийских городах, и отпускают всё оное в великом количестве, всякий хлеб рекою Окою на стругах до Москвы, а несколько и до Санкт-Петербурга, выходя из Оки Волгою вверх; другие же товары отвозят водою до Калуги, а оттуда также и прямо: из Орла гужем в город Гжатск, а иногда чрез Москвы до Твери и отпускают из всех тех мест уже водою; скот же гонят также в обе те столицы».

Историческое и географическое описание города Орла. 1787 год [1].

Торговля и выгодное для этого расположение, превратившие Орел во второй половине XVII века в крупный торговый и перевалочный пункт, являлись в совокупности тем обстоятельством, которое возвысило его статус от обычного военного городка до провинциального, а затем губернского центра. Эта же причина способствовала его расцвету и позволила оставить позади те города (Болхов, Ливны, Севск, Елец), которые в силу своего военного значения (им Орел никогда особо не обладал) некогда намного превосходили его по размерам и населению, и в результате, вследствие утраты прежнего положения, попали под его административное подчинение.

Торговым центром в любом русском городе была, как правило, площадь. В Орле из-за тесноты застройки в центре города площади не имелось и для торговых целей использовались две пересекавшиеся в Малом остроге улицы: одна шла от Пятницких к Карачевским воротам, другая — от главных ворот Рубленого города к Кромским воротам. Обе улицы были густо заставлены лавками, хотя основная торговля сосредотачивалась на перекрестке и на отрезке улицы, от перекрестка до Пятницких ворот, где помещался торговый ряд.

Торг в Орле бывал еженедельно и, начинаясь со вторника, продолжался три дня, причем особенно оживленные торжища происходили в зимнее время. Этому в немалой степени способствовало как отвратительное состояние дорог в весенне-осеннее время, так и легкость доставки товара по санному пути. Товар, а это было в основном зерно, скапливался в многочисленных амбарах и житницах на Орловской пристани, дожидаясь вскрытия Оки и начала весенней навигации. Во второй половине XVII века торговый оборот города рос как на дрожжах. К примеру, к 1679 го-

Сапожная лавка.
Фрагмент гравюры из книги А. Олеария.

ду по сравнению с 1654-м он возрос в 7 раз, а оптовая торговля зерном увеличилась аж в 10 раз [2]! В Орел для закупки зерна и «ыных товаров» приезжали купцы и торговцы из 30 городов и сел России. В XVIII столетии на орловские торги прибывало до 10–12 тысяч возов как из соседних, так и из отдаленных уездов — Брянского, Трубчевского, Жиздринского. Купцы и крестьяне из последних доставляли в основном «строевой лес, тес и разныя щепныя мелочныя изделья». Ярмарок в городе не бывало, происходил лишь небольшой торжок в селе Покровском Орловского уезда по средам [3].

Административным центром торга в XVI–XVII веках являлась таможенная изба, где хранились уставные и таможенные грамоты, регламентировавшие торговлю, и собранные торговые пошлины. Для взвешивания товаров на торгах имелись особые помещения — важни, где находились весы различных размеров: контари, безмены и большой набор гирь. Число торговых пошлин в XVI–XVII веках было огромно и весьма запутано, к тому же в различных районах страны размер пошлин и характер обложения был разным, что создавало простор для злоупотреблений и «корыствования» таможенников. Прибывая на торг, купец платил тамгу, мыт (при проезде через внутренние таможенные заставы, находившиеся практически в каждом городе), явку, головщину. Все приезжие купцы должны были показать свой товар таможенным начальникам, не сгружая его с возов, не развивая вьюков, не вынося из судов. Таможенник тщательно осматривал товар, собирал пошлины, записывал в книги, какие пошлины в каких размерах и с каких товаров взимались. Уезжая с торга, купец платил новую пошлину — задние калачи. С различных речных судов платилась судовая пошлина в зависимости от размера судна, а с воза — повозная пошлина. За взвешивание товара брали «весчую» пошлину, за отмеривание — померную, за погрузку — подымную, за разгрузку — свальную. При продаже скота — пятно и роговое. За проживание в гостиных дворах — гостиное, за хранение товаров — амбарное. Подарки и подношения шли и должностным лицам торга за лучшее место на рынке. Некоторые таможенные льготы имели монастыри, духовные лица и отдельные купцы [4]. Конкурентов устраняли посредством «ябед» администрации, челобитных и жалоб. Весьма часто сведение счетов перерастало в побоище, и купцы сводили взаимный «дебет и кредит» при помощи безменов и ослопов. При этом весьма часто попадало и покупателю за то, что брал товар не у того, у кого надо. Несколько забегая вперед, добавим, что по мере роста оборота вражда купеческих семейств в Орле зачастую приобретала такие масштабы, что сказывалась на торговом благосостоянии города. В XVIII веке это вызвало присылку в Орел из Санкт-Петербурга целого ряда комиссий, занимавшихся разбором «купецких» стра-

стей, по накалу не уступавших шекспировским, что даже нашло своё отражение в Географическом словаре (1805 год): «...о жителях должно бы заключить, что они богаты, однако несогласие между собою и зависть, будто врожденныя орлянам, препятствовали им до сего времени достигать сего блага» [5]. Словарю вторит «Историческое и географическое описание о городе Орле и уезде (1787 г.): «...но бывшие до сего известные между купечества раздоры и несогласия не только не обогащали, но все получаемые барыши употребляли на тяжбу и на происки, как бы одному другого если не совсем погубить, то на меньшой конец сделать ему разорение или чувствительнейший убыток...» [6]. Понадобился личный Ея Императорского Величества Екатерины II указ, дабы прекратить купеческие дрязги. Но вернемся опять в XVII столетие.

Недалеко от таможни в Орле стоял кружечный двор — государев кабак, где торговали казенным вином. Здесь же находилось несколько харчевен (в 1718 г. — девять), принадлежавших орловским «раз-

Оружие, сбруя и различная дорожная утварь в Московской Руси XVI в.

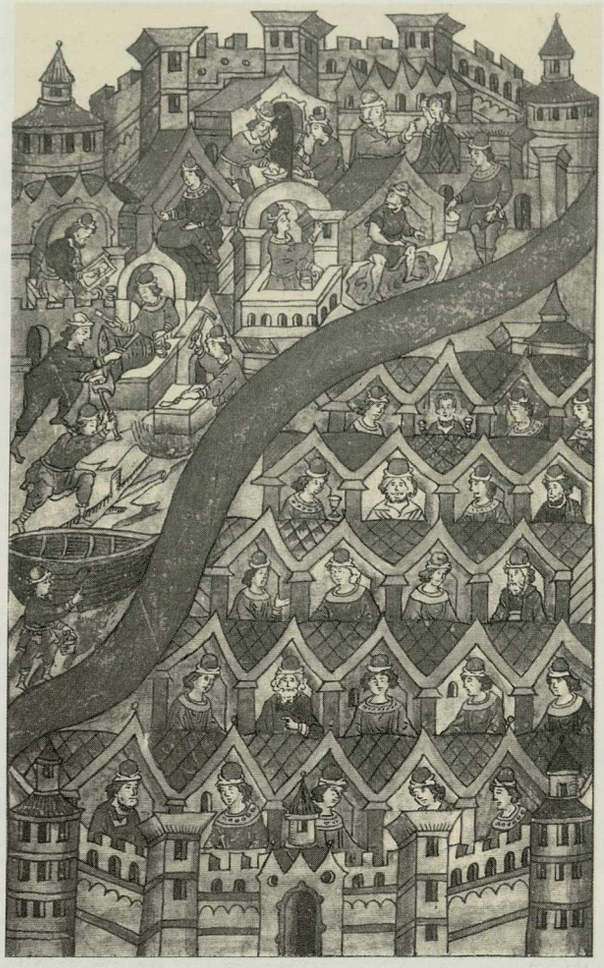
С гравюры из книги С. Герберштейна 1560 г., изданной в Вене.

Русский купец.

С весьма редкого немецкого изображения XVI века из собрания П. Я. Дашкова. Под рисунком немецкие стихи: «У русских старые купцы охотно носят длинное платье. Странная шляпа у них на волосах бывает обычно из пушного товара».

ных чинов» людям. Например, харчевенная изба возле часовни Богоявленского монастыря принадлежала посадскому человеку — Левону Рудневу [7].

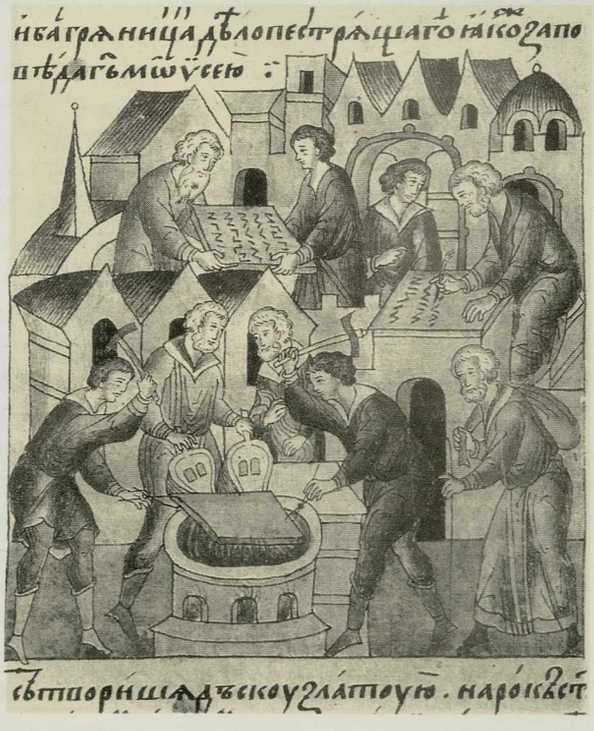
Самым распространенным торговым помещением являлась лавка. В Орле в 1718 году их имелось восемьдесят одна. Конструкции и размеры лавок были довольно разнообразны и зависели как от прихоти, так и от финансовых возможностей владельца. Обычно лавка представляла из себя сруб, накрытый одно- или двускатной крышей, в котором имелось большое окно для торговли, запиравшееся при необходимости деревянными ставнями. Изнутри или снаружи помещался прилавок,



Средневековый русский город.
Лицевой летописный свод. XVI век.

где раскладывался товар. Иногда лавки были частью других построек: лавка под горницею, лавка под избой, под сенями, лавка с чуланом, с клетью. Часто лавки служили не только торговыми, но и производственными помещениями и использовались как мастерские, где покупатель мог не только, к примеру, купить сапоги, но и поставить на них набойку или каблук, а также оставить заказ. Обычно в лавках торговали товарами, которые соответствовали названию ряда: в кузнечном — из железа, в красном — кожи, в соляном — соль и т. д. Но это не являлось правилом, часто в одной и той же лавке продавались различные товары в самых разнообразных и причудливых сочетаниях: «хлеб и калачи, и соль, и лапти, и мыло», «хлеб и калачи, и железье ветошь» или «сапоги и самопалы», «железо и мед». Причем торговля часто велась не только на деньги, но и путем обмена. Поскольку в этом случае какой-либо эквивалент отсутствовал, то заключение сделки обычно сопровождалось долгим и упорным торгом сторон. Кроме лавок на городских торгах находились клети и амбары, использовавшиеся, в основном, как складские помещения, хотя некоторые из них служили и для торговли: «анбар с навесом и с полки», «анбар с прилавком», «анбар с примостком». Открытым (без крыши) местом для торговли служили прилавки, полки и скамьи. Часто торговля велась, особенно местными крестьянами, прямо с телег или саней [8]. Разнообразные по размерам, внешнему виду и содержанию, лавки не являлись украшением города, а постоянные толпы сновавших здесь покупателей, зевак и «гулящих» людей, искавших, чем бы поживиться, способствовали образованию вокруг них непролазной грязи. Всё это в сочетании с вонью подгнившего товара и отходов мастерских образовывало картину весьма красочную, живописную и... не очень привлекательную.

Работа кузнецов и чеканщика.
Лицевой летописный свод. XVI век.



Торг в русском городе.
Лицевой летописный свод. XVI в.

Высшей купеческой доблестью считалось продать за рубль то, что себе обошлось в полушку. В результате базар представлял из себя картину нескончаемого торга — купец заламывал цену несусветную, а покупатель низводил её до стоимости разбитого горшка. Стороны долго и яростно торговались, расходились и снова сходились, прежде чем приходили к более или менее приемлемому соглашению. Наконец, они ударяли по рукам, деньги и покупки переходили из рук в руки, причем купец причитал, что отдает товар почти даром. Иностранцы, не знакомые с практикой русской торговли, жестоко страдали из-за этого, считая московитских купцов пройдохами и жуликами в высшей степени. В то же время они не могли не отметить своеобразный кодекс купеческой чести: покупателю можно было всучить лежалый товар втридорога, но если он случайно отдавал купцу больше денег, нежели было уговорено, то излишек немедленно возвращался. Один из иностранных путешественников, по-видимому, в свое время облапошенный на рынке, замечал по этому поводу: «Странно, однако же, что между русскими, которые вообще обман не считают делом совести, но, напротив, скорее называют его делом разумным и достойным похвалы, есть много таких людей, которые почитают грехом, если они не возвратят покупателю, передавшему им по ошибке лишние деньги. Возвратить такие деньги они почитают себя обязанными, потому что передача случилась по неведению и против воли покупателя, но передача в цене по доброй воле почиталась обыкновенным барышом и не возвращалась» [9].

Некоторые горожане постоянно ходили на рынок не столько ради покупки, сколько ради возможности поторговаться и в свою очередь перехитрить купца, превращая процесс торговли в дармовой спектакль для себя и окружающих.

На торгу также производились наказания за разные провинности. Здесь стоял позорный столб, у которого били батогами и плетьми и ставили должников на правеж.

Наказание батогами (палками) в XVII веке.
Со старинной гравюры.

По-видимому, позднее, уже в XVIII столетии, по причине тесноты, поскольку подобные экзекуции всегда привлекали массу народа, место для наказаний перенесли на правобережье Оки, за крепостной вал, на пустырь, где образовалась Ильинская площадь.*

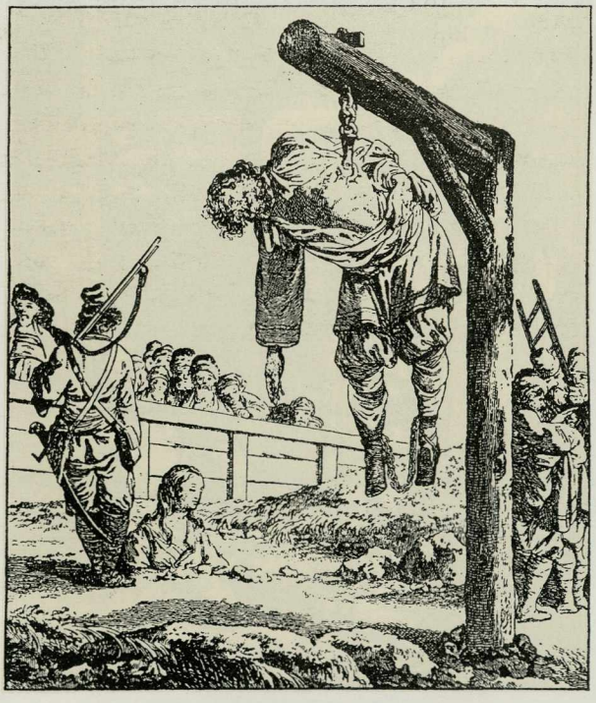
Особо отпетых преступников отвозили для проведения дознания и следствия в Москву (местные воеводы обычно проводили лишь предварительное следствие**), а затем отправляли для наказания в ту местность, где было совершено преступление. «Для оных злодеев» на Ильинской площади поставили «глаголь» (виселицу) и эшафот с кобылкой (помостом) для порки, откуда бирюч зачитывал «вины их». За небольшие провинности обычно пороли, за более серьезные преступления, например, поджог, рвали ноздри и ставили клейма раскаленным металлом, жену, убившую своего мужа, закапывали по шею в землю.

*Сейчас — площадь Мира.

**Судебное разбирательство в русском городе в XVI–XVII веках проводилось в губной избе, которой ведал губной староста (главный судья). В Орле губная изба находилась на территории кремля (Рубленого города).

Казнь подвешиванием за ребро и закапыванием в землю в XVII веке.

Со старинной гравюры.

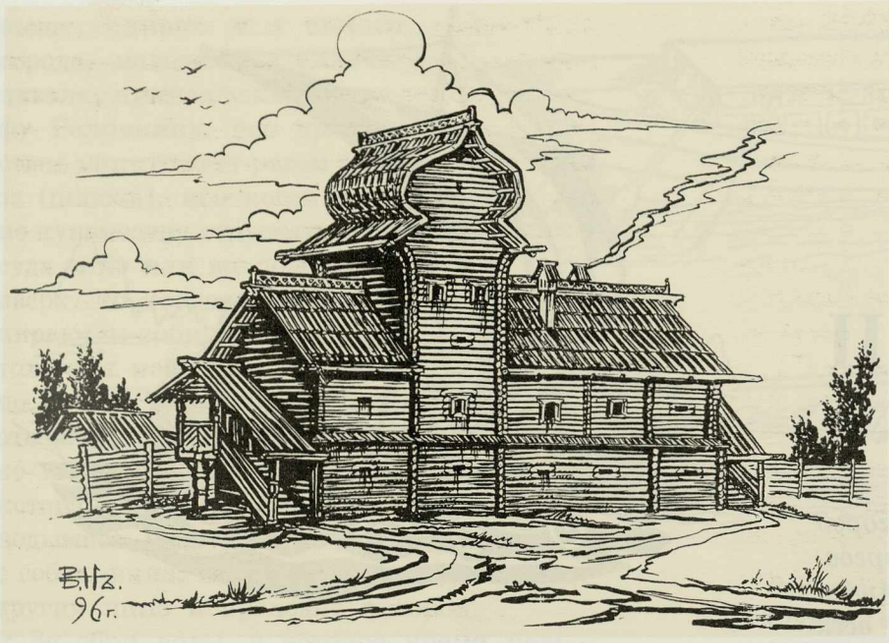


Особо отличившимся в «воровстве и душегубстве» могли вдеть под ребра крюк, и человек, подвешенный в таком состоянии, мучился сутки, а то и более. Басову, первому историку Орла, одна старуха рассказывала, что во времена Пугачевщины на глаголе, поставленном на левом берегу Орлика, был повешен некий Иван Федоров Давыдов. «Мы стояли, — рассказывала бабка, — с этой стороны (т. е. с правой стороны Орлика), у самого берега, и всё было видно; да и тень-то в воде была видна; было видно, как рвался и метался, и слышно, как кричал; а повесили его за ребра» [10].

В состав торга входили и кузницы, где купец или покупатель мог подковать коня или заказать что-либо нужное по хозяйству. Кузницы обычно располагались в конце торга, поближе к выезду из города и в стороне от застройки «для бережения от пожарного разорения». Тем не менее, именно они служили первопричиной большинства пожаров в любом русском городе. В Орле кузнечный ряд находился на Кромской* улице (сейчас Черкасская) на отрезке между Кромскими воротами Малого и Большого острогов, в приходе церкви Воскресения Христова. В 1718 году ряд насчитывал 32 кузницы.

Наиболее именитые купцы из Москвы, Калуги, Коломны и Белева имели собственные купленные дворы в Орле, образовывавшие целый квартал около городского торга, где их хозяева могли остановиться и хранить товар во время приезда в город по торговым делам. Еще один купеческий квартал, состоявший из восьми дворов иногородних «гостей», находился за рекой Окой в приходе церкви св. Никиты Великомученика. Если в торговом ряду и в лавках шла розничная торговля, то оптовый торг сосредотачивался в гостином ряду, где останавливались приезжие купцы, не имевшие на Орле своего двора, причем их число, по мере увеличения торгового значения и оборота города, постоянно возрастало. Гостиный двор обычно представлял из

*После перепланировки Орла, согласно регулярному плану 1779 года, название «Кромская» перенесли на улицу, в XVII веке называвшуюся «Карачевская» (сейчас Гостиная и часть улицы Комсомольской).



Гостиный двор во Мценске. Конец XVII века.
Реконструкция автора.

себя обширный комплекс, включавший в себя жилые и складские постройки. Описания, которые бы помогли представить внешний облик Орловского гостиного двора в XVII веке, пока не найдены, поэтому в качестве аналога автором привлечена опись 1686–1687 годов гостиного двора с пристроенной к нему таможнею в соседнем Мценске: «...горница с комнатою, на глухих омшенниках, против их повалуша с сеньми, покрыта лубьем, да на другую сторону х комнате — сени ж» [11]. Из описания видно, что гостиный двор во Мценске представлял из себя деревянную двухэтажную постройку, причем жилые помещения находились над первым полуподвальным этажом — омшенником, где могли храниться товары. К жилью примыкала высокая башнеобразная постройка — повалуша, имевшая не менее двух этажей, возможно также жилая, и двое сеней. Нечто подобное, но вероятно несколько больших размеров, представлял из себя и гостиный двор в Орле. Всеми делами двора ведал дворник. Со всякого приезжего взималась плата «за тепло, и за стряпню, и за капусту, и за квас...»

Непременной принадлежностью торга в древнерусском городе была церковь. В Орле близ базара стоял храм св. Николая Чудотворца, являвшегося наряду с св. Параскевой Пятницей одним из покровителей торговли. Благодаря близости к рыбным рядам этот храм получил простонародное прозвание Никола «Рыбный». В 1678 году игумен Богоявленского монастыря Евфимий построил на торгу, недалеко от сгоревших Пятницких ворот крепости кирпичную часовню, также освященную во имя св. Николая Чудотворца [12]. Часовенка, видимо, приносила неплохой доход монастырю, поскольку её посещали не только мещане, чтобы помолиться или поставить свечку, но и зачастую заходили купцы, дабы принести «крестное целование» за качество товара друг перед другом или закрепить уже совершенную сделку. После упразднения часовни в конце XVIII века образа св. Иоанна Богослова и св. Николая Чудотворца, некогда висевшие в ней, повесили в специальном киоте на фасад новых каменных торговых рядов, откуда вновь перенесли незадолго до опустошительного пожара 1848 года в Богоявленскую церковь [13].

ГЛАВА XV

Струговая пристань на Орле в XVII–XVIII веках

«Одним словом, сей город есть средина общей торговли здешнего Наместничества... получающий из всех мест для обеих столиц и заморского отпуска всякие растения и продукты и [с] помощию реки Оки, которая на всё лето несет с льющеюся в ней водой все купеческие суда, нагруженные пропитанием и нужным содержанием, доходят до Москвы, и выгружая там свои вещи, возвращаются суда и оттуда не порожние, а кладу на них покупая Рязанского Наместничества около села Деднова лубки, а в Калужском Наместничестве да и в Калуге: лес, тес, входит с тем до самого Орла, где всё оное вторично сбывают и в одно лето один капитал употребляют в два промысла и получают немалые доходы».

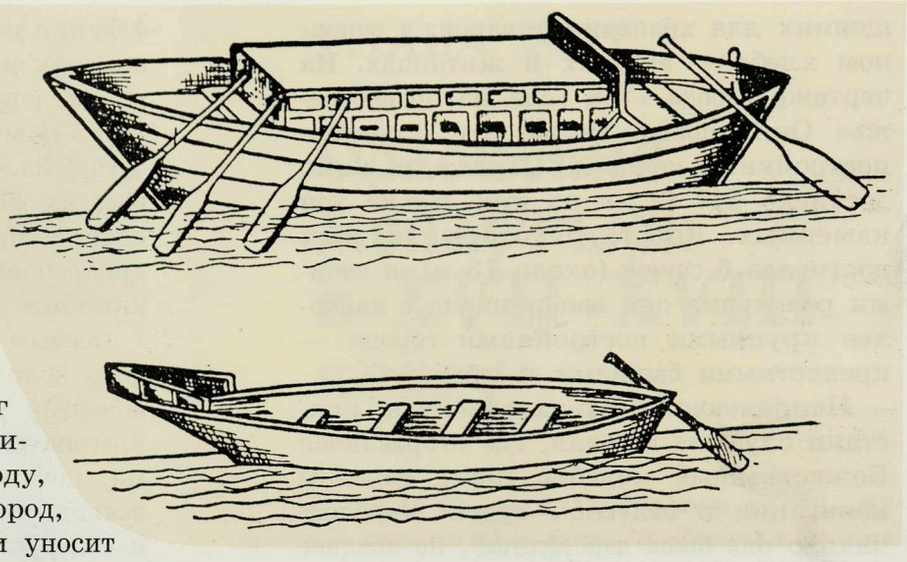
Историческое и географическое описание города Орла. 1787 год [1].

Немаловажную, а возможно и главенствующую роль в становлении Орла как торгового, а позднее и административного центра сыграла река Ока и устроенная на ней пристань. Струговая пристань в Орле впервые упоминается в документах середины XVII века, хотя не подлежит сомнению, что она существовала в городе значительно ранее. К концу XVII века пристань была уже внушительной, в навигацию от её причалов отходило до сотни судов, а грузооборот достигал несколько сот тысяч пудов. Например, в 1661–1667 годах с Орловской пристани в первый месяц навигации ежегодно вывозили от 180 до 250 тысяч пудов хлеба, и уже в марте 1668 года купцы из Москвы, Дединова, Коломны, Белева и торговых сел Переяславль-Рязанского уезда вывезли из Орла на 63 судах более 300 тысяч пудов зерна [2]. Священник Иван Лукьянов, побывавший в Орле в 1710 году, оставил следующее свидетельство об Орловской пристани: «...пристань соленая и хлебная зело велика; матица хлебна!» [3]. Главная беда Орла состояла в том, что судоходство по Оке было возможно только во время весеннего половодья да в особо благоприятные годы, когда уровень воды в реке значительно повышался. Летом в окрестностях города река значительно мелела, и судоходство на ней вынужденно прекращалось. Для поддержания более или менее регулярного судоходства на Оке в её верховьях в XVIII веке выстроили плотину, получившую название Хвастливая — по фамилии одного из первых её владельцев. Историческое и географическое описание Орла (1787 год) говорит следующее о её значении для судоходства города: «Хотя могло препятствовать сему торгу маловодие Оки-реки в летнее время, но мельница, стоящая

выше, однако ж у самого города, называемая «Хвастливая», принадлежащая графу Головкину, сие препятствие уничтожает родом слюза (шлюза), ибо когда нужно купечеству отпускать свои суда вниз или же поднимать вверх, то тогда платину запирают и собирают воду, дотоле сия наберется, что можно иттить судами, тогда вдруг отворяют все заставы, на плотине имеющиеся, и пускают воду, которая, дружно вливаясь в город, подымает нагруженные суда и уносит с собою вниз; в то же время подымаются другия вниз и проходят в город.

За сбор воды, в которое время мельница не работает, купечество платит содержателю ея некоторую по общему согласию сумму денег, а на оныя он сию держит, а от того и следует обоюдное удовольствие.

Помогают же тому умножением воды и две мельницы, принадлежащие короне, имеющиеся на реке Орлик в самом городе и одна из них в устье Орлика, где он



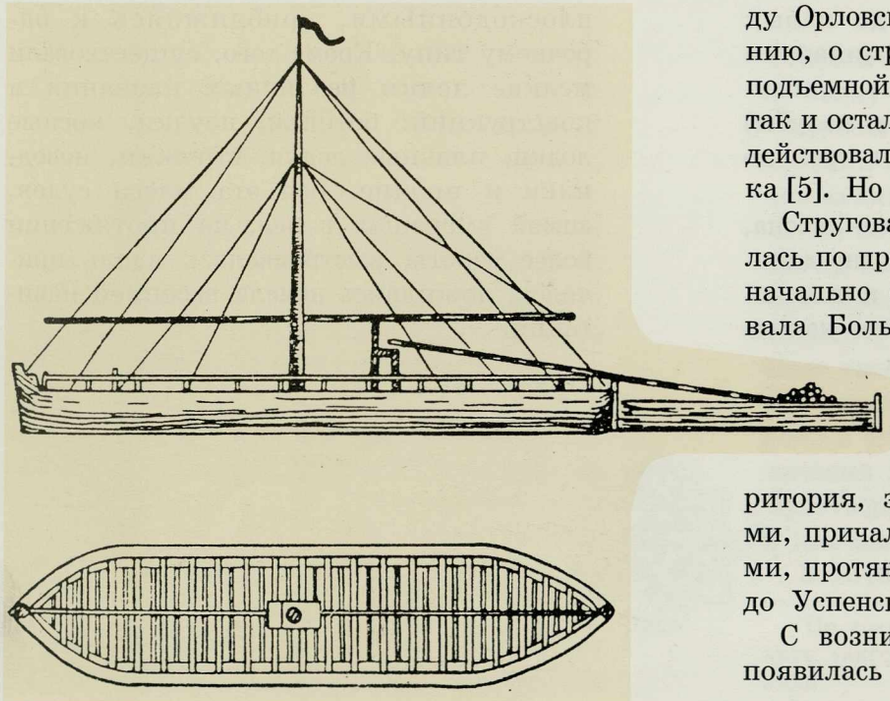
Русские гребные суда XVI–XVII вв. Струг (вверху) и паузок.

впадает в реку Оку, собирают также воду и вместе с Хвастливою спускают» [4]. Но наряду с положительными сторонами, спуск воды мельницей имел и отрицательные последствия. Мощный напор воды в короткое время разбил бы любой деревянный мост, поэтому орляне вынуждены были отказаться от постоянной переправы, заменив её паромом и легкими пешеходными мостками — лавами. Предложение же генерал-губернатора князя А. А. Прозоровского, сделанное в 1782 году Орловскому наместническому правлению, о строительстве каменного моста с подъемной серединой для пропуска судов, так и осталось прожектом, и паром в Орле действовал вплоть до середины XIX века [5]. Но вернемся опять к пристани.

Струговая пристань в Орле располагалась по правому берегу реки Оки. Первоначально она находилась под защитой вала Большого острога, но позднее, с ростом значения Орловской пристани и её оборота, стала расширяться вниз по берегу реки, и в XIX веке территория, занимаемая лабазами, амбарами, причалами и стоявшими у них судами, протянулась почти на версту, вплоть до Успенского мужского монастыря.

С возникновением в Орле пристани появилась нужда в специальных поме-

Коломенка — русское судно XVI–XVII вв. для перевозки большемерных грузов.



щениях для хранения товаров, в основном хлеба — амбарах и житницах. На чертеже города 1728 года на правобережье Оки хорошо видны эти огромные постройки. К концу XVIII века их число достигло 247 (!) — из них только три каменных. Высота некоторых из них достигала 6 сажен (около 13 м), и своими размерами они соперничали с наиболее крупными постройками города — крепостными башнями и храмами.

Непременной принадлежностью пристани служила часовня, где отправлялся Божественный молебен перед началом навигации и отпуском судов. Первоначально она была деревянной, но позднее её отстроили в камне. К концу XIX столетия количество часовен увеличилось до трех. Они представляли из себя фигурные кирпичные столбы, увенчанные главками с крестом, с нишей, куда для богослужения устанавливалась икона. Последняя из них была завалена в 70-е годы нашего века.

Наиболее распространенными типами судов, ходивших в верховьях Оки, можно назвать следующие: струги, насады, дощаники, ладьи, каюки, учаны, паузки и др. Одними из самых распространенных являлись струги, не случайно пристань в Орле носила название Струговой. Впрочем, весьма часто стругами называли все типы судов, вплоть до малых челноков. В источниках упоминаются струги «кладные», «досчатые», «полубленные», «неполубленные» (без палубы) и т. д. Их длина достигала от трех до восьми сажен.

По словам англичанина Дженкинсона, «суда, называемые насадами, очень длинны и широки, крыты сверху и плоскодонны; они сидят в воде не более как на 4 фута и поднимают 200 тонн, на них нет никаких железных частей, но всё сделано из дерева; при попутном ветре они могут плыть под парусами. В противном случае из многочисленных имеющихся на насадах людей иные тянут их, обвязав вокруг шеи длинные тонкие веревки, прикрепленные к насаду, иные же отталкиваются длинными шестами» [6].

Особым видом грузового судна являлась коломенка. «Это были длинные и довольно узкие суда с совершенно плоским дном, отвесными штевнями и бортами, почти везде ровной вышины и без всякого подбора в соединении с днищем и с потупным образованием носа и кормы. Борта коломенки на протяжении примерно одной трети длины судна в середине его идут совершенно параллельно, в остальных же двух третях, к обеим оконечностям, переходят в кривые, пересекаясь у штивней под острым углом. Вообще всё судно напоминает простую берестяную табакерку» [7].

Крупными речными судами, сделанными из досок, являлись дощаники. По типу они приближались к насадам, но были легче. К числу судовой мелочи относились каюки. Первоначально они были лодками-однодеревками с набойными бортами, позднее стали строиться из одних досок и делаться несколько более плоскодонными, приближаясь к барочному типу. Кроме того, существовали мелкие лодки различных названий и конструкций: ботники, поузки, косные лодки, плавные лодки, стружки, неводники и прочие. Вся эта масса судов, зимой вмерзшая в лед, на протяжении более версты выстраивалась вдоль причалов, дожидаясь начала весенней навигации.

ГЛАВА XVI

Орловские монастыри в XVII–XVIII веках

«На Орле де, и в Орловском уезде, мужеские монастыри есть, а Девичья монастыря на Орле и в Орловском уезде нет; а которыя по обещанию на Орле и в Орловском уезде девическа и женска полу желают постричься в иноческий чин, и им постригшися жить негде, а которыя и постригались в скорби и по обещанию, и те Старицы ныне живут в розни, подле приходских церквей и в мирских домех за великою нуждою.

А есть де на Орле-городе старой погост, а на том погосте изстари была церковь во имя Святых Афонасия и Кирилла Александрийских Чудотворцев, и к тому погосту в поли земля за рекою за Орлом, и под церковь, и на кладбище, около церкви, земля есть, и на том погосте Девичью монастырю быть пристойно».

Из грамоты коломенского архиепископа Никиты II игумену орловского Богоявленского монастыря Евфимию. 1685 год, 20 сентября [1].

Мужской монастырь в Орле существовал уже в XVI веке. Орловские служилые люди в своей челобитной в 1637–1638 годах писали: «...а до литовского, государь, разорения, как разорили город Арёл литва, было твоё царское багамолье, черной монастырь церковь Богаевление Господа нашего Иисуса Христа» [2]. Богоявленский монастырь располагался на Ввозной горе, примерно в двух верстах от города, вниз по течению реки Оки и в годы Смутного времени разделил судьбу города. Пустовавшая «богоявленская монастырская земля» неоднократно упоминается в земельных актах 30–40-х годов XVII века [3]. В своей челобитной, поданной «всем городом», служилые жаловались, что при наступлении «смертного часу» нельзя позвать черного попа и игумна для пострижения в монахи,* да и близко монастырей не было, так как Орёл от других городов «отдолел». В заключение челобитчики просили о разрешении возобновить Богоявленский монастырь, но не на прежнем месте, которое было от города «далече» и сейчас лежало «пусто», а в самом городе, для бережения «ис приходу крымских людей» [4]. По-видимому, их челобитье было удовлетворено, и в 1641 году орловский посадский поп Борис Кузьмин построил в остроге деревянную церковь Богоявления Христова с приделами Николая Чудотворца и святых чудотворцев Козмы и Дамиана «на подклете с папертью» [5].

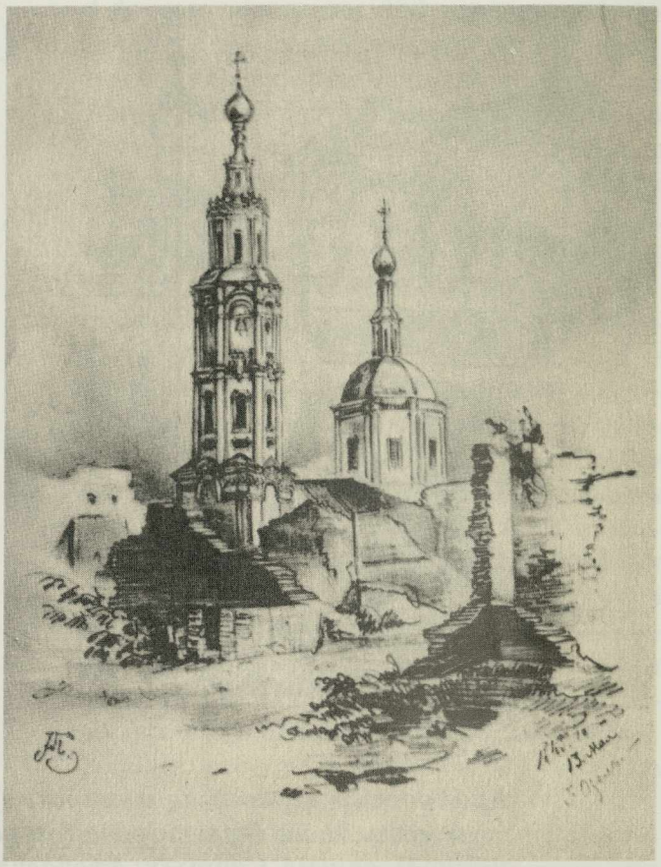
В 1643 году по челобитью того же Бо-

*По традиции перед смертью старались принять «ангельский чин», т. е. постричься в монахи.

риса Кузьмина для церкви и кладбища был отведен участок «по конец ряду». Богоявленская церковная земля имела в плане форму неправильного четырехугольника размером 23х20х8х23 сажен. С одной стороны её ограничивала дорога вдоль реки Орла к Болховским воротам и мосту, с другой — ров Малого острожка. Третья сторона соседствовала с большой дорогой, что «ходят на мост от Оки реки к Никитину подворью Цурикова». Напротив самой короткой стороны участка располагалась богадельня. Одновременно недалеко от храма был выделен дворовый участок для дворов церковного причта — попа Бориса, дьякона Иосифа, просвирницы и пономаря размером 19х19х14х17 сажен. Участок также со всех сторон ограничивался «дорогами большими» и проулками, отделявшими церковную землю от осадных дворов орловских дворян и детей боярских: Ивана Ладыгина, Никиты Пушкина и других. Кроме того, причту было выделено «порозжее место» под огороды на другой стороне реки Орла [6].

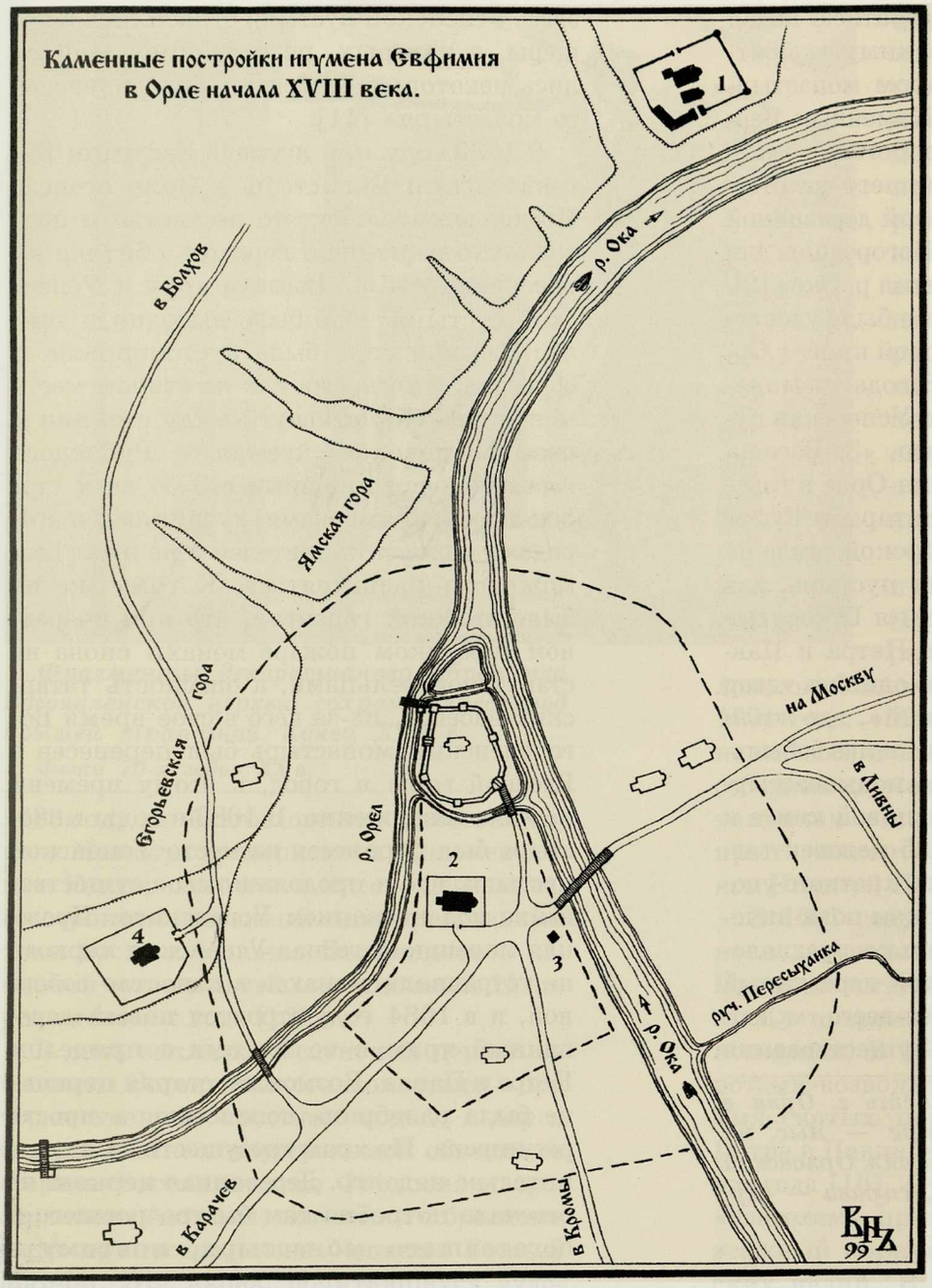
Предположительно, в 1646 году Борисом Кузьминым была выстроена и теплая церковь Бориса и Глеба. Вскоре он скончался и перед смертью принял монашескую схиму под именем Боголепа. Построенные же им храмы по завещанию должны были отойти под монастырь. 24 июля 1655 года его сын и наследник поп Иван, выполняя волю отца, составил поступную грамоту, согласно которой он передавал для монастыря обе церкви со всем имуществом и образами, документы — «крепости» на землю, отцов двор близ церквей и, кроме того, 80 рублей денег. В своей поступной он писал: «А впредь мне, попу, и роду моему, и племянником о тех церквах и о дворе под белое место не бити челом. Быти тому месту под монастырь» [7]. В числе монастырских укладчиков (устроителей) назван и черный поп Никифор. По-видимому, он и стал главой новообразованной обители. В 1673 году во время одного из больших городских пожаров монастырь сгорел, но вскоре был восстановлен.

Во второй половине 70-х годов XVII века в документах начинает упоминаться имя игумена Евфимия, руководившего



Вид на Богоявленскую церковь после пожара 1848 года.

Богоявленским, а впоследствии и Успенским монастырем около полувека. Благодаря этому умному и энергичному настоятелю из бедной деревянной обители монастырь превратился в один из самых благоустроенных и богатых монастырей Орловщины. С его именем связано начало каменного строительства на Орле. Улучшившееся финансовое положение обители позволило Евфимию, предположительно в конце 70-х — начале 80-х годов, заложить в монастыре каменный Богоявленский собор, оконченный в начале XVIII века. Его массивный объем и огромная колокольня высотой более тридцати метров, поднявшиеся в центре города, надолго стали центром его градостроительной композиции. Выкрашенный в ярко-алый цвет, на фоне которого четко выделялось богатое резное белокаменное узорочье, собор резко выделялся среди окружающей деревянной застройки, привлекая взоры путников и богомольцев задолго до подхода к городу.



Каменные постройки игумена Евфимия в Орле начала XVIII века.

Схема автора.

1. *Ансамбль Успенского мужского монастыря.*
2. *Собор Богоявленского мужского монастыря.*
3. *Часовня Богоявленского монастыря.*
4. *Собор Введенского девичьего монастыря.*

— Остатки укреплений посадов и слобод.

В 1678 году воевода Павел Скрябин разрешил игумену Евфимию занять под часовню пустырь на месте старой острожной стены, недалеко от того места, где стояла сгоревшая во время пожара 1673 года проезжая Пятницкая башня. Пожалованный участок размером 4х4 сажени находился в конце торговых рядов, «идучи из ряду к Оке-реке на правой стороне, против мосту, что ездят через Оку-реку». Вскоре после получения права собственности на это место игумен Евфимий с братиею построил здесь, на оживленном торговом месте, каменную часовенку [8]. Когда она исчезла — неизвестно, во всяком случае, часовня показана на чертеже города Орла 1728 года. Возможно, сильно пострадавшая во время больших городских пожаров в XVIII веке и изрядно обветшавшая часовня была снесена в конце того же столетия в связи с перестройкой города по новому регулярному плану.

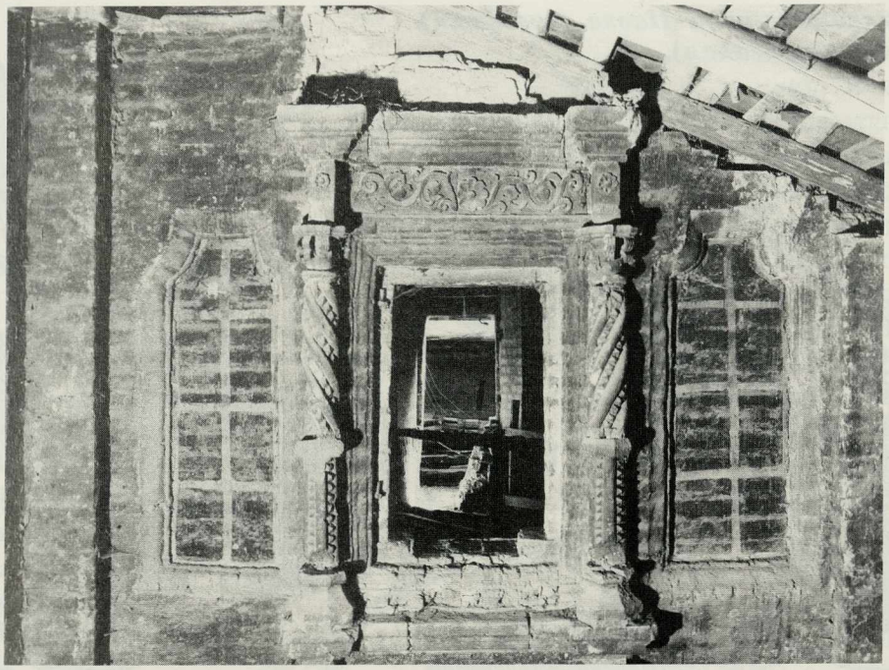
Другой заботой Евфимия стало основание за городом скита или пустыни, которые являлись бы и хозяйственным подворьем монастыря.

В 1676 году Евфимий с братиею подал Святейшему Патриарху Иоакиму челобитную о «построении на старом монастырском погосте, называемом Каменным Верхом (т. е. на месте бывшего Богоявленского монастыря, существовавшего на этом месте в XVI в. — *В. Н.*), новой деревянной церкви Успения Пресвятой Богородицы для крестьян, по причине разлития р. Оки» [9]. Надо полагать, что челобитье было удовлетворено, поскольку в Писцовой книге г.Орла и Орловского уезда 1678 года упоминается стоящая на этом месте Успенская пустынь с Успенской церковью. «За Богоявленским монастырем, что на Орле в городе в остроге за строителем старцом Еуфимьем з братьею на монастырской земле на берегу Оки реки построена пустынь, а в той пустыни церковь Успения Пресвятые Богородицы, да в пределе Петра и Павла...» Кроме храма здесь находились «двор скоцкой», да «двор конюшей», где жили с семьями конюх и скотник, и два бобыльских двора, давшие начало подмонастырской слободе. Согласно писцовой книге к пустыни было приписано 25 человек тяглых людей [10]. Кроме этого краткого упоминания об Успенской церкви пока ничего не известно. Можно только предполагать, что это был небольшой деревянный храм шатрового или, скорее всего, «клецкого» типа. Ко времени существования здесь Успенской пустыни относились и пещеры, в которых, по преданию, «спасались некоторые из братии Богоявленского монастыря» [11].

В 1680 году при игумене Евфимии Богоявленский монастырь в Орле сгорел. Предположительно, это несчастье и подтолкнуло решение о переносе обители на новое место — на Ввозную гору к Успенской пустыни. Оно было выгодно и тем, что Ввозная гора была пустопорожна и обширна, в то время как на старом месте монастырь был стиснут между стенами и рвами орловского кремля — Рубленого города и обступившими его со всех сторон дворами, амбарами, кузницами и огородами орловских жителей и не имел возможности расширяться. К тому же не было никакой гарантии, что при очередном городском пожаре монахи снова не станут погорельцами, а опасность татарских набегов, из-за чего в свое время Богоявленский монастырь был перенесен с Ввозной горы в город, к этому времени исчезла совершенно. В 1680-е годы монастырь был перенесен на место Успенской пустыни, где и продолжил свое существование под названием Успенского. Прежняя маленькая тесная Успенская церковь не устраивала монахов в качестве соборной, и в 1684 году строится новый деревянный храм в то же имя с приделом Петра и Павла. Возможно, старая церковь не была разобрана полностью, а просто расширена. Но храм просуществовал сравнительно недолго. Деревянная церковь не отвечала потребностям быстро росшего и богатевшего монастыря, поэтому в

Вид на центральную часть г. Орла в 70-е гг. XIX века. В центре — мыс, на котором в XVI–XVII вв. стоял Орловский кремль — Город рубленый, справа — церковь Богоявления.

Гравюра Л. А. Серякова.



Фрагменты декоративного убранства Богоявленской церкви, сохранившиеся под крышей трапезной. Конец XVII в.

Фото 70-х годов XX в.

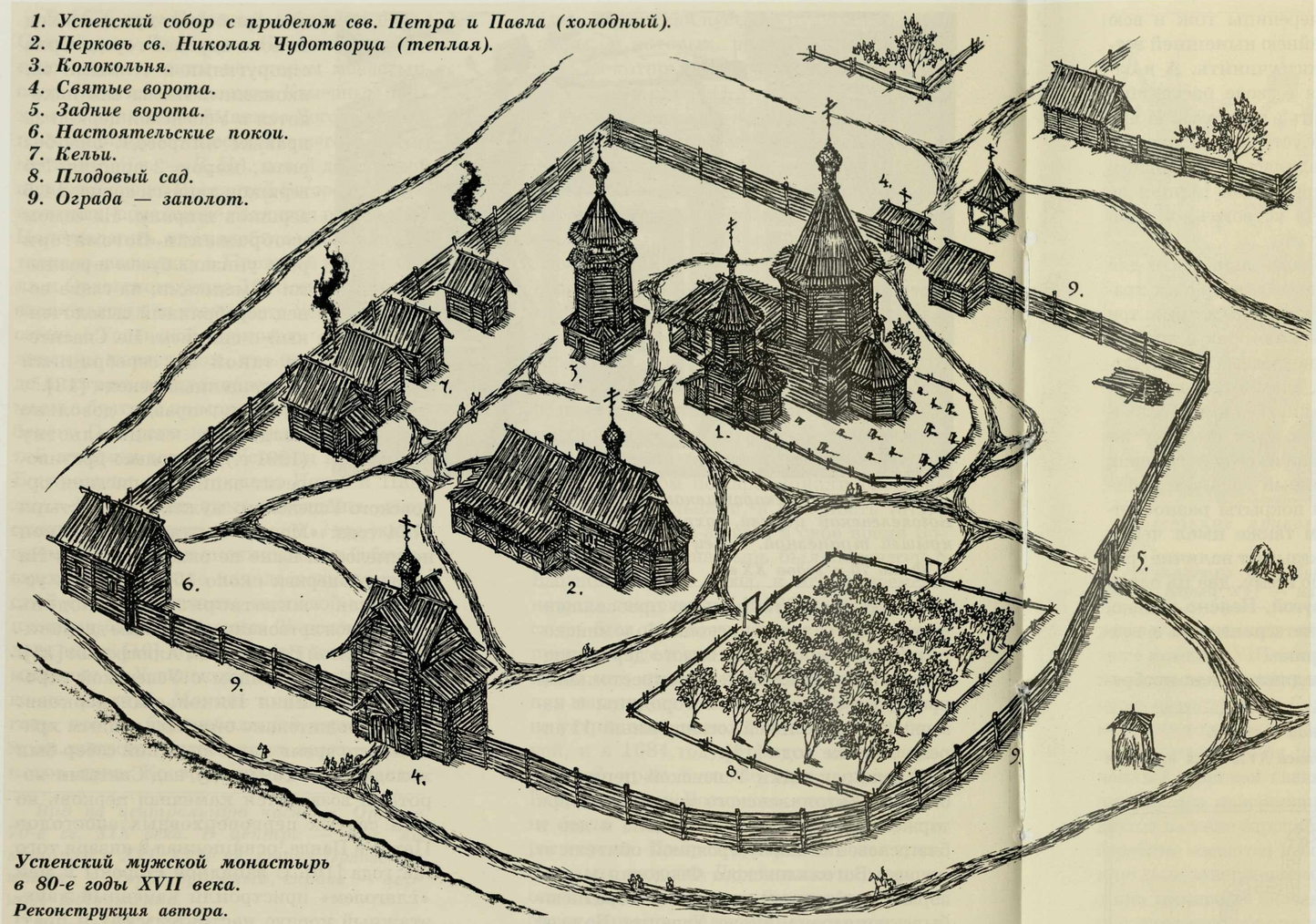
1688 году по благословению преосвященного Никиты архиепископа Коломенского и Каширского в нем вместо деревянного строится каменный однопрестольный храм во имя Успения Богородицы с каменной колокольней, освященный 11 апреля того же года [12].

В день закладки Успенской церкви из бывшего Богоявленского монастыря «при торжественном крестном ходе... в дар и благословение новоустрояемой обители от старцев Богоявленского Феодосия и прозорливого Антония, схимника с братиею» была принесена икона Успения Божьей Матери. Эта икона, почитавшаяся чудотворной, «письма древнего византийского», стала на протяжении всей последующей истории монастыря его главной святыней. «В Успенский пост перед нею ежегодно совершается от лет древних акафистное служение, а по средам с участием самого епископа. Под день Успения Богоматери в Успенский монастырь стекается масса богомольцев из окрестных сел и деревень на поклонение чудному сему образу, и это совершается ежегодно со времени устроения Успенского монастыря. В день Успения Богоматери в Успенский монастырь бывает крестный ход из всех церквей города Орла с хоругвями и чтимыми св. иконами... Икона сия находится в Успенской церкви за правым клиросом, она без ризы, мерою 2 аршина 7,5 вершков длины и аршин 14,5 вершков ширины. На самом изображении Богоматери риза унизана бусом и разными камешками, на главе венец серебрянный вызолоченный с сиянием. На Спасителе такой же серебрянный вызлащенный венец» [13].

Этому, правда, довольно позднему свидетельству (1901 г.), несколько противоречит запись в описании орловского Успенского мужского монастыря 1774 года: «Мощей и чудотворных икон не имелось и ныне не оказуется» [14]. На соборной церкви около 1693 года был установлен «животворящий Господень крест», пожертвованный думным дворянином Никитой Ивановичем Акинфовым [15].

В 1691 году рядом с Успенской строится деревянная Никольская церковь. Предположительно она была теплым храмом, в то время как Успенский собор был холодным. В 1693 году над Святыми воротами возводится каменная церковь во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла, освященная 9 января того же года [16]. С западной стороны к ней «глаголем» пристроили каменный двухэтажный корпус настоятельских и братских келий. В 1700 году вместо разобранной деревянной Никольской церкви построили однопрестольную церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи, освященную 11 декабря того же года [17].

Примерно в то же время строится каменная часовня для отпевания умерших, а территория монастыря обносится каменной четырехугольной оградой длиной 203 сажени с тремя воротами и двумя башнями, крытыми дубовым тесом. Побывавший в Орле в 1710 году священник Иван Лукьянов в своих записках отметил: «Монастырь мужской зело хорош, ограда



Успенский мужской монастырь в 80-е годы XVII века.
Реконструкция автора.

каменная» [18]. Но каменной она была не полностью. В ведомости 1739–1741 годов отмечено, что каменными были только три стены, четвертая оставалась пока деревянной [19]. А в описи монастыря 1764 года говорится об ограде монастыря уже как о полностью каменной.

Таким образом, в начале XVIII века большая часть построек Успенского монастыря, благодаря стараниям игумена Евфимия, была отстроена в камне. Монастырь в это время представлял из себя цельный и красивый ансамбль, что позволяло братии гордиться им и между собою называть свою обитель «лаврою». Около 1710 года Евфимий за заслуги в монастырском строительстве был возведен в сан архимандрита. Умер он примерно между 1719 и 1729 годами, поскольку в 1729 году в документах упоминается уже другой Успенский архимандрит — Герасим [20].

Благодаря трудам архимандрита Евфимия в начале XVIII века монастырь имел хорошо налаженное хозяйство. Во владении его находились: село Архангельское — Монастырское тож, деревня Орлица и Подмонастырская слобода. Монастырскими крестьянами ежегодно обрабатывалось более 120 десятин земли, с которой собирали ржи до 985 копен, ячменя 120 копен, проса 27 копен, гречки 400 копен, конопли 34 копны... [21]

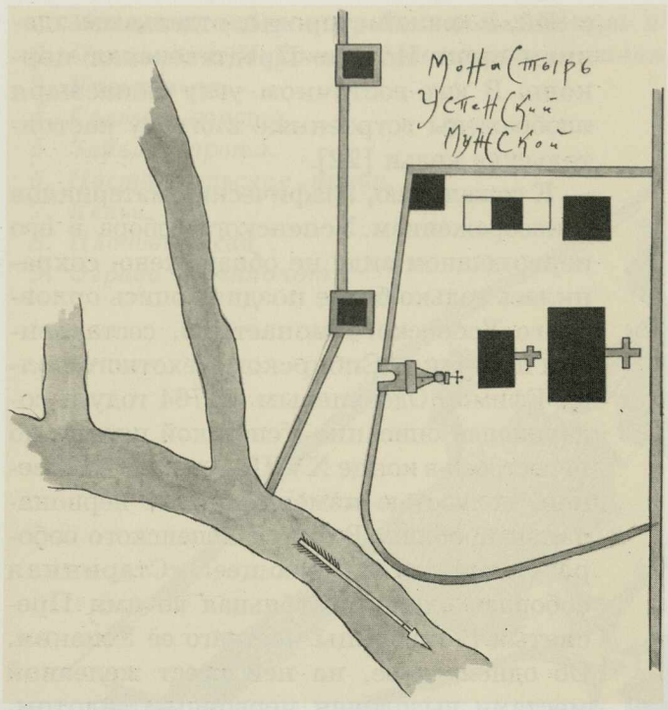
Первое графическое изображение Успенского собора имеется на схематическом чертеже города Орла 1728 года. На нем изображен монастырь, обнесенный оградой с надвратными Святыми Петропавловскими воротами, в центре которого находится Успенская соборная церковь. Рядом с ней, с южной стороны, отдельным зданием стоит Иоанно-Предтеченская церковь. В юго-восточном углу монастыря изображены встроенные в ограду настоятельские кельи [22].

К сожалению, графических материалов с изображением Успенского собора в его первозданном виде не обнаружено, сохранилась только более поздняя опись орловского Успенского монастыря, составленная поручиком Сибирского пехотного полка Ефимом Одоевцевым в 1764 году и содержащая описание Успенской церкви до перестроек в конце XVIII — начале XIX веков, полностью изменивших её первоначальный облик. В описи Успенского собора говорится следующее: «Старинная соборная единопрестольная во имя Пресвятыя Богородицы честнаго её Успения. Об одной главе, на ней крест железной местами вызолочен червонным золотом. Крыта яблоко-разноцветною черепицею, а четверик, алтарь и трапеза сосновым тесом ново, и та крышка окрашена простою краскою... У оной церкви окон: в олтаре три, в настоящей по обе стороны пять, в трапезе с одной стороны два и во всех железные решетки, оконничины простого стекла. Дверей прихожие и по сторонам в настоящей двое. Итого трое деревянные на крюках и петлях железных. В прихожей нутреной и висящей замки.

Помост деревянной. Противо оной церкви особо состоит колокольня каменная, на ней крест зеленой без позолоты, яблоко крыто зеленой черепицею, а осмярик бескровен.

На той колоколне колоколов восемь. Из них в 1-ом — 81 пуд, во 2-ом — 44 пуда 10 фунтов, в 3-ем — 20 пуд 35 фунтов, а в пяти менших колика весу неизвестно.

Збочь онаго звона, на приделанном к той колаколне каменном столбе в деревянной клетке железные часы. Внизу при фундаменте той колоколни кладовая камора, в ней двери деревянные на крюках и петлях железных с висящим замком. В том строении ветхого состоит, и непродолжительной вновь исправки, переправки и починки требует. А именно: в саборной церкви у царских врат вместо переложившаго столба резного и вызолоченнаго дру-



Успенский мужской монастырь на чертеже г. Орла 1728 г.

гаго такова же столба. Часы, которые по давности их бытия пришли в ветхость и требуют немалой починки» [23].

Упомянутые в описи три больших колокола были отлиты при архимандрите Евфимии, о чем на них были сделаны соответствующие надписи.

Про второй храм — теплую Иоанно-Предтеченскую церковь в описи сказано следующее: «2-ая церковь единопрестольная во имя Рождества Иоанна Предтечи, об одной главе на которой крест железной и местами был позлащен, токмо от давности уже почернел, яблоко крыто разноцветною черепицею, а осмерик тож. Алтарь и трапеза крыты сосновым тесом... У оной же церкви окон: в алтаре три, в настоящей три, в трапезе два, и в оных окнах железные решетки, оконничины простого стекла.

Двери одни прохожие деревянные на крюках и петлях железных с нутреным замком. Помост деревянной. Паперть небольшая одной с церкви клади, и в ней мост деревянной, двери деревянные и на крюках и петлях железных с висящим замком...

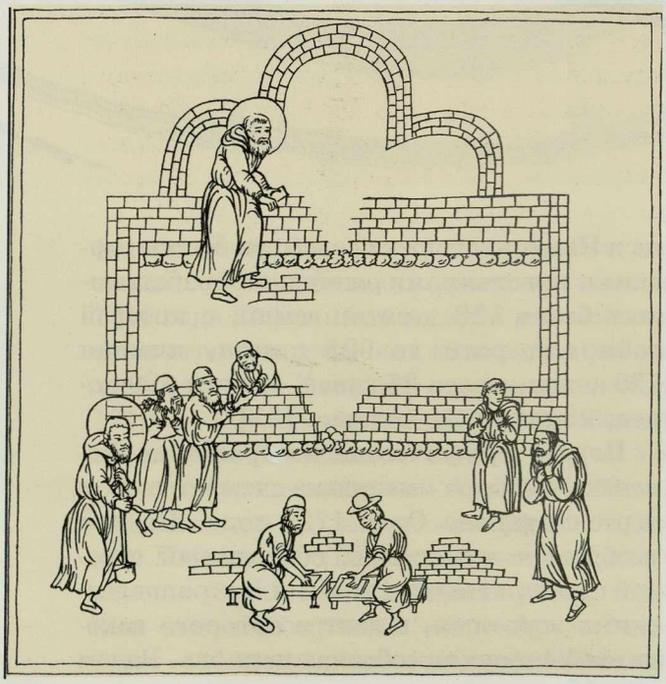
В церкви Иоанна Предтечи на главе яблоко за осыпкою черепицы тож и всю на ней крышку за крайнею нынешней ветхостию вновь подлежит учинить. А в олтаре за учинившимся в своде расселинами, оной свод перебрать и устроить. И яко оная церковь теплою устроена, а печь за обветшалостью развалилась, необходимо нужно, понеже другой теплой церкви не имеется, другую печь устроить, в оной же» [24].

Из описания 1764 года видно, что для Успенского собора, как и для других храмов XVII века, характерна асимметрия: три окна в одной стене церкви и два в другой, два окна в одной стене трапезы при отсутствии окон в другой, асимметричное расположение колокольни. Теплая Иоанно-Предтеченская церковь, судя по тому же описанию, представляла из себя восьмерик на четверике, увенчанный главкой. Главка и восьмерик были покрыты разноцветной черепицей. Храм также имел черты асимметрии, на что указывает наличие трех окон в церкви; судя по всему, два на одной стороне и одно на другой. Неясно только, были ли эти окна в четверике или в венчавшем храм восьмерике.

Единственное дошедшее до нас изобра-

Постройка каменной церкви.

Миниатюра из рукописи XVII века «Житие Александра Свирского».



Крестьяне привозят оброк в монастырь.

Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского». Конец XVI — начало XVII вв.

жение Успенского собора имеется на чертеже конца XVIII — начала XIX века [25], на котором церковь изображена уже в процессе перестройки. Судя по чертежу, храм представлял из себя прямоугольный объем, крытый на четыре ската и увенчанный круглой главкой. Прежнее луковичное его завершение уже заменено на другое в стиле барокко. В венчающем храм барабане имеются небольшие окна с полукруглым завершением. (В описи 1764 года о них ничего не сказано. — *В. Н.*). Четверик главного объема храма венчают закомары с килевидными завершениями. Углы оформлены тройными колонками с капителями. Прежние окна XVII века, судя по рисунку, были уже растесаны и им придана прямоугольная форма, а обрамлявшие их декоративные наличники стесаны. С восточной стороны к храму примыкает алтарь, также с растесанными окнами. В «Экономическом камеральном описании города Орла» (1798 г.) говорится, что «...в 1798-м году ко Успенской церкви пристроена вместо старой новая колокольня с англицкими чесами от доброхотных дателей» [26]. Именно эта новая колокольня в классическом стиле, сменившая старую XVII века, и изображена на чертеже. Можно предполагать, что прежняя колокольня не была разобрана полностью, а ее нижний ярус использовали при строительстве, придав ему классическую декорацию фасадов и возведя на нем новый ярус звона, либо старую колокольню разобрали до основания, но при строительстве использовали её фундаменты. В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что новая колокольня располагалась асимметрично к зданию храма: это типично для XVII столетия, но не характерно для XVIII века. На чертеже отсутствует Иоанно-Предтеченская церковь, которую, по-видимому, уже снесли.

Начавшаяся в конце XVIII века цепь перестроек привела в итоге к полной утрате Успенским собором своего первоначального вида. Старый храм очутился как бы в футляре, будучи со всех сторон окружен более поздними пристройками, закрывшими все его фасады, кроме южного. Декоративное убранство XVII века было стесано, маленькую главку храма сменил низкий и массивный купол. В таком виде Успенский собор, превратившийся в усыпальницу орловских епископов, просуществовал почти до 1980 года,* лишившись, правда, в 30-е годы верхних ярусов колокольни и венчавшего храм купола.

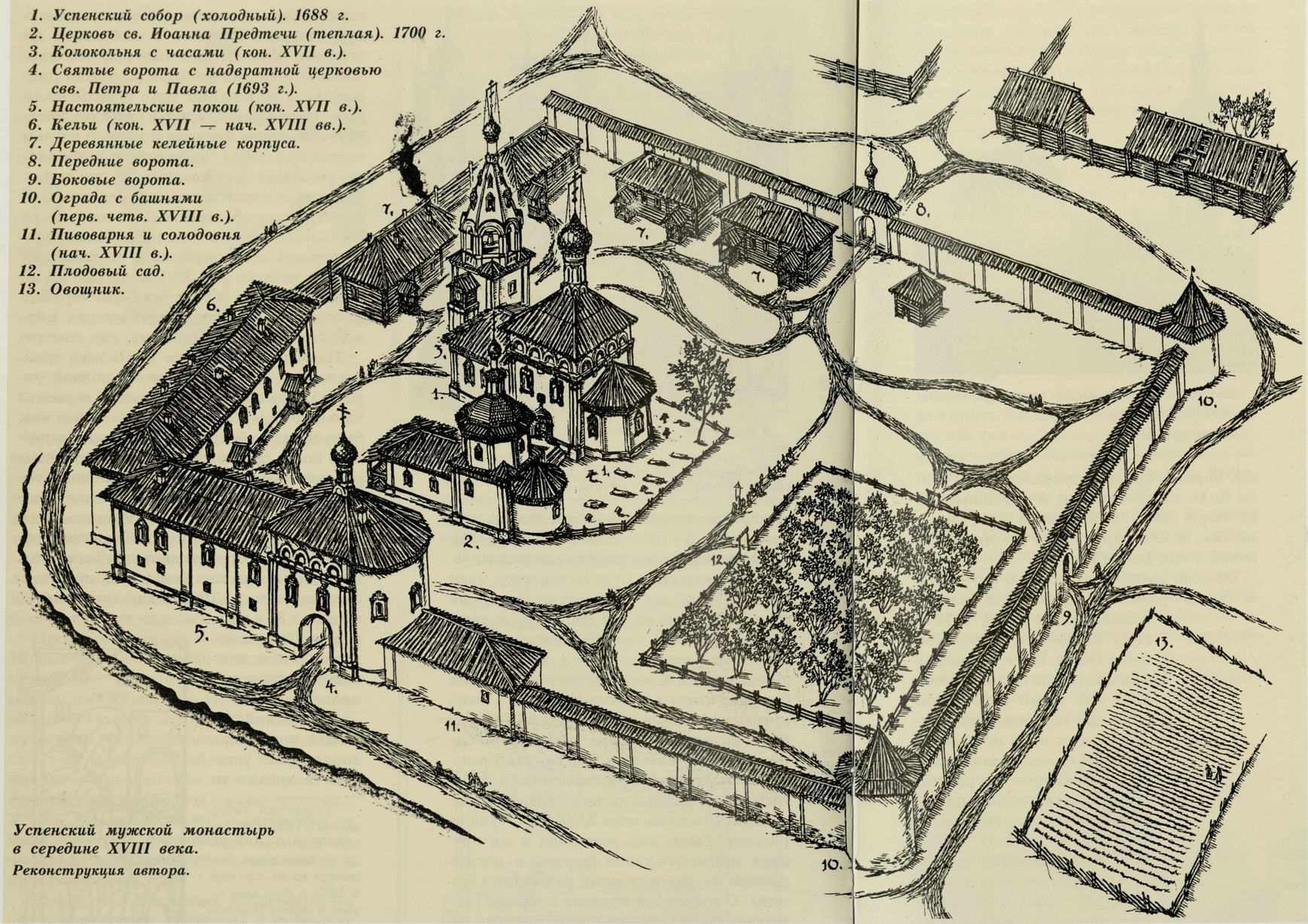
Введенский девичий монастырь значительно уступает в древности

Печь XVI в.

Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского». Фрагмент.

*Успенский собор снесен в 1980–1981 гг. при подготовке города к Олимпиаде, несмотря на то, что ещё в 1923 г. был взят на учет и охрану Отделом музеев Наркомпроса.

1. *Успенский собор (холодный). 1688 г.*
2. *Церковь св. Иоанна Предтечи (теплая). 1700 г.*
3. *Колокольня с часами (кон. XVII в.).*
4. *Святые ворота с надвратной церковью свв. Петра и Павла (1693 г.).*
5. *Настоятельские покои (кон. XVII в.).*
6. *Кельи (кон. XVII — нач. XVIII вв.).*
7. *Деревянные келейные корпуса.*
8. *Передние ворота.*
9. *Боковые ворота.*
10. *Ограда с башнями (перв. четв. XVIII в.).*
11. *Пивоварня и солодовня (нач. XVIII в.).*
12. *Плодовый сад.*
13. *Овощник.*



Успенский мужской монастырь в середине XVIII века.
Реконструкция автора.

мужскому монастырю в Орле, во всяком случае, в документах XVII века отсутствует какое-либо упоминание о существовании в XVI столетии в городе женской обители. В то время на месте будущего монастыря стояла деревянная церковь во имя свв. Афанасия и Кирилла Александрийских. К храму были приписаны сенокосные и пашенные угодья. Во время «орловского разорения» церковь сожгли «литовские люди», и на её месте долгое время находился погост с кладбищем.

Около 1677 года некие Феодосий и Макар Телегины «со товарищи» подали коломенскому архиепископу Павлу челобитную о постройке вновь на старом погосте приходской церкви в то же имя, что здесь стояла «изстари». Но несмотря на получение архиепископской Благословенной грамоты, челобитчики не смогли приступить к строительству «за службою и за безмочием», и погост продолжал пустовать [27].

В писцовой и межевой книге города Орла и Орловского уезда 1685–1686 годов стольника Алексея Юшкова и подьячего А. Оловенникова об этом месте говорится: «Погост с люцким кладбищем огорожен, на Орле на Посаде от города за рекою за Орлом вверх идучи рекою Орлом, на правой (ошибка — левый берег. — *В. Н.*) стороне реки Орла. У того погосту дворы: во дворе дьячек Ганка, во дворе дьячек Артюшка, да Ивашка Дементьевы дети Телегины, а по сказке тех дьячков и по грамоте блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии за приписью дьяка Максима Черкова 182-го (1674) году и по старожиловому допросу и отводу, на том погосте была истари церковь Офонасия и Кирила Александрийских и те их дьячковы дворы построены на церковной усадебной земли...» [28]

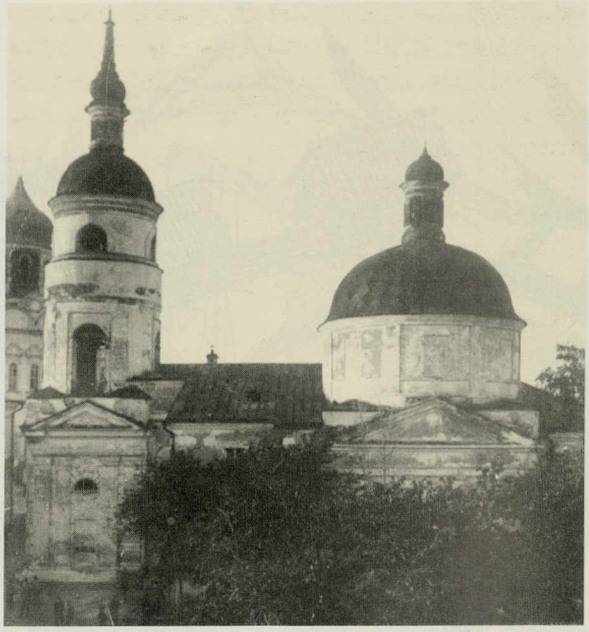
В 1685 году «сентября в 18 день» орловские жители «грацкие и уездные», приходские священники и дьяконы да местные старицы Киликия и Елизавета с сестрами подали на имя коломенского архиепископа Никиты II челобитную с просьбой об открытии в городе женского монастыря, указав и место для будущей обители — до сих пор пустовавший Афанасьевский погост, на котором, по их мнению, «девичью монастырю быть пристойно».

Строить обитель собрались «по обещанию» уже упоминавшиеся выше Феодосий и Макар Телегины. В грамоте преосвященного было указано соборную церковь освятить во имя Пресвятой Богородицы Казанской с приделом Афанасия и Кирила Александрийских, и «у той церкви впредь быть Девичью монастырю, и кельи и ограду построить, чтоб которыя жены и девицы желают иноческого жития и которыя по обещанию постриглися, живучи по мирским домом, без пристанища не быть» [29].

Надзирать за строительством — «дон-

деже тот монастырь построится», преосвященный указал игумену Богоявленского монастыря Евфимию. Он же должен был на первых порах заниматься финансовыми делами обители «и то монастырское имение особно хранить», а также подобрать «искусную старицу», чтоб «из того монастыря инокини, кроме великие нужды, были неисходны» [30]. Первою игуменью обители стала старица Елизавета, принявшая сан схимонахини с именем Евдокии.

Первоначально территория обители представляла из себя прямоугольник со сторонами 40х40х40х30 сажен. В 1693 году игумения Евфимия с сестрами подала челобитную о присоединении к монастырю близлежащего земельного участка, ранее пожалованного Гаврилу, Василию, Луке Телегиным и подьячему Алексею Оловенникову. В ходе разбирательства выяснилось, что в своем прошении они не написали, «что опроче тех мест по дачем за ними даные места на Орле есть в ыных местех», то есть утаили, что им принадлежат земельные участки в других местах города. В результате эти земли были конфискованы и переданы монастырю под «келейные и огородные места», а его территория увеличилась почти в три раза [31].

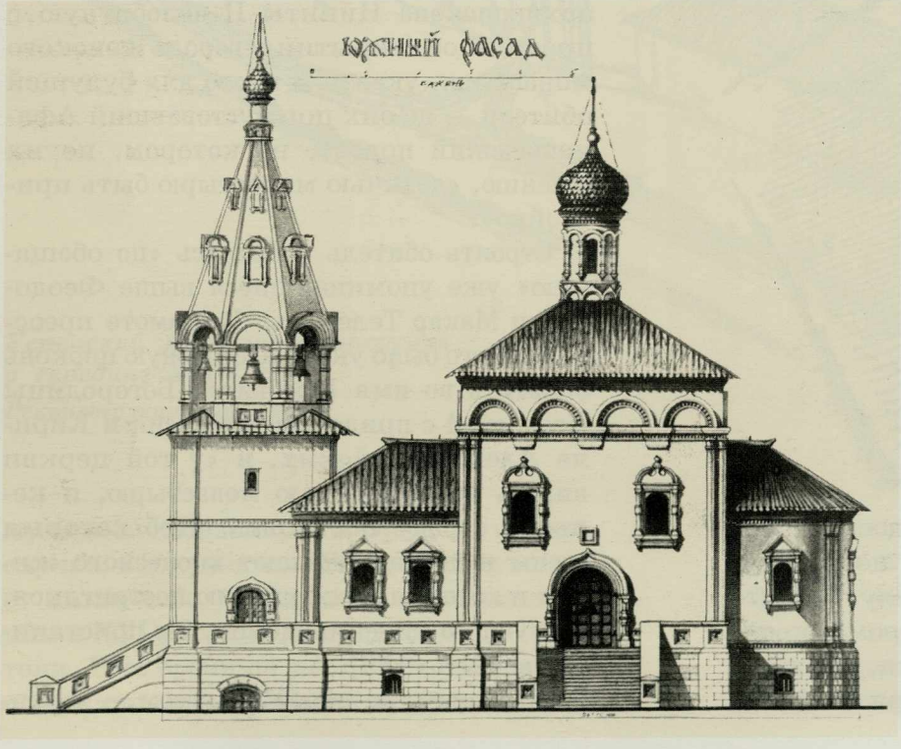


Успенский собор после перестроек конца XVIII–XIX вв.

Фото нач. XX в.

Обитель жила своим коштом (трудом) и за счет доброхотных подаяний и пожалований. Так, в августе 1694 года подьячий приказной избы Семен Иевлев подарил монастырю три принадлежавших ему лавки в торговом ряду «для поминовения родителей своих и им игуменье с сестрами на милостынь» [32]. За всё время своего существования девичий монастырь никогда особым достатком не отличался. Ведомость 1739–1741 годов сообщает, что «за тем монастырем вотчин и земель и угодий никаких не имеетца, так же никаких доходов не сбираетца, а питается своими трудами и мирским подаянием» [33].

Через четырнадцать лет после основания монастыря приступили к сооружению



Проект восстановления Успенского собора мужского монастыря. Архитекторы: М. Б. Скоробогатов, В. М. Неделин.

новой каменной соборной церкви, поскольку старая «деревянная церковь, не отличаясь красотою, портила общее впечатление монастыря, расположенного на красивом, видном месте пригорода, которому суждено было превратиться в главную часть города» [34].

Соборный храм возводили пять лет — с 1703 по 1708 год. Главный холодный престол был освящен во имя Введения Пресвятой Богородицы, теплый придельный, располагавшийся с правой стороны церкви, — во имя св. Афанасия и Кирилла Александрийских, в память о стоявшей на этом месте в XVI веке церкви [35].

К сожалению, не сохранилось каких-либо изображений Введенской церкви в её первоначальном виде. Некоторое представление об облике храма может дать только краткое описание соборной церкви в описи Введенского монастыря, составленной тем же поручиком Сибирского пехотного полка Ефимом Одоевцевым, который составлял и опись мужского Успенского монастыря.

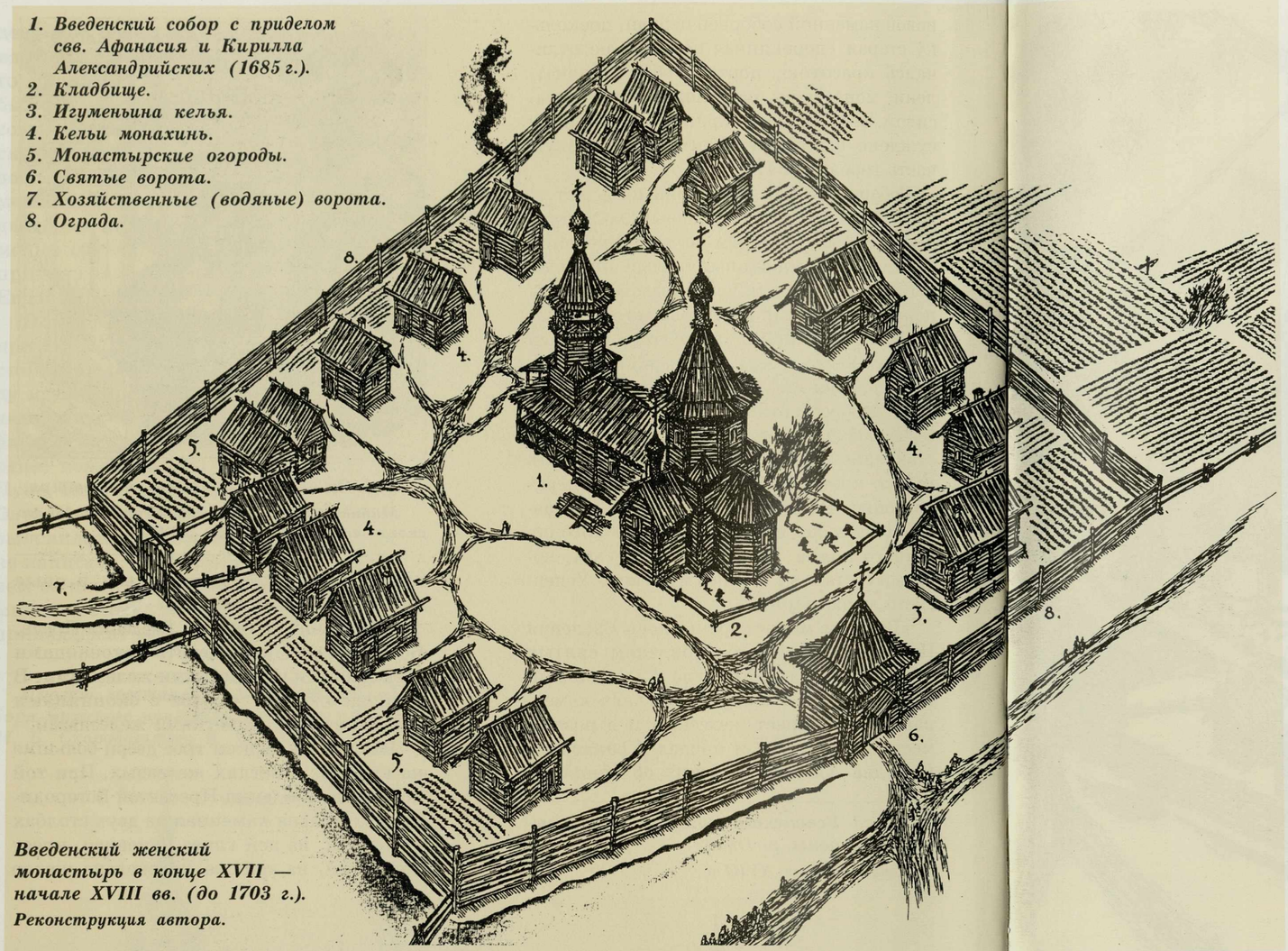
«Во оном монастыре церковь Введения Пресв. Богородицы с приделом святых отец Афанасия и Кирилла Александрийских об одной главе и оная глава каменная, на ней крест железный и в розных местах позлащен, и придел Афанасия и Кирилла Александрийских об одной же главе, на ней крест железный, и оные церкви крыты тесом».

Возведение ограды вокруг монастыря.
Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского» конца XVI — нач. XVII вв.

«Да в оной же церкви Введения Пресв. Богородицы окошек девять с оконницами стеклянными и решетками железными. В приделе окошек четыре с оконницами стеклянными и решетками железными.

Во оной же церкви трое двери большие на крючьях и петлях железных. При той же церкви Введения Пресвятой Богородицы колокольня каменная на двух столбах каменных, на ней глава каменная, крест железный, на той же колокольне шатер

Фасад Успенского мужского монастыря со стороны р. Оки.
Чертеж конца XVIII в.



Введенский женский монастырь в конце XVII — начале XVIII вв. (до 1703 г.). Реконструкция автора.

деревянный, в нем часы железные, и в ту колокольню по стене ход наполовину каменный, да одна деревянная лестница, да в той же колокольне колоколов больших и малых шесть» [36].

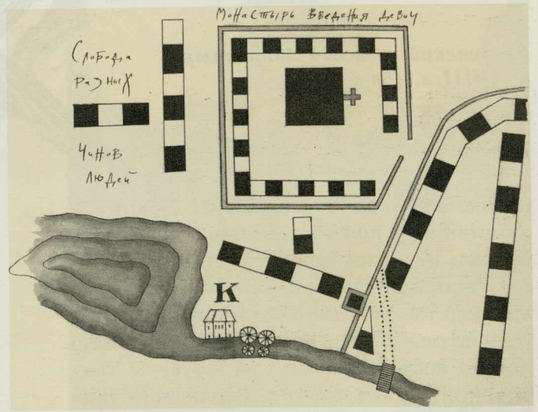
Кроме собора, все остальные постройки монастыря в это время были деревянные. Чертеж г. Орла 1728 года дает некоторое представление об облике женской обители в это время. Монастырская ограда огораживала почти прямоугольную площадку, в центре которой возвышался Введенский собор. Вокруг него прямоугольником с небольшим разрывом в сторону Святых ворот стояли деревянные кельи с сенями, крытые дранью, деревянной же была и настоятельская келья. В описи 1764 года о ней сказано: «Настоятельских две кельи в одну линию, ветхие покрыты дранью, между ними сени». К концу 30-х годов XVIII века число келий в обители выросло до 23. Согласно ведомости монастыря 1739–1741 гг. в монастыре вместе с игуменьей насчитывалось

её ремонт 500 рублей. На эти средства монастырь был обнесен «пласьем, с дубовыми столбами» вместо прежней ветхой изгороди, производившей «весьма убогое впечатление» [38]. В описи 1764 года есть её описание: «Вокруг оного монастыря ограда деревянная в четыре угла, а башен не имеется... мерою кругом той ограды 169 сажен и дву аршин».

Деревянными же были и Святые ворота, находившиеся в восточной стене монастыря. Они выходили к самому переулку, «что ездят к городу Болхову большою столбовою дорогою в город Москву». В той же описи 1764 года о Святых воротах говорится, что «на них крест деревянный, крыты тесом». Судя по описанию, они были сооружением весьма скромным в архитектурном плане. На чертеже 1728 года хорошо виден разрыв в ограде на их месте.

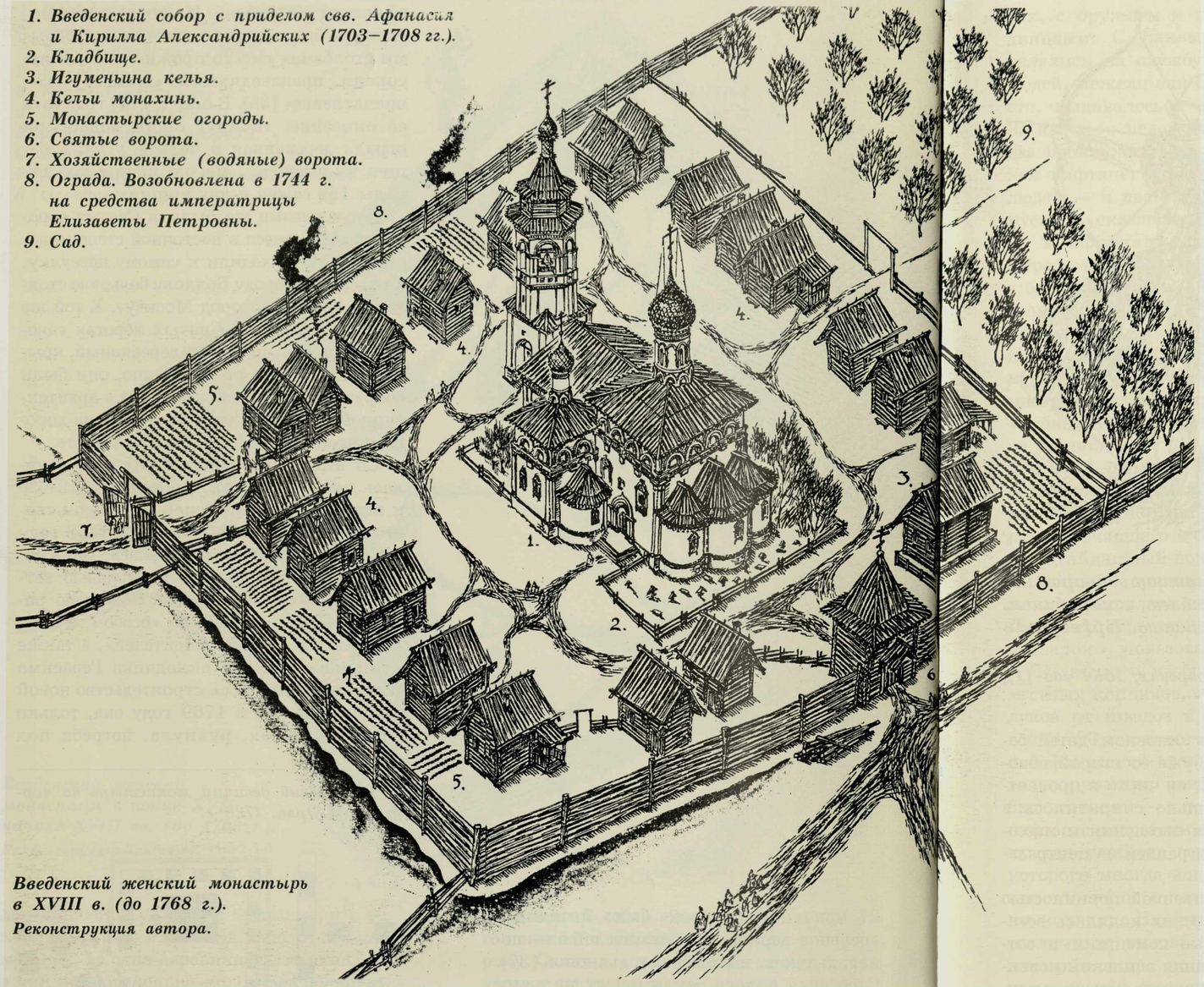
Со второй половины XVIII века началась цепь перестроек, приведших в итоге к полной утрате Введенским собором своего первоначального облика. В 1768 году игуменья Кикилия жаловалась, что «колокольня над придельной церковью ветха». Древнюю соборную колокольню разобрали, и вместо неё, на «особом месте», «капиталом доброхотнодателей», а также «тщанием купца и вкладчика Герасима Кузнецова» началось строительство новой колокольни. Но в 1769 году она, только что оконченная, рухнула, погребя под

Введенский девичий монастырь на чертеже г. Орла. 1728 г.



27 монахинь, а также было 7 человек «бельцов церковных служителей» — попов, дьячков, пономарей и дьяконов [37]. Свободная полоса земли между кельями и оградой шириной в 7 сажен использовалась под огороды. С северной стороны к монастырю примыкал монастырский сад. Ограда, окружавшая обитель, также была деревянная; известно, что императрица Елизавета Петровна, проезжая в 1744 году через Орел в Киев на богомолье, пожертвовала игуменье Анфисе на

12* Заказ № 6770



Введенский женский монастырь в XVIII в. (до 1768 г.).
Реконструкция автора.

обломками одну из монахинь. Вместо обрушившейся колокольни над Святыми воротами началось строительство другой — с часовней и богадельней в нижнем ярусе на средства того же Кузнецова, но в 1770 году и она упала. Взамен её опять было начато сооружение на том же месте Тихвинской церкви, но «с уменьшением прежней величины и высоты по другому плану и фасаду дорического ордена» на средства асессора Алексея Житкова и по чертежам губернского землемера Ивана Емельяновича Измайлова.*

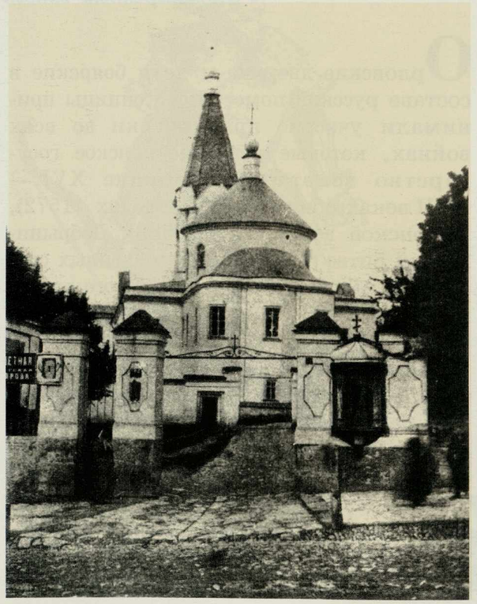
*Надвратная Тихвинская церковь с колокольней над Святыми воротами была разобрана вскоре после опустошительного пожара 1843 года.

Над храмом возводится второй этаж, перекрытый куполом, где устраивают холодную Троицкую церковь и придел св. Великомученика Пантелеймона. Введенская церковь на первом этаже переделывается в теплую. Таким образом, весь первый этаж с престолами: Введенским, свв. Афанасия и Кирилла и св. Марона Чудотворца становится теплым [39].

«Страшное, неожиданное бедствие» прервало развитие монастыря. В ночь с 31 мая на 1 июня 1843 года во время случившегося пожара обитель сгорела дотла. В огне погибло 65 келий, 11 других построек, выгорела верхняя холодная церковь.* После пожара монастырь был перенесен на новое место, на юго-восточную окраину Орла, где и продолжил свое существование под названием Христорождественского [40].

*После пожара Введенская церковь была отремонтирована и преобразована в приходскую. Позднее её приписали к женскому епархиальному училищу. В 1941 г. храм сгорел, а после окончания войны его руины были окончательно разобраны.

Вид бывшего Введенского собора со стороны Святых ворот после перестройки вт. пол. XVIII в. и ремонта сер. XIX в.
Фото нач. XX века.



В 1771 году в трапезной Введенского собора устроили новый престол во имя св. Марона Чудотворца, освященный 12 февраля 1772 года. В 1803 году последовало новое расширение трапезной, на этот раз с северной стороны, куда был перенесен престол св. Марона Чудотворца. В 1829–1833 годах церковь капитально перестраивается.

ГЛАВА XVII

Орловская поместная конница в XVI–XVII веках

«Кузьма Иванов сын Шепелев, у смотру был на коне с саблею, с карабином, с пистол[ъ]ю. Ч[е]л[о]в[е]к (слуга. — В. Н.) с простым (без седока, запасным. — В. Н.) конем, на мерине с саблею, в саадаке. По скаске будет ч[е]л[о]в[е]к в кошу (обозе. — В. Н.) с пищал[ъ]ю. Кр[ес]тьян и бобылей за ним пять дворов...*

Федор Михайлов сын Жилин, у смотру был на коне, с саблею, пара пистолей. Ч[е]л[о]в[е]к с простым конем, на мерине с саблею, с карабином. По скаске ч[е]л[о]в[е]к в кошу будет с пищал[ъ]ю, с рогатиною. Кр[ес]тьян за ним одиннатцать дворов...

Козарин Тимофеев сын Булгаков, у смотру был на коне с саблею, с карабином. По скаске ч[е]л[о]в[е]к будет в кошу с пищал[ъ]ю, с рогатиною. Кр[ес]тьян четыре двора...»

Смотренный список орловских дворян и детей боярских. 1654 год [1].

Орловские дворяне и дети боярские в составе русской поместной конницы принимали участие практически во всех войнах, которые вело Московское государство во второй половине XVI — XVII веках: битве при Молодях (1572), Ливонской войне (1558–1583), Добрынической битве (1605), многочисленных сражениях, боях и стычках Смутного времени (1598–1613), Смоленской (1632–1634), русско-польской (1654–1667), русско-турецкой (1676–1681) войнах, Крымских походах (1687, 1689), а также в отражении бесчисленных татарских набегов на южные окраины Московского государства. В конце XVI — начале XVII веков население Орловского уезда более чем наполовину состояло из мелкопоместных служилых людей, в основном детей боярских, но позднее, уже со второй половины XVII столетия, их число в процентном отношении сильно сократилось в связи с увеличением населения и массовой крестьянской миграцией из центральных уездов страны.

Главной государственной повинностью дворян и детей боярских являлась военная служба. Уездные помещики и вотчинники для отбывания воинской повинности должны были выставлять на службу с каждых 100 четвертей* «доброй угожей земли» по одному воину на коне в полном вооружении, а «в дальний поход о дву конь». Дворяне и дети боярские обязывались являться в поход «конны, людны и оружны», т. е. на своих лоша-

*Буквы, взятые в скобки, в оригинале пропущены.

*Четь (четверть) — полдесятины.

дях, с оружием и вооруженными челядинцами. Служилым людям, которые являлись на службу с бóльшим числом людей, нежели они были обязаны привести, выдавалось и большее жалованье. За каждого человека в доспехе платили два рубля жалованья, в тегеляе (защитном кафтане) — 1 рубль, а за лишних людей — в два раза больше. Неявившемуся — «сказавшемуся в нетях» угрожала конфискация имения, денежный штраф, в военное время порка плетьми, а особо злостному «нетчику» даже смертная казнь. Тем не менее, мобилизация провинциальных дворян и детей боярских традиционно проходила довольно медленно, и воеводам приходилось за многими посылать стрельцов и пушкарей, «выбивать» домоседов из их поместий «не по единожды».

В XVI столетии вооружение поместной рати традиционно состояло из сабли, засапожного ножа, саадака — набора, включавшего в себя лук со стрелами и подсайдашный нож, иногда копья или рогатины и сулицы. Позднее на вооружении появились пищаль или мушкет. Луком со стрелами многие «с отменною похвалою» пользовались еще в начале XVIII века, и изображение русских поместных конников, отстреливающихся из луков от шведов в сражении под Нарвой (1700 г.), вовсе не является творческой фантазией художника. Из защитного вооружения наиболее распространен был тегеляй — плотно простеганный кафтан с разрезами спереди, сзади и сбоку для удобства верховой езды, внутрь которого иногда вшивались металлические пластины и полосы, а также обрывки кольчуг. На головах носили шлемы различных типов: ерихонки, шишаки, мисюрки и др., но в основном это было привилегией состоятельных людей, равно как кольчуги и байданы. Прочие, в основном, использовали «шапки бумажные»,* а зачастую и просто суконные. Некоторые могли похвалиться трофейной кирасой или западноевропейским шлемом — «шапкой железной». Сопровождавшие многих дворян и детей боярских конные и пешие челядинцы на вооружении имели рогатины, топоры и ножи, иногда луки и пищали [2]. Так выглядит русская поместная конница XVI века на западноевропейских гравюрах.

Вооружение и одежда орловских дворян и детей боярских в её составе ничем не отличались от общероссийских, с той только разницей, что их конские уборы, доспехи и оружие за редкими исключениями не могли соперничать с богатой «воинской справой» именитых столичных дворян, князей, стольников и прочих придворных чинов. Но если защитное вооружение достаточно широко применялось в XVI веке, то уже в начале XVII столетия его значение резко падает — пули из мушкетов и карабинов с легкостью пробивали кольчуги и тегеляи, а тяжелые доспехи стесняли движения в бою.

*«Шапка бумажная» — высокий шлем из плотно простеганной материи с нащечниками и назатыльником.

Московит в военном наряде.
Иностранная гравюра XVI века.

К тому же на сокращение количества защитного вооружения у поместной конницы несомненно повлияли бои и сражения Смутного времени, когда было изломано и утеряно огромное количество доспехов; кроме того, после окончания Смуты обедневшим и разоренным мелкопоместным служилым людям, по причине «скудости пожитков», доспехи были просто не по карману.*

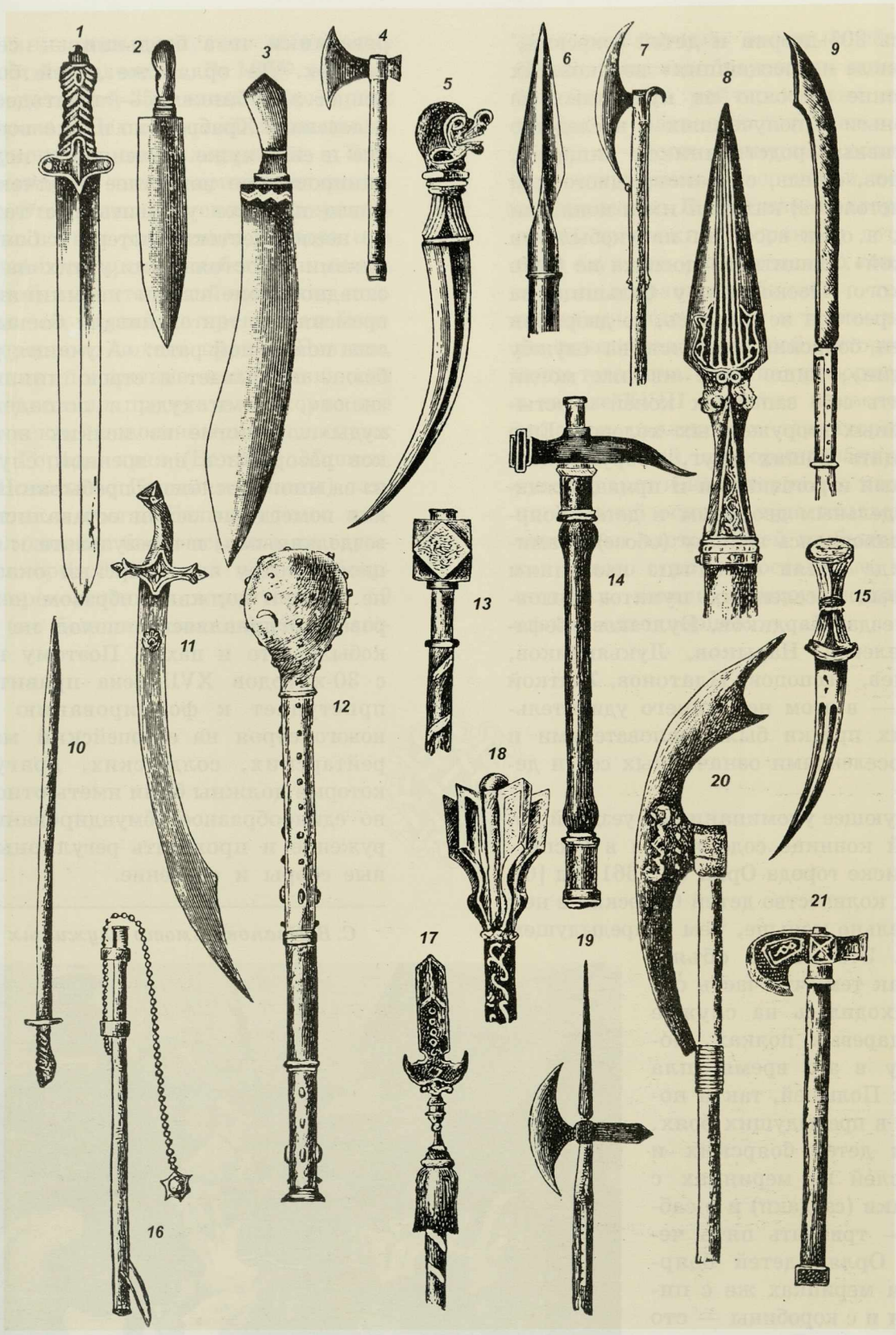
Проверкой боеготовности поместного ополчения являлся смотр, проводившийся более или менее регулярно в уездном городе, куда к назначенному сроку с оружием, доспехами и челядью съезжались местные дворяне и дети боярские. Провинциальные дворяне и городовые дети боярские разбивались на пять статей с земельными окладами от 50 до 150 четвертей, а «поспевшие в службу», т. е. достигшие пятнадцати лет «новики», — на три статьи с окладами в 70, 60 и 50 четей земли. Кроме земли на очередном смотре дворяне получали жалованье от 5 до 50 рублей. На смотрах бояре и воеводы смотрели, насколько сам дворянин и его слуги «собою и службою и головою своею добры». Тем, кто удовлетворял вышеуказанным требованиям, им поместных «окладов прибавливали», «а которые собою и службою худы, а верстаны поместными оклады большими, и у тех оклады убавливали». С помощью «окладчиков», выбиравшихся из среды опытных и старослужащих людей, воевода заносил явившихся на смотр дворян и детей боярских в «разборную десятню» — «смотря по отечеству, по службе, по людям» в соответствии с разрядом (выборные, дворовые, городовые) и «статьей», к которой относился или в которую следовало включить дворянина в результате осмотра. До наших дней дошли орловские разборные десятни за 1628, 1636 и 1639 годы, а также несколько смотренных списков за разные годы. В ходе смотра корректировалась предыдущая десятня — кто из дворян и детей боярских «помре», кто просил отставки «по старости и ветхости» и «по болезни старых многих ран», а также вносились в верстальные десятни «новики», поспевшие в службу,* или дети боярские, пока еще не получившие поместья (например, служившие временно с поместий своих отцов). Одновременно составлялись списки «нетчиков». Тех, кто не явился на смотр без уважительной причины, доставляли с помощью стрельцов, после чего рассматривали их личные дела. Обычно это заканчивалось словесным внушением (выговором) или срезанием оклада и поркой — «смотря по человеку и по вине» [4].

Смотренный список 1654 года позволяет представить облик орловского поместного ополчения в середине XVII века [5]. Согласно перечню, в нем насчи-

*Согласно Болховской десятне 1622 года [3], из примерно 170 болховских дворян и детей боярских (не считая вооруженных челядинцев), защитный доспех имелся только у троих и состоял из двух кольчуг, панциря и трех шлемов-мисюрок. Доспехов не было даже у князя Г. Д. Хотетовского.

Московитский всадник.
Иностранная гравюра XVI века.

*Новики вносились в десятню, начиная с пятнадцатилетнего возраста, который считался призывным.

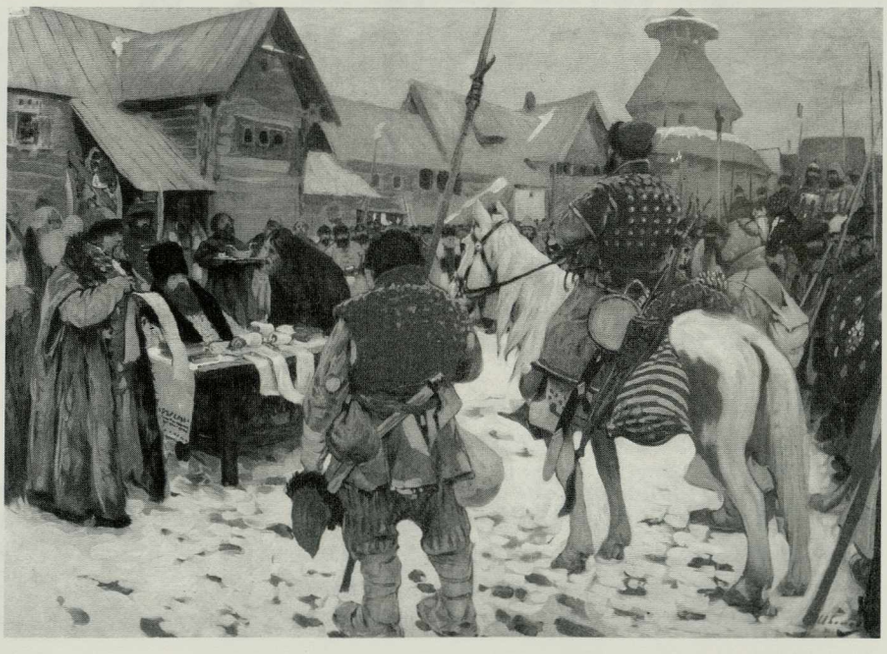


Русское холодное оружие XV–XVII веков: 1 — меч; 2 — поясной нож; 3 — подсайдашный нож; 4 — топорик; 5 — кинжал; 6 — копье; 7 — секира; 8 — рогатина; 9 — совна; 10 — кончар; 11 — сабля; 12 — булава; 13 — брус; 14 — чекан; 15 — засапожный нож; 16 — кистень; 17 — протазан (XVIII век); 18 — пернач (шестопер); 19 — алебарда (XVIII век); 20 — бердыш; 21 — топор.

тывалось 305 дворян и детей боярских,* в том числе и «поспевших» новиков. Их вооружение состояло из купленных на свои деньги и полученных в наследство от отставных родственников пищалей, карабинов, сабель, саадаков, одного или двух пистолетов; каждый имел коня или мерина, а один восседал на «кобыле на ногайской». Защитного доспеха не было ни у кого. Поскольку у большинства орлян крестьян не имелось, то дворянин или сын боярский являлся на службу «сам-один», лишь трое из них могли позволить себе запасных коней и четырех конных вооруженных холопов. Еще тринадцать пеших слуг, вооруженных пищалями и рогатинами и принадлежавших отдельным дворянам и детям боярским, находились в кошу (обозе). Фамилии ряда орлян созвучны названиям некоторых населенных пунктов Орловского уезда: Хардиков, Булгаков, Кофанов, Телегин, Нарыков, Лукьянчиков, Гневушев, Распопов, Платонов, Житкой и др., — в этом нет ничего удивительного: их предки были основателями и первопоселенцами означенных сел и деревень.

Следующее упоминание об уездной поместной коннице содержится в Росписном списке города Орла за 1661 год [6], причем количество детей боярских в нем значительно меньше, чем в предыдущем списке. Это можно объяснить как тем, что часть орлян находилась на службе в государевых полках, поскольку в это время шла война с Польшей, так и потерями в предыдущих боях. «Орлян детей боярских и недорослей на меринках с сагайдаки (саадаки) и с саблеми — тритцать пять человек. Орлян детей боярских на меринках же с пищальми и с коробины — сто семь человек. Да орлян же детей боярских пеших с рогатинки и з бердыши — семдесят человек. Да орлян же детей боярских пеших з дубинками — шестьдесят три человека». Храброе, но плохо вооруженное и еще хуже обученное и недисциплинированное поместное ополчение еще могло неплохо управиться с татарами, но несло жестокие потери в боях с поляками и состоявшими у них на службе западноевропейскими наемниками. Современники так оценивали боевые качества поместной рати: «А учения у них к бою... не бывает и строю никакого не знают», «сами худы и лошаденки их худы»... Многие из мелких вотчинников разорялись на военной службе — из-за многомесячного пребывания в полках поместные земли оставались плохо возделанными, и в результате к следующему смотру сын боярский оказывался не готов и должным образом не экипирован, отправляясь в поход на той же кобыле, что и пахал. Поэтому начиная с 30-х годов XVII века правительство приступает к формированию полков нового строя на европейский манер — рейтарских, солдатских, драгунских, которые должны были иметь относительно единообразное обмундирование, вооружение и проходить регулярные военные сборы и обучение.

С. В. Иванов. Смотр служилых людей.



*Из них 29 на смотр не явились — «сказались в нетех».

Реорганизация коснулась и уездных поместных ополчений. В 1658 году из служилых людей 35 южных городов был сформирован Белгородский полк, которым руководил присылавшийся в Белгород воевода в чине боярина или окольничего. Это позволяло скоординировать действия воевод различных городов при отражении татарских набегов и иметь под рукой значительные воинские контингенты на случай татарской «войны» или очередного похода против Польши, а высокое положение назначавшегося лица позволяло пресекать в корне все местнические поползновения спесивых воевод. Города края (Болхов, Мценск, Орел, Новосиль, Кромы и Ливны) также вошли в состав Белгородского полка. Орел должен был высылать на службу в Белгород 300 дворян и детей боярских, переверстанных в рейтары, и 59 драгун (из бывших казаков) [7]. Благодаря регулярным военным сборам их боевое качество безусловно повысилось, тем не менее рейтарами они являлись только по названию, отличаясь, к примеру, от своих немецких коллег полным отсутствием доспехов и пестротой вооружения. В составе Белгородского полка орловские дворяне и дети боярские служили «от города» до конца XVII века и исправно рубились с татарами, поляками, литовцами и турками во время многочисленных войн второй половины того века. Военная реформа Петра I в начале XVIII столетия привела к ликвидации различных территориальных подразделений и формированию новой русской армии на совершенно иной принципиальной основе, куда влилась и значительная часть людей из бывших полков нового строя, а остальные, получив отставку, вошли в многочисленное сословие однодворцев.

ГЛАВА XVIII

Орловский уезд в XVI–XVII веках

«В уезде его [Орла] сеют хлеб: озимой — рожь, пшеницу, овес, горох, ячмень, а в большом количестве гречиху и конопляное семя; и притом и просо (но весьма немного) — в апреле и мае, а убирают в гумна в августе и сентябре; урожай бывает посредственный, однако ж земледелец награждается за его труды и за расходом своим продает, но большою частию конопляное семя и гречиху, и проса переделанную в крупу, изобилия ж конопляного семя, выработанную пен[ъ]ку, а от сего и получает главный свой доход на заплату в казну податей, помещику оброку и на домашние надобности».

Историческое и географическое описание о городе Орле и уезде. 1787 г. [1]

Сразу же после окончания строительства к Орлу был приписан уезд, образованный, по-видимому, из земель, отрезанных от соседних Мценского, Карачевского и Болховского уездов. Основным источником сведений о населении и поселениях на территории Орловского уезда в конце XVI столетия служит писцовая книга 1594–1595 годов, составленная подьячим Леонтием Софоновым и писцом Дементием Яковлевым [2].

В территориальном отношении Орловский уезд разделялся на станы: Наугорский — включавший земли по реке Нугрь, Каменский — вдоль речки Каменки, Неполоцкий — на реке Неполоди, Корчаковский, получивший свое название по большому Корчаковскому (Карачевскому) лесу к западу от Орла, и Тайчуковский — по одноименному лесу на правобережье Оки.

Основными типами поселений на территории уезда в это время являлись займища, починки, деревни и погосты. Займищем назывался участок земли, занятый владельцем под пашню, сенокос или какие-либо другие угодья. На займище могло и не быть никаких построек. Но обычно всё же бывало выбранное и приготовленное для строительства «дворовое место», а иногда и легкие постройки, хозяйственные и даже жилые, обычно временные. Займище часто являлось зародышем поселения. На нем мог возникнуть постоянный крестьянский или помещичий двор со всеми постройками — тогда займище превращалось в починок. Иногда займище забрасывали, и оно становилось пустошью. Займища в Орловском уезде обычно назывались по топографическому признаку — лесу, реке, колодцу (на Густовари, Подболотная, Верх Щучьи, О четырех колодцах) и гораздо реже по имени владельца (Богданово займище).

Обычной начальной формой поселения являлся починок («почин» — начало). Большинство возникло как однодворные поселения, но они быстро росли. В Орловском уезде большая их часть имела от одного до трех дворов, но имелся и починок из 11 дворов. Починок мог возникнуть при колонизации области дальними переселенцами, мог и «отпочковаться» от ближайшей деревни, но обычно возникал в связи с освоением новых земель. Починок

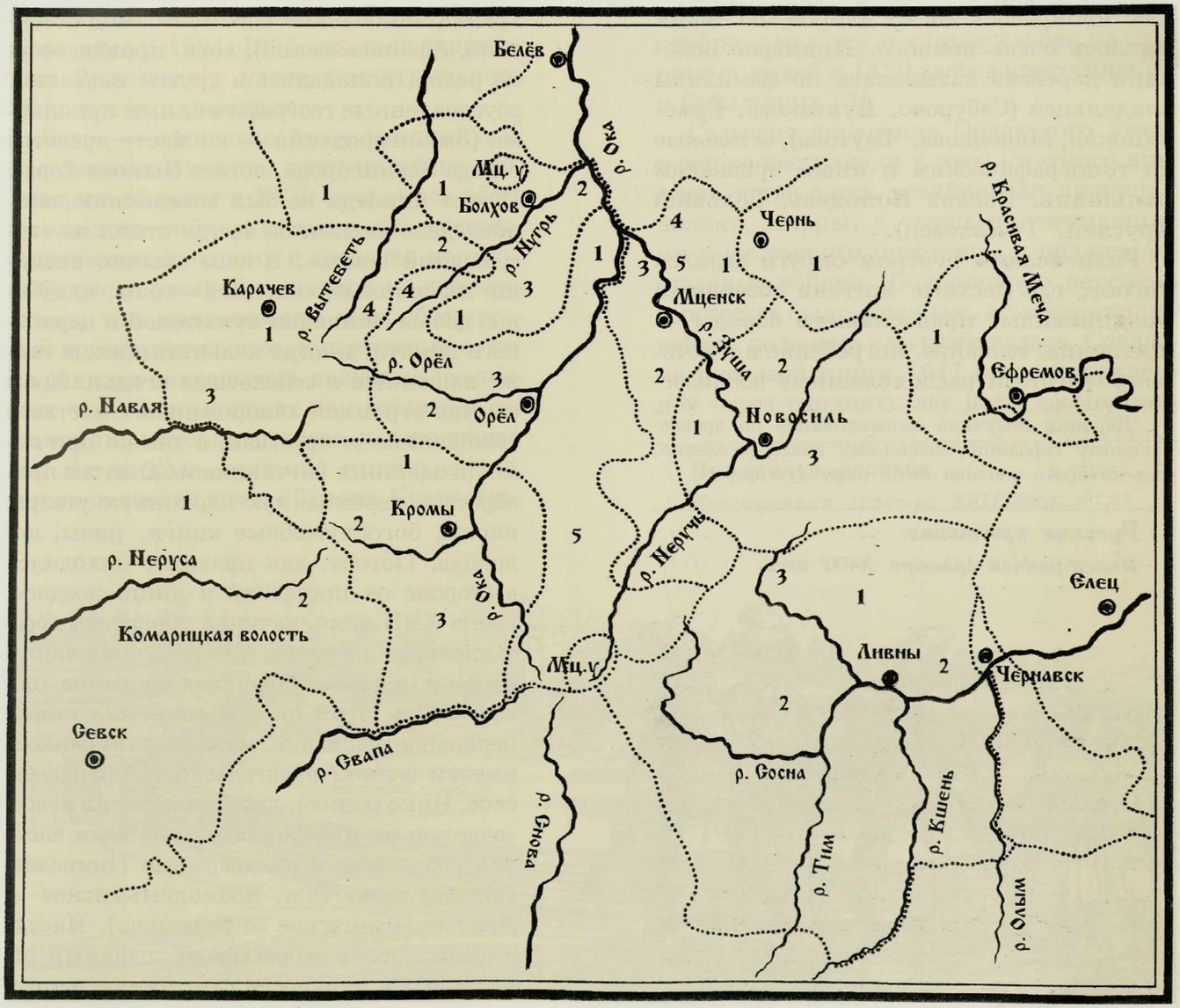
Административно-территориальное деление Орловской земли в конце XVII — начале XVIII веков (по Я. Е. Водарскому).

Уезды	Станы
Орловский	1. Каменский
	2. Корчаковский
	3. Неполоцкий
	4. Наугорский
	5. Тайчуковский
Мценский	1. Чернский
	2. Большой Городской
	3. Малый Городской
	4. Поленский
	5. Сатыевский
Новосильский	1. Городской
	2. Пятницкий
	3. Никольский
Болховский	1. Годыревский
	2. Наугорский
	3. Однолуцкий
Ливенский	1. Красный
	2. Серболов
	3. Затруцкий

Земли станов, находящиеся на территории современной Орловской области

Чернский	1. Городской
Ефремовский	1. Городской
Карачевский	1. Подгородный
	2. Рословский
	3. Сомовская волость
	4. Хотимльская волость
Севский	1. Глодневский
	2. Радогожский
Козельский	1. Дворцовая Дудинская волость

Примечание: стан Яцейский не обозначен.



обычно носил имя своих владельцев или первопоселенцев (починки Ондреанов, Володин, Захаров, Микулин).

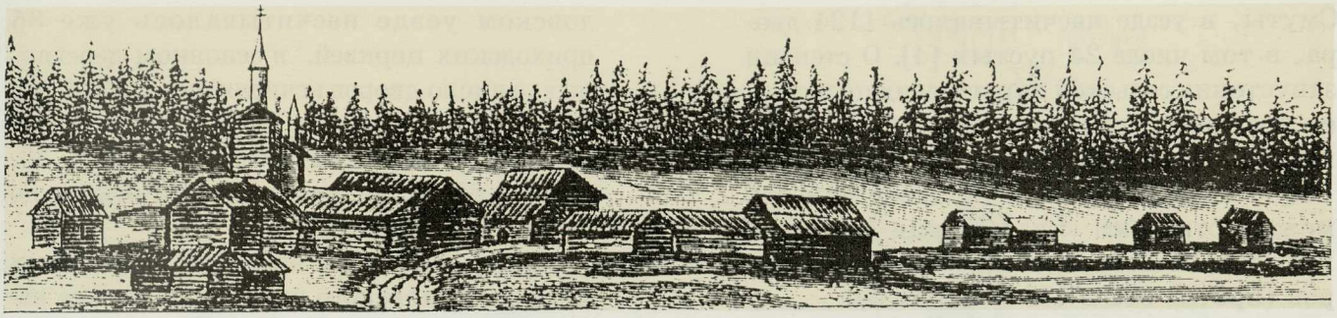
Одним из самых массовых типов населенных пунктов на территории уезда являлись деревни. В основном они принадлежали мелкопоместным служилым людям — казачьим атаманам, поместным казакам, дворянам и детям боярским, и в них наряду с дворами владельцев находилось несколько принадлежавших им крестьянских дворов. Но имелись и целиком частновладельческие деревни, например. Щучья, где находилось 9 дворов «помещичьих», принадлежавших, по-видимому, местным детям боярским. Около половины орловских деревень насчитывали от 2 до 6 дворов, хотя встречались и однодворные деревни. В некоторых крупных деревнях набиралось до 40 дворов, но таких имелось очень немного. Примерно половина деревень называлась по фамилиям владельцев (Сабурово, Булгакова, Ермолинская, Миненкова, Чмутова), остальные по топографическим и иным признакам (Альшань, Паслов Колодезь, Большой Круглец,* Разсоховец).

Религиозным центром округи являлся погост, где местные жители совершали предписанные православием обряды — крещение, венчание, погребение и к которому тяготели расположенные поблизости починки и деревни. Назывался погост обычно по имени находившегося на нем храма (Никольский погост, Козмодамианский, Афанасьевский), хотя, правда, весьма редко, попадались и другие названия, обусловленные географическими причинами (Звенигородский — на месте древнего города Звенигорода, погост Быкова Гора). Погост никогда не был поселением частновладельческим, он всегда стоял на «государевой земле». В него обычно входили: деревянный «клецкий» храм, кладбище, дворы священнослужителей и церковного причта, иногда кельи нищих, а также пашенные и сенокосные угодья. Храм обычно строился «иждивением» местного священника и крестьян, а также при помощи здешних вотчинников. Они же приобретали необходимую церковную утварь: иконы, богослужебные книги, ризы, колокола. Погост, как правило, находился в стороне от поселений и лишь позднее, уже в XVII веке, начинал обрастать крестьянскими дворами, превращаясь, таким образом, в село и утрачивая название «погост». При этом он или сохранял старое церковное название, которое становилось именем села (Архангельское, Афанасьевское, Никольское), либо приобретал новое, зачастую по имени владельца, хотя часто употреблялись и оба названия (Богословское Блудово тож, Козмодемьянское — Дьячье, Никитское — Солнцево). Иногда старый погост забрасывали, главным образом из-за дальности расстояния и труд-

*Деревня получила наименование по древнерусскому городищу, лежащему возле поселения, вал которого в плане имел округлую форму.

Русские крестьянки.
Иностранная гравюра XVII века.

Русские крестьяне.
Иностранная гравюра XVII века.



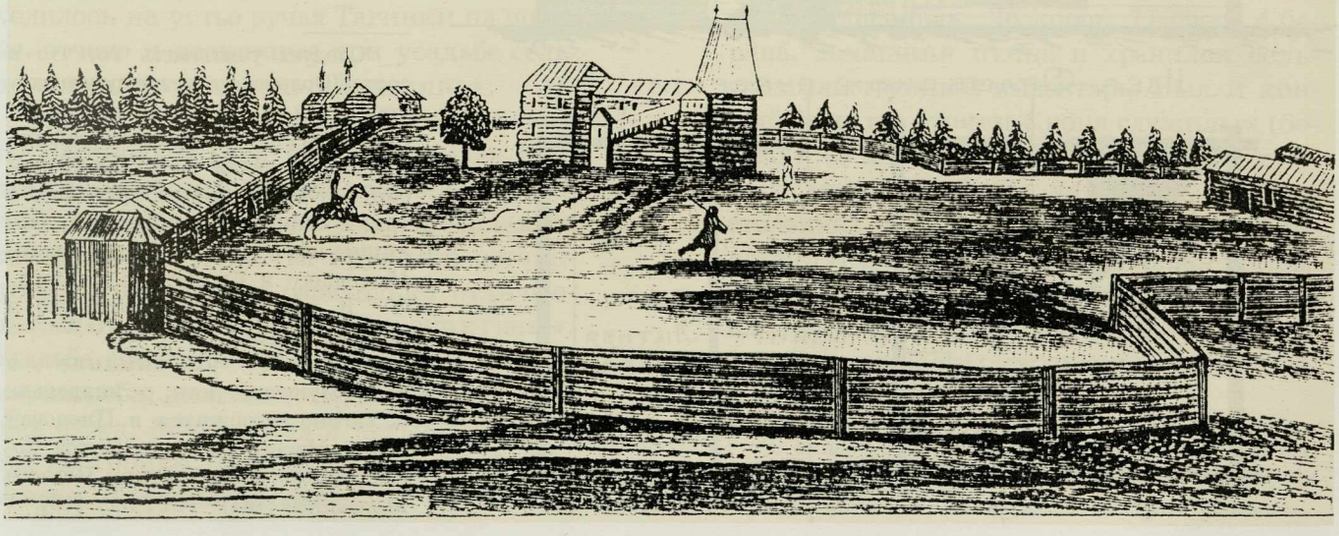
Русское село.
Иностранная гравюра XVII века.

ности сообщения, перенося храм непосредственно в деревню, которая в этом случае становилась селом (Никитское — Солнцево). Но некоторые погосты сохраняли свое изолированное местоположение и название еще в начале XX века (Погост Звенигородский, Погост Быкова Гора, Погост Даровой). В 1594–1595 годах на территории Орловского уезда насчитывалось 28 погостов с церквами.

Село — несколько более поздний тип населенных пунктов, возникший на территории области в XVII веке. Село образовывалось либо из нескольких деревень, тяготевших к одному и тому же погосту, либо после постройки в одной из деревень храма, что являлось для села обязательной принадлежностью. В некоторых селах до сих пор сохранились названия различных частей и «концов» как память о тех деревнях, которые некогда в него входили. Некоторые, особенно крупные села, имели даже два храма (Тагино, Козмодемьянское). В селе мог находиться и помещичий двор или усадьба. Деревня, в которой имелась помещичья усадьба, но не было церкви, именовалась сельцом. Согласно писцовой книге к концу XVI столетия в Орловском уезде насчитывалось 598 разного рода населенных пунктов, насчитывавших 3110 дворов, из них 1326 помещичьих, принадлежавших в основном дворянам и детям боярским, 282 — потомственных мелких землевладельцев из служилых людей и 1429 дворов крестьянских и бобыльских [3].

Сельские поселения Орловского уезда жестоко пострадали в годы Смутного времени, когда здесь хозяйничали литовцы, поляки, татары, а также не уступавшие им в жестокости повстанцы и правительственные войска. Большинство деревень и погостов было сожжено, а население перебито, полонено или разбежалось. Согласно писцовой книге 1647 года, составленной через тридцать лет после окончания

Помещичья усадьба.
Иностранная гравюра XVII века.



Смуты, в уезде насчитывалось 1124 двора, в том числе 24 пустых [4]. О степени запустения сельской округи свидетельствует тот факт, что, например, в Неполоцком стане, на территории которого зимой 1608 года происходили ожесточенные бои между отрядами Лжедмитрия II и царя Василия Шуйского, осталось всего 15 дворов (против 322 в 1594–1595 гг.).

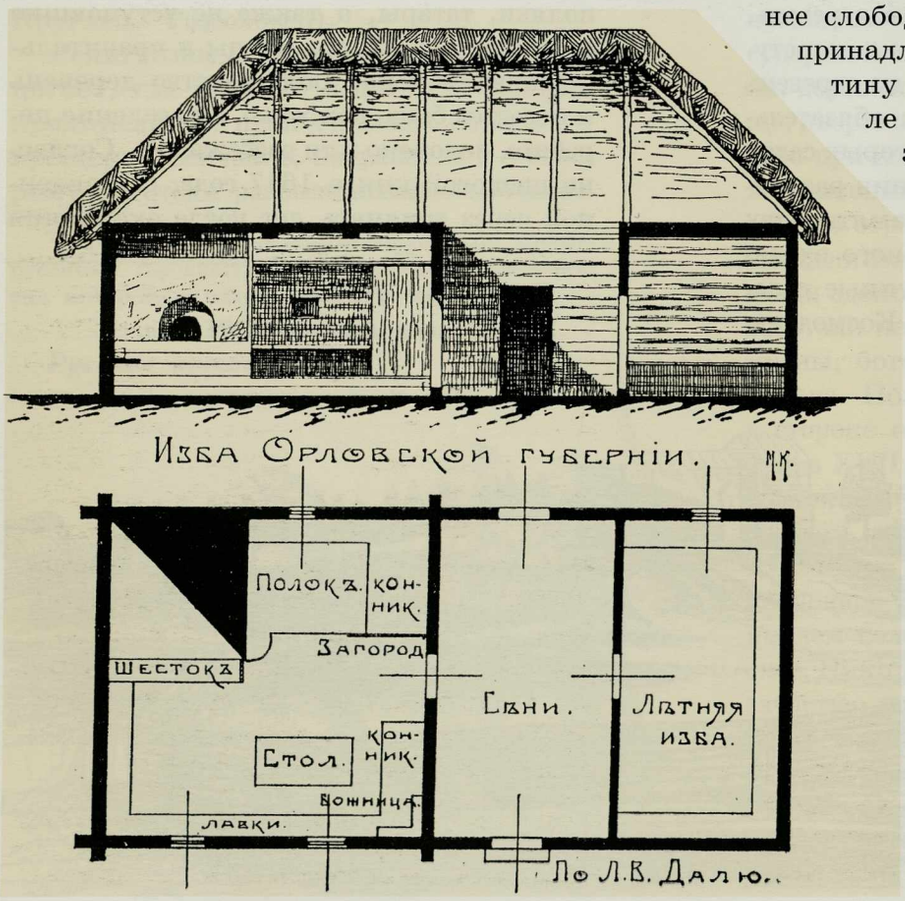
Писцовые книги за 1678–1690 годы [5] показывают резкое увеличение численности населения, что было обусловлено как крестьянской миграцией вследствие исчезновения опасности татарских набегов, так и определенными льготами для переселенцев. Согласно ведомости к 1734 году в Орловском уезде насчитывалось уже 85 приходских церквей,* в основном деревянных, а число дворов исчислялось в 6274 [6]. Следующая ведомость 1755 года фиксирует почти то же количество церквей — 86, зато количество дворов увеличилось до 10838 (без города) [7].

Одним из самых крупных населенных пунктов Орловского уезда в XVII веке являлось село Тагино (сейчас в Глазуновском районе).** Следует заметить, что Тагино и Луковец в соседнем Ливенском уезде являлись единственными селами в Орловской и Елецкой провинциях, нанесенными на карты Российского государства первой половины XVIII века [8]. По-видимому, это произошло не только из-за их значительных размеров, но и из-за того, что они походили скорее на небольшие безуездные городки, благодаря наличию в каждом небольшой крепости — острожка.

Свое название Тагино получило, может быть, от слова «таган» — горшок. И действительно, напротив села, в излучине Оки высится округлый в плане холм, похожий на перевернутый вверх дном горшок. Ранее слободка «под Тагинским лесом» принадлежала некоему Якушке Костину [9], а затем, скорее всего после Смутного времени, обширные земельные владения в верховьях Оки перешли во владение рода Пушкиных. Первым владельцем села стал Микита Остафьевич,*** а затем ему наследовал стольник Петр Михайлович Пушкин. Со-

Разрез и план черной курной избы в Орловской губернии в XIX в. По Л. В. Далю.

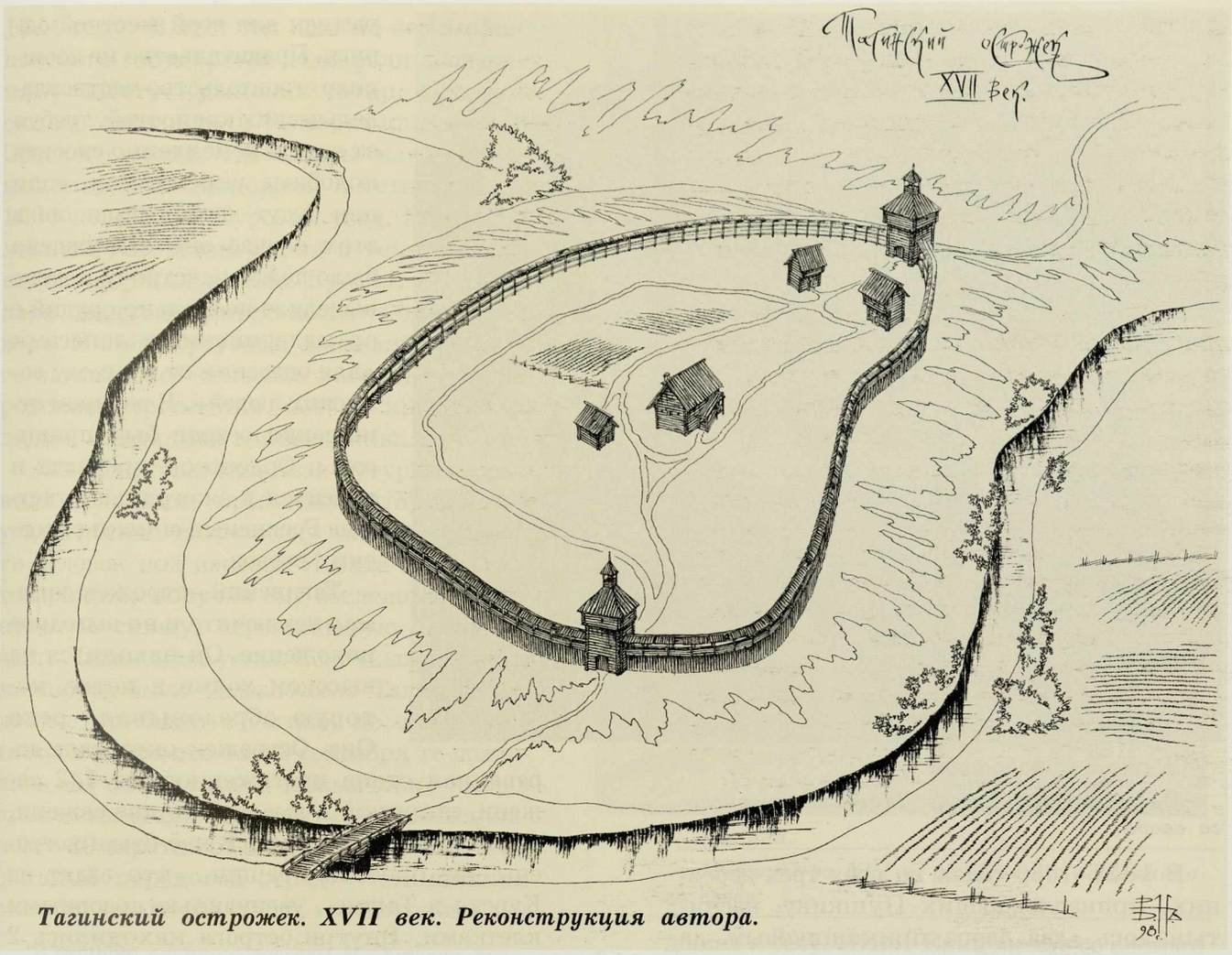
Благодаря консерватизму крестьянского жилья его облик с веками мало менялся. Подобный внешний вид и планировку с некоторыми отличиями имели крестьянские избы в Орловском уезде и в XVI–XVII веках. Аналогично выглядела в это время большая часть городской застройки Орла и других городов края.



*Следует учитывать то, что в состав Орловского уезда ранее входили земли, занимаемые ныне Свердловским и Урицким районами, значительная часть Залегощенского и Глазуновского районов, а также некоторые территории, входящие ныне в состав Болховского, Мценского и Кромского районов.

**В нач. XVII в. входило в Мценский уезд.

***Первое упоминание о М. О. Пушкине как о владельце с. Тагино содержится в Писцовой книге Мценского уезда Осипа Коковинского и подьячего Первого Михайлова 1619–1621 гг. [10].



Тагинский острожек. XVII век. Реконструкция автора.

гласно Писцовой книге Мценского уезда 1627–1630 годов, ему принадлежали, кроме деревни Тагиной, деревня Боброк на устье речки Боброк и деревня Болотная Поляна, «Суворова Слободка тож», запустевшая от «воинских крымских и ногайских людей» [11]. Поместье Пушкиных находилось на устье ручья Тагинки на поляне, отчего и возникшее при усадьбе сельцо получило название «Подолянь».

Опись, составленная в 1684 году дьяком Н. Насоновым [12], присланным из Курска для переписи вотчины тяжело больного П. М. Пушкина, позволяет представить внешний вид поместья крупного вотчинника того времени, разительно отличающегося от позднейших «дворянских гнезд». Усадьба состояла из большой избы с сенями, погреба, девяти клетей для хозяйственных нужд, бани, хлева и четырех сараев. Все постройки были крыты соломой. Поместье окружал частокол. В отсутствие хозяина на «вотчинном дворе» проживали его приказчики. Кроме усадьбы в Тагино П. М. Пушкину принадлежал еще осадный двор в Орле, рядом с кремлем, на котором проживал его дворник, некий стрелецкий сын Васька Дмитриев [13]. По соседству с поместьем находились «двор скоцкой», где содержались бык, 26 коров, 11 овец, 4 барана, домашняя птица и хранился сельскохозяйственный инвентарь. Был и конный двор, где стояли 4 коня служилых (боевых), 49 меринов и 33 кобылы. На «деловых дворах» жили челядь и дворня стольника, которой насчитывалось 50 человек.* Недалеко стояла деревянная «клецкая» Покровская церковь. Храмовые иконы «и свечи, и книги, и ризы, и колокола» были устроены иждивением попа Афанасия и местных крестьян [14].

*В описи указаны только лица мужского пола, в том числе и дети. Если считать женщин, то челяди было, по-видимому, в два раза больше.

Жатва и молотьба.

Миниатюра XVI в. из Лицевого летописного свода.

В 1627–1630 годах во всех трех деревнях, принадлежавших Пушкину, насчитывалось «два двора прикащиковых, да 48 дворов крестьянских, а людей в них 78 человек, да 28 дворов бобыльских, а людей в них 39 человек, 18 дворов пустых крестьянских» [15]. К 1678 году количество крестьянских и бобыльских дворов в вотчине выросло до 192, а население до 1122 человек мужского пола. Крестьянская община платила своему владельцу денежный оброк в размере 3 рубля в год, пахала барщину и поставляла: масла — 15 ведер, вина — 240 ведер, мяса свиного — 10 пудов и 180 кур. «А те запасы к вотчиннику своему, к Москве, возят они, крестьяне, на своих подводах» [16].

Будучи расположено вдали от городов (до Орла от Тагино было около 60, а до Кром около 35 верст), село было бы неминуемо разорено во время татарских набегов, поэтому для защиты людей и своего имущества усилиями владельца села и его крестьян в Тагино был возведен Тагинский острожек — крепость, ставшая надежным укрытием для всей местной округи. Правительство не поощряло строительство частновладельческих крепостей, требуя от воевод немедленно сносить подобные укрепления, если они будут возводиться, но в этом случае оно вынуждено было пойти навстречу и даже выделило несколько орудий с артиллерийскими запасами «для опасения от приходу воинских людей». В военном отношении острог был приписан к Орловской крепости и вносился в ежегодные отчетные Росписные списки орловских воевод.

Тагинский острожек занимал исключительно выгодное положение. Он находился на высоком холме в петле, которую образовывала река Ока. Острожек окружала деревянная стена протяженностью 142 сажени, шириной и высотой по две сажени, с обламами и катками. В неё были встроены две проезжие башни, «что ездят из Курска в Тагин», увенчанные дозорными клетками. Внутри острога находились 2 житницы с зерном, омшаник и изба, где жил бобыль, сторживший хлеб. Тайников и колодцев в нем не имелось. На вооружении крепостицы состояли две пушки железные «мерою по аршину с четвертью» с 83 ядрами и два пуда ружейного пороха [17]. Узкая перемычка между холмом, где стоял острожек, и материком была перерезана ложбиной, искусственно углубленной. Гребень горы, постепенно поднимаясь от острожка, заканчивался высокой округлой горой с древнерусским городищем наверху, от которого еще уцелели ров и вал. В свою очередь, гора с городищем отделялись от материка глубокой и широкой ложбиной. Все эти природные «крепости» в сочетании с деревянными укреплениями образовывали очень удобное для обороны место, что было весьма немаловажно в то беспокойное время.

Высокие боевые качества Тагинского острожка особенно ярко проявились в

1644 году. В этот год южные земли Московского государства подверглись очередному набегу крымских татар. Особенно сильно пострадали Комарицкая волость Севского уезда, где татары взяли Краснопольский острожек, пленив около 1000 человек, и Курский уезд. Многочисленный татарский отряд в течение двух недель держал в осаде Кромы, но благодаря предусмотрительности и опыту воеводы Якова Кутузова, вовремя успевшего загнать всё сельское население за городские укрепления, потери кромичей в людях оказались минимальны.

Ливенский воевода Иван Бутурлин, предвидя появление крымских татар в своем уезде, послал на разведку станицу из шести человек под началом Игната Енина* «со товарищи», поручив ему обследовать Пафнутскую сакму, пересекавшую западную часть Ливенского уезда. Конечным пунктом маршрута было указано село Тагино. Служилые прибыли в Тагино, не обнаружив татар, но в ночь с 4 на 5 сентября те появились под селом сами. Главные силы татар в количестве около 60 тысяч остановились станом в 20 верстах от села — на Сновах, а их сильный передовой отряд — станичники сметили около 20 тысяч — «изгоном» подошел к селу. Игнат Енин вместе со своими людьми и крестьянами укрылся в острожке, где и просидел в осаде два дня, отбивая жестокие приступы татар, пытавшихся овладеть крепостицей. Поняв, что острога им не взять, крымцы сняли осаду и ушли на соединение с главными силами [19].

*В отписке елецкого воеводы И. Урусова руководителем станицы назван сын боярский Никифор Лаушкин [18].

Жатва.

Миниатюра XVI в. из Лицевого летописного свода.

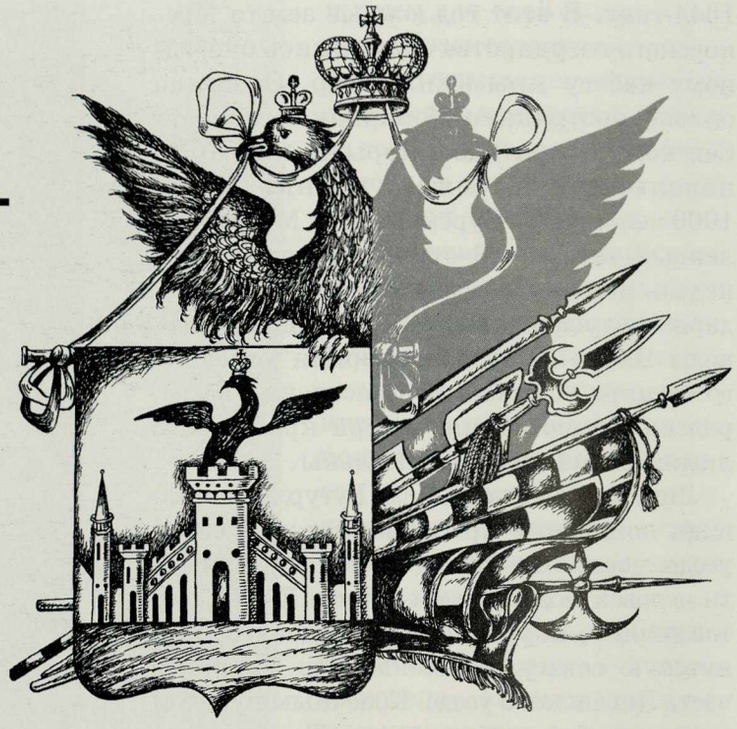
Пахота, сев и жатва.

Миниатюра XVI в. из Лицевого летописного свода.

Тагинский острожек поддерживался в боевом состоянии почти до конца XVII века, пока не отпала какая-либо надобность в его укреплениях и не исчезла окончательно опасность татарских набегов. Опись 1684 года свидетельствует о его ветхом состоянии. По-видимому, в конце XVII или в начале XVIII столетия острог сгорел. Во время археологической разведки на его территории были обнаружены обгоревшие доски и бревна [20], но это не являлось результатом вражеского нашествия, скорее всего, пожар произошел по случайности или из-за удара молнии. Как бы то ни было, свою роль Тагинский острог к тому времени уже сыграл.

ГЛАВА XIX

Орёл в конце XVII — первой половине XVIII века



«Город Орёл стоит на Оке реке в степи на низком месте на левой стороне; град деревянный ветх уже, жильем не многолюден; пристань соленая и хлебная зело велика; матица хлебна! Орёл река сквозь градское жильё течет и пала во Оку с левой стороны; лесом и дровами зело нужно*; церквей каменных много; монастырь мужеской зело хорош, а ограда каменная».

Путешествие в Святую землю священника И. Лукьянова. 1710 г. [1].

«Можно уверительно сказать, что Орёл город есть такое место, которое подает великия обогащения его жителям и есть гнездо торговли всей Украины, получающей из всех мест для обеих столиц и заморского отпуска всякие растения и продукты ... и увидим, что он в краткое время не уступит в коммерции лучшим российским городам, каковы суть: Тула, Калуга, Вязма, Ярославль, Торопец, Ржев и протчия».

Историческое и географическое описание о городе Орле и уезде. 1787 г. [2]

Конец XVII столетия отмечен в Орле целым рядом пожаров. Сильный пожар произошел в городе в 1686 году, но о нём известно только то, что сильно пострадали Драгунская и Стрелецкая слободы. Еще более опустошительный пожар «изволением Божиим» случился 4 сентября 1689 года «в восьмом часу дни». Из-за сильного ветра горящие головни и драть перекинуло через реку, в результате чего выгорела застройка по обоим берегам Оки. Согласно отписке воеводы Якова Ржевского во время пожара сгорели «три церкви Божии прихоцкие — во имя Покрова Пресвятыя Богородицы (в Покровской Драгунской слободе), да Николая Чюдотворца (в Стрелецкой слободе), да святыя нареченные Пятницы мученицы Просковеи (в Пятницкой Драгунской слободе)... с ыконы и с церковными утворми». Выгорел городской торг с различными казенными постройками: таможней, кружечным двором, торговой баней и торговыми рядами, а также почти полностью четыре слободы: Пушкарская, Стрелецкая, Драгунская (Покровская и Преображенская) «и орлян посацких и иных орловских чинов жителей, и москвич, и розных городов всяких чинов людей дворы и лавки со всякими товары и с солью, и с хлебом сгорели».

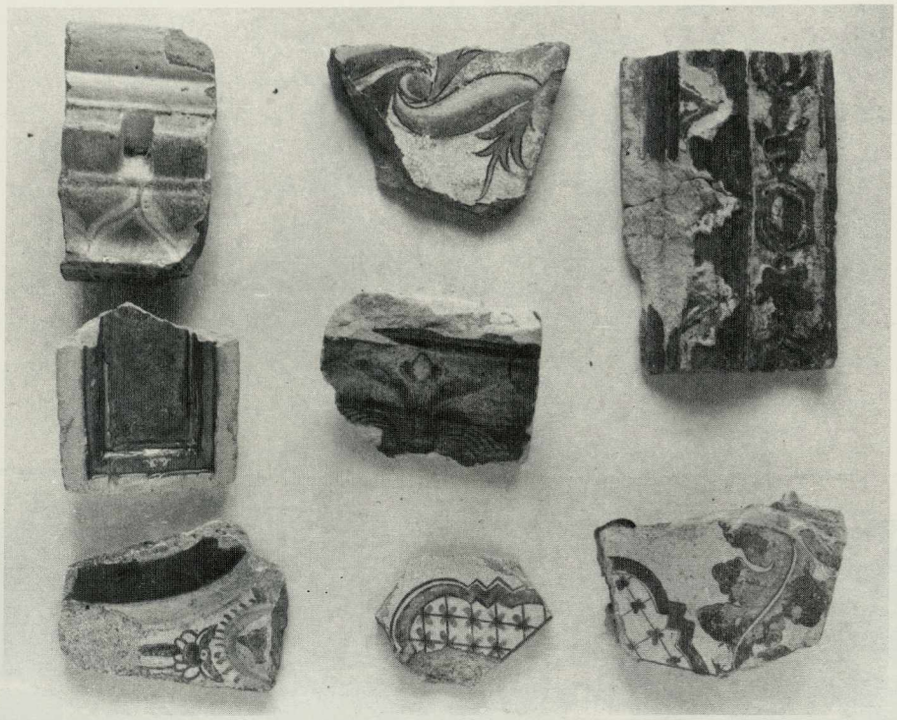
Орловские стрельцы и драгуны в своих челобитных, жалуясь по поводу «пожарного разорения», писали, что «ныне они, пришед с их Великих Государей службы, ски-

*Данная запись свидетельствует о «великом оскудении» строевым лесом и дровами в Орле начала XVIII века, из-за массовой вырубки и без того немногочисленных лесов в окрестностях города.

таютца меж двор з женами и з детми и живут в чюжих домех, помирают голодною и холодною смертью, а иные де их братья от того розбрелись в розны и в иные городы...»

Служилые просили об освобождении их от участия в намечавшемся втором Крымском походе, «чтоб им з женами своими и з детми голодною и холодною смертью не помереть и с Орла не разбрестца и их Великих Государей службы впред не отбыть». Их обстоятельства были уважены. Чтобы служилые могли оправиться после пожара, им дали временную отставку [3].

В начале XVIII века начинается административный рост Орла. Из обычного военного городка полкового подчинения он становится центром довольно значительной округи. В 1708 году город с уездом причислен к Киевской губернии, а в 1719 году в связи с делением губерний на провинции Орёл становится провинциальным центром, что придает значительный стимул его развитию. Ранее значительно уступавший по населению таким городам, как Брянск, Севск, Болхов, Ливны и Елец, город начинает быстро расти. В Орловскую провинцию, кроме собственно Орла, вошли Мценск, Болхов, Новосиль, Чернь и Белев с уездами (Кромы вошли в состав Севской провинции, Ливны — Елецкой. — *В. Н.*), а первым провинциальным воеводой стал Григорий Воейков. В 1727 году Орёл с провинцией переведен в Белгородскую губернию.

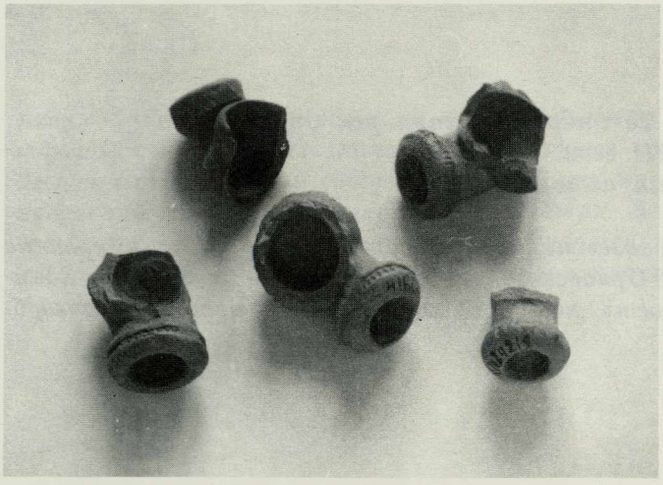


Предметы, найденные при археологических раскопках Орловской крепости. Фрагменты цветных изразцов. XVIII век.

Из фондов Орловского областного краеведческого музея.

Предметы, найденные при археологических раскопках Орловской крепости. Курительные трубки. XVIII век.

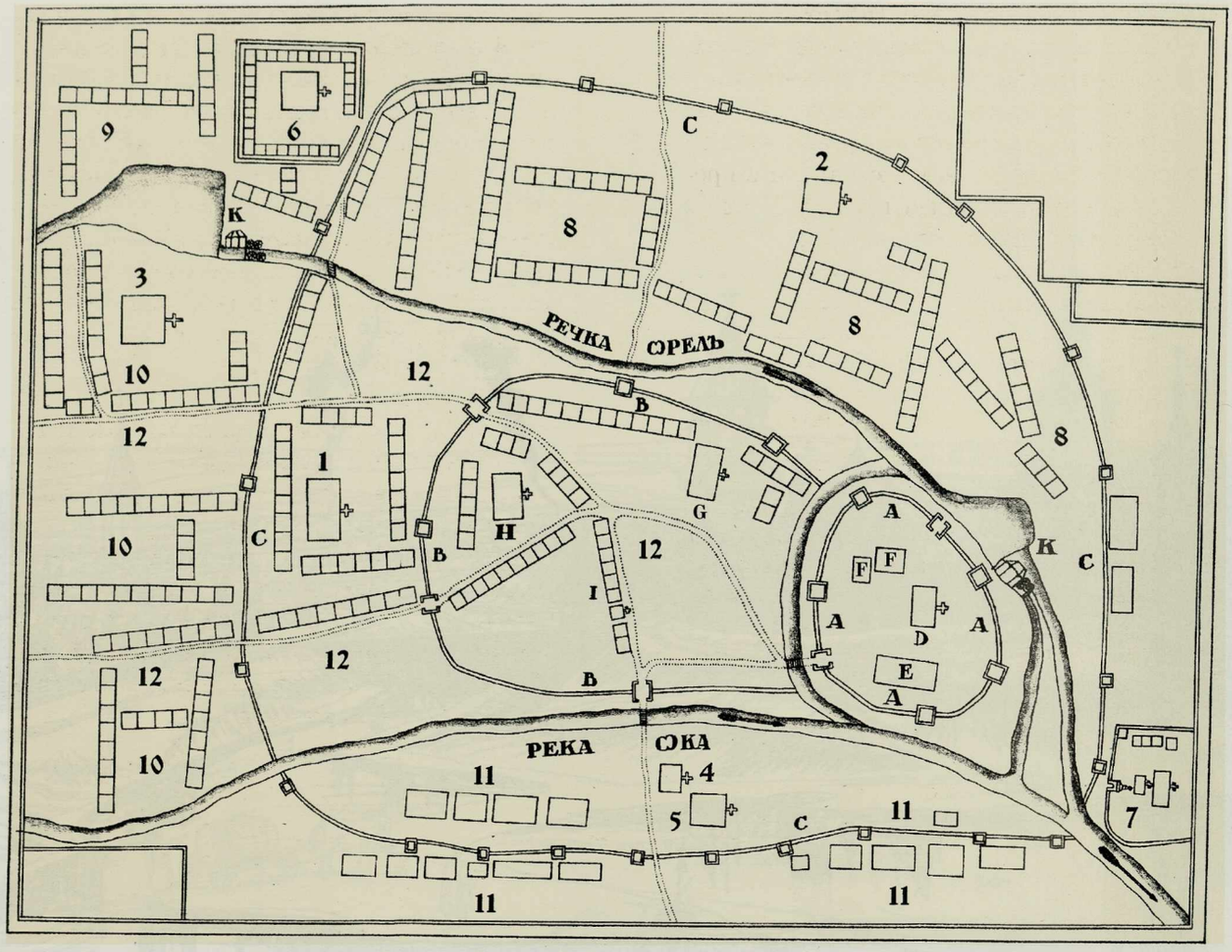
Из фондов Орловского областного краеведческого музея.



Несмотря на то, что Орёл всё еще считался военным городом со всеми его атрибутами — крепостью, артиллерией и гарнизоном (по Росписи 1702 года в нем насчитывалось 4458 человек служилых людей [4] — стрельцов, рейтар, копейщиков, драгун, солдат и др. — *В. Н.*), по сути он таковым уже не являлся, превратившись в значительный торговый и ремесленный центр. Торговля и ремесла занимали почти все время орловских служилых людей, а их военные обязанности были достаточно формальны: караулы у городских ворот, казенных и административных зданий, сопровождение обозов и колодников, посылки по «казенной надобности» и др. Часть

Вид на Орел со стороны устья рек Оки и Орла в начале XVIII века.
Реконструкция автора.

На стрелке возвышаются обветшавшие, но еще крепкие стены и башни Орловского кремля — Рубленого города. Единственная вольность, которую позволил себе автор, это изобразил башни с шатрами, к этому времени большая часть шатров сгнила и развалилась. За городовой стеной виден Рождество-Богородичный собор, а за ним, уже вне крепости, Богоявленский собор одноименного монастыря. В левой части рисунка виднеется храм св. Николая Чудотворца в Стрелецкой слободе, а справа, вдалеке — Успенская церковь (св. Михаила Архангела) в Посадской слободе.



Чертеж г. Орла. 1728 г.

Чертеж города Орла делан против того чертежа, который взят из военной коллегии.

A. Замок рубленый дубовый, по мере вокруг рва ... сажен.
B. К замку был другой город острожной стоячей дубовой, по мере 429 сажен и оной город в прошлых годех сгорел.
C. Земляной вал и при нем были надолбы деревянные, и оной вал осыпался и ров заровнялся, и надолбы сгнили, по мере вокруг оного валу 1213 сажен.
D. Церковь соборная Рождества Богородицы.
E. Канцелярия.
F. Лантрацкие хоромы.
G. Церковь Богоявления Господне.
H. Церковь Николая Чудотворца.
I. Реды москатинныя.
K. Платины мельничныя.

Сей чертеж чертил инженерного корпуса кондуктор Михайло Бузовлев в [1]728 год майя 14 дня.

1. Церковь Пророка Ильи (Воскресенская. — В. Н.).
2. Церковь Георгия.
3. Церковь Успения Богородицы.
4. Церковь Преображения Господня.
5. Церковь Покрова Богородицы
6. Монастырь Введение девичий.
7. Монастырь Успенский мужской.
8. Слободы разных чинов людей беломесцов.
9. Слободы разных чинов людей.
10. Слободы пасацких людей.
11. Слободы драгунские.
12. Улица большая.

Прорись чертежа и цифровая аннотация вместо надписей на оригинале — автора.

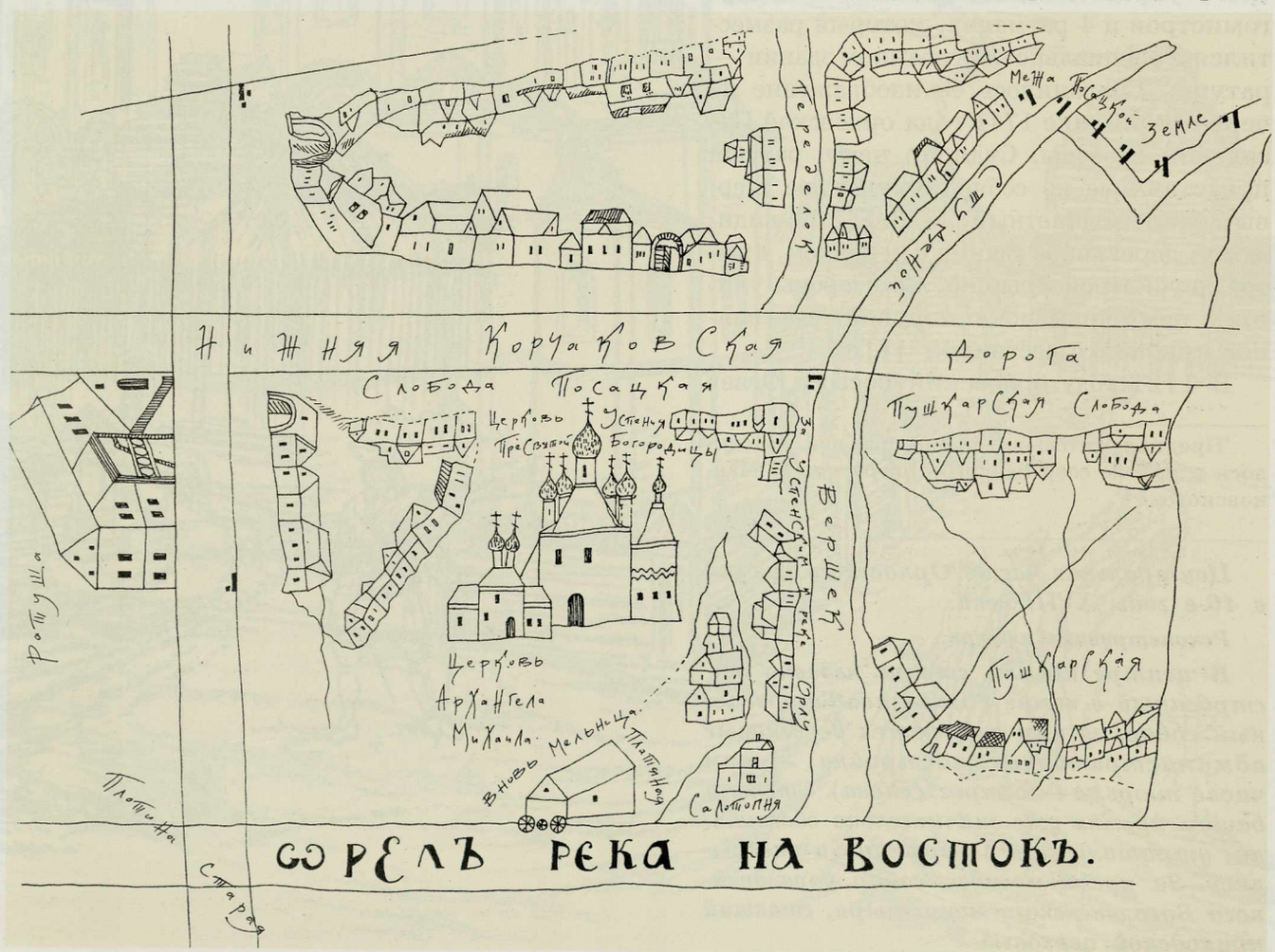
орловских служилых мобилизовали в действующую армию и на различные работы.

Последняя роспись боевого состояния Орла была составлена в 1703 году. О крепости в ней лаконично сказано: «Город рубленой дубовой, в нем две башни с проезжими вороты, 5 башен глухих. Городовое строение сгнило и опало» [5].

Зимой 1710 года в Орле побывал московский священник Иван Лукьянов, направлявшийся в Святую землю и оставивший о своем путешествии интересные записки. В Орле Лукьянов прожил пять дней у посадского человека Нила Басова и остался очень доволен приемом: «Покудова мы у него стояли в его доме — всё нас поил и кормил, и коней наших; боле тоя любве невозможно сотворить, яко же Авраам странноприимец. И сведаша про нас боголюбцы, и начаша к себе звати в домы своя и покоить нас: спаси их Бог, добрые люди! Миленькие орляне.

А люди к церквам зело усердны и часто по вся годы ездят в Киев Богу молитися и с женами и детьми; и с нами многие хотели итти во Иерусалим, да за телесными достатками не пошли».

Лукьянов написал о городе следующее, прежде отметив его географическое положение: «Город Орёл стоит на Оке реке в степи на низком месте на левой стороне... Орёл река сквозь градское жилье течет и пала в Оку с левой стороны». Об Орлов-



Фрагмент чертежа Посадской слободы г. Орла. 1741 г. Выкопировка автора.

На чертеже изображена часть слободы, прилегающая к реке Орлу. На берегу реки стоят две каменные церкви — Успения Богородицы и св. Михаила Архангела, на месте которых в 1798 году началось возведение ныне существующего монументального храма св. Михаила Архангела. Перед церквами «вышняя» мельница и плотина, существовавшие еще в 40-е годы XX века. В левой части чертежа — городская ратуша.

ской крепости он записал: «Град деревянный ветх уже, жильем не многолюден», а также особо отметил, что в городе «церквей каменных много» [6]. В Орле действительно по сравнению с соседними городами Болховом, Мценском, Ливнами, не говоря уже о Кромах, имелось больше всего каменных храмов. Это были церкви: Богоявления (посл. четв. XVII в.), Воскресения (1688 г.), Николы Чудотворца (кон. XVII — нач. XVIII вв.), Успения Богородицы (1678 г.), а также соборная Введенская церковь женского монастыря (1703–1708 гг.). Очень понравился Лукьянову Успенский мужской монастырь: «Зело хорош, ограда каменная». В нём уже стоял целый ряд каменных храмов: Успенский собор (1688 г.), церковь Иоанна Предтечи (1700 г.) и надвратная церковь Петра и Павла на Святых воротах (1693 г.).

В 1720 году в Орле был учрежден городовой магистрат — выборный орган городского управления, состоявший из 2 бургомистров и 4 ратманов, который разместился в специально построенном здании — ратуше. Сохранилось её изображение на чертеже-рисунке 1741 года орловской Посадской слободы. Судя по нему, ратуша представляла из себя двухэтажное (первый этаж подклетный. — *В. Н.*), по-видимому, деревянное здание с чердаком, крытое двускатной крышей. Со стороны улицы к нему примыкало наружное деревянное крыльцо с лестницей* [7].

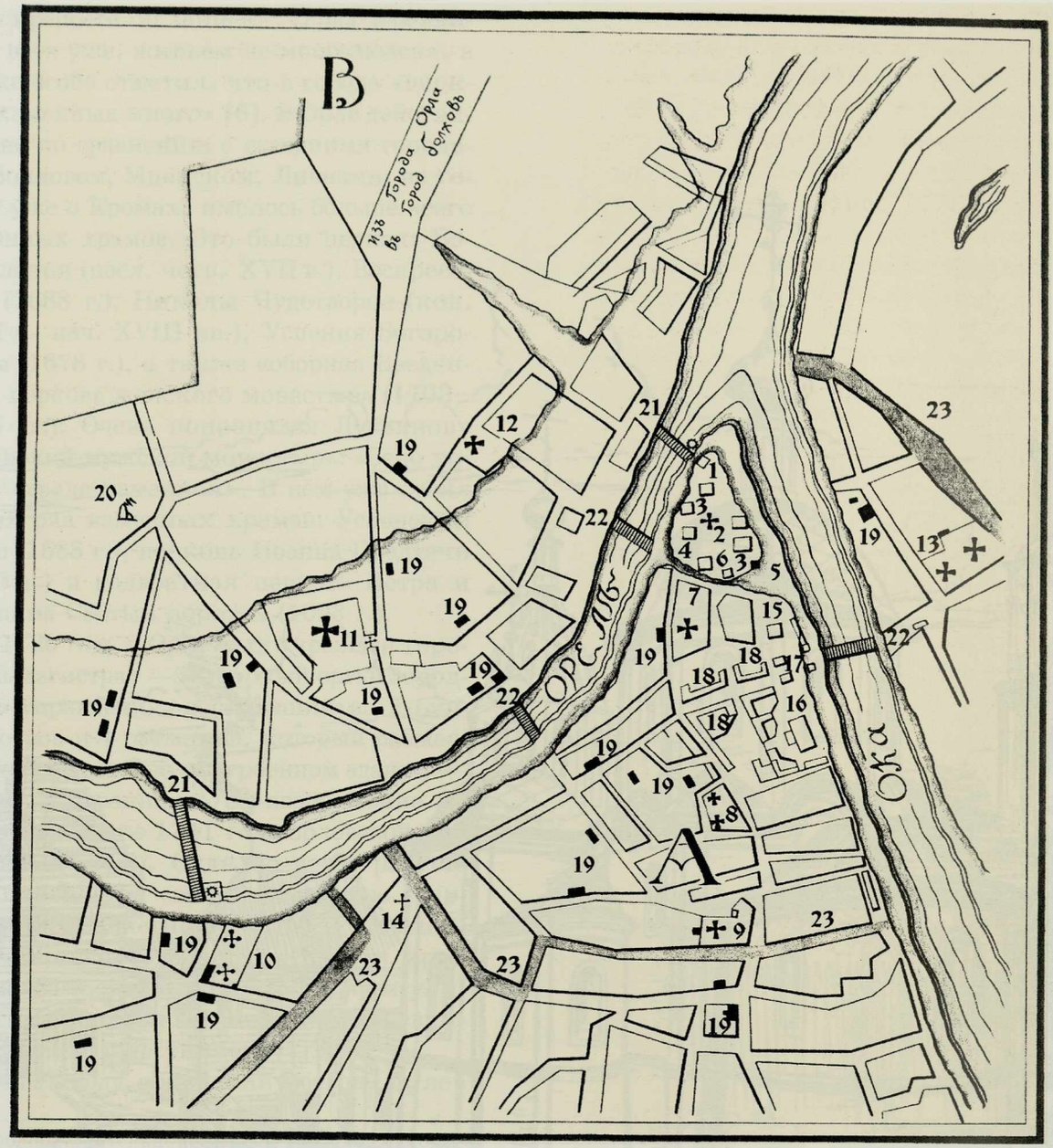
В 1721 году орловский воевода Отяев

*Предположительно, здание ратуши находилось в районе современного сквера им. В. Маяковского.

Центральная часть Орловского кремля в 40-е годы XVIII века.

Реконструкция автора.

В центре кремля стоит недавно отстроенный в камне Рождество-Богородичный собор, за ним виднеются деревянные административные постройки, в том числе тюрьма — острог (слева). Стены и башни кремля уже значительно обветшали, утратили свои завершения и раскрылись. За кремлем виден собор упраздненного Богоявленского монастыря, ставший приходской церковью.



«План города Орла с поселенными при нем слободами» (центральная часть). 1778 г. Выкопировка и аннотация автора.

1. *«Город» (земляная крепость).*
2. *Соборная церковь Рождества Пресвятой Богородицы.*
3. *Присутственные места.*
4. *Прежняя канцелярия.*
5. *Проезжие ворота каменные (недостроенная соборная колокольня).*
6. *«Гобвахта» (арестантская).*

В предместии города:

7. *Богоявленская церковь.*
8. *Никольская и Знаменская церкви.*
9. *Воскресенская церковь.*
10. *Успенская и Михаила Архангела церкви.*
11. *Введенский девичий монастырь.*
12. *Георгиевская церковь.*
13. *Преображенская и Покровская церкви.*
14. *Часовня деревянная.*
15. *Наместническое правление деревянное.*
16. *Наместнический дом.*
17. *Ворота каменные (обелиски).*
18. *Торговые лавки.*
19. *Каменные обывательские дома.*
20. *Ветряная мельница.*
21. *Плотины мельничные.*
22. *Мосты.*
23. *Границы слобод.*

получил предписание в подчиненных ему провинциальных городах Орле, Мценске, Белеве, Болхове и Новосиле, «которые шанцы (земляные укрепления. — *В. Н.*), рогатки и протчия крепости, где для защищения учинены, оные велено содержать в добром состоянии и исподволь, без пущего утеснения подданных ежегодно починять». Воевода доносил, что «в Орловской провинцыи городы которые построены были для крепости деревянные, дубовым лесом, а имянно в Орле, во Мценске згнили, которые и к пачинке весьма негодны», и просил выслать царский указ «о строении вышеписанных городов», из каких доходов их строить, или же осуществить ремонт городскими и уездными людьми по развытке [8]. Неизвестно, был ли выслан на Орёл соответствующий указ, и если был, то что по нему было осуществлено. Скорее всего ничего, поскольку ведомость 1724 года рисует весьма плачевное состояние Рубленого города: «Заман (замок. — *В. Н.*) деревянной, дубовой, рубленой, ветх и не накрыт, во многих местах развалился» [9].

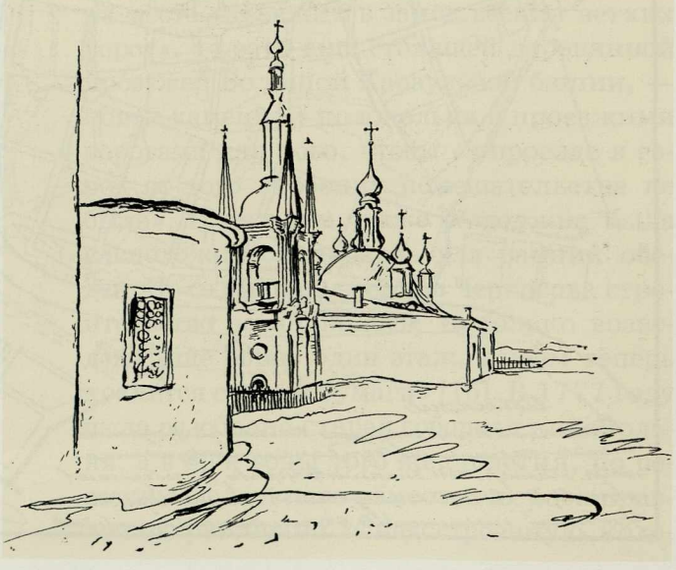
При том же воеводе Отяеве началась подготовка к строительству каменной палаты для хранения казенных денег — рентереи, был заготовлен камень и загашена известь. Но сменился Отяев, а строительство так и не было начато, к тому же указом из Штатс-Кантор коллегии велено было палату в целях экономии построить деревянную. Следующий после Отяева воевода полковник Хрипунов, также настаивая на сооружении каменной палаты, писал, что Орловский кремль — Рубленый город «весьма тесен и мал». Кроме деревянной соборной церкви и стоявшего рядом с ней воеводского двора, в нём в это время находились канцелярия, провиантская и земская конторы и колодничья изба. Воевода указывал, что за теснотою строить деревянную палатку опасно и «о том писано доношениями и требовано указу неоднократно... а деревянное строение, как может быть от пожару безопасно?»

Как бы подтверждая правоту воеводы, в ночь 27 сентября 1723 года в Орле произошёл «великий пожар», истребивший застройку торговой площади и её окрестностей. Сгорели москательный, рыбный и мясной ряды и «протчия многия анбары и хорчевни и дворы». Орловский кремль «помощию Божией едва уцелел». В заключение воевода писал: «...и означенная известь ныне в Орле пропадает напрасно и от мочи (сырости. — *В. Н.*) тратитца и оную исвесь, где девать? Или оное строение достроить ли? ... И впредь, ежели указом Его Императорского Величества построить каменной козенной (палаты. — *В. Н.*) повелено не будет, а от того учинитца козне от пожарного случая гибель, дабы то не взыскалось на мне безвинно».

Находившиеся на торгу кружечный двор с таможней и подвалами, в которых содержались винные «всякие питейные припасы», во время пожара едва уцелели, но от этого было мало проку: постройки во время тушения пламени разломались, а погреб продавили. Впрочем, и до пожара они находились не в лучшем состоянии, целовальники жаловались, что от старости «строения весьма обветшали и сгнили и во многих местах развалились». А в таможне в зимнее время вообще находиться было невозможно. Поддерживая просьбу целовальников о постройке каменных домов на кружечном дворе, воевода Хрипунов писал: «А ежеля Его Императорского Величества указом повелено будет оное строение строить вновь деревянное и оное строение пе-

Покровская церковь в г. Орле. Построена в 1752 г., разобрана в 1853 г.

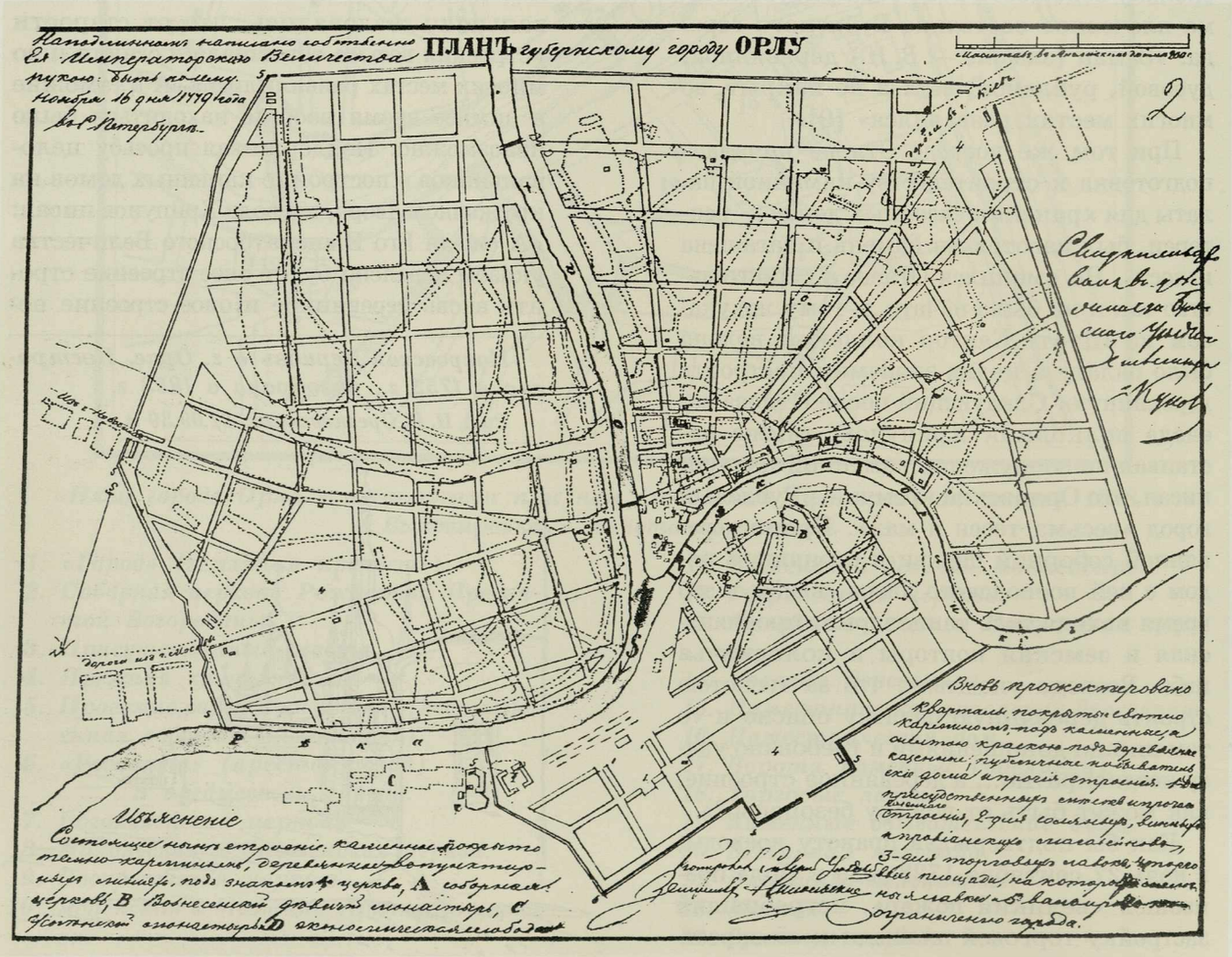
Рис. И. И. Срезневского. 22.09.39 г.



ред каменным строением станет дешевле малым числом, для того — дорог покупают лес, дорогою ценою, того ради, что в близости города Орла лесов нет»... [10]

Окончание дела о ремонте казенных построек в Орле не сохранилось, но можно предполагать, что соображения сомнительной экономии в Штатс-Кантор коллегии всё-таки взяли верх. На плане Орла 1778 года ни в «Городе», ни на торговой площади каменных казенных построек не показано.

В 1738 году в связи с началом русско-турецкой войны по указу императрицы Анны Иоанновны было велено в Воронежской, Белгородской и Казанской губерниях «пограничные городы для лучше впредь от неприятеля предосторожности как возможно поправить и починить тех мест обывательми, чтоб во время неприятельского нападения подданным Ея Императорского величества вреда приключитца не могло». Из Орловской провинциальной канцелярии в Белгород было сообщено, что «по оному Ея Императорского величества указу... исполнение чинитца» [11]. Из Орла указы были разосланы и в остальные города провинции. К сожалению, неизвестно, что было осуществлено конкретно во исполнение этого указа, возможно, ограничились некоторым ремонтом еще стоявших укреплений Города рубленого. Как бы то ни было, эти работы, если они, конечно, были осуществлены, являлись чисто символически-



Регулярный план г. Орла.
Утвержден 16 ноября 1779 г.
На плане пунктирными линиями нанесены существующая на 1779 г. застройка, черными сплошными — запроектированная и впоследствии осуществленная.

ми, поскольку Орловская крепость безнадежно устарела с фортификационной точки зрения, а в связи с общим ходом войны, по-видимому, отпала и надобность в каких-либо серьезных оборонительных работах.

Оставшиеся без ремонта и присмотра стены и башни Рубленого города постепенно разваливались и растаскивались обывателями на дрова, но простояли до 60-х годов XVIII века. Последнее упоминание об укреплениях Рубленого города содержится в ведомости 1785 года, в которой говорится о них уже в прошедшем времени: «Сказывают, что была на сем валу и по берегу обоих рек деревянная дубового лесу стена с 4-мя башнями, и одними вороты, но от времени совсем истребилась» [12].

Утеряв фортификационные сооружения, территория Рубленого города почти до конца XVIII века служила административным центром Орла. По традиции это место называли «Городом», в то время как остальная застроенная территория именовалась «Предместьем». Здесь на полуострове, отделенном от застройки старыми, осыпавшимися рвами и валами, остатки которых еще в конце XVIII века были «довольно видны», располагались пять корпусов присутственных мест, старое здание канцелярии и «гобвахта» — помещение для арестантов, все эти постройки были деревянные. Старые воеводские хоромы были разобраны, а южнее бывшей крепости, несколько выше по течению Оки поставили «большой деревянный на каменном фундаменте дом для государева наместника, а поблизости его, пониже по берегу — два каменных столба, представляющие вороты, украшенные резьбою и гирляндами; ниже же того по реке дом для наместнического правления и советного суда, так же хороший деревянной на каменном фундаменте...» [13]

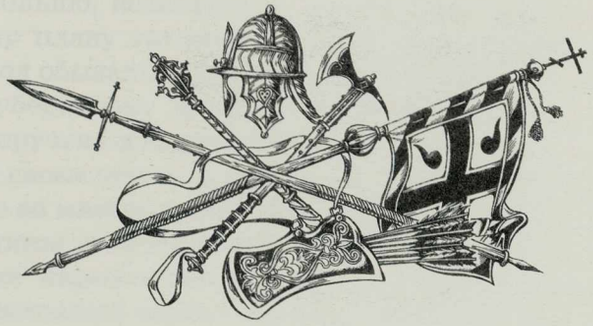
В центре бывшей крепости стоял деревянный, уже изрядно обветшавший Рождественский собор. Проведенный 25 января 1731 года осмотр соборной церкви выявил весьма плачевное её состояние. «А по осмотру оная церковь и олтарь и трапеза весьма ветха, и у левой стороны той церкви многия бревенья выгнили и углы выволились, а кровля на той церкви во многих местах огнила и опала и от того бывает как в церкви и в олтарной, так и в трапезе от дождя во многих местах течь, а паперть во многих же местах рзволилась, и мост, и лесницы и рундуки все огнили и розволились... и служба церковная имеетца у ней с великим опасением» [14]. Вскоре вместо обветшавшего построили каменный Рождественский собор с приделом Успения Богородицы. Новый собор был одноглавым, двухэтажным, с каменной колокольней и папертью и представлял из себя «церковь не весьма обширную и умеренно отделанную».

Но и он просуществовал сравнительно недолго. Постоянные наводнения подмывали стены, по фасаду пошли трещины, а колокольня наклонилась и угрожала падением. Вдобавок храм был очень мал и тесен и в качестве соборной церкви не удовлетворял прихожан ставшего губернским города, потому что он «как по своей наружности, так и по самой внутренности не заслуживает имени собора: кровля его весьма обветшала, по крыльцам входить в оный собор без опасности невозможно; почему, как за ветхостью, так и за теснотою, в праздничные и высокоторжественные дни в нем соборного служения не бывает, да и быть не может, а совершается такое служение по разным приходским церквам» [15]. В 1760 году при воеводе коллежском асессоре Черкасове вместо обветшавшей соборной колокольни, «к падению опасной», началось строительство на месте «въезжих в замок весьма ветхих ворот», то есть еще стоявшей деревянной проезжей Большой Караульной башни, — новой каменной колокольни с проезжими воротами для того, чтобы «в проезде в город от того строения помешательства не было». В нижнем этаже её должна была расположиться церковь для ранних обеден. Но со сменою воеводы Черкасова строительство остановилось, «а только возведен выше ворот один этаж, в коем теперь хранятся старые бумаги» [16]. В 1777 году была разобрана старая соборная колокольня, а в 80-е годы того же столетия, по решению Орловского наместнического правления, разобрали и недостроенную коло-

кольню, поскольку по новому регулярному плану это место должно было отойти под обывательскую застройку. В 1786 году губернскому архитектору Кливеру было поручено освидетельствовать старый собор. В своем отчете он писал, что «в оном соборе во многих местах имеются немалые трещины от основания и до верха, что многие кирпичи выкрошились, а придел от настоящей церкви немалою трещиною отделился от низу и до верху, и словом — вся церковь стоит ветхою и весьма непрочною» [17]. В том же году собор был разобран, и кирпич, оставшийся после разборки, пошел на строительство кладбищенской Сергиевской церкви. На месте храма поставили каменный столб с крестом наверху, простоявший около 50 лет. Но и он развалился, а позднее это место занял дом купца Сошина с «обывательскими надобностями». Находился Рождественский собор примерно там, где до недавнего времени стояла деревянная скульптура основателей Орла.

Окончательный удар остаткам Орловского кремля был нанесён регулярным планом, утвержденным в 1779 году. Согласно ему присутственные места и все административные здания переносились на новое место — на гору за реку Оку. Старый Рождественский собор по ветхости разобрали, а территорию бывшего Рубленого города заняли обывательские дворы и огороды, под натиском которых быстро исчезли последние остатки древних валов и рвов.

ЛЕТОПИСЬ ГОРОДА ОРЛА
XVI–XVIII ВЕКОВ
(ДО 1780 г.)



XVI ВЕК

1507 год, 9 августа — сражение на реке Оке между русским войском под началом князей Ивана Холмского и Константина Ушатого и крымскими татарами. Разгром татар, преследование их до реки Рыбницы.

1566 год, 29 апреля — 28 мая — объезд Иваном Грозным степных пограничных городов Козельска, Белева, Болхова и «инных украинных мест». По преданию, царь посетил и место при впадении реки Орла в Оку и лично отдал указ о строительстве на этом месте крепости.

1566 год, 8 сентября (21 сентября по новому стилю)* — закладка города Орла в праздник Рождества Пресвятой Богородицы.

Осень — запись в Дополнениях к Никоновской летописи за 7074–7075 гг. о постройке Орла: «Лето 7075-го... Того же лета повелением государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русии поставлен бысть город на Поли на реке Орлее».

1567 год, апрель — «на Орле воевода князь Василей Ростовской Волк да голова Володимер Безобразов».

1568 год, зима — в связи с татарским набегом к Карачеву был переброшен Сторожевой полк из Тулы под началом князя Петра Семеновича Серебряного. К нему присоединились воеводы из Новосиля и Орла (Сила Гундоров) со служилыми людьми.

1571 год, май — мимо Орла на Москву прошло войско крымского хана Девлет-Гирея.

*Здесь и далее даты, кроме оговоренных в тексте, даются по старому стилю.

Октябрь — по указу царя Ивана IV боярин Михаил Иванович Воротынский «со товарищи» приговорил высылать из «украинных» городов, в т. ч. и из Орла, станицы, жечь степь в предупреждение татарского набега. Составляется роспись сторóж (сторожевых постов), высылаемых из Орла на наиболее вероятные пути набегов крымских татар.

1572 год — по указу царя Ивана IV Орел укреплен «более прежнего». Предположительно в городе в это время были построены укрепления Большого острога.

1572 год, 2 августа — участие в знаменитой битве при Молодях отряда орловских служилых людей в 450 человек. Сокрушительное поражение татар хана Девлет-Гирея.

1573 год, лето — орловские служилые вместе с ратниками из других городов выводились на Оку в районе Коломна — Серпухов для прикрытия подступов к Москве.

1574 год, осень — орловских служилых приписали к Большому полку, стоявшему в Туле, под начало воеводы Бориса Васильевича Шереметева. Набег татар на рязанскую землю. Воеводы Орла, Мценска и Новосиля в «сход не поспели».

1576 год — небольшой отряд татар приходил на «орельские места», под Орёл.

Август–сентябрь — набег литовцев. Их отдельные отряды прорвались в Новгород-Северский, Орловский и Темниковский уезды.

1577 год — по приговору Боярской думы на Орле было велено «учинить» 500 человек казаков. Набрано 80 человек,

1580 год — на пополнение войск, действовавших на западной границе, в «сход» во Ржев направлены ратные люди из Переяславля-Рязанского, Пронска и Орла.

1585 год — служилые люди из Орла, Мценска и Михайлова были посланы против черкасов (украинских казаков) на Дон. Возглавлял Большой полк орловский воевода и наместник Ф. А. Бутурлин.

1586 год — участие орлян в строительстве и заселении города Ливны.

1591 год, июль — орляне в составе полка Правой руки русской рати под началом своего воеводы М. Б. Сабурова участвовали в сражении с крымским ханом Казы-Гиреем под Москвой. Разгром татар.

1593–1594 годы — участие орлян в строительстве и заселении города Кромы.

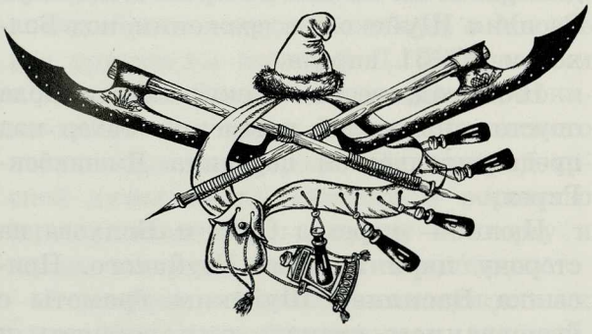
1594–1595 годы — писцом Дементием Яковлевым и подьячим Леонтием Софоновым составлена Писцовая книга Орловского уезда.

1596 год — участие орлян в строительстве и заселении города Курска.

1598 год, июль — орловские служилые «всем полком» во главе с воеводой Ф. Трубниным участвовали во встрече в Болхове послов крымского хана.

1599 год, апрель — вместо тульского учрежден украинный разряд, в связи с чем изменилось размещение полков на южной границе, которые переместились южнее. Большой полк стал во Мценске, Передовой — в Новосиле, Сторожевой — на Орле. Подобная дислокация сохранялась вплоть до 1605 года. Участие орлян в строительстве и заселении города Валуйки.

1600 год — начало большого голода.



XVII ВЕК

1601–1602 годы — большой голод по всей стране. Многие стрельцы и казаки из-за бескормицы бежали из Орла в другие города, где впоследствии остались на поселении навсегда.

1601–1603 годы — в Орёл в числе прочих городов посылались войска для «сыску про мятежи грацких людей».

1604 год, март — в связи с опасностью набега крымского хана Казы-Гирея посланы во Мценск, Новосиль и Орёл три полка под началом воеводы Михаила Борисовича Шеина — будущего героя обороны Смоленска в 1609–1611 гг.

13 октября — Лжедмитрий I с немногочисленным войском, набранным из польской шляхты, казаков и своих русских сторонников, перешел Днепр и вторгся в Московское государство.

Зима — на сторону самозванца переходят Кромы. Волнения в окрестностях Орла и Карачева. На помощь осадному голове Петру Крюкову в Орёл переброшены головы Григорий Микулин и Истома Михнев с сотнями, а также дворяне и дети боярские из Козельска, Белева и Мещевска. Поход на Орёл восставших кромчан и крестьян Околенской волости. «И головы Григорей Микулин да Истома Михнев с Орла посылали на них посылку Самоила Лодыженского с сотнею и мужиков побили».

1605 год, 21 января — сокрушительное поражение войск Лжедмитрия I у Добрыничей под Севском в бою с московскими войсками под началом воевод Ф. И. Мстиславского и Д. И. Шуйского. Бегство самозванца в Путивль. Участие в битве на стороне правительственных войск детей боярских из Орла. 129 из них несли службу конную, а 287 служили пищальниками.

Май — переход Орла на сторону Лжедмитрия I. При подъезде его к городу «воевода Федор Иванович Шереметев, духовенство, народ и часть войска, тысяч до восьми или более того, встретили его хлебом-солью, с крестами, образами, с колокольным звоном, восторженно приветствуя самозванца криками: «Буди, буди здрав, царь Дмитрий Иванович!» Привод к самозванцу пленных воевод Н. Плещеева, И. И. Годунова и других, суд и расправа над ними. Отсылка Лжедмитрием из Орла на Москву с грамотами возмущать народ Гаврилы Пушкина и присягнувшего

Наума Плещеева. Устройство войска для похода на Москву и разбитие его на три полка. «С Орла (Лжедмитрий) отпустил воевод перед собою: в Серпухов послал боярина Петра Басманова да князя Алексея Григорьева сына Долгорукова».

1606 год, 17 мая — убийство в Москве в результате заговора Лжедмитрия I. Воцарение Василия Шуйского. Восстания в южных городах: Путивле, Новгороде-Северском, Ельце, Ливнах, Кромах и других. Посылка на Орёл трех полков правительственных войск под началом воевод князя Юрия Никитича Трубецкого и Михаила Александровича Нагого.

Лето — неудачная осада Кром Трубецким и Нагим. Правительственные войска потерпели поражение от повстанцев И. Болотникова и отступили к Орлу. Ратные люди не захотели садиться в осаду в Орле: «...под осень в полкех быт не похотели, видячи, что во всех украинных городах учинилась измена и учали ис полков разъезжатца по домом». Василий Шуйский послал уговаривать ратных людей князя Даниила Ивановича Мезецкого, а в помощь орловскому гарнизону отрядил три приказа московских стрельцов под началом голов Ивана Широносова, Данила Пузикова и Петра Мусорского. Но посланные опоздали, и, не надеясь на верность населения, орловские воеводы И. А. Хованский и И. М. Борятинский с оставшимися верными им людьми бежали, а стрельцы встретили их у Лихвинской засеки под Калугой. Орёл открыл ворота И. Болотникову.

23 сентября — сражение правительственных войск под началом братьев царя В. Шуйского — князей Ивана и Дмитрия Шуйских и князя М. Скопина-Шуйского с повстанцами Болотникова на устье реки Угры. «И воеводы князь Иван Ивановичь с товарыщи, с Кромские и Орловские воеводы со всеми ратными людьми пошли против воров сентября в 23 день: и того же дни усть Оки реки на Угре воров многих побили».

1607 год, зима — сбор на Орле повстанческой рати под началом Кохановского и Ю. Беззубцева для помощи осажденному в Калуге Болотникову. Разгром мятежников на р. Вырке боярином И. Н. Романовым и князем Д. И. Мезецким.

Лето — объявление в Стародубе очередного самозванца — Лжедмитрия II.

Осень-зима — пребывание в Орле Лжедмитрия II, покушение на него одного из его сторонников, возвращение самозванца в Карачев и бегство в Путивль. Возвращение Лжедмитрия II в Орёл с польскими отрядами Валавского, С. Тышкевича, Хмелевского, Хруслинского и А. Вишневецкого.

1608 год, зима — неудачная осада самозванцем Брянска, возвращение его в Орёл, зимовка в городе.

Весна — прибытие в Орёл на помощь Лжедмитрию II князя Р. Рожинского с Украины. Сбор польской шляхтой коло (общевойскового круга), выбор на место гетмана Рожинского и смещение прежде бывшего Меховецкого. Подход с Дона к самозванцу пятитысячного отряда Заруцкого и трех тысяч запорожцев.

Начало мая — большой пожар, начавшийся во дворе, где квартировал самозванец, уничтожил значительную часть города. Выступление войска Лжедмитрия II на Болхов. Разгром войск царя Василия Шуйского в сражении под Болховом 30—31 апреля.

1609 год, весна — окрестности Орла опустошены ордой крымских татар под предводительством царевича Джанибек-Гирея.

Июнь — переход Орла и Болхова на сторону царя Василия Шуйского. Присылка Василием Шуйским грамоты с увещеванием хранить ему верность и бороться против татар, с обещанием присылки помощи. Бои и стычки с литовцами под Орлом. В числе прочих был убит ливенский помещик Петр Ансупов.

1610 год, 11 декабря — убийство в Калуге Лжедмитрия II. Орёл в числе прочих городов присягает на верность королевичу Владиславу, сыну Сигизмунда III.

1611 год, зима — начало весны (до 12 апреля) — разгром Орла, Болхова, Белева, Перемышля и других городов отрядом гетмана Жолкевского за попытку пристать к Первому ополчению П. Ляпунова.

Осень — орляне участвуют в сборе бараньих шуб для ополченцев под Москвой.

1611–1612 годы — за участие в сопротивлении польско-литовским интервентам в смоленской тюрьме сидели жители города Орла: дети боярские Василий Спицын, Иван Григорьев сын Романов, Семен Михайлов сын Валуев и посадские люди Климка Черношов и Сережка Зорев.

1615 год, июль–август — оставление Орла гарнизоном и жителями по приказу воеводы Д. Яблочкова при получении известия о подходе к городу отряда польского полковника А. Лисовского. Уход населения во Мценск. Опустевший Орёл Лисовский сжег дотла «и разорил до основания и наряд (пушки) поимал». В результате разгрома Орёл на двадцать лет прекратил свое существование, население расселилось по разным городам, а гарнизон был приписан к Мценску.

29 августа — сражение на Царевом броду близ Орла между отрядом А. Лисовского и князя Д. М. Пожарского, Степана Исленьева, Ивана Пушкина и дьяка Семена Заборовского. Поражение Лисовского и отступление его к Кромам.

Октябрь — следствие и суд в Москве над орловским воеводой Д. Яблочковым и воеводами Белева и Перемышля, покинувшими во время набега Лисовского порученные им города. Приговор боярской думы за их «измену и воровство (преступление) бить кнутом по торгу и казнит смертью без всякие пощады».

7 октября — помилование осужденных царем Михаилом Федоровичем, который, скорбя по своей матери, «смертную им казнь отдал, казнит их не велел и пожаловал их государь, велел их свободит».

1623 год, июнь — набег на Орловский, Карачевский, Мценский и Болховский уезды трехтысячного татарского отряда Амета-мурзы, Клич-мурзы и Алшабина-мурзы. 9 июня в Орловском уезде у деревни Саголаевой между мценскими ратными людьми и татарами произошла стычка. Крымцы потеряли несколько человек убитыми, ранеными и одного пленным.

1625 год — писец И. Кутузов и подьячий И. Коровин составляют Писцовую и дозорную книгу Орловского уезда.

1632 год, 15 августа — появление 2500 татар в Орловском уезде. Участие орлян в русско-польской войне 1632–1634 годов и осаде Смоленска.

1634 год, 23–25 июля — около тысячи татар действовало под Мценском и в Орловском уезде. Отряд служилых людей отбросил татар от Тайчуковского острожка.

29 сентября — около 500 татар подошли к границам Орловского уезда, но, встретив отпор, ушли в Болховский уезд.

1 октября — при возвращении татары были настигнуты мценским воеводой Дмитрием Колтовским под Орловским городищем на Оке. В бою взято в плен 20 татар и освобождено 650 человек русского полона.

1635 год, 28 апреля — мценские воеводы С. Стрешнев и Ф. Сухотин сообщали, что в Орловском уезде дворяне, дети боярские и «всякие уездные люди» поставили для самообороны от татарских набегов острожки (крепостцы) — Башкатовский, Тойчевский (Тайчуковский) и Корчаковский.

Конец мая — начало июня — подача болховичами, карачевцами и орлянами — дворянами, детьми боярскими и «всяких чинов людьми» челобитной о строительстве крепости на старом Орловском городище.

12 сентября — Указ о посылке на Орёл для восстановления крепости воеводы Б. С. Колтовского, «чтоб за Божьею помочью... город зделати и всякими крепостми укрепить однолично нынешней осени вскоре».

9 октября — приезд Б. С. Колтовского во Мценск, сбор орловских «старинных» служилых и жилецких людей.

Вторая половина октября — выступление 15 октября Б. С. Колтовского с собранными людьми на Орёл, рассылка

вестовщиков и сторож. Осмотр воеводой и служилыми людьми различных мест, пригодных для строительства крепости, выбор старого Орловского городища. Составление воеводой Колтовским «Росписи...» (описания) Орловской крепости и сметы леса, необходимого для строительства, а пушкарем В. Иконником ее чертежа. Отсылка всех материалов в Москву. Подход на Орёл служилых людей из Карачева и Новосиля, посланных для помощи в строительстве.

1 ноября — прибытие на Орёл отряда служилых людей из Черни.

Начало ноября — рассмотрение присланных Б. С. Колтовским чертежа и «Росписей...» в боярской думе: «...и по нашему указу бояре наши тово чертежу смотрели и приговорили на прежней городовой осыпи (крепостном валу) против чертежу поставит город». Строительство изб служилыми людьми для зимовки.

14 ноября — присылка указной грамоты Б. С. Колтовскому на Орёл с требованием немедленно приступить к строительству, чтобы крепость «учинити до болшие стужи... и ты б проезжие и глухие городовые и острожные башни велел бы еси рубити и по острожной стене коровати и обламы делати, и катки покласти зимою... на весну ж, а даст Бог башни велел бы еси покрыт весною...»

Зима 1636–1637 годов — заготовка леса на крепостное строительство (с 17 декабря).

1637 год, начало февраля — согласно распросным речам гонца И. Каменева на Орле к этому времени уже была поставлена деревянная соборная церковь Рождества Богородицы и около 150 дворов служилых людей, «а иные строятца».

26 февраля — посылка указной грамоты в Брянск воеводам И. А. Хилкову и М. А. Чоглокову об отпуске на Орёл наряда (артиллерии) и пороховых запасов из «отдаточных» (уступленных Польше по условиям мира в 1618 г.) городов: Рославля, Трубчевска и Почепа с требованием довести их «ныне по зимнему пути на ямских подводах здорово».

Конец февраля — отписка воеводы Б. С. Колтовского о проведении крестного хода и о закладке Орловской крепости: «Я, холоп твой, прося у Богоматери и у Пресвятые Богородицы помощи и у всех святых пев молебны... башни все почел рубит, которым по большому острогу не на месте ж, потому что земля еще мерзла и ныне по той осыпи (валу) укрепит тех башен не мочно. И как, государь, тех башни на месте ж обложу и острог меж башен стану ставит днем и ночью для поспешенья...»

1 мая — окончание значительной части крепостных сооружений. Согласно отписке Б. Колтовского он к этому времени «на Орле по городовой осыпи и по острогу башни порубил и на местех поставил и... меж тех башен во многих местех острог поставил стоячей не низкой, и в башнех ворота поделал... и ныне я, холоп твой, в малом острожке (кремле), что поставлен по городовой осыпи, тарасы и мосты поделал, а обламы починаю делот и в тож, государь, малой острожек из болшова острогу мосты почел делот, и из тово ж, государь, малова острожку тайник к реке к Орлу почну вскоре делот и по рву, что был старой болшой острог меж Орла и Оки реки, и за Окою рекою и за Орлом окола всево города надолбы поделал в три кобылины».

10 мая — появление татар в Тайчуковом стане у деревни Подчерная «от Орла верст з дватцат». Посылка против них Б. Колтовским головы В. Цурикова с сотнею, уход татар: «А воевать [им] Орловскова уезду не дали».

Июль — указ на Орёл о разрешении орловским дворянам, детям боярским и новоприборным стрельцам восстановить Воскресенскую церковь с приделом Ильи Пророка на новом месте под защитой надолб для «береженья от татарские войны». Указ на Орёл о разрешении орловским дворянам, детям боярским и дворникам Егорьевского прихода восстановить Георгиевскую церковь на «старом Егорьевском церковном месте». Присылка из Москвы для Рождество-Богородичного собора колоколов и икон. Присылка обра-

зов св. Параскевы Пятницы для установки над крепостными воротами.

22 сентября — стычка орловских служилых людей с крымскими татарами по дороге на Луковец. Пленение татарами детей боярских Б. Трещевского и С. Микитина. Бегство их из плена.

1636–1637 годы — по челобитью вдовы попадьи Анницы и орлян — дворян и детей боярских «всем городом» восстановлена Покровская церковь.

1637 год, сентябрь–ноябрь — большой набег крымских татар. 23 сентября голова Иван Маслов разбил татарский отряд у д. Пелковой Тайчукова стана. Крымцы потеряли более 10 человек убитыми и много ранеными. 11 октября головы Анфим Некрасов и Казарин Булгаков растрепали ещё один отряд татар у д. Платоновой и Булгаковой, нанеся им серьезные потери. Татары подходили и к Орлу, но были от него отогнаны. Город и уезд понесли серьезные потери людьми: «На боех и в деревнях побито и в полон взято детей боярских 54 ч., да крестьян з женами и з детми 235 ч., обоего 269 ч. Да сожено 154 двора».

1638 год — для усиления гарнизона в Орле поселены 100 черкас (украинцев), переведенных из Путивля на вечное житье. На Орле они были наделены пашенными и сенокосными угодьями и записаны в казачью службу.

1641 год — постройка попом Борисом Кузьминым в остроге деревянной церкви Богоявления Христова с приделами Николая Чудотворца и свв. чудотворцев Козмы и Дамиана «на подклете с папертью».

1643 год — по челобитью попа Бориса Кузьмина для церкви, кладбища и под дворы причта выделены земельные участки.

1644 год, апрель — указ на Орёл о восстановлении орловскими стрельцами и казаками моста через реку Оку у Пятницких ворот, снесенного во время половодья.

9 марта — указ на Орёл о починке мостов через крепостные рвы Малого острожка. Разборка на бревна для ремонта ветхого раската (батареи) в Малом острожке.

Сентябрь — в Орловский уезд вторгались татары, но небольшими силами и не причинили ему особого вреда.

1646 год — строительство попом Борисом Кузьминым деревянной Борисоглебской церкви. Князем Д. Несвицким и подьячим М. Козырщиным составлена Переписная книга г. Орла и уезда.

1647–1648 годы — участие орлян в строительстве и заселении города Карпова на Белгородской черте.

1648 год — воеводой И. И. Косаговым составлено подробное описание Орловской крепости — «Роспись острогу малому и болшому и всяким крепостям».

Около 1650 года — полная перестройка стен и башен Орловского кремля — Рубленого города присланным из Пушкарского приказа Андреем Пятово. Его укрепления значительно усилены и модернизированы.

1651 год — перевод орлян для строительства и на «вечное житье» в город Обоянь.

1655 год, 24 июля — передача после смерти Бориса Кузьмина в «иноцех Боголепа» Богоявленской и Борисоглебской церквей под мужской монастырь.

1658 год — большое наводнение. Формирование Белгородского полка, для службы в котором Орел выставляет 300 рейтар и 59 драгун.

1659 год — в Орле побывал воевода С. И. Колтовский, посланный для досмотра южных городов-крепостей и составивший смету для починки укреплений в Орле.

1661 год — перестройка стен острога в Орле воеводой князем Василием Дуловым, сократившим его размеры почти в два раза.

1662 год, зима — набег татар, осадное положение в Орле. Из Орла по Оке вывозилось от 180 до 250 тысяч пудов хлеба ежегодно.

1663 год — Орёл вошел в состав Белгородского разряда (военного округа). В 1665 году он включен в Севский разряд, выделившийся из Белгородского. Служилые люди были разделены на две группы — «половины». Одна из них была обязана являться по требованию на служ-

бу в полки, другая — поставлять для полка с 10 дворов подводу с подводчиками. Группы менялись в исполнении своих обязанностей.

1667 год, сентябрь — воевода А. Лыков с выборными «грацкими» людьми составил смету на ремонт Орловского кремля.

1668 год — согласно «Описи городам ведомым в Разряде» на Орле числилось 655 человек служилых людей.

1673 год, 13 февраля — присылка на Орёл из Пушкарского приказа указной грамоты с требованием починить городские укрепления. «На Орле городовые худые места и башенные кровли и всякие крепости, которым без поделки быть нелзя, поделать... тутошними грацкими уездными сошными людьми» (не исполнено).

25 июля — большой пожар. Сгорели четыре церкви (предположительно Богоявленская, Борисоглебская, Ильинская и Никольская), таможенный и кабацкий дворы, шесть острожных башен «и что было старого острогу», «а дворов орлян и иных городов всяких чинов людей, и анбаров и кузниц с двести и болши».

1676 год — подача черным попом Евфимием с братиею Богоявленского монастыря челобитной с просьбой разрешить построить на старом монастырском погосте на Ввозной горе деревянную Успенскую церковь с приделом Петра и Павла. Устройство при ней хозяйственного подворья Богоявленского монастыря — Успенской пустыни. Восстановление в Орле Посадской слободы на прежней посадской земле.

Ночь с 23 на 24 ноября — пожар в Орловском кремле. После богослужения сгорел Рождество-Богородичный собор.

1677 год, апрель — посылка по указу царя Федора Алексеевича в восстановленный Рождество-Богородичный собор богослужебной утвари, икон и книг. Попытка переноса Орловской крепости по челобитью градских жителей на новое место. Присылка указной грамоты на Орёл, в которой воеводе И. П. Давыдову было указано представить поручные сказки городских жителей — «в котором месте пристойно ныне внов город (крепость) зделать, на прежнем ли месте или на нынешнем на новом месте, и для чего с старого места тот город лутче на новом месте строить...» Воеводе также велелось, чтобы он «на Орле старое городище и нынешнее новое место осмотря и измеря в трехаршинную сажень отписал имянно и на чертеж начертил».

1678 год, январь — писец Е. М. Норов и подьячий С. Репьев составили Переписную книгу посадских, крестьянских и бобыльских дворов г. Орла и уезда. Земельный спор между орловскими драгунами и князьями Ф. и Г. Хотетовскими. Поход на спорную деревню Савинкову служилых людей, взятие деревни штурмом и сожжение её, изгнание князей Хотетовских. Жалоба князей по делу о наезде в Разбойный приказ. Составление по царскому указу воеводой Павлом Скрябиным чертежа пригородных драгунских земель. Разрешение воеводой П. Скрябиным богоявленскому игумену Евфимию с братиею занять «порозжее место» под часовню рядом с сгоревшей в 1673 году Пятницкой башней. Строительство на нем каменной часовни. Освящение каменной церкви Успения Пресвятой Богородицы в Посадской слободе, построенной на средства посадских людей Овчинникова и Грибачева. Согласно «Описи городам» на Орле числятся 975 человек служилых людей.

1679 год — указная грамота царя Федора Алексеевича воеводе П. Скрябину о строении Орловской крепости на новом месте — на Ямской горе. Воеводе поручено составить смету леса, необходимого для строительства, а инженер-полковнику Якову фон Фростену — чертеж новой крепости. По ряду причин строительство так и не было осуществлено.

1680 год — сгорел Богоявленский монастырь.

Начало 80-х годов — перенос мужского монастыря от Богоявленской церкви к Успенской на Ввозную гору. Предположительно, начато строительство каменной Богоявленской церкви.

1682 год, март — по указу царя Федора Алексеевича городскому Рождество-Богородичному собору пожалованы три колокола взамен разбитых при пожаре в 1676 году.

1684 год — освящение нового более обширного деревянного Успенского собора в мужском монастыре.

1685 год, сентябрь — основание по указу Коломенского архиепископа Никиты II в Орле девичьего монастыря. Строительство в нем деревянной Казанской церкви, келий и ограды со Святыми воротами.

30 ноября — по царскому указу в связи с земельным спором в Пятницкой драгунской слободе писцу А. Юшкову велено составить чертеж спорных слободских земель «с росмером со всякою подлинною ведомость[ю]». Стольником А. Юшковым и подьячим А. Оловенниковым составлена Писцовая и межевая книга г. Орла и уезда.

1686 год — сильный пожар, во время которого пострадали Стрелецкая и Драгунская слободы.

1686–1687 год — по государеву указу для навигации на реке Десне орлянами в урочище Белые Берега построено 19 стругов.

1687 год — участие орловских служилых людей в первом Крымском походе.

1688 год, 11 апреля — освящение каменного Успенского собора в мужском монастыре, возведенного вместо разобранного деревянного. Освящение каменной Воскресенской церкви с двумя приделами, построенной священником Фомою Гавриловым в Новоприборной Стрелецкой слободе. Участие в строительстве и служба орловских стрельцов и драгун во вновь основанном городе Новобогородске.

1689 год, 4 сентября — большой пожар. «...Изволением Божиим на Орле три церкви Божии прихоцкие (Покровская, Пятницкая и Никольская) с ыконы и с церковными утворми, таможня, и кружечной двор, и торговая баня, и ряды-лавки со всякими товары и слободы и Пушкарская, и Стрелецкая, и Драгунская и орлян посацких и иных орловских чинов жителей, и москвич, и розных городов всяких чинов людей дворы и лавки со всякими товары, и с солью, и с хлебом — згорели». Освобождение орловских служилых людей в связи с «пожарным разорением» от участия во втором Крымском походе.

1691 год — освящение деревянной Никольской церкви в Успенском монастыре.

1693 год, 9 января — освящение каменной надвратной церкви св. Апостолов Петра и Павла в Успенском монастыре. Думным дворянином Никитой Ивановичем Акинфовым монастырю пожалован «животворящий Господень Крест», установленный на соборной Успенской церкви.

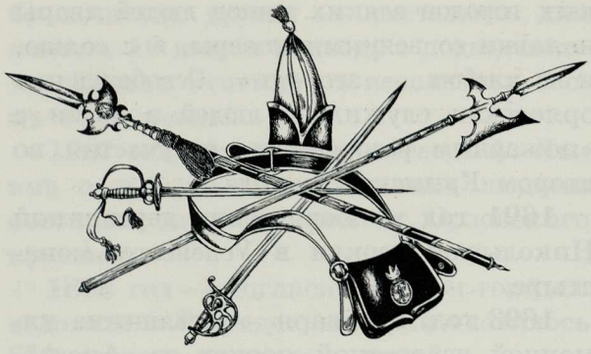
90-е годы XVII — начало XVIII века — большие каменные строительные работы в Успенском мужском монастыре. Строятся келейный и настоятельский корпуса, пивоварня и солодовня, ограда с двумя башнями и воротами.

1697 год, январь — в Брянский уезд были высланы крестьяне Орловского уезда для заготовки и сплава по р. Десне 5000 сосновых и дубовых бревен «на строение взятого турецкого города Кизи-Кермени». Явилось 1219 чел.; недослано 356 чел., с работ сбежало 133 чел.

1699 год, май — ратные люди из городов Брянска, Трубчевска, Карачева, Болхова, Белева, Орла и Кром (всего 2246 чел.) участвовали в заготовке леса для строительства 1000 байдаков и 1000 лодок на р. Десне. По указу Петра I в России проводится городская реформа. В Орле учреждена земская изба, независимая от воеводы, ведавшая податным делом и судом над посадским населением. Все земские избы подчинялись Бурмистерской палате, находившейся в Москве.

По указу от 24 ноября в посад записывали служилых людей и крестьян, живших в городах, если они занимались торговлей или какими-либо промыслами.

1700 год, 11 декабря — освящение каменной церкви Рождества Иоанна Предтечи в Успенском мужском монастыре, возведенной вместо разобранной деревянной Никольской.



XVIII ВЕК
(ДО 1780 ГОДА)

1703 год — составление последней росписи боевого состояния Орловской крепости. Закладка каменного собора Введения Пресвятой Богородицы с приделом свв. Афанасия и Кирилла Александрийских в девичьем Введенском монастыре.

1708 год — Орёл посетил Петр I. Освящение Введенского собора девичьего монастыря. Орёл с уездом причислен к Киевской губернии.

1710 год, 6–11 января — в Орле побывал паломник московский священник Иван Лукьянов, оставивший описание города в своем дневнике.

1715 год — в Орле набирались рекруты в русскую армию для участия в Северной войне. Среди них известны имена жителей Орловского посада Петра Кормазинова, Василия Голикова, Петра Ступина.

1718 год, 16 мая — для заселения Петербурга, новой столицы России, по указу Петра I из орловского купечества были выбраны как люди «добрые пожиточные и немалосемейные» орловские купцы первой статьи Карп Кузнецов с детьми и средней статьи Дмитрий Тараканов и Анисим Русанов с братьями.

1719 год — Орёл становится центром Орловской провинции в Киевской губернии, в которую вошли города Мценск, Болхов, Белев, Новосиль и Чернь с уездами.

1720 год — учреждение в Орле органа городского самоуправления — городового магистрата в составе 2 бургомистров и 4-х ратманов (судей).

1721 год — орловский провинциальный воевода Отяев получил предписание о ремонте Орловской крепости, которую велено «без пущего утеснения подданных ежегодно починять». Начата заготовка материалов для строительства каменного здания рентереи — палаты для хранения казенных денег (не осуществлено).

1722 год — в Орле образован прядильный цех, объединявший 29 ремесленников — прядильщиков пеньки.

1723 год, 27 сентября — «великий пожар» на Торговой площади. Сгорели москательный, рыбный и мясной ряды и «протчия многия анбары и хорчевни и дворы». Орловский кремль «помощию Божией едва уцелел».

1723–1724 годы — первая ревизия (перепись) податного населения России. Согласно ей численность населения Орла составила 2773 души мужского пола.

1724 год — согласно Указу Петра I провинциальным воеводам было велено представить в Сенат историю и географическое описание своих городов. Составление и отсылка в Москву орловским воеводой «Ведомости городу Орлу» — попытка первого историко-географического описания города.

1725 год — освящение каменной Сретенской (Георгиевской) церкви, построенной на средства секретаря Оловенникова.

1726 год — в Орле открыто первое учебное заведение — духовное училище при Успенском монастыре.

1727 год — Орловская провинция с городом Орлом вошла в Белгородскую губернию, выделившуюся из Киевской.

16 февраля — Киевские гарнизонные полки Обер-комендантский, Комендатский и Кошелева, сформированные из бывших городовых стрельцов и людей рейтарских и пехотных полков, не способных к полевой службе, переименованы в 1-й и 2-й Орловские и 1-й Севский гарнизонные полки. 11 ноября 1727 г. вновь переименованы по месту дислокации в Киевский, Черниговский и Полтавский гарнизонные полки.

1728 год, 4 мая — снятие кондуктором инженерного корпуса Михаилом

Бузовлевым и инженерной роты учеником Петром Батвиньевым чертежей города Орла с более раннего оригинала перв. четв. XVII в.

1730 год — освящение каменной церкви св. Архистратига Михаила, построенной на средства купца Калашникова.

1731 год, 25 января — осмотр деревянного Рождество-Богородичного собора по челобитью соборного причта представителями городской администрации и выборными «лучими» людьми, выявивший его совершенное обветшание. Разборка старого и закладка нового каменного собора.

1734 год — согласно Ведомости церквам в Орле имелось 8 приходских храмов (без Успенского монастыря и Рождество-Богородичного собора, находившегося в стадии строительства). В Орловском уезде насчитывалось 85 церквей и 6274 двора.

1738 год — в связи с началом русско-турецкой войны по указу Императрицы Анны Иоанновны в Воронежской, Белгородской и Казанской губерниях велено укрепления в пограничных городах «для лучше впредь от неприятеля предосторожности как возможно поправить и починить тех мест обывательми...» Из Орловской провинциальной канцелярии в Белгород сообщено, что «по оному Ея Императорского величества указу... исполнение чинитца».

1741 год, зима — за январь и февраль из Орла вывезено подводами до Новогжатской пристани, а затем водным путем в Петербург 7073 подводы ржи, ржаной и пшеничной муки, гречневой крупы, пеньки и конопляного масла. В связи с размежеванием земель составлен чертеж Посадской слободы г. Орла.

1742 год — освящение каменной церкви Преображения Господня.

1744 год — по пути на богомолье в Киев через Орёл проезжала Императрица Елизавета Петровна с наследником Петром Федоровичем. Самодержица посетила Введенский девичий монастырь и пожертвовала игумении Анфисе 500 рублей, употребленных на возведение новой деревянной монастырской ограды взамен обветшавшей. Среди свиты Императрицы был драматург Александр Сумароков.

1745 год — освящение каменной церкви Знамения Богородицы, построенной на средства купца Дмитрия Коченова.

1748 год, май — пожар, во время которого сгорело 16 обывательских дворов.

1751 год — освящение каменной церкви Живоначальной Троицы с приделами св. Василия Великого и Великомученика Никиты.

1752 год — освящение каменной церкви во имя Покрова Богородицы.

1755 год — согласно ведомости церквам в Орле имелось 10 приходских церквей (без Успенского монастыря) и 1741 двор. В Орловском уезде — 84 села, 86 приходских церквей и 10838 дворов.

1759 год — орловский купец Кузнецов получил разрешение на устройство в Орле прядильной мануфактуры, производящей канаты и веревки. Помещицей Толубеевой на казенной земле Пятницкой слободы города Орла заведена суконная мануфактура на посессионном праве.

1760 год — на месте обветшавших деревянных проезжих ворот в Орловском кремле начато строительство для ранних обеден церкви-колокольни с проезжими воротами в первом ярусе, но со сменой воеводы коллежского асессора Черкасова прекращено, «а только возведен выше ворот один этаж, в коем теперь хранятся обветшавшие бумаги».

1764 год — поручик Сибирского пехотного полка Е. Одоевцев составляет описи Успенского мужского и Введенского женского монастырей. В том же году оба монастыря определены в разряд третьеклассных на «своекоштном содержании».

1768 год — освящение каменной Смоленской церкви. На землях Черкасской и Пятницкой слобод купцом Подшиваловым заведена пильная мануфактура на посессионном праве.

Разборка обветшавшей колокольни собора Введенского девичьего монастыря. Начало строительства «на особом месте» «коштом доброхотнодателей» и тщанием купца и вкладчика Герасима Кузнецова новой колокольни.

1769 год — обрушение выстроенной колокольни, похоронившей под обломками одну из монахинь. Начало строительства вместо неё другой, над Святыми воротами, с часовней и богадельней в нижнем ярусе на средства того же Кузнецова.

1770 год — новое обрушение колокольни. Взамен её начата другая — с надвратной церковью Тихвинской Божией Матери асессором Алексеем Житковым «с уменьшением прежней величины и высоты по другому плану и фасаду дорического ордена» (не освящена). Окончание строительства приходской Борисоглебской церкви, сооруженной на средства капитана Жилина и регистратора Федорова (также не освящена). Большой пожар в городе, во время которого сгорели торговые ряды. Ликвидация, по указу Екатерины II, секты франкмасонов, в которую входили и некоторые представители городской администрации.

1771 год — в трапезной Введенского собора девичьего монастыря заложен новый престол во имя св. Марона Чудотворца. Эпидемия моровой язвы в Орле. Умерло 22 человека. Между 1771 и 1775 годами было сильное половодье. «Вода была великая. В церкви Богоявления Господня и Покрова Пресвятой Богородицы и в церкви св. Николая Чудотворца, что в рыбных рядах, и в церкви Преображения Господня по колени была вода, и в этих церквах службы не было. Около Воскресения церкви на лодках плавали. По пришествии воды народ задыхался в погребах, которые лезли за квасом, или за капустою, или за огурцами; и померло до двадцати человек».

1772 год, 12 февраля — освящен престол св. Марона Чудотворца в Введенском соборе. В Орле учреждена провинциальная больница.

1773 год — вокруг Введенского девичьего монастыря начато возведение каменной ограды с башнями, затянувшееся до конца 80-х годов.

1775 год, 17 марта — из городского населения Орла выделено мещанство. К нему отнесены все несостоятельные горожане, имевшие источником своего существования занятия ремеслами или работу по найму.

1776 год — освящение каменных церквей: Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня; Пророка Ильи с приделом Николая Чудотворца, построенной на средства однодворца Лугового; Иоанна Предтечи, сооруженной орловским купцом Кузнецовым «со товарищи». Пожар, во время которого сгорел магистрат со всеми делами.

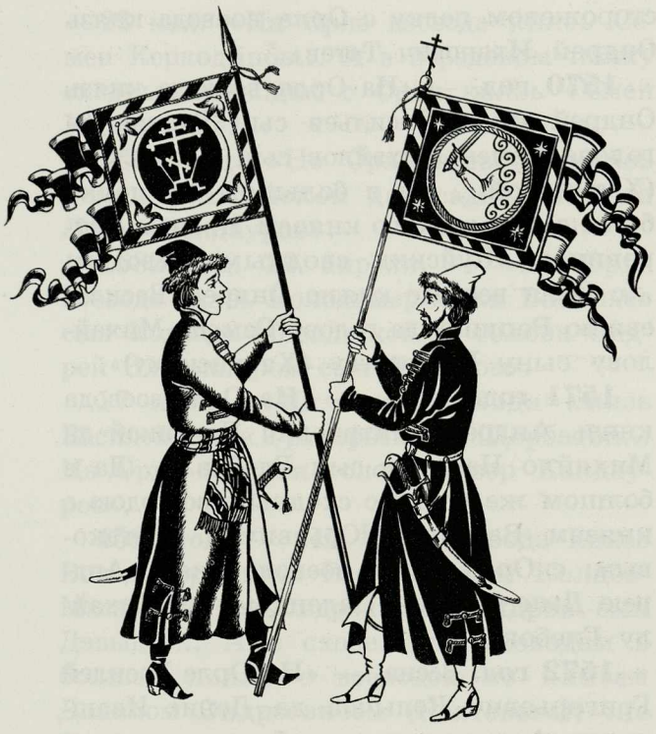
1777 год — родился А. П. Ермолов, герой Отечественной войны 1812 года. В Орле построен генерал-губернаторский дом. Снесена обветшавшая и наклонившаяся колокольня Рождество-Богородичного собора.

1778 год, 28 февраля — издан указ об образовании Орловской губернии. 5 сентября было образовано Орловское наместничество, объединившее под властью единого генерал-губернатора Смоленскую и Орловскую губернии. В Орле учреждаются губернское правление и казенная палата, палаты уголовного и гражданского судов, верхний земский суд (для дворянства), губернский магистрат (для городских сословий) и верхняя земская расправа (для государственных крестьян). Народным образованием и здравоохранением ведал приказ общественного призрения. Землемером Ф. Трапезниковым, секунд-майором М. Малышевым составлен «План города Орла с поселенными при нем слободами», а также при участии статского советника И. Сонкова, асессора Ф. Поповцева и поручика Н. Бабкова план города Орла периода «генерального межевания».

1779 год, 10 января — учреждение Орловской губернии отмечено торжествами в Орле, продолжавшимися до глубокой ночи. Утвержден регулярный план застройки Орла, конфирмованный Императрицей Екатериной II 16 ноября.

15 сентября — при Успенском мужском монастыре открыта семинария «для обучения священно- и церковнослужительских детей, которых немалое число уже и обучаются».

Орловские городовые воеводы XVI–XVIII веков (до 1775 г.)



«Воевода — славянский термин, обозначавший военачальника, правителя. Воевода в качестве начальника княжеской дружины или главы народного ополчения упоминается в русских летописях с X в. В XV–XVII вв. каждый из полков или отрядов русского войска имел во главе воеводу. Во второй половине XVII в. полковые воеводы оставались только в разрядных полках и были ликвидированы Петром I в начале XVIII в. Городовые воеводы появились в середине XVI в. Они возглавляли управление города с уездом и традиционно посылались на воеводство на год, реже на два или три года. С начала XVII в. городовые воеводы были введены во всех городах России, заменив наместников и городовых приказчиков. В их руках была сосредоточена вся полнота власти на местах. Пост провинциального воеводы с функциями, аналогичными городовым воеводам, в России учрежден в 1719 г. Должности городовых и провинциальных воевод были ликвидированы в 1775 г.».

Дворянские роды Российской империи. Т. 1. СПб., 1993. С. 49.

1567 год. — «На Орле воевода князь Василей Ростовский (Волк) да (голова)* Володимер Безобразов».

1568 год. Весна. — «На Орле князь Сила Гундоров да Ондрей Еропкин... В сторожевом полку с Резани князь Федор Васильевич Сисев да схожие с Орла князь Сила Гундоров да Ондрей Еропкин...»

«Тово же году июля в 19 день сошлися воеводы украинные по полком по иной государеве росписи: ...В сторожевом полку из Донкова воевода князь Борис Васильевичь Серебряной да казачей голова с казаки Юрьи Булгаков; да в сторожевом же полку с Орла воевода князь Сила Гундоров, да голова Ондрей Яропкин, да казачей голова Дмитрей Тургенев с казаки».*

Зима. — «Тово же году послал государь зимою на Резань для приходу крымсково царевича бояр и воевод своих князь Михаила Ивановича Воротынсково да Ивана Петровича Яковлева, а были они в большом полку.

В сторожевом полку с Тулы князь Петр Семеновичь Серебряной. И князь Петра послали в Карачев, а с ним украинных воевод из Новасили да с Орла тех же».

1569 год. Апрель. — «На Орле воевода князь Ондрей Иванович Татев... В

*Здесь и далее уточнения и дополнения по тексту Разрядной книги 1550–1636 гг.

*Это первое упоминание в источниках орловских казаков, а голова Д. Тургенев, по-видимому, являлся их начальником с момента основания города.

сторожевом полку с Орла воевода князь Ондрей Иванович Татев».*

1570 год. — «На Орле воевода князь Ондрей княж Васильев сын Репнин да голова Семен Михайлов сын Хотунского (Хатунской)... Да в большом же полку быти с воеводою со князем Иваном Петровичем Шуйским сводным воеводам: ...с Орла воеводе князю Ондрею Васильевичю Репнину да голове Семену Михайлову сыну Григорьеву (Хатунскому)».

1571 год. Осень. — «На Орле воевода князь Андрей Дмитриевич Палецкой да Михайло Назарьев сын Глебов. ... Да в болшом же полку с сходным воеводою с князем Васильем Юрьевичем Булгаковым: с Орла (быть) воеводе князю Андрею Дмитриевичю Палецкому да Михайлу Глебову».

1572 год. Весна. — «На Орле Василей Григорьевич Колычов да Денис Ивашкин... А как по вестям были воеводы в сходе: ...В правой руке з боярином и воеводою со князем Микитою Романовичем Одоевским да с Федором с Шереметевым с Орла воеводе Василью Колычову».

2 августа. — Орляне под началом своего воеводы князя Г. Долгорукова участвуют в битве с крымскими татарами Девлет-Гирея при Молодях. «Да в правою ж руку (полку правой руки. — *В. Н.*) из украинных мест с Орла быти князю Григорью Долгорукову, а с ним 350 человек... В сторожевом полку казаков с пищальми: из Орла 100 человек».

1573 год. Весна. — «На Орле воевода князь Петр Ивановичь Хворостинин да Михайло Назарьев сын Глебов... А в правой руке быти из украинных мест: с Орла воеводе князю Петру Ивановичю Хворостинину».

Октябрь. — «На Орле воевода Борис Васильевичь Шеин да Михайло Назарьев сын Глебов...

В сторожевом полку с Орла Борису Васильевичю Шеину да Михаилу Назарьеву сыну Глебову...

А как сойдутца тульские и украинские воеводы с серпуховскими воеводами для приходу больших воинских людей, и в сходе бояром и воеводам быть по полкам: ...да в большом же полку быть с Орла Борису Васильевичю Шеину да Михаилу Назарьеву сыну Глебову».

1574 год. Весна. — «На Орле воевода князь Михайло Гвоздев да Елка (Елизарий) Ржевской... В сторожевом полку быти с Орла воеводе князю Михайле Гвоздеву да Елизарью Ржевскому... А как сойдутца украинные воеводы з большими воеводами, и быти по полком без мест же: ...В правой руке з боярином и воеводою со князем Семеном Даниловичем Пронским с Орла воевода князь Михайла Гвоздев да Елизарей Ржевской.

А по украинным городом для приходу крымских людей были воеводы на осень: ...На Орле воевода князь Михайла Гвоздев да Елизарей Ржевской... В сторожевом полку быти с Орла воеводе князю Михаилу Федоровичю Гвоздеву да Елизарью Ржевскому...»

1574 год. Осень. — «На Орле воевода князь Михайло Гвоздев да Елизарей Ржевской... В тое осени было дело украинским воеводам князю Борису Серебряному с товарищи с крымскими и с ногайскими людьми в Печерниковых Дубровах, опричь новасильских и мценских и орловских воевод, потому что они в сход не поспели».

1575 год. — «На Орле воевода князь Михайла княж Федоров сын Гвоздев-Ростовской да Иван Тимофеев сын Фустов».

Сентябрь. — «На Орле Иван Фустов».

1576 год. Весна. — «На Орле воевода князь Василей Меньшой Кривоборской да голова Ондрей (Яковлевич) Измайлов... В сторожевом полку со князем Григорьем Андреевичем Булгаковым: с Орла воевода князь Василей Меншой Кривоборской да Ондрей Измайлов».

Сентябрь. — «По государеву цареву и великого князя приказу приговорили бояре по вестям, как приходили литовские люди к Новугородку Северскому и на орловские места, а иные на темниковские места, где которым пригоже воеводам стоять... и в Новосили, и на Орле и

*В Разрядах 1550–1636 гг. дополнено: «А после того был Еуфим Бутурлин».

во Мценску воеводы по прежней росписи».

30 сентября: «На Орле Иван Тимофеев сын Фустов». Осадным головой в Орле служил «Яков Вельяминов с 83-го году (1575 г.) с стретеньева дни» (2/15 февраля. — *В. Н.*).

1577 год. Апрель. — «На Орле воевода Роман Дмитриевич Ботурлин да Григорей Федоров сын Павлов... В передовом полку с Орла воевода Роман Дмитриевич Ботурлин да Григорей Федоров сын Андреева Павлов».

Осень того же года: «На Орле Ондрей Васильев сын Замытцкой да Петр Меншой Григорьев сын Совин... В болшом же полку... с Орла Андрей Замытцкой да Петр Совин».

1578 год. — «На Орле воевода князь Василей Дмитреевич Хилков да Боланда Совин». Осадным головой в Орле продолжал служить Яков Вельяминов.

Осень того же года: «На Орле воевода князь Василей князь Дмитриев сын Хилков».

1579 год. Весна. — «На Арле князь Василей Дмитреевич Хилков да Михайло Зыбин».

«На Орле осадная голова Иван Ламонов».

Осень. «На Орле Ефим Вахромеев сын Бутурлин».

1580 год. 1 февраля. — «На Орле воевода князь Михайло княж Самсонов сын Туренин; и князю Михаилу велено быти во Ржеве, а на ево место Ефим (Вохрамеевич) Бутурлин; да голова Юрьи Петров сын Левонтиев; и Юрью велено быти во Мценске, потому что Иван Головин во Мценеск прийти не успел...

В большом полку с Тулы воевода князь Михайла Петрович Катырев Ростовской да князь Петр Волконской... с Орла воевода Ефим Вохромеев сын Бутурлин...

Да которым воеводам велено быти по ржевскому розряду: ...с Орла князю Михаилу Туренину, а збирати орлян; и будет во Ржеву не ушли, и им быти в сходе в болшом полку с воеводою со князем Михаилом Ростовским. И князь Василей Лобанов и князь Михайла Туренин в сходе были».

23 мая. «На Орле воевода князь Семен Коркодинов... А в передовом полку сходные воеводы: с Орла князь Семен Коркодинов...»

1581 год. «На Орле воевода князь Семен Жижемской да осадная голова Ловер Кандауров».

1582 год. 20 апреля. — «На Орле воевода князь Володимер княж Васильев сын Кольцов-Мосальской да голова Ондрей Олександров сын Давыдов».

17 июля. «На Орле воевода князь Василей княж Григорьев сын Щербатой... На Орле осадная голова Ловер Кандауров».

1583 год. — «На Орле воевода князь Володимер княж Васильев сын Колцов-Масалской да Ондрей Олександров сын Давыдов... А в сходе быти воеводам в болшом полку с воеводою со князем Данилом Ондреевичем (Нохтевым); ...с Орла воевода князь Володимер княж Васильев сын Кольцов-Масальской да Ондрей Давыдов...»

20 октября. «На Орле воевода князь Володимер княж Васильев сын Колцов-Масалской».

1584 год. 3 апреля. — «На Орле воевода князь Володимер князь Васильев сын Колцов-Мосалской да голова Иван Мясной... Да в болшом же полку с воеводою со князем Тимофеем Романовичем Трубецким сходные воеводы: ...с Орла воевода князь Володимер Колцов-Мосалской да голова Иван Мясной...» Осадным головой на Орле продолжал служить Ловер Кандауров.

26 октября. «На Орле воевода князь Федор князь Александров сын Мосалской».

1585 год. 28 февраля. — «На Орле воевода князь Володимер Колцов-Мосалской да голова Иван Мясной. И князь Володимер и Иван отпущены, а на Орле был наместник и воевода Фома Офанасьевич Бутурлин да голова Иван Ондреев сын Фефилатьев, а после Ивана был голова Петр Федоров...

Да в болшом же полку с воеводою со князем Ондреем Васильевичем с Трубецким сходные воеводы: с Орла воевода князь Володимер княж Васильев сын

Колцов-Мосалской да голова Иван Мясной...

Того же лета июля в 31 день писал к государю царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии з Дону голова Роман Вердеревской, что его громили черкасы на Богатом затоне. И по государеву указу посланы на поле черкасы искать воеводы: с Орла наместник и воевода Фома Бутурлин... да изо Мценска князь Иван Токмаков, да с Михайлова князь Семен Звенигороцкой, а были по полком: в большом полку воеводы Фома Бутурлин да Юрьи Булгаков».

Осень. «На Орле наместник и воевода Фома Афанасьевич Бутурлин да голова Петр Федоров».

1586 год. Весна. — «На Орле наместник и воевода Федор Друтцкой... Да в большом же полку со князем Ондреем Васильевичем (Трубецким) сходные воеводы: с Орла наместник и воевода князь Федор Друтцкой...»

Осень. «На Орле наместник и воевода князь Федор Друтцкой».

1587 год. 25 марта. — «На Орле наместник и воевода князь Федор княж Семенов сын Друтцкой да голова Петр Федоров сын Павлов... В большом полку с Тулы воеводы князь Федор Ондреевич Ноготков да князь Иван Солнцев Засекин. Да в большом же полку со князем Федором с Ноготковым сходные воеводы: ...с Орла воевода князь Федор Друтцкой да голова Петр Федоров...»

Лето того же года. — «На Орле велено быть воеводе князю Федору князь Семенову сыну Друтцкова, да голова Иван Злобин сын Нащокин. И князь Федор был на Москве, на Орле того лета не был... А в Болхове и в Пронску, и в Белеве, и в Рясском, и в Шатцком, и на Орле были воеводы по прежней росписи... В передовом полку с Ываном Салтыковым в сходе: с Орла голова Иван Злобин сын Нащокин».

Октябрь. «На Орле голова Иван Нащокин».

1588 год. — «На Орле воевода князь Ондрей князь Дмитреев сын Хилков да голова Олексей Писемской. ...В большом полку с Тулы бояре и воеводы князь Тимофей Раманович Трубетцкой да князь Дмитрей Иванович Хворостинин. Да в большом же полку з боярином, и воеводою со князем Тимофеем Рамановичем Трубетцким сходные воеводы: ...с Орла воевода князь Ондрей Хилков да голова Олексей Писемской»

Тот же год: «На Орле и во Мценску, в Новосили, на Резани, на Михайлове... были воеводы по прежней росписи: А по вестем с воеводою со князем Федором Ондреевичем (Ноготковым) были в сходе воеводы из украинных городов: с Орла воевода князь Ондрей Хилков да голова Олексей Писемской...»

1589 год. — «На Орле воевода князь Ондрей князь Дмитреев сын Хилков да голова Иван Писемской... В передовом полку з Дедилова воеводы князь Ондрей Иванович Голицын да князь Михайло Туренин. В передовом полку со князем Ондреем Ивановичем Голицыным сходные воеводы: ...с Орла воевода князь Ондрей Хилков да голова Иван Писемской...»

Осень. «На Орле воевода Ондрей Васильев сын Замытцкой... На Орле был Ондрей Замытцкой. И Ондрею велено быть в Белеве, а на Орле велено быть Левонтью Оксакову».

1590 год. 3 апреля. — «На Орле воевода Михайло Богданович Сабуров да голова Иван Писемской... В передовом полку з Дедилова воеводы князь Василий Васильевич Голицын да князь Меркур Щербатой. Да в передовом же полку с воеводою со князем Василием Голицыным сходные воеводы: с Орла воевода Михайла Сабуров да голова Иван Писемской».

Осень. «На Орле воевода Иван Бохтеяров да голова Иван Писемской... В болшом полку с Тулы воеводы Василей Петрович Морозов да князь Володимер князь Иванов сын Клубков-Мосалской. Да в болшом же полку с воеводою с Васильем Морозовым сходные воеводы: с Орла воевода князь Иван Бахтеяров да голова Иван Писемской».

1591 год. 20 марта. — «На Орле воевода Михайло Богданов сын Сабуров да

голова Семен Самарин*. В передовом полку з Дедилова воеводы князь Василей Васильевич Голицын да князь Володимер Бохтеяров. Да в передовом же полку с воеводою со князем Васильем Васильевичем Голицыным сходные воеводы: с Орла воевода Михайло Сабуров...

А, сшедшися, были украинные воеводы в сходе з береговыми воеводами**... В правой руке з боярином и воеводою со князем Никитою Романовичем Трубецким сходные воеводы из украинных городов: ...с Орла воевода Михайло Богданович Сабуров...»

10 июля. «На Орел воеводу Михаила Богдановича Сабурова; да на Орле готов голова Семен Петров сын Самарин».

30 августа. «На Орле голова Семен Петров сын Самарин... В болшом полку с Тулы воевода князь Петр Иванович Буйносов. Да в болшом же полку в сходе с воеводою со князем Петром з Буйносовым: ...с Орла голова Семен Самарин».

1592 год. Весна. — «...Да в передовом же полку с воеводою со князем Федором с Ноготковым сходные воеводы: ...с Орла воевода князь Василей Щетинин да голова Костентин Наумов».

10 ноября. «На Орле воевода князь Василей (Борода) княж Григорьев сын Щетинин да голова Костентин Наумов... А по вестем воеводам велено быть в сходе по полком: ...в передовом полку сходные воеводы: ...с Орла воевода князь Василей Щетинин да голова Костентин Наумов».

«На Орле на время в осаде голова Костентин Наумов да осадная голова Лавер Кондауров».

1593 год. Март. — «На Орле воевода князь Иван княж Ондреев сын Татев...

В сторожевом полку с Крапивны воеводы Ждан Степанович Сабуров да князь Семен Звенигородцкой. Да со Жданом же Сабуровым сходные воеводы: с Орла воевода князь Иван Татев...»

1 ноября. «На Орле голова Дементей Яковлев. ...В передовом полку воевода князь Федор Звенигородцкой. Да со князем Федором же сходные: ...с Орла голова Дементей Яковлев».

Осадными головами на Орле служили «Офонасей Жилин да Сидор Ламонов».

1594 год. 15 марта. — «На Орле воевода князь Иван князь Ондреев сын Татев*... В передовом полку воеводы князь Федор Ондреевич Ноготков да князь Федор Туренин. Да в передовом же полку с воеводою со князем Федором Ноготковым сходные воеводы: с Орла воевода князь Иван Татев...»

Осень. «На Орле голова Юрьи Кобяков... В большом полку с Тулы воевода князь Михайло Туренин. Да в большом же полку с воеводою со князем Михаилом Турениным велено быть в сходе: ...с Орла Юрьи Кобяков...»

Осадными головами на Орле по-прежнему служили «Офонасей Жилин да Сидор Ламонов».

1595 год. 30 марта. — «На Орле воевода князь Борис княж Петров сын Татев да голова Степан Иванов сын Данилов... В болшом полку с Тулы воеводы Степан Александрович Волоской да князь Михайло Туренин. Да в большом же полку с воеводою Степаном Александровичем сходные воеводы: ...с Орла воевода князь Борис Татев да голова Степан Данилов...»

Осень. «На Орле голова Степан Данилов... В сторожевом полку воевода князь Иван Ромодановской да голова князь Григорей Шеховской. Да в сторожевом же полку с воеводою со князем Иваном с Ромодановским сходные головы: ...с Орла голова Степан Данилов.

...На Орле казачья голова Дементей Яковлев».

1596 год. 4 марта. — «На Орле воевода Василей Тимофеев сын Плещеев да голова Федор Данилов сын Чюлков... В передовом полку з Дедилова воеводы князь Борис Петрович Татев да князь Ондрей Звенигородцкой. Да в передовом же полку с воеводою со князем Борисом сходные воеводы: ...с Орла воевода Васи-

*В Разрядной книге 1550–1636 гг. вместо С. Самарина указан Иван Андреевич Писемской.

**Сход был назначен в связи с нашествием крымского хана Казы-Гирея.

*В Разрядной книге 1550–1636 гг. на Орле, кроме того, значится голова Степан Колтовский.

лей Тимофеев сын Плещеев да голова Федор Чюлков».

Осень. «На Орле голова Федор Чюлков». Осадным головой на Орле служил Лавер Кандауров.

1597 год. 25 февраля. — «На Орле воевода князь Федор (Збой) Васильевич Туренин да голова Федор Колтовской... В большом полку с Тулы воеводы Степан Александрович Волоской да князь Иван Ромодановской. Да в большом же полку быть (с) воеводою Степаном Александровичем Волоским сходные воеводы: ...с Орла воевода князь Федор Туренин да голова Федор Колтовской.

На Орле осадная голова Семейка Трубицын».

1598 год. Весна. — «На Орле воевода князь Федор (Збой) княже Васильев сын Туренин да голова Федор Борисов сын Колтовской... В большом полку с Тулы воеводы князь Михайло Петрович Катырев Ростовской да князь Григорей Ромодановской. Да в большом же полку быти с воеводою со князем Михаилом Катыревым сходные воеводы: ...с Орла воевода князь Федор Туренин да голова Федор Колтовской...

И того же дни (11 мая. — *В. Н.*) указал государь послать во все украинные городы жильцов к воеводам и к головам про свой государев приход сказати и воевод и голов, и всех ратных людей о здоровье спрашивати: ...в Перемышль, в Лихвин, в Белев, в Болхов, на Орел, в Корачев жилец Игнатей Петелин.

И июля в 19 день указал государь царь и великий князь Борис Федорович (Годунов. — *В. Н.*) всеа Русии по тем вестем послати свои государевы грамоты... на Орел к воеводе ко князю Федору Туренину да голове Федору Колтовскому... а с Орла воеводе князю Федору Туренину да голове Федору Колтовскому со всеми людми иттить в Болхов и ждати им в тех городех крымских посланников. Да как в те городы крымские посланники придут, и им, свестяся в тех городех с воеводами и с головами, выехав встречати крымских посланников со всеми полки, и полки им (п)оказати. А как крымские посланники те городы пройдут, и им со всеми ратными людьми иттить по своим местам, где хто был».

29 июня. «На Орле воевода князь Гаврила княж Семенов сын Коркодинов да голова Федор Колтовской. И июля в 29 день голова Федор Колтовской взят к Москве, а 107-го (1589 г. — *В. Н.*) октября воевода князь Гаврила послан в Чернигов, а на Орел послан голова изо Мценска Степан Колтовской.

В передовом полку з Дедилова князь Иван Татев. В передовом же полку с воеводою со князем Иваном Татевым сходные воеводы: ...с Орла воевода князь Гаврила Коркодинов да голова Федор Колтовской...»

На Орле осадным головой продолжал служить Семейка Трубицын.

1599 год. Апрель. — «Того же году с апреля велел государь быти воеводам в украином разряде для приходу крымских людей. А указал государь вместо тульского разряду быти украинному разряду на три полки во Мценску да в Новосили, да на Арле: В большом полку во Мценску боярин князь Тимофей Романович Трубецкой да князь Иван Петрович Рамодановской. В передовом полку в Новосили Петр Федорович Басманов да князь Володимер Васильевич Кольцов-Мосальской. В сторожевом полку на Арле князь Борис Петрович Татев да Богдан Иванович Полев».

1600 год. Февраль. — «В сторожевом полку на Орле воевода князь Борис Петрович Татев да Иван Иванов, сын Полев».

1601 год. Весна. — «В сторожевом полку на Арле князь Борис Петрович Татев да Богдан Иванов сын Полев...

...А по вестем велено воеводам сходитца в сход по росписи: ...в сторожевой полк ко князю Борису Петровичю Татеву быти в сход воеводам из Ряского (Ряжска. — *В. Н.*) князю Ондрею Чюмахову да голове Ивану Давыдову».

1602 год. Весна. — «В сторожевом полку на Арле князь Иван Дмитреевич Хворостинин да князь Иван Федорович Жировой... в сторожевой полк ко князю Ивану Дмитреевичю Хворостинину быти

в сход из Ряского князю Юрью Приимкову да Федору Кологривову».

Осень. «На Арле Ондрей Замыцкой» (в сторожевом полку. — *В. Н.*).

1603 год. Весна. — «В сторожевом полку на Арле князь Иван Иванович Курлетев да князь Иван Федорович Жировой. А после того был князь Василей Щетинин.

Того же году в ыюле посылал государь смотрети дворян и детей боярских: ...в сторожевой полк на Орел Василья Савинова сына Плещеева».

1604 год. Апрель. — «В сторожевом полку на Орле князь Иван Петрович Рамодановской да князь Дмитрей Михайлович Борятинской». «Тово ж году под осень посланы воеводы в полки на обмену большим воеводам: ...в сторожевой полк на князь Иванове место Петровича Ромодановсково Федор Онъдреев сын Еропкин».

Август. «...в сторожевой полк на Орел в украйной розряд да под Кромы в полки столник Федор Васильевич Волынской».

1604 год. Осень—зима. — «Лета 7113 году при царе Борисе на Орле были головы: Григорей Иванов сын Микулин, Истома Михайлов сын Михнев, а с ними были на Орле Белогороцкие годовалщики дворяне и дети боярские Мещаня, Козличи, Белевцы. И при них приходили на Орловские места воиною Околенские волости мужики и Кромчаня, и головы Григорей Микулин да Истома Михнев с Орла посылали на них посылку Самоила Лодыженскова с сотнею, и мужиков побили; и на том бою ранили Мещанина* Алексея Степанова сына Сабакина. И Олексей Сабакин с тово бою от голов от Григорья Микулина да от Истомы Михнева к государю сеуньчом присылан. А после тово велел государь быти на Орле воеводою князю Ондрею княжь Иванову сыну Бахтеярову Ростовскому да голове Истоме Михнееву; а дворяном и детям боярским быти на Орле тем же городом: Мещаном, Козличам, Белевцам. А голове Григорью Микулину с Орла велено быти в Бельгород с стрелцы.

А на Орел прислан от царя Бориса воевода Федор Иванович Шереметев, да с ним же велено быти на Орле голове Истоме Иванова сыну Михневу; а с Орла воеводе князю Ондрею княж Иванову сыну Бахтеярову-Ростовскому велено быти во Мценску.

И прислан от царя Бориса на Орел дьяк Григорей Желебовский с указом, велено воеводе Федору Ивановичю Шереметеву с Орла итти под Кромы; а с ним изо Мценска воеводе князю Ивану княжь Григорьеву сыну Щербатому, да голове Истоме Михневу, да дьяку Григорью Желябовскому с розрядом. И воеводы Федор Иванович Шереметев с товарыщи стояли под Кромами до приходу бояр и воевод князя Федора Ивановича Мстисловского, да князя Василья да князя Дмитрея Ивановичев Шуйских с товарищи. А как пришол в Кромы ис Путивля от Ростриги Юшко Беззубцов с Путимцы на помочь кромским сидельцом, и от бояр и воевод от князя Федора Ивановича Мстисловского, от князя Василья да от князя Дмитрея Ивановичей Шуйских с товарыщи ис полков прислан к воеводе к Федору Ивановичю Шереметеву на помочь Василей Иванов сынъ Бутурлин, а с ним присланы головы с сотнями изо всех полков. А как пришли под Кромы бояре и воеводы князь Федор Ивановичь Мстисловской да князь Дмитрей Ивановичь Шуйской с товарыщи, и воеводе Фед[о]ру Ивановичю Шереметеву с товарыщи велено быть на Орле, а с ним велено быти на Орле голове Истоме Михневу...»

1605 год. Зима—весна. — «На Орле воеводы: Федор Ивановичь Шереметев да князь (Андрей) Ивановичь Бахтеяров-Ростовской».

1606 год. Март. — «...велел Рострига (Лжедмитрий I. — *В. Н.*) сказать бояром и воеводам: в сторожевом полку на Арле князю Ивану (Большому) Ондреевичю Хованскому да князю Алексею Чертенку (Григорьевичу) Долгорукому...»

Лето. «...В сторожевом полку на Орле княз Иван Ондреевич Болшой Хованской да княз Олексей Чертонок Григорьевичь Долгорукой, и княз Олексей взят к Мос-

*Мещанин — житель города Мещевска.

кве, а на его место князь Иван Михайлович Борятинской».

1606 год. Конец лета. — «Того же году на Северу послал царь Василей (Шуйский. — *В. Н.*) воевод на три полки: В большом полку князь Юрья Никитич Трубецкой да Михайло Александрович Нагой. В передовом полку боярин князь Борис Михайлович Лыков да князь Яков Петрович Борятинской. И князь Яков Борятинской бил челом на князя Бориса Лыкова да Михаила Нагова. В сторожевом полку околничей князь Григорей Петрович Рамодановской да князь Раман княж Иванов сын Гагарин.

И под Крамами у воевод с воровскими людми был бой. И ис Путивля пришол Ивашко Болотников да Юшка Беззубцов со многими северскими людми и с козаки пришли на проход в Кромы. И после бою в полкех ратные люди далных городов ноугородцы и псковичи, и лучаня (из Великих Лук. — *В. Н.*), и торопчане, из замосковных городов под осень в полкех быть не похотели, видя то, что во всех украиных городех учинилась измена и учали ис полков розъезжатца по дамом.

И воеводы князь Юрья Никитич Борятинской (с товарищи) ис-пот Кром отошли на Орел.

И с Орла воеводы князь Иван Ондреевич Хованской да князь Иван Михайлович Борятинской писали к царю Василью: велено с ними быть ноугородцом Бежетцкой да Шелонской пятины. И как воеводы от Кром отошли и ратные люди розъехались, и ноугородцы (с ними), видя в орлянех шатость, быть не хотят.

И царь Василей послал уговаривать ратных людей князя Данила Ивановича Мезетцкого. А на Орел послал три приказы стрелцов з головами с Ываном с Широносовым да з Данилом Пузиковым, да с Петром Мусорским. И они воевод встретили у Лихвинской засеки».

1607 год. Осень. — «И вор (Лжедмитрий II. — *В. Н.*) ото Брянску отошол на Орел, и учали к нему приходить литовские многие люди».

Зиму 1607–1608 гг. и большую часть весны 1608 г. (до конца апреля) в Орле находился Лжедмитрий II.

1611 год. — «На Орле: столник и воеводы Микита Иванович Ласкиров да Федор... Старовской».

Тот же год. Сентябрь. — На Орле воевода Федор Тимофеевич Соковнин.

1612 год. Март. — На Орле воевода князь Семен Данилович Шаховской (Шеховской).

1614 год. — На Орле воевода князь Семен Данилович Шаховской.

Тот же год, по-видимому, осень. — Воевода Петр Прокопьевич Данилов.

1615 год. — На Орле воевода Данила Пятого сын Яблочков.

В конце лета того же года город подвергся набегу польского полковника Александра Лисовского, был разгромлен и вплоть до 1635 г. прекратил свое существование.

«Того же году пришли в северские городы Лисовский с литовскими людми и с черкасы. И послал государь (Михаил Федорович. — *В. Н.*) на Лисовского боярина князя Дмитрея Михайловича Пожарского да Степана Иванова сына Исленьева, да дьяк был Семой Заборовской...

Тово же лета под осень у боярина у князя Дмитрея Пожарского с Лисовским был бой под Орлом. И люди и татаровя многие поиздрогали, а князь Дмитрей учал быть болен».

1635 год. Осень. — Декабрь **1637 года.** На Орле воевода Борис Савостьянович Колтовский.

1638–1640 гг. — Стольник Ждан Юрьевич Колычов (Колычев).

1640–1642 гг. — Стольник и воевода Иван Степанович Исленьев.

1642–1644 гг. — Воевода князь Семен Федорович Волконский.

1644 г. сентябрь — 1646 г. апрель. — Воевода Лев Андреевич Микулин.

1646 г. апрель — 1647 г. — Воевода Лев Михайлович (Орел) Волконский.

1647 г. февраль — 1648 г. — Воевода Иван Иванович Косогов.

1650 г. — Воевода князь Василий Волконский.

1651 г. — Воевода князь Василий Козловский.

1651–1652 гг. — Воевода торопченин

князь Иван Васильевич Шаховской (Шеховской).

1654 г., июнь. — Воевода Одолей Соковнин.

1659 г. — Воевода Кондратий Васильевич Воейков.

1661 г. — 1662 г. по 20 марта. — Князь Василий Дулов.

1662 г., с 20 марта — 1663 г. — Воевода Осип Федорович Тургенев.

1663 г., 26 сентября — губной староста Анфим Некрасов.

1664 г., январь — Воевода Василий Кропотов.

Тот же год, с 25 июля — жилец Елисей Иванович Синявин (Сенявин).

1666 г., март. — Воевода Осип фон Зоммер (Зуморовский).

1667 г. август — 1668 г. 25 декабря. — Воевода Авдей Лыков.

1668 г., с 25 декабря. — Казачий и стрелецкий голова Арист Нелибохтин.

1670 г., октябрь. — Воевода Никифор Спесивцов.

1672 г., 9 сентября — 1674 г., май. — Воевода Афанасий Степанович Титов.

1674 г., с мая. — Воевода Сафон Матвеевич Карпов.

1677–1678 гг. — Воевода, стряпчий Иван Петрович Давыдов.

1679 г. — Воевода Павел Михайлович Скрябин.

1680 г., 5 августа. — Воевода Никита Шишкин.

1681 г. — по 1 февраля 1682 г. — Воевода Микита Никифорович Спесивцов.

1682 г., с 1 февраля по 30 января 1684 г. — Воевода Лука Васильевич Изъединов.

1684 г., с 30 января. — Воевода Василий Федорович Тургенев.

1687–1688 гг. — Воевода окольничий Афанасий Романович Неплюев.

1688 г. — по 13 декабря 1689 г. — Воевода стольник Яков Иванович Ржевский.

1689 г., с 13 декабря. — Воевода Михаил Косагов.

1692 г., июнь — по 1694 г. — Воевода стольник Матвей Афиногенович Челищев.

1699 г. — Воевода Петр Яковлевич Чечерин.

1701 г. — Воевода Леонтий Шеншин.

1702 г., с 15 июня. — Воевода стольник Яков Иванович Ржевский.

1704 г. — Воевода стольник Иван Андреевич Посников.

1718–1721 гг. — Провинциальный воевода Григорий Дмитриевич Воейков.

1721 г. — Провинциальный воевода Отяев (Атяев).

1723–1726 гг. — Провинциальный воевода подполковник* Иван Хрипунов,

1727 г. — Провинциальный воевода Афанасий Сафонов.

1731 г. — Провинциальный воевода подполковник Григорий Теприцкий.

Без даты. — Провинциальный воевода Лихарев.

1760 г. — Провинциальный воевода коллежский асессор Черкасов.

1762–1764 гг. — Провинциальный воевода В. И. Козлов.

Примечание: Если списки орловских городовых воевод за XVI–XVII века удалось восстановить почти полностью благодаря наличию Разрядных книг, фиксировавших государственные назначения и перемещения воевод, то за XVIII век список довольно схематичен и беден из-за недостатка источников и требует дальнейшей разработки. — *В. Н.*

Источники:

Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С. 225, 229, 231, 238, 239, 246, 247, 250–254, 257, 264, 267, 268, 282–285, 288, 292, 297, 302, 304, 305, 324, 326, 328, 331, 335, 336, 342, 344, 350, 354, 355, 366, 367, 373, 381, 385, 386, 388, 391, 392, 396, 397, 401, 402, 406, 407, 430–432, 438–440, 449, 452, 462, 464, 470–472, 475, 476, 479, 480–483, 485, 488, 490, 491, 493, 495, 497, 499, 503, 508, 509, 510, 513, 518, 519, 524, 531, 532, 534, 542.

Разрядная книга 1550–1636 гг. — Вып. 1. — Ч. 1. — М., 1975. С. 157, 167, 168, 173, 186, 194, 195, 213, 214, 221–223, 225, 230, 232, 236, 237, 242, 252, 276, 288, 289, 311, 333, 344.

*В других источниках — полковник.

Вып. 1. — Ч. 2; Вып. 2. — С. 8, 13, 14, 18, 43, 74, 76, 80, 99, 100, 113, 116, 120, 126, 140, 141, 158, 161, 162, 164, 167, 177, 189, 199, 201, 209, 213, 216, 231, 234, 235, 243, 244, 282.

Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). — М., 1907. — С. 7, 9, 13, 27, 29, 71, 74, 75, 79, 83, 88, 92, 106, 115, 139, 141, 145, 155, 160, 194, 195, 203, 232, 238, 239.

Разрядная книга 1475–1605 гг. — Т. 1. — Ч. 1–2. — М., 1977; Т. 2. — Ч. 1. — М., 1981; Т. 2. — Ч. 2. — М., 1982; Т. 2. — Ч. 3., 1982. — С. 433 об., 443, 446 об., 447, 449 об., 453 об., 454, 458, 459, 461 об., 471 об., 472, 489, 490 об., 508, 508 об., 519 об. — 520 об., 525 об., 526, 529, 532, 537 об., 544 об., 553 об., 554, 557 об., 566 об., 567.

Орловские епархиальные ведомости. 1867 г. — № 16 (15 авг.). — С. 1223–1224.

РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ).

Андреев А. Р. Неизвестное Бородино. Молодинская битва 1572 года. Историческая хроника XVI века. М., 1997. С. 214, 216.

Пясецкий Г. Забытая история Орла. Орел, 1993. С. 98.

Барсуков А. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления XVII столетия по напечатанным правительственным актам. — СПб., 1902. — С. 162–163.

Краткий словарь архитектурных, исторических и религиозных терминов, встречающихся в книге

Алтарь — восточная часть храма, в которой находятся престол и жертвенник. Отделена от остального храма иконостасом.

Амбар — хозяйственная постройка, предназначавшаяся в основном для хранения зерна. Деревянный амбар имел на переднем фасаде выступающую верхнюю часть, так называемый «налобник».

Арцибискуп (польск.) — архиепископ.

Архимандрит — настоятель крупного монастыря.

Байдана — доспех из широких плоских колец (у кольчуги кольца округлого сечения).

Банделиер — кожаная перевязь, носившаяся стрельцами через плечо, с подвешенными к ней зарядцами — патронами с заранее отмерянными порциями пороха, пыжем и пулей. Русские обычно называли ее берендейкой.

Батоги — палки для наказания.

Беломестные казаки — жители беломестных слобод. Беломестненцы были освобождены от всех налогов и повинностей, обязываясь нести «государеву ратную службу».

Берендеи — кочевые племена тюркского происхождения, выделившиеся, очевидно, из племенного объединения огузов. В русских летописях упоминаются с 1097 г. до конца XII в. Около 1146 г. вместе с тюрками и печенегами образовали племенной союз так называемых черных клобуков. Берендеи селились на окраинных русских землях на правах федератов и несли службу на степной границе и в княжеских дружинах.

Бердыш — топор с вытянутым, полулунным лезвием, традиционное оружие стрельцов. Использовался как колющее и рубящее оружие, а также в качестве подставки для пищали при стрельбе. В походе носился на кожаном ремне за спиной.

Бирюч — городской глашатай.

Бродники — в XI–XIII вв. вольные люди типа казаков, протоказаки.

Вестовщик — служилый человек, посылавшийся воеводой «для вестей» в соседний город.

Воротник — служилый человек, охранявший, а также открывавший и закрывавший крепостные ворота.

Голова — начальный человек на военной или административной должности в России XVI–XVII вв. Военными должностями были: сотенный голова — начальник сотни в дворянском ополчении; стрелецкий голова (со 2-й половины XVII в. — полковник) — начальник Стрелецкого приказа (полка); казачий голова — казацкий сотник; пушкарский

голова — начальник артиллерии; осадный голова — ведал подготовкой города к осаде; засечный голова — надзирал за засечными (оборонными) чертами; станичный голова — руководил разведывательным отрядом; стоялый голова на поле — начальник сторожевой службы на окраинах государства. Эти должности обычно занимали дворяне и дети боярские.

Административно-финансовыми должностями были: житничий, или житенной голова — собирал хлеб на жалованье ратным людям; объезжий голова — ведал полицейской службой в городе; письменный голова — товарищ (помощник) воеводы в Астрахани и в городах Сибири, позже заведывал канцелярией; соляной голова — ведал государственной добычей и хранением соли; таможенные и кабацкие головы — занимались сбором пошлин.

Должность головы просуществовала до начала XVIII в.

Город — (см. Рубленый город).

Городня — четырехугольный, треугольный или трапециевидный бревенчатый сруб, служивший основой крепостной стены.

Гривенка — 1 гривенка — 409,5 грамма.

Губная изба — судная изба в русском городе XVI–XVII вв. Ведал губной избой губной староста.

Дворник — зависимый (из крестьян) или нанятый (из вольных или гулящих людей) человек, который содержал осадный двор в городе, принадлежавший дворянину или сыну боярскому, во время его отсутствия.

Десятня — список уездных служилых людей, составлявшийся во время их смотров (разборов), верстания, назначения и выдачи им жалованья.

Дьяк — глава приказной избы (см.), ведавший делопроизводством и финансовыми вопросами. В его подчинении находились подьячие (см.)

Дети боярские — мелкопоместные служилые люди в Московском государстве в XV–XVII вв. В XVI в. дети боярские делились на дворовых — приближенных к верхам и городовых (городских) — т. е. провинциальных. В начале XVIII в. в ходе Петровских реформ дети боярские влились в дворянство, а обедневшие — в однодворцы.

Домовина — небольшой погребальный деревянный домик или камера.

Драгун — западноевропейский солдат, обученный сражаться как в пешем, так и в конном строю. Его вооружение состояло из шпаги, сабли или палаша, карабина и одного или двух пистолетов. В России первый драгунский полк был сформирован в 1632 г. и находился в войсках воеводы М. Б. Шеина при осаде Смоленска. Позднее, начиная с середины XVII в. драгуны составили значительную часть полков «нового строя» в России и получили широкое распространение, особенно на юге. Комплектовались из переверстанных казаков и детей боярских, а также вольных и охочих людей.

Ерихонка — островерхий шлем с металлическими нащечниками, назатыльником и опускной стрелкой для защиты лица.

Жильцы — один из разрядов служилого чина в Московском государстве, средний между московскими и городовыми дворянами. Городовой дворянин, попавший в жильцы, имел возможность — если не для себя, то для потомства — сделать карьеру и стать московским дворянином, получив дальнейшее продвижение по службе.

Житница — складская постройка, обычно деревянная, для хранения зерна, а также казенных хлебных запасов.

Забороло — верхняя боевая площадка деревянной крепостной стены в древнерусском городе XI–XIV вв. В XVI–XVII вв. забороло сменил термин облам.

Заполот — деревянный забор, состоявший из вертикально вкопанных на некотором расстоянии друг от друга бревен, соединенных горизонтально уложенными бревнами или плахами, вставленными в вертикальные пазы.

Засека — лесной завал, устраивавшийся в оборонных целях. Для того, чтобы засеку труднее было растащить, деревья подрубали столь высоко, «сколь человеку топором достать мочно», и не отделяли ствол от пня. В засечных лесах запрещалось собирать грибы и заготавливать

дрова (дабы не протаптывались тропинки), а все дороги сквозь них укреплялись башнями и крепостицами, куда на лето присылались отряды ратных людей. Ведали засеками засечные головы и приказчики, в подчинении у которых находились засечные сторожа.

Затинная пищаль — крупнокалиберное крепостное ружье, имевшее на конце ствола крюк, которым во избежание сильной отдачи цепляли за тын, отчего и произошло его название. Стрелка из затинной пищали называли затинщик.

Захребетник — категория зависимого населения в Русском государстве XV–XVII вв. Захребетники не имели своего хозяйства, жили и работали на дворах крестьян и посадских людей, не платя государева тягла, хотя могли выполнять часть повинностей за своих хозяев. С улучшением своего хозяйственного положения могли быть записаны в тягло.

Катки — бревна, помещавшиеся на стропилах крепостной стены «для приступного времени» и во время штурма скатывавшиеся на неприятеля.

Келья — отдельная комната или изба для монашествующих.

Клеть — срубная постройка, служившая для хранения зерна, одежды и прочего имущества. Клети не отапливались, но были пригодны для жилья и обычно ставились на подклет (см.) «противо избы».

Кобылины — брусы, горизонтально или крест-накрест соединявшие соседние надолбы (см.).

Коллежский асессор — гражданский чин VIII класса по «Табели о рангах». Соответствовал чинам капитана, ротмистра, есаула, капитан-лейтенанта, а затем старшего лейтенанта.

Коло (польск.) — общевойсковое собрание, войсковой круг.

Кровати (коровати) — помосты для размещения воинов, ставившиеся изнутри крепостной стены.

Мисюрка — шлем, состоявший из округлой металлической пластины — «наплешника», к которой со всех сторон крепилась кольчужная сетка для защиты лица, затылка, шеи и плеч.

Надолбы — оборонительное сооружение, состоявшее из наклонно вкопанных бревен, соединенных поперечными брусами — кобылинами (см.)

Наряд — полковой или крепостной артиллерийский парк с боеприпасами и пороховой казной.

Недоросль — юный дворянин или сын боярский, не достигший призывного возраста.

Новик — молодой дворянин или сын боярский, достигший призывного возраста и внесенный в десятню (см.). Новики заносились в десятню по дворовому и городовому спискам и внутри них делились на несколько статей в зависимости от происхождения, имущественного положения и личных качеств.

Наезд — разбойное нападение помещика, обычно со своей челядью или крестьянами, на имение или деревню, принадлежащую соседу.

Облам — боевой балкон, венчавший деревянную крепостную стену и выступавший наружу. В полу облама имелась узкая щель-бойница, позволявшая обстреливать неприятеля, подобравшегося к подножию стены. Облам накрывала тесовая кровля с лежавшими на стропилах катками (см.). В XI–XIV вв. облам называли заборолом (см.).

Однодворцы — одна из категорий государственных крестьян в России. Образовались из служилых людей по прибору, живших на южной границе и вышедших в отставку в начале XVIII в. в связи с образованием регулярной армии.

Окольничий — придворный чин и должность в Русском государстве XIII — начала XVIII вв. (до 1711 г.). В XIV–XV вв. окольничий входил в состав Боярской думы и был вторым по значению (после боярина) думным чином. Окольничих назначали руководителями приказов, полковыми и городовыми воеводами, они участвовали в организации придворных церемоний.

Осадный двор — двор для «осадного времени» в городе, принадлежавший уездному дворянину или сыну боярскому. Обычно на нем жил человек из вольных или зависимых людей — дворник (см.),

содержавший двор в порядке на случай приезда хозяина, поскольку тот постоянно жил в своем поместье в уезде. При военной угрозе или по «татарским вестям» сюда переезжал не только вотчинник со своей семьей и челядью, но и его крестьяне.

Острог — крепостная стена из вертикально вкопанных и заостренных бревен. Часто позади нее ставили тарасы (см.) или кровати (см.), а саму стену венчал облам (см.), крытый тесовой кровлей.

Острожек — небольшая крепостица, огороженная острогом (см.).

Отписка — воеводское донесение, сообщение о чем-либо.

Память — указная царская грамота руководителям приказов (см.) о скорейшем рассмотрении или вершении того или иного дела.

Паперть — церковное крыльцо, галерея.

Пищаль — артиллерийское орудие, а также ручное огнестрельное оружие.

Площадный подьячий — чиновник или грамотей, не состоявший на государственной канцелярской службе и зарабатывавший себе на жизнь выполнением заказов частных лиц письмом челобитных, купчих и меновых грамот, завещаний и пр. В поисках работы обычно собирались на торговой площади, отчего и получили такое название.

Повалуша — высокая башнеобразная постройка в богатом доме. Первоначально повалуши использовались для обороны, позднее — обычно под летнее жилье. Получила свое название по повалу — выпуску бревен, благодаря чему верхний этаж постройки нависал над нижними.

Погост — храм с кладбищем, кладбище.

Подклет — первый полуподвальный этаж.

Подсайдашный (подсаадашной) нож — широкий нож с немного вогнутым вовнутрь лезвием. Входил в саадак (см.) — набор из лука, налучья (колчана или чехла) для лука и колчана для стрел. Крепился к внутренней стороне колчана, отчего и получил свое название.

Подсоседник (подсуседник, сосед) — разорившийся крестьянин или посадский человек, не имевший своего хозяйства. Поселившись на дворе тяглового человека помогал ему вести хозяйство.

Подьячий — помощник дьяка (см.), государственный чиновник, писарь. Подьячие разделялись на старших (старых), средних и младших. Первые участвовали вместе с дьяками в смотрах служилых людей, отвозили государеву казну, нередко исполняли обязанности дьяков, из них и назначали последних. Подьячий, исполнявший обязанности дьяка, назывался «подьячий с приписью». Средние и младшие подьячие занимались, в основном, делопроизводством.

Половинщик (половник) — зависимый человек, получивший земельный участок и ссуду от землевладельца и заключивший с ним соответствующий договор — «половье».

Поприще — конный или пеший переход в пределах человеческих возможностей.

Посошные (сошные) люди — крестьяне, собиравшиеся с определенной земельной единицы — «сохи», для производства государственных работ: ремонта и строительства крепостей, дорог, мостов и др.

Придел — малый храм, или пристроенный к главному церковному зданию, или выделенный в нем.

Приказ — министерство в Московской Руси XVI–XVII вв., а также стрелецкий полк непостоянного состава, насчитывавший обычно около 500 человек.

Приказная изба — канцелярия, орган воеводского управления городом и уездом, где сидели дьяки и подьячие, ведавшие делопроизводством.

Пряслице — круглое каменное, глиняное или шиферное колечко на Руси в X–XIII вв., которое девушки надевали на конец веретена, дабы оно равномерно и устойчиво вращалось.

Пустынь — малый монастырь, приписанный к большому, небольшая обитель в глухой местности.

Разряд — военное министерство в Московской Руси XVI–XVII вв.

Разрядная книга — погодная книга назначений и перемещений служилых

людей в Московском государстве XVI–XVII вв.

Рало — соха.

Раскат — деревянное, каменное или земляное сооружение, служившее для установки орудий; выступ в крепостной стене для той же цели.

Рассыльщик — служилый человек, исполнявший гонцовые обязанности.

Рейтар — тяжеловооруженный всадник западноевропейской кавалерии в XVI–XVII вв. Его вооружение состояло из шпаги или палаша, карабина и пары пистолетов, а также защитных доспехов — шлема, кирасы, набедренников. Рейтарские полки в русской армии появились в составе полков «нового строя» в 30-е годы XVII в.

Рогатина — копье с широким и длинным наконечником и иногда с поперечной перекладиной. Использовалось как в бою, так и в мирной жизни для охоты на медведя.

Рогатка — горизонтально устанавливавшееся бревно, к которому прикреплялись торчавшие в разные стороны колья или пики. Иногда к одному ее концу прикрепляли колесо, чтобы рогатку можно было откатить в сторону. Рогатки использовались как в полевом бою, так и для заграждения улиц в ночное время из опасения «от приходу» лихих людей и воров.

Росписной список — список, составлявшийся при приеме одним воеводой у другого городского хозяйства. В нем обычно давалось подробное описание крепости, содержался перечень артиллерийских орудий, пороховых и хлебных запасов, а также давался пофамильный список служилых людей.

Рубленый город — крепостная стена, в основе которой лежали срубы — городни. Иногда вместо городен использовались тарасы (см.). В городнях снаружи прорубали бойницы, а изнутри — двери, и они могли использоваться как казематы для защитников. Иногда в городнях рубили поперечную стену, пространство между ней и наружной стеной засыпали землей и камнями, что увеличивало ее прочность. Подобное устройство имели стены Орловского кремля, который был «рублен в три стены». По типу крепостной стены Орловский кремль называли Рубленый город.

Ряж — сруб, рубившийся таким образом, что между бревнами оставались просветы. Ряжевые конструкции применялись в основном при постройке мостов и крепостных сооружений и иногда для прочности и устойчивости заполнялись камнями.

Саадак — воинский набор, состоявший из лука со стрелами, колчанов и иногда подсайдашного ножа (см.).

Сакма — татарская дорога, шлях.

Сажень — мера длины, равная 2,13 метра.

Сеунч — победное донесение, весть о победе, за которую полагалась награда.

Сведенцы — служилые и жилецкие люди, переселявшиеся по государеву указу в новопостроенный город или крепость.

Скит — небольшой поселок из нескольких келий в отдалении от монастыря для монахов-отшельников или небольшой отдельный монастырь.

Сметная книга — книга, содержавшая «городовую смету» — описание крепости с указанием ее размеров, перечень оружия, боеприпасов, списки гарнизона и др.

Сохи — столбы с развилкой наверху, подпирающие крышу в крестьянских постройках.

Станица — конный, обычно казачий, разведывательный отряд численностью от пяти до пятидесяти человек.

Стольник — младший придворный чин в России, известен с XIII века. Первоначальное назначение их было прислуживать за столом государя, подавая ему блюда и наливая чаши. Кроме придворных, служебные обязанности стольников были весьма разнообразны: они занимали воеводские должности, назначались в рынды (почетную царскую охрану), посылались по различным государственным надобностям и т. д. На служебной лестнице занимали пятое место после бояр, окольничьих, думных дворян и думных дьяков, перед стряпчими.

Сторо́жа — конный сторожевой пост, обычно состоявший из двух–трех человек, но не более шести.

Строельные книги — книги, составлявшиеся после окончания строительства крепости с подробным описанием сооруженных укреплений и прочих построек.

Стряпчий — один из низших придворных чинов. Стряпчие ведали кормовыми, хлебными, конюшенными и другими хозяйственными дворами.

Сулица — короткое копье для метания.

Съезжая изба — см. приказная изба.

Тайник — подземный ход к реке, служивший для водоснабжения крепости.

Тарасы — две параллельные бревенчатые стены, соединявшиеся поперечными стенками — перерубами. Тарасы использовались при возведении крепостных стен, набережных и др.

Телогрея — верхняя женская одежда, одевавшаяся поверх сарафана и похожая на него по покрою, но имевшая длинные, сужавшиеся к кисти рукава, иногда откидные. Телогрея была распашной со множеством (от 14 до 24) пуговиц, которые обычно не все застегивались. Шили ее из меховых материй, на шелковой подкладке или меху.

Тюфяк — короткоствольное и крупнокалиберное (до 75 мм) артиллерийское орудие, стрелявшее дробом (картечью).

Фискал — государственный чиновник в России XVIII в. в системе органов, осуществлявших административный и судебный надзор, распространявшийся на все гражданские, военные и церковные учреждения. Должность фискала была учреждена в 1711 г., а окончательно упразднена в 30-х годах XVIII в. Слово «фискал» стало синонимом слова «доносчик».

Хоругвь (польск.) — конный отряд или полк непостоянной численности, имевший свое знамя.

Целовальник — выборная должность (обычно на один год) в России в конце XV–XVIII вв. Земские и губные целовальники являлись помощниками земских и губных старост, таможенные и кабацкие — таможенных и кабацких голов (см.). Вместе с головами и старостами отвечали за поступление различных статей доходов и участвовали в судебном и полицейском надзоре за населением. Вступая в должность, целовальник давал присягу и целовал крест, откуда и происходит его название. Обычно целовальники выбирались из тяглого населения на сходе его представителей.

Частокол — см. острог.

Чекан — боевой молот, обух которого завершался шипом.

Челобитная — прошение частных лиц на царское имя.

Чеснок — маленькие кованые металлические ежики, обычно с четырьмя шипами, снабжавшиеся заусеницами (для того чтобы их было труднее вытащить), разбрасывавшиеся по дорогам и бродам для борьбы с конницей.

Честик — деревянные ежи, устраивавшиеся на подступах к крепостной стене или рву. Обычно ставились в несколько рядов, а иногда и в два яруса, друг над другом.

Черкасы — украинские казаки.

Четь — земельная — полдесятины, а также насыпная мера = 8 четверикам = 6 пудам (1 пуд — 16 кг).

Шанец — замкнутое земляное укрепление.

Шишак — высокий шлем, венчавшийся шариком — «шишкой», на котором иногда укреплялся красный флажок — «яловец».

Шляхетство (польск.) — дворянство.

Щеляг — мелкая серебряная монета.

Возвращаясь к истокам, обретаем будущее

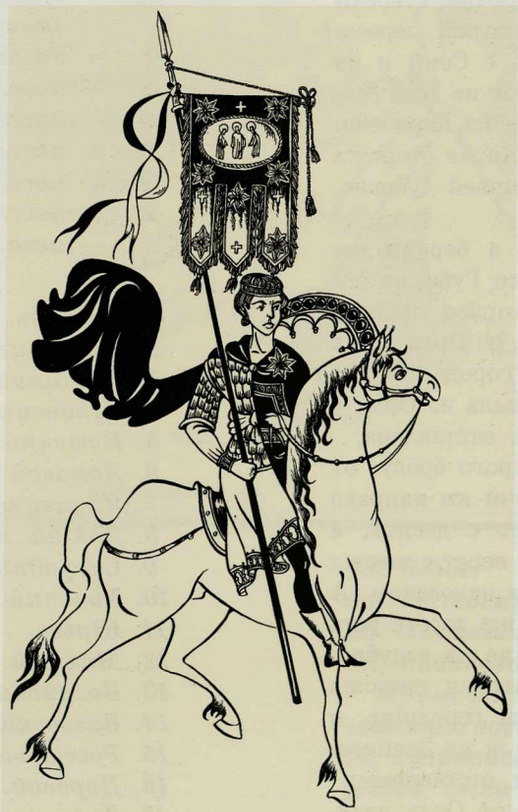
С. Т. Минаков,
кандидат исторических наук,
доцент Орловского
государственного университета

Многовековая история России поражает своим величием, драматизмом и трагизмом. Огромная страна, населенная народом, загадочным для соседей по своему духовному потенциалу, она многократно переживала в прошлом периоды величественных взлетов, расцвета культуры, равно как и моменты тяжелейших кризисов, когда казалось очень многим, что Россия кончилась, Россия окончательно исчезла с географической, политической и культурной карты мира. Это были страшные времена для страны, государства, для народа. Ибо это было время самых ответственных испытаний, время испытания исторической памятью. Именно в такие моменты истории люди, составлявшие русский народ, теряли культурную, политическую, этническую ориентацию и как в стародавние времена задавались вопросом: Кто мы и зачем мы в мире? Существуем ли мы вообще или уже исчезли, безвозвратно завершили свою культурно-историческую миссию на Земле? Имело ли какой-либо смысл наше прошлое, есть ли настоящее и суждено ли будущее? Социологи, политологи и психологи называют такое состояние сознания и души — потерей идентификации, состоянием национально-культурной амнезии. В конце XX века наше государство и народ вновь оказались в объятиях тяжелейшего кризиса. И как прежде, ныне спасительным средством возвращения национально-культурного, духовного самосознания — залога национального и государственного возрождения — является возвращение к истокам, возвращение к своему прошлому. Не только прочтение его в книгах предшествующих поколений наших выдающихся соотечественников, но в многообещающем, спасительном поиске ранее незамеченного, по-новому прочитанного в тексте отечественной истории. Культура и цивилизация тем устойчивее, чем более способна она к саморазвитию, к духовной и культурной самодеятельности, к обмену информацией, историческим опытом с соседями, с духовным наследием предков. Важнейшим фактором восстановления национально-культурной и политической идентификации ныне является почти невостребованный в своей полноте, глубине и научной фундаментальности пласт регионального культурно-исторического наследия. И в этом смысле книга В. М. Неделина обладает несомненной ценностью и своевременностью. Казалось бы, историческое краеведение существует уже давно и никогда не прерывало своего развития. Казалось бы, и по истории Орловщины, г. Орла и других городов и населенных пунктов края уже написано очень много. И тем не менее, когда мы обращаемся к прошлому г. Орла и Орловщины в поисках научно-фундаментальных обоснований региональных процессов самого различного свойства и направленности, мы чаще всего сталки-

ваемся с фрагментарностью информационного характера, с легковесностью доводов, с малодостоверной смесью расхожих легенд и обрывков действительной истории. Ныне настало время подлинной истории, научно обоснованного исследования проблем региональной истории и культуры, их истоков, обстоятельств возникновения и развития, существа проблем и процессов. Именно такого рода задачи поставил перед собой автор книги «Орел изначальный XVI–XVIII веков». «Откуда пошла быть Орловская земля...» — так, перефразируя заголовок Нестеровой летописи, можно было бы коротко определить содержание настоящей книги. В книге ставятся весьма существенные и важнейшие вопросы региональной истории, происхождение и границы «Орловщины», этногенез населения, исследуются историко-миграционные процессы, возникновение «городов» Орловщины и самого города Орла, смысл этих явлений и их социально-политической и культурно-исторической роли. Ныне всякий человек, посетивший г. Орел, начинает слышать слова, создающие топонимический облик города, от которых веет стариной, иными, уже ушедшими, но все еще присутствующими в жизни орловчан веками. Они в названиях улиц, местечек, старинных районов города. «Посадские», «пушкарные», «стрелецкие», «черкасские» улицы, «Монастырка», бывшие «солдатские» или «драгунские» слободы и пр. Это живущая и ныне память о первоначальном «служилом городе Орле». Поэтому вполне обоснованным, более того, необходимым, представляется интереснейшее и уникальное исследование автором «архитектуры» г. Орла XVI–XVIII вв. В подлинном первоначальном смысле этого понятия в книге раскрывается история создания «культурного пространства» прежде всего и первоначально как «архитектурного пространства» г. Орла — города-крепости, «служилого города». Региональная история и культура, ее истоки, особенно в огромной и многообразной России, всегда оригинальны, всегда неповторимы. Огромный вклад Орловщины в русскую, да и мировую (не побоимся этого определения), культуру, если вновь вспомним плеяду родившихся здесь великих русских писателей и мыслителей, оказался благодатным следствием ее предшествующего развития, уникального по происхождению. Ведь из «служилого города Орла» вышли, в конечном счете, все они — знаменосцы русской культуры. «Служилый» характер происхождения г. Орла и обусловил значимость «архитектурного» пространства, особенно для XVI–XVII вв., как необходимой предпосылки появления и развития «культурного и духовного пространства» г. Орла и Орловщины. Однако в книге заинтересованный читатель почерпнет для себя интереснейшую и полезную информацию о глубинных истоках формирования регионального пространства Орловщины с древнейших времен. Она древнее и богаче по событиям и времени, нежели означенные хронологические рамки. Органическая связь Орловщины с общерусской историей, восхождение ее предпосылок и истоков ко временам Древней Руси, к истории Черниговского княжества, к драматичным перипетиям судьбы вятического племени, к трагичным моментам столкновения Леса и Степи, земледельцев с кочевниками-степняками, к древним городским и политическим образованиям с очевидностью и научной достоверностью прослеживается автором книги. Читатель с большим удовольствием узнает из скрупулезного исследования, как «жили-были» орляне в XVI–XVII вв., как подчас нехитрый, но культурно-размеренный их «служилый» быт постепенно, незаметно создавал благодатную почву для появления многих творцов русской культуры XIX–XX вв. Книга эта — нужная, полезная, своевременная, одна из тех, что, незаметно врываясь в суету нынешней нашей повседневности, способствует обретению нами социально-культурной устойчивости и духовной надежды. Возвращение к духовным и культурно-историческим истокам открывает перед нами надежды на будущее. Это — самое важное, самое главное в нынешней жизни наших соотчественников и земляков.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ГОРОДА ОРЛА В XVI–XVIII ВЕКАХ



РОСПИСЬ СТОРО́ЖАМ ИЗ УКРАИНЫХ ГОРОДОВ ОТ ПОЛЬСКИЯ УКРАИНЫ (ОТ ДИКОГО ПОЛЯ. — *В. Н.*) ПО СОСНЕ, ПО ДОНУ, ПО МЕЧЕ И ПО ИНЫМ РЕЧКАМ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ТАТАРСКИХ НАБЕГОВ. 1571 ГОД.

«Сторожи Орловские и Карачевские:

1-я сторожа на Семи против Городенского городища, а Городенское городище с левую с полскую сторону у Семи; а сторожем на тое стороже быти из Орла да с Карачева шти человеком, по три человека из города, да из Рылска два человека, а переезжати им на лево вверх по Семи до усть Курицы до Юрьева городища, проезду верст с двадцать или с полтретьядцать, а направо вниз по Семи верст с десять до усть Реута, а Реут впал с левую с полскую сторону;

2-я сторожа верх Боброка староя меж дорог, которая дорога к Карачеву и к Местиловским воротам, а другой дороге, которую приходил Бакай, а проезду всего верст с пятнадцать до усть Желени; а сторожем на ней стояти из Орла да из Карачева шти человеком, по три человека из города;

3-я сторожа на Молодовой речке, стеречи без переезду у дороги, где пригож, переезжая, а к тому месту сошлись с Семи и из Рылска все дороги; а сторожем на ней стояти из дву городов, из Орла да из Карачева, из города по два человека; а старая сторожа была на той же дороге в Галичьей дубраве, и та сторожа сведена;

4-я сторожа вверх Очки, а беречи им налево до Сосны до ржавой, до Губкина болота, верст с тридцать, а направо проезду нет; а сторожем на ней стояти из Орла да из Мценска шти человеком, из города по два человека; а которая сторожа была из Орла у Губкина болота, и та сторожа отставлена;

5-я сторожа на Оке у быстрого броду, от Орла пятнадцать верст, а беречи им направо до Кромского городища верст с десять, а налево за Оку до верх Кнубря верст с шесть; а сторожем быти из Орла шти человеком. А которая сторожа была на той же дороге усть Крому, и которая сторожа была на вздубровье за Выйским лесом, и которая сторожа была на Цне на Жидоморском городище, и которая сторожа была на Цне ж на Звенигородской дороге, и те сторожи отставлены;

6-я сторожа верх Олешан, от Орла двадцать верст; а сторожем быти из Орла да из Мценска четырем человекам, по два человека из города;

7-я сторожа за Окою на Рыбнице быти где пригож и усторожнее, а стояти от города пять верст; а сторожем быти из Орла двум человеком. А которая сторожа была на Воптухе в Пристинском городище, и которая сторожа была меж Воптухи и Рыбницы, и те сторожи отставлены, потому что туто седят села и деревни, на той же дороге стоят, которая сверх Волки».

Акты Московского государства, изданные императорскою академиею наук. — Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634 гг. — СПб., 1890. — С. 11.

Орловский уезд по Писцовой книге 1594–1595 годов подьячего Леонтия Софонова и писца Дементия Яковлева.

Реконструкция по материалам П. Смирнова с уточнениями и дополнениями В. Неделина.

— *примерные границы Орловского уезда в конце XVI века;*

■ — *древние городища, зафиксированные в писцовой книге;*

⊠ — *древние городища, не зафиксированные в писцовой книге;*

✝ — *погосты (церкви с кладбищами);*

⊙ — *поселения Каменского стана;*

○ — *поселения Неполоцкого стана;*

△ — *поселения Наугорского стана;*

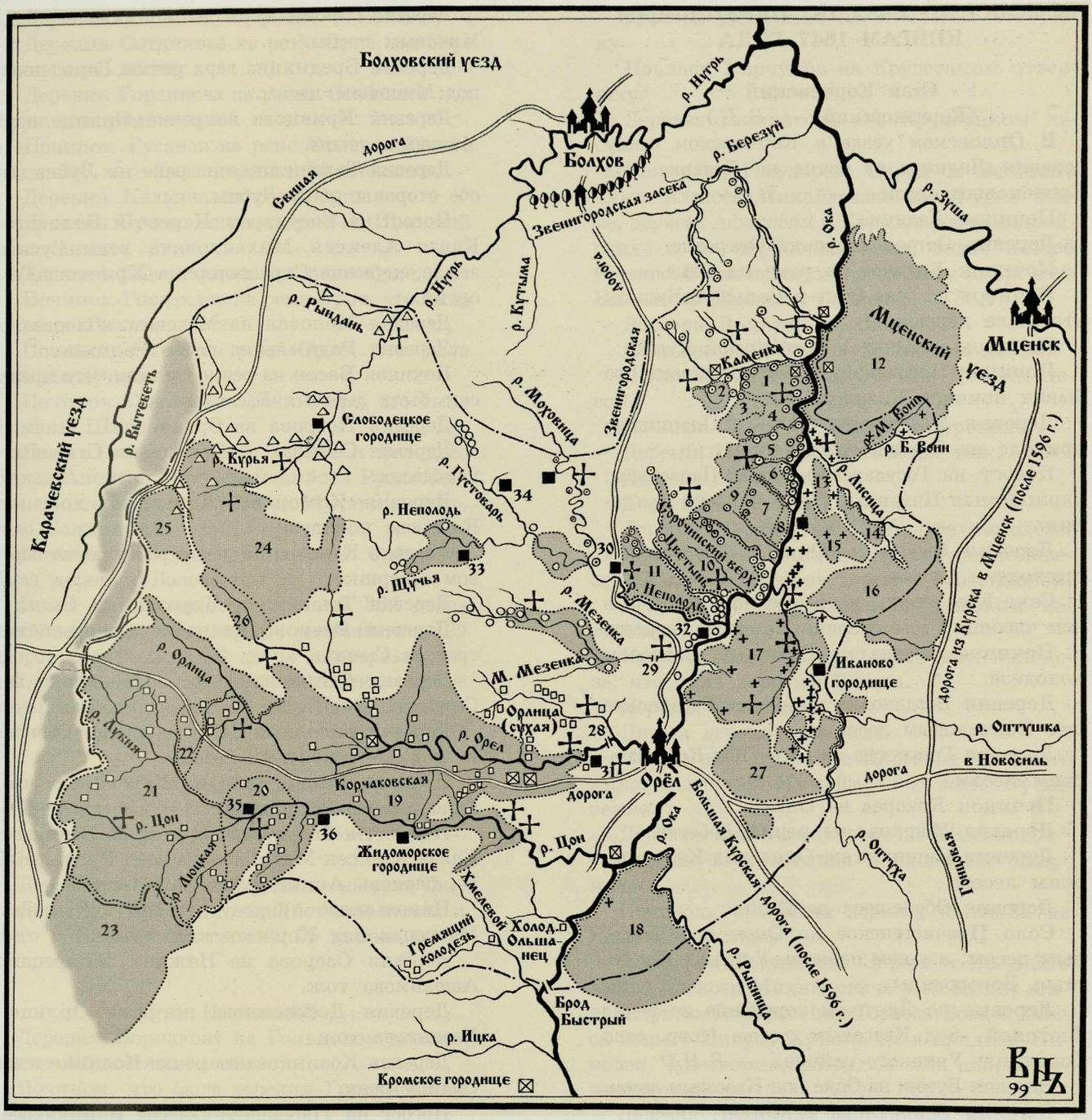
✚ — *поселения Тайчукова стана;*

□ — *поселения Корчаковского стана;*

— *леса.*

Названия лесов:

1. *Ондреев.*
2. *Круглицкий.*
3. *Савицкий.*
4. *Булавецкий.*
5. *Ившенный.*
6. *Ломовой.*
7. *Крупецкой.*
8. *Долгий липняк.*
9. *Скородный.*
10. *Убойчий.*
11. *Юрьев.*
12. *Мокрый.*
13. *Волуйский.*
14. *Вязовский.*
15. *Россоховец.*
16. *Доровой.*
17. *Тайчуков.*
18. *Лавров.*
19. *Корчаков.*
20. *Квасов.*
21. *Миновой.*



22. Смородиновой.
23. Большой.
24. Кревий.
25. Липовский.
26. Дубовчик.
27. Корабль (Кораблев).

Броды:

28. Царев на р. Орле.
29. Царев на р. Мезенке.

Городища:

30. Звенигородское.
31. Медково.
32. Гонючее.
33. Белое.
34. Густоварское.
35. Людцкое.
36. Снопково.

***Примечание:** если на севере, западе и частично востоке границы Орловского уезда, соприкасавшиеся с землями соседних уездов, были более или менее стабилизированы, то южная и особенно юго-восточная границы не имели четкого очертания и, постепенно отодвигаясь в сторону «дикого поля», в первой половине XVII в. достигли верховьев р. Оки (с. Тагино).*

ОРЛОВСКИЙ УЕЗД ПО ПЕРЕПИСНЫМ КНИГАМ 1647 ГОДА

Стан Корчевский

(Корчаковский. — *В. Н.*)

В Орловском уезде в Корчевском стану деревня Ладнина на речке на Леденке, под Корчековым лесом.

Починок Ладнина.

Деревня Остров на речке Островке.

Починок Худяков на реке на Оцке.

Починок на реке Оцке в Большой Кулиге, что была деревня.

Починок на Оцке в Пятницкой Кулиге.

Починок Поровской за рекою Оцкою, что бывал починок Кизиловской.

Деревня Маслова на Оцке в Пятницком приходе на Середнем отвершке.

Погост на Государевой земле Параскевы, нарицаемыя Пятницы, стоит часовня без пения.

Деревня Овечья на Оцке в Егорьевском приходе.

Село Егорьевское на речке на Брусне, а в нем часовня Страстотерпца Христова Георгия.

Починок Брусна на Оцке, на Становом колодезе.

Деревня Богдановка на речке Богдановке под Корчековым лесом.

Деревня Григорова на Оцке под Корчековским лесом.

Починок Кокорев на Оцке.

Деревня Мешкова на речке Лебетке.

Деревня Пишнина на Оцке под Корчековским лесом.

Деревня Оболешева на Оцке.

Село Пречистенское на Оцке под Квасовым лесом, а в нем церковь Успения Пречистыя Богородицы.

Деревня на Лютцком городище на речке Лютцкой, под Квасовым лесом (совр. село Городище Урицкого района. — *В. Н.*).

Деревня Бузова на Оцке под Квасовым лесом.

Деревня Семирукова на Оцке.

Починок Воробьев на колодезе на Кузнечике на Люцком отвершке.

Деревня Белая на Оцке под Миновым лесом.

Деревня Лунина на Оцке под Миновым лесом в Борщокой Поляне.

Деревня Бездырева на Сычове колодезе под Миновым лесом.

Погост на Государеве Цареве и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Русии и земле церковь Николы Чудотворца.

Деревня Сычова Поляна на речке Городеньке под Миновым лесом.

Деревня Городец верх речки Городенки под Миновым лесом.

Деревня Бредихина верх речки Городенки под Миновым лесом.

Деревня Кривцова на речке Орлице под Миновым лесом.

Деревня Телевитцкая на реке на Лубне по обе стороны реки Лубны.

Погост на Государеве Цареве и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Русии земле, церковь Страстотерпца Христова Георгия.

Деревня Меловая на Меловом колодезе.

Деревня Радимль на речке Радимле.

Починок Басов на речке Орлице, что преж сего была деревня Басова ж.

Деревня Петрова на Орлице.

Деревня Сенкова на Орлице на Становых колодезях.

Деревня Комарова, Анутшина тож на Комарове колодезе.

Деревня Квасова на речке Квасове на первом отвершке.

Деревня Трыкина на Городецких Сычах.

Деревня Озерова на речке Сычовке на третьих Сычах.

Деревня Селихова на речке Сычовке на Середних Сычах.

Деревня Голодные Сычи на речке Сычовке под Корчековским лесом.

Починок на колодезе на Кругличах, что была деревня Кругличи.

Погост на Государеве Цареве и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Русии земле, церковь Архистратига Михаила.

Никольскаго приходу деревня в Вышних Мокрецах под Корчековским лесом.

Деревня Озерова на Нижних Мокрецах, Ащелимова тож.

Деревня Долженкова на реке Орлице, Казинкова тож.

Деревня Козинкова на речке Козинке и за Орлицу реку.

Погост на Государеве Цареве и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Русии земле, церковь Рождество Пречистыя Богородицы да Николы Чудотворца.

Деревня Котова на речке Кривенце и речке Орлице.

Деревня Ванина на речке Орлице с Нижнею Кривню под Корчековским лесом.

Деревня Семенихина, Должонова тож на Орлице.

Починок Мелынцы на реке Орле под Корчековским лесом.

Деревня Реутова на реке Орле и на речке на Щимле.

Деревня Торшана на речке Мотыни.

Деревня Сотникова на реке Орле под Корчековским лесом.

Деревня Гораинова на речке Стебеньке под Корчековским лесом.

Починок Русанов на реке Орле на Ескове колодезе, что была деревня Моцнескина.

Деревня Кельина на реке Орле.

Деревня Бутова на реке Орле на Щириной пристанище.

Деревня Савастьянова на реке Орле.

Починок Гнездилов на реке Орле, что была деревня Гнездилова ж.

Починок Очин на реке Орле, что была деревня Очина.

Починок Очюнев на реке Орле, что была деревня Шпилева.

Погост на Государеве Цареве и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Русии земле церковь Никиты Христова Мученика (совр. село Солнцево. — *В. Н.*).

Починок Жердевской на реке Орле, что была деревня Волобоева.

Всего на Корчековском стану 362 двора помѣщиковых, 85 дворов крестьянских, 29 дворов бобыльских, 3 двора задворных людей, а людей в них 403 человека окроме помещиковых дворов, да двор пустой крестьянской.

Стан Неполотцкой

Починок на реке Мезине, что преж сего было село Мезино (совр. село Плещеево. — *В. Н.*).

Деревня в Гонючем Городище на реке Оке.

Деревня Труфонова под Убойчим лесом, и всего в Неполотцком стану 15 дворов помещиковых.

Стан Каменской

Деревня Борнакова на Гольцовом колодезе под Убоичевым лесом.

Починок, что была деревня Гридунова на Соротчицком отвершку.

Починок Власов, что была деревня Власова ж.

Погост на Государеве Цар[е]ве и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Русии земле, а на том погосте часовня Покрова Пресвятыя Богородицы (совр. село Клейменово, в XVI–XVII вв. — Скородна. — *В. Н.*).

Деревня Проскурникова.

Деревня Пронина Займище.

Деревня Саголаева под Крупетцким лесом.

Починок Чюрилов под Скородным лесом.

Деревня Юшкова на Ондрееве отвершку.

Деревня Яхонтова на Селенском отвершку.

Деревня Деменина на Хмелевом отвершку.

Починок Корчуков на Крупетцком отвершку.

Деревня Башкатова под Крупетцком лесом.

Погост на Государеве Цареве и Великаго князя Алексея Михайловича всея Русии земле, церковь Афанасия и Кирилла Александрийских, да на церковной земле живет нищей Серешка Борисов, кормится по миру (совр. село Башкатово Мценского района. — *В. Н.*).

Деревня Ломовец на Оке.

Починок на Оке под Березовым лесом.

Починок Юнутин на Оке под Долгим лесом.

Починок Жеребей Мусиной деревни.

Деревня Цурикова, Тилинина тож.

Деревня Шепелева.

Деревня Булавенка.

Деревня Чертова на Приголубе колодезе.

Деревня Кожевина на Приголубе колодезе, по другой стороне деревни Борзенковой.

Деревня Борзенкова на Ондреевском колодезе.

Починок Елковка на Ондреевском колодезе, что была деревня Елкова.

Деревня Фатнева.

Другая деревня Фатнева.

Погост на Государеве Цареве и Великаго князя Алексея Михайловича всея Русии земле.

Деревня Савенкова на речке Каменке.

Деревня Булаветцкая на колодезе Радуниче.

Починок, что была деревня Маслова на Радунине колодезе.

Погост на Государеве Цареве и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Русии земле, церковь Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, да в приделе Николая Чудотворца, да в том селе дворы помещиковы.

Деревня Пахомова на Глинном Верху.

Деревня Обрядова.

Деревня Савенкова под Ившенным лесом.

Село Дмитровское, а в нем церковь Дмитрия Селунскаго, Анихино тож, на речке Городенке.

Починок Плужников на Мокрой Дубинской Плоте.

Деревня Ромошова на речке Сухобенту.

Погост на Государеве Цареве и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Русии земле часовня Николы Чудотворца.

Деревня Григорова на речке Мокром Березце.

Починок на речке Березце.

Деревня Тарасова на Долгом Верху.

И всего в Каменском стану 120 дворов помещиковых, 32 двора крестьянских, 68 дворов бобыльских, задворных людей 10 дворов, а людей в них 352 человека оприч помещиковых дворов, да пустых крестьянских и бобыльских 9 дворов, да двор пустой задворнаго человека.

Стан Тайчюковский

Деревня Большой Ольховец на речке Ольховце.

Деревня Малой Ольховец.

Деревня Леженка на речке Леженке.

Деревня Мостки на речке Мостках.

Погост на Государеве Цареве и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Русии земле, церковь Николы Чудотворца... (совр. село Старцево. — *В. Н.*).

Деревня Попова Лука.

Деревня в Кузмодемьянской Луке.

Деревня Конева на речке Коневке.

Деревня Рябцева.

Деревня Чевычелова на речке Лужинке.

Починок деревня Зуева на речке Лужинке под Тайчюковым лесом.

Деревня Булгакова.

Деревня Жаровина Лука.

Деревня Большия Грушки.

Погост на Государеве Цареве и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Русии земле, церковь Иоанна Богослова (совр. село Платоново. — *В. Н.*).

Починок Блудов под Ивановым Городищем.

Деревня Малыя Грушки.

Деревня Тайная, верх Везовика.

Деревня в Вышнем Везовике под Тайчюковым лесом.

Деревня Нижние Коликовки (Куликовки? — *В. Н.*).

Деревня в Вышних Колиновках.

Деревня Нижние Вязки под Тайчюковым лесом.

Деревня Порахина на реке Оптухе.

Деревня Болотова на речке Лице.

Деревня Сарева — Роговая тож.

Деревня Железница.

Деревня Песковицы.

Деревня Быкова Гора.

Погост на Государеве Цареве и Великаго Князя Алексея Михайловича всея Русии земле, церковь Архангела Михаила, а на церковной земле двор попа Микифора Макавеева, а за ним два двора бобыльских (село Погост Быкова Гора ныне не существует. — *В. Н.*).

Деревня Волобоева, Боровлянская тож.

Деревня Ярыгина.

Починок Фарофонов на Ваниннове верху под Мокрым лесом.

Деревня Казакова.

Деревня Илькова.

В Орловское же уезде в Большом Городцком стану в поместье село Тагин на реке Оке на Ввозном колодезе с деревнями за Микитою Остафьевым сыном Пушкиным дворы крестьянские и бобыльские, деревня Поляна на речке Тагине, деревня Бобрак на Оке.

И всего в Тайчюковском стану 215 дворов помещиковых, 73 двора крестьянских, 77 дворов бобыльских, задворных людей 9 дворов, на церковной земле 2 двора бобыльских, а людей в них 425 человек оприч помещиковых дворов, да пустых крестьянских и бобыльских дворов 13 дворов.

И обоего в Орловском уезде во всех станех 712 дворов помещиковых и 190 дворов крестьянских, 174 двора бобыльских, задворных людей 22 двора, на церковной земле 2 двора бобыльских, а людей в них в крестьянских и бобыльских дворех и задворных людей и на церковной земле в бобыльских дворех 1180 человек оприч помещиковых дворов, да пустых крестьянских и бобыльских 23 двора, да двор пустой задворнаго человека.

Г. Пясецкий

Труды Орловской ученой архивной комиссии. — Вып. 2. — Орел, 1891. — С. 17–22.

ВЫДЕРЖКА ИЗ ОПИСИ ГОРОДАМ, ВЕДОМЫМ В РАЗРЯДЕ, С УКАЗАНИЕМ КОЛИЧЕСТВА СЛУЖИЛЫХ И ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ В ГОРОДАХ ОРЛОВСКОГО КРАЯ. 1668 ГОД.

В Болхове: 1048 (по описи 1679 г. — 1204), посадских 380 (по описи 1679 г. — 477), роду их 325 (по описи 1679 г. — 415).

В Орле: 655, посадских нет (по описи 1679 г. значится 42 человека посадских, роду их 62).

В Кромах: 261, посадских нет.

В Мценске: 516, посадских нет.

В Ливнах: 1424, посадских нет.

В Новосиле: 428, посадских нет.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Т. 13. Дополнения. — М., 1991. — С. 294–295.

РГАДА, ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Московского стола. Кн. 62, 103.

Данные по численности гарнизона Орловской крепости в различные годы

1636–1637 гг.

Дети боярские*	Стрельцы	Пушкари и затинщики	Севские пушкари, затинщики и кузнец	Белевские		Болховские	
				стрельцы	казаки	стрельцы	казаки
777	200	13	13	20	25	6	19

Карачевские		Новосильские стрельцы и казаки	Чернские стрельцы и казаки	Боброкские** казаки	Прочие
стрельцы	беломестные казаки				
75	10	40	55	68	стрелецкий голова 1 воротник 1

Всего — 1323.
Из них:
орловских — 992,
прибылых — 331.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Стб. 71. Л. 202–205.

1645 г.

Дети боярские	Родственники детей боярских	Стрельцы	Казаки	Переезжие черкасы	Пушкари, затинщики, воротники, кузнецы	Дети стрельцов, казаков, пушкарей и черкас	Прочие
800	13	200	55	38	34	120	1 губной староста 1 съезжей избы дьячок

РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 502. Л. 183–190.

Всего — 1262.

1678 г.

Дети боярские (отставные)	Стрельцы	Пушкари	Драгуны	Посадские люди	Дворники и бобыли	Казенные кузнецы	Прочие	Всего
148	94 71***	29 90***	118 154***	42 62***	28 23***	2	1 губной староста, 1 осадный голова, 1 стрелецкий голова, 1 бирюч, 8 подьячих, 8 площадных дьячков	975

Примечание: в число пушкарских родственников включены дети и братья воротников и кузнецов.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссеею. — Т. IX. — СПб., 1848 г. — С. 251–252.

*Из них живут по разным городам на вестях, умерли и посланы в поход 141 ч.
**С Боброкской засеки под Белевом.
***Дети, братья, племянники, половинщики служилых людей.

1702 г.

	Полковые сотенные службы	Начальные люди	Копейщики	Рейтары	Конюшенного чину
Прежних	56	10	116	546	12
Вновь набрано	54		88	661	
Недорослей	51	29	141	597	12
Отставных	3		5	4	
Всего	163	39	350	1808	24

	Солдаты	Городовой службы	Стрельцы	Драгуны	Пушкари и пушкарского чину
Прежних	220	82	131	176	61
Вновь набрано	158	42	58	152	45
Недорослей	165	77	156	382	30
Отставных	13	6			
Всего	551	207	345	710	123

	Черкасы	Из вышеперечисленных		Всего в гарнизоне конных и пеших	Кроме того
		конных	пеших		
Прежних	43	726	725		11 ч. подьячих в приказной избе, 12 ч. площадных подьячих
Вновь набрано	27	803	482		
Недорослей	51	818	873		
Отставных		12	19		
Всего	121	2359	2091	4458	23

Примечание: в 1702 г. убыло из конных 160 ч. (2 ч. переведены в Москву, 126 — «сошли», 32 умерли); из пеших убыло 137 (13 ч. переведены в Москву, 69 — «сошли», 55 умерли). Всего: 297.

РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 3. Д. 75. Л. 282–284.

Количество служилых людей, выставлявшихся городами Орловского края для службы во вновь образованном Белгородском полку. 1658 год.

Город	Дворяне и дети боярские полковой службы	Рейтары	Драгуны	Солдаты нового набора	«Старые солдаты»	Всего от города
Болхов	46	73			20	139
Мценск	74	324	83		16	497
Орел		300	59			359
Новосиль		245	145		88	478
Кромы		78	171			249
Ливны	176	196	459		108	939

Загоровский В. П. Белгородская черта. — Воронеж, 1969. — С. 154–155.

ГОРОД ОРЕЛ В 1724–1726 ГОДАХ

Киевская губерния
Орловская провинция

Орел, город рубленой, в нем две башни проезжих, четыре глухих, по мере около города и башен 161 сажень, стоит на ниском месте на берегу Оки и на усть Орла рек, в разстоянии от Москвы.

О управителях провинции

Ныне воевода полковник (подполковник) Иван Хрипунов, а с ним асессоров 2, камерир 1.

О канцеляриях и канторах

Воеводская канцелярия, в которой по штату определено:

Секретарь 1	Кописты 6	12
Канцеляристов 3	Сторожей 2	

Камерирская кантора, в ней:

Писарь 1 Кописты 4 Сторож 1	6

Крепостная контора, в ней:

Надсмотрщик 1 Писцов 4	5

Для караулу и посылок при воеводской канцелярии и канторах разсыльщиков 34 человека.

Магистрат, в нем бургомистров 1, ратманов 2.

Канцелярия их и приказные служители особые.

Таможня Кабацкая контора Конская изба	В них для управления бургомистры и ларечные и при них целовальники.

В сей же провинции фискалы из шляхетства Ермолай Шеншин, ис купечества Мелентей Овсянкин (Леонтий Овсянников), Михайло Щипанов.

О церквах

По ведомости Камор-колегии показано в Орле с уездов (и в уезде) по переписи 1710 году 53 церкви.

О монастырях

В уезде Орловском от города верстах в 2(-х) монастырь Георгиевский (ошибка, Успенский. — *В. Н.*). А по ведомости Камор-колегии показано в Орле по переписи [1] 710 году 2 монастыря.

О посадских

Посадских по нынешней переписи 2657 человек. (Далее идет описание подведомственных Орлу провинциальных городов: Болхова, Мценска, Новосиля, Черни и Белева. — *В. Н.*)

Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. — М., 1977. — С. 171.

ЦЕРКВИ ГОРОДА ОРЛА И ЕГО УЕЗДА ПО ВЕДОМОСТИ 1734 ГОДА

Церкви города Орла

1. Успения Пресвятыя Богородицы.
2. Введения Пресвятыя Богородицы (в женском монастыре. — *В. Н.*)
3. Богоявления Господня.
4. Преображения Господня.
5. Воскресения Христова.
6. Покрова Пресвятыя Богородицы.
7. Св. Николая Чудотворца.
8. Св. Великомученика Георгия.

(В ведомость не включен Рождество-Богородичный собор, находившийся в это время в стадии строительства, и храмы Успенского мужского монастыря. — *В. Н.*).

Села и церкви Орловского уезда

(Тайчукова стана. — *В. Н.*)

1. Село Лаврово. Церковь Великомученика Георгия.
2. Село Путимец. Церковь Рождества Христова.
3. Село Змиево. Церковь Казанския Пресвятыя Богородицы.
4. Село Архангельское, Монастырское тож. Церковь Св. Архистратига Михаила.
5. Село Троицкое. Церковь Живоначальныя Троицы.
6. Село Никольское. Церковь св. Николая Чудотворца.
7. Село Космодемьянское. Церковь Неопалимыя Купины.
8. Того же села церковь Александра Свирского.
9. Село Вендерево. Церковь Воскресения Христова.
10. Село Богородицкое. Церковь Введения Пресвятыя Богородицы.
11. Село Воронцово. Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы.
12. Село Березовец. Церковь св. Николая Чудотворца.
13. Село Тагин. Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы.
14. Село Архангельское. Церковь св. Архистратига Михаила.
15. Село Богословское. Церковь св. Иоанна Богослова.
16. Село Архангельское, Собакино тож. Церковь св. Архистратига Михаила.
17. Село Рождественское. Церковь Рождества Пресвятыя Богородицы.
18. Село Преображенское. Церковь Преображения Господня.

19. Село Сергиевское. Церковь Преображения Господня.

20. Село Семендяево. Церковь Великомученика Димитрия.

21. Село Лукьянчиково. Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы.

22. Село Дмитриевское. Церковь Великомученика Димитрия.

23. Село Золотарево. Церковь св. Архистратига Михаила.

24. Село Рождественское. Церковь Рождества Пресвятыя Богородицы.

25. Село Троицкое. Церковь Живоначальныя Троицы.

26. Село Спасское. Церковь Преображения Господня.

27. Село Сергиевское. Церковь Преподобного Сергия.

28. Село Макарово. Церковь Архангела Михаила.

29. Село Доброе. Церковь Великомученика Георгия.

30. Село Блудово (Платоново. — *В. Н.*). Церковь Иоанна Богослова.

31. Село Старцево. Церковь св. Николая Чудотворца.

32. Село Воскресенское. Церковь Воскресения Христова.

Неполоцкого стана

33. Село Шелково. Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы.

34. Село Козмодемьянское. Церковь св. Безсребреников Космы и Дамиана.

35. Село Ольхово. Церковь св. Царевича Димитрия.

36. Село Ряпкино (ошибка — Редькино. — *В. Н.*). Церковь Св. Архистратига Михаила.

37. Село Маслово. Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы.

38. Село Бокланово (Бакланово. — *В. Н.*). Церковь св. Николая Чудотворца.

39. Село Песканицы. Церковь Смоленския Пресвятыя Богородицы.

40. Село Пятницкое. Церковь Великомученицы Параскевы.

41. Село Мезин. Церковь Воскресения Христова.

42. Село Паюсово. Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы.

43. Село Григорово. Церковь св. Николая Чудотворца.

44. Село Анахино. Церковь Великомученика Димитрия.

45. Село Спаское (Спасское. — *В. Н.*). Церковь Всемилостивого Спаса.

46. Село Звенигородское. Церковь св. Николая Чудотворца.

47. Село Цветынь. Церковь св. Великомученика Георгия.

48. Село Скородна (Клейменово. — *В. Н.*). Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы.

49. Село Башкатово. Церковь св. Афанасия и Кирилла.

50. Село Спаское. Церковь Нерукотвореннаго Образа.

51. Село Нарыково. Церковь Воскресения Христова.

52. Село Введенское. Церковь Введения Пресвятыя Богородицы.

53. Село Богородицкое, Лукьянчиково тож (в источнике название храма не указано. — *В. Н.*).

Югорского стана (Наугорского. — *В. Н.*)

54. Село Ждимер. Церковь Введения Пресвятыя Богородицы.

55. Село Голдаево. Церковь св. Николая Чудотворца.

56. Село Воздвиженское. Церковь Воздвижения креста Господня.

57. Село Кесково (?). Церковь Успения Пресвятыя Богородицы.

58. Село Гнездилово. Церковь св. Николая Чудотворца.

59. Село Ефремово. Церковь Казанския Пресвятыя Богородицы.

Корчековскаго стана
(Корчаковского. — *В. Н.*)

60. Село Подзовалово. Церковь Великомученика Георгия.

61. Село Рябинки. Церковь Воздвижения честнаго креста Господня.

62. Село Никольское. Церковь Афанасия и Кирилла.

63. Село Тросна. Церковь Великомученика Георгия.

64. Село Ольшаны. Церковь св. Николая Чудотворца.

65. Село Никитское. Церковь св. Великомученика Никиты.

66. Село Козинки. Церковь св. Николая Чудотворца.

67. Село Малахово. Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы.

68. Село Дмитровское. Церковь Великомученика Димитрия.

69. Село Меловое. Церковь Великомученика Георгия.

70. Село Архангельское. Церковь св. Архистратига Михаила.

71. Село Птицыно. Церковь Великомученицы Параскевы.

72. Село Ондреяново (Андрияново, Сабурово. — *В. Н.*). Церковь Архистратига Михаила.

73. Село Григорово. Церковь Великомученика Димитрия.

74. Село Сидячее. Церковь Успения Пресвятыя Богородицы.

75. Село Горки. Церковь св. Николая Чудотворца.

76. Село Знаменское. Церковь Знамения Пресвятыя Богородицы.

77. Село Везинки. Церковь Владимирския Пресвятыя Богородицы.

При 85 приходских церквах Орловского уезда считалось дворов 6274.

Орловские епархиальные ведомости. — 1870. № 20 (15 окт.). — С. 1295–1299.

ЦЕРКВИ ГОРОДА ОРЛА И ЕГО УЕЗДА ПО ВЕДОМОСТИ 1755 ГОДА

Церкви города Орла

1. Соборная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, безприходная.

2. Церковь Богоявления Господня с приделом Вознесения Господня. При ней приходских дворов 202.

3. Церковь Успения Пресвятыя Богородицы и близ нея, построенная для отправления ранних литургий, церковь св. Архангела Михаила с приделом св. Иоанна Воина. Приходских дворов 261.

4. Церковь св. Николая Чудотворца с приделом св. Пророка и Предтечи Крестителя Господня Иоанна. При ней приходских дворов 220.

5. Церковь Обновления храма Воскресения Христова. При ней приходских дворов 167.

6. Новостроящаяся церковь св. Василия Великаго с другою церковью в верхнем апартаменте во имя Живоначальныя Троицы. При ней приходских дворов 120.

7. Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы с приделом св. Жен Мироносиц. При ней приходских дворов 328.

8. Церковь Преображения Господня с приделом св. Великомученицы Параскевы, нарицаемыя Пятницы. Приходских дворов 201.

9. Церковь Сретения Господня с приделом св. Великомученика Георгия Стратотерпца. При ней приходских дворов 144, а с приписными от Петропавловской церкви, что при Успенском монастыре, — 204.

10. Церковь Введения Пресвятыя Богородицы с приделом Великих Святителей Афанасия и Кирилла, Александрийских Чудотворцев, что в женском монастыре. При ней приходских дворов 38.

11. Церковь св. Апостолов Петра и Павла, что при Успенском монастыре. Приход ея по силе указа отрешен, и приходские дворы ея, числом 60, причислены к Сретенской церкви. (В описи не упомянут Успенский собор того же монастыря, т. к. он использовался для монастырского богослужения и являлся бесприходным. — *В. Н.*).

Примечание: До 1755 года в городе Орле приходских церквей было 10, из коих Васильевская церковь в то время еще не была вполне отстроена; а в 1755 году положено быть 9 приходским церквам.

Всех дворов в городе Орле считалось 1741.

В нынешней первой части города Орла (междуречье Оки и Орлика. — *В. Н.*), при 5 приходских церквах значилось 970 дворов.

Во второй части (за рекой Окой. — *В. Н.*) при 2 приходских церквах — 529 дворов.

В третьей части (за рекой Орликом. — *В. Н.*), при одной приходской и одной монастырской церкви — 242 двора; что же касается до числа жителей в городе Орле, то по ведомости 1737 года их считалось: мужеска пола 2502, женска 2009, обоего пола 4511.

Церкви в Орловском уезде

1. Село Лаврово. Церковь св. Великомученика Георгия. Приходских дворов 211.

2. Село Сретенское, что на Рыбнице. Церковь Сретения Господня. Приходских дворов 45.

3. Село Путимец. Церковь Рождества Христова. Приходских дворов 92.

4. Село Змиево. Церковь Казанския Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 83.

5. Село Троицкое, что в Пушкине. Церковь св. Живоначальныя Троицы. Приходских дворов 90.

6. Село Пищово. Церковь св. Митрополита Алексея. Приходских дворов 50.

7. Село Космодемьянское. Церкви: I. Неопалимыя Купины Пресвятыя Богородицы; приходских дворов 70; II. св. Александра Свирского Чудотворца; при ней приходских дворов 122. А всего в селе 192 двора.

8. Село Воскресенское, что в Философове. Церковь Обновления храма Воскресения Христова. Приходских дворов 76.

9. Село Вендерево. Церковь Обновления храма Воскресения Христова. Приходских дворов 101.

10. Село Богородицкое, что в Долгорукове. Церковь Введения Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 258.

11. Село Воронец. Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 269.

12. Село Архангельское, Монастырское тож. Церковь св. Архангела Михаила. Приходских дворов 170.

13. Село Березовец. Церковь св. Николая Чудотворца. Приходских дворов 139.

14. Село Тагин. Церкви: I. Покрова Пресвятыя Богородицы; при ней приходских дворов 101; II. Казанския Пресвятыя Богородицы; при ней 101 двор. А всего, при двух церквах — 202 двора.

15. Село Архангельское, что на Очке. Церковь св. Архангела Михаила. Приходских дворов 179.

16. Село Богословское, что в Ловчикове. Церковь св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова с двумя приделами. Приходских дворов 118.

17. Село Архангельское, что в Собакине. Церковь св. Архангела Михаила. Приходских дворов 140.

18. Село Рождественское, что на Руде. Церковь Рождества Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 185.

19. Село Александровское, что в Куракине. Церковь св. Александра, Свирского Чудотворца. Приходских дворов 118.

20. Село Преображенское, что в Куракине. Церковь Преображения Господня. Приходских дворов 156.

21. Село Приимки. Церковь Казанския Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 124.

22. Село Никольское, что в Дурнове. Церковь св. Николая Чудотворца. Приходских дворов 81.

23. Село Сергиевское, что в Яковлеве. Церковь Преображения Господня. Приходских дворов 151.

24. Село Семендяево. Церковь св. Великомученика Димитрия Солунскаго. Приходских дворов 359.

25. Село Семеновка. Церковь св. Николая Чудотворца. Приходских дворов 64.

26. Село Знаменское, что на Поляновке. Церковь Знамения Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 28.

27. Село Лукьянчиково. Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 200.

28. Село Дмитриевское, что в Нарышкине. Церковь св. Великомученика Димитрия. Приходских дворов 111.

29. Село Золотарево. Церковь св. Архистратига Михаила. Приходских дворов 114.

30. Село Рождествено, что под Черным. Церковь Рождества Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 71.

31. Село Троицкое, что на Легоще. Церковь св. Живоначальныя Троицы. Приходских дворов 87.

32. Село Дурнево. Церковь Одигитрии Смоленския Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 88.

33. Село Спасское, что в Бибикове. Церковь Преображения Господня. Приходских дворов 110.

34. Село Петровское. Церковь Одигитрии Смоленския Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 30.

35. Село Сергиевское, что в Лопухине. Церковь св. Сергия, Радонежскаго Чудотворца (приходских дворов не указано. — *В. Н.*).

36. Село Архангельское, что под Мокрым. Церковь св. Архангела Михаила. Приходских дворов 145.

37. Село Даровое. Церковь св. Великомученика Георгия. Приходских дворов 110.

38. Село Блудово. Церковь св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Приходских дворов 100.

39. Село Старцево. Церковь св. Николая Чудотворца. Приходских дворов 199.

40. Село Пятницкое, что на Щучье. Церковь св. Великомученицы Параскевы, нарицаемой Пятницы. Приходских дворов 217.

41. Село Маслово. Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 153.

42. Село Бакланово. Церковь св. Николая Чудотворца. Приходских дворов 60.

43. Село Димитриевское, что на Орлице. Церковь св. Великомученика Димитрия Солунскаго. Приходских дворов 72.

44. Село Козмодемьянское. Церковь св. Безсребренников Козмы и Дамиана. Приходских дворов 102.

45. Село Ретькино. Церковь св. Архистратига Михаила. Приходских дворов 37.

46. Село Егурново. Церковь св. Архистратига Михаила. Приходских дворов 86.

47. Село Паюсово. Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 79.

48. Село Везинки. Церковь Владимирския Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 60.

49. Село Введенское. Церковь Введения Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 57.

50. Село Шумово. Церковь Всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго Образа. Приходских дворов 80.

51. Село Круглица. Церковь Всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго Образа. Приходских дворов 45.

52. Село Калугино. Церковь Казанския Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 102.

53. Село Григорово. Церковь св. Николая Чудотворца. Приходских дворов 47.

54. Село Анохино. Церковь св. Великомученика Димитрия. Приходских дворов 31.

55. Село Нариково (Нарыково. — *В. Н.*). Церковь Обновления храма Воскресения Христова. Приходских дворов 60.

56. Село Башкатово. Церковь Святителей Афанасия и Кирилла Александрийских. Приходских дворов 54.

57. Село Скородна. Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы (приходских дворов не указано. — *В. Н.*).

58. Село Цветынь. Церковь св. Великомученика Димитрия. Приходских дворов 72.

59. Село Звенигородское. Церковь св. Николая Чудотворца. Приходских дворов 195.

60. Село Спасское, что в Житном. Церковь Всемилостиваго Спаса Нерукотвореннаго Образа. Приходских дворов 50.

61. Село Мезин. Церковь Обновления храма Воскресения Христова. Приходских дворов 200.

62. Село Никитское. Церковь св. Великомученика Никиты. Приходских дворов 60.

63. Село Малахово. Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 84.

64. Село Козинки. Церковь св. Николая Чудотворца. Приходских дворов 276.

65. Село Подзовалово. Церковь св. Великомученика Георгия. Приходских дворов 289.

66. Село Воздвиженское, что в Рябинках. Церковь Воздвижения честнаго креста. Приходских дворов 79.

67. Село Никольское, что в Рябинках. Церковь Святителей Афанасия и Кирилла, Александрийских Чудотворцев. Приходских дворов 70.

68. Село Архангельское, что на Сычах. Церковь св. Архангела Михаила. Приходских дворов 115, да вновь прибылых 69, всего 184.

69. Село Меловое. Церковь св. Великомученика Георгия. Приходских дворов 150, да вновь прибылых 20. Итого 170.

70. Село Горки. Церковь св. Николая Чудотворца. Приходских дворов 200.

71. Село Сиднеево (Сидячее). Церковь Успения Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 156.

72. Село Григорово. Церковь св. Великомученика Димитрия. Приходских дворов 146.

73. Село Тросна. Церковь св. Великомученика Георгия. Приходских дворов 87.

74. Село Буковище. Церковь Живоначальнаго Источника Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 11.

75. Село Птицыно. Церковь св. Великомученицы Параскевы, нарицаемыя Пятницы. Приходских дворов 194.

76. Село Андреяново, Сабурово тож. Церковь св. Архистратига Михаила. Приходских дворов 257.

77. Село Ольшано (Альшань. — *В. Н.*). Церковь св. Николая Чудотворца. Приходских дворов 89.

78. Село Воздвиженское. Церковь Воздвижения честнаго и животворящаго креста Господня. Приходских дворов 65.

79. Село Песканица. Церковь Одигитрии Смоленския Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 18.

80. Село Шелково. Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 50.

81. Село Селихово. Церковь св. Благовернаго Царевича Димитрия Московскаго. Приходских дворов 103.

82. Село Знаменское. Церковь Знамения Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 82.

83. Село Ждимир. Церковь Введения Пресвятыя Богородицы. Приходских дворов 77.

84. Село Голдаево. Церковь св. Николая Чудотворца. Приходских дворов 155, а с вновь прибылыми, как оказалось по следствию, — 170.

Примечание: Отсюда видно, что в 1755 году в Орловском уезде, границы которого были тогда значительно шире настоящих, считалось 84 села и 86 приходских церквей (кроме самого города Орла). А всех дворов в уезде значилось 10838 (кроме города).

Орловские епархиальные ведомости. — 1873. № 4 (15 февр.). — С. 200–207.

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ГОРОДА ОРЛА И ЕГО УЕЗДА. 1787 ГОД.

Ведомость коликое число в городе Орле церквей, монастырей, улиц и переулков, публичного и обывательского строения, соляных стоек, питейных домов и жителей, когда и кем монастыри и церкви построены с показанием о монастырях, сколько по штатам на содержание коликого числа братии и на протчие расходы Экономической суммы ежегодно отпускается.

		Число монахов	Рубли	Копейки
Мужеский Успенский монастырь на Оке реке, обнесен каменною оградою на 72-х саженях, с башнями и воротами	По штату состоит в 3-м классе, построены как монастырь, так и церковь Успения Богородицы при Преосвященном Епископе Никите Коломенском и Каширском и при игумене Ефимии	12	895	21 1/4
В нем каменныя церкви				
1-я Успения Богородицы	В 1700-м году			
2-я Рождества Иоанна Предтечи	В 1693-м году			
3-я Петра и Павла				
Колокольня с часами				
Настоятельской каменной дом о дву этажах, братские кельи: есть каменные, а другие и службы деревянныя				
Девичий монастырь Введения Богородицы	В 1644 году прихожанами (неверно, в 1685 г. — *В. Н.*)	17	391	23 3/4
В нем				
1-я церковь Введения Богородицы				
2-я вновь построенная на воротах, но еще не освященная Тихвинския Богородицы	Застроена в 1769 году бывшим купцом Герасимом Кузнецовым, а окончена асессором Алексеем Житковым в 1770 году			
Церкви каменные				
1-я соборная Рождества Пресвятыя Богородицы с приделом Успения Богородицы				
Приходские				
2-я Богоявления Господня с приделом Вознесения Господня	В 1644 году попом Борисом (неверно, в 1644 г. был построен деревянный храм, каменный заложили в конце XVII века. — *В. Н.*).			
3-я Знамения Богородицы	В 1745 году Орловским купцом Дмитрием Коченовым			
4-я Николая Чудотворца с приделом ... (неразборчиво. — *В. Н.*)				
5-я Воскресения Христова с двумя приделами	В 1688 священником Фомою Гариловым			
6-я Успения Богородицы с оградою каменною	В 1678 посадскими людьми Овчинниковым и Грибачевым			
7-я Архистратига Михаила	В 1730 купцом Калашниковым			
8-я Живоначальныя Троицы с приделами Василия Великого и Мученика Никиты	В 1751 орловским купцом Кузнецовым			
9-я Смоленския Богородицы	В 1768 прихожанами			
10-я Пророка Ильи с приделом Николая Чудотворца	В 1776 однодворцем Луговым			
11-я Стретения Господня с приделом великомученика Георгия	В 1725 секретарем Оловенниковым			
12-я Преображения Господня	В 1742 году прихожанами			
13-я Покрова Богородицы	В 1752 году прихожанами			
14-я Воздвижения честнаго и животворящего Креста Господня	В 1776 году			

Да сверх того построенные за Городом для кладбищ умирающих 15-я мученика Никиты 16-я Бориса и Глеба не освященная без утвари 17-я Иоанна Предтечи	В 1773 году прихожанами В 1770 капитаном Жилиным и регистратором Федоровым В 1776 году орловским купцом Кузнецовым с товарищи				
		Улиц	Переулков	Домов	Служителей мужеска пола
Публичного строения деревянного на каменных фундаментах, казенных:					
Наместнический дом				1	
Присутственных корпусов				7	
Дворянских:					
Каменных				7	
Деревянных на каменных фундаментах				16	
Деревянных сплошных				29	
Купеческих:					
Каменных				38	
Деревянных на каменных фундаментах				44	
Деревянных сплошных				606	
Мещанских:					
Каменных				6	
Деревянных на каменных фундаментах				1	
Деревянных сплошных				1106	
Церковнических, приказных, солдатских и протчих:					
Каменных				3	
Деревянных на каменных фундаментах				23	
Деревянных сплошных				983	
Итого в городе Орле		5	57		
В том числе каменных				54	
Деревянных на каменных фундаментах				85	
Деревянных сплошных				2721	
Сверх того питейных домов				27	
Соляных амбаров				4	
Казенных лавок				7	
Жителей вообще в городе состоит купцов, мещан, священно- и церковнослужителей, приказных и протчих разночинцов мужеска пола					7762

Ведомость коликое число в Уезде монастырей, сел и деревень, господских дворов, соляных стоек, питейных домов, в уезде же жительствующих помещиков с их фамилиями, крестьян в подушной оклад положенных; когда и кем Монастыри и в них церкви построены с показанием о монастырях, сколько по штатам на содержание коликого числа братии и на протчие расходы Экономической суммы ежегодно отпускается.

	Каменных	Деревянных	Мужска полу	Женска полу	Число детей их мужска полу	Число душ по ревизии	
Приходских церквей	8	25					В уезде монастырей как штатных, так и заштатных не имеется
Помещичьих							
сел с господскими дворами 31							
сел без господских дворов 8							
селец с господскими дворами 7			219	104	162	19755	
деревень 61						Число душ экономического ведомства 548	
хуторей 7							
Экономического ведомства							
село 1							
деревень 4							
Однодворческих						Число душ однодворч. по ревизии 4634	
сел 2							
деревень 8							
хуторов 5							
малороссиян						59	
итого в Орловском уезде							
сел 42							
селец 7							
деревень 73							
хуторов 9							
соляных стоек не имеется							
питейных домов 5							

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ О ГОРОДЕ ОРЛЕ И УЕЗДЕ

Город Орел лежит на большой дороге, идущей от Москвы в Киев под 52 градусом 43 минутою северной широты, под 53 градусом 48 минутою долготы, по обеим берегам рек Оки и Орлика. Из коих первая имеет свое верховье в 73 верстах от города здешней округи в дачах села Тагина, принадлежащего его Сиятельству Графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, и поблизости другаго села Очек и выходит из дву родников один от другого в не дальнем, но весьма ровном положении стоящих; текут каждый сам собою; а потом, соединясь, вместе составляют небольшой ручей и, принимая другие ручьи и речки, умножают воду и, наконец, делается в Городе изрядною рекою. Название свое получила она, как многие утверждают, от оных двух родников, называемых «Оки» или глаза, может быть, потому, что они вышли прямо один против другого, что и вероятно, ибо село Очики, близ котораго они выходят, называется в меньшем падеже Очки, а не Оки; и протекая здешняго Наместничества округами Орловскою, Дешнинскою, идет Калужским и Тульским Наместничеством, Московскою Губернией, и Рязанским Наместничеством и, наконец, вливается в реку Волгу. Другая же выходит верстах в 40 из Карачевской округи, впадает в Оку в середине самаго города от ... самой реки или от впадающей в ее выше города в дву верстах реки Орла, уповательно и название свое получил город Орел.

Прежде имел герб свой, представлявший в проспекте на реке крепость с одними посредине ее вороты, а по обоим концам крепости две башни одинакого вида, над воротами сидит птица — одноглавый Орел с распущенными крыльями, а над ним корона.

Разделяется город на три части реками Окою и Орликом и называется по правой стороне Оки — Московская, между Оки и Орлика — Кромская, а на левом берегу Орлика — Заорлицкая; сидит на низком и на ровном месте и большею частию по берегам обеих сих рек, окроме Заорлицкой, которая выстроилась на полугоре.

О начале сего города, кем и когда поставлен, никаких сведений найтить было неможно, притчиною тому разные нещастливые

приключения, как пожары, наводнения и разорения; но известно только, что он в 16-ом столетии был пуст и разорен литовскими и крымскими людьми, а потому можно поставлять его между древнями городами, что сверх того засвидетельствует следующее.

1. В самом начале 17 столетия во время возмущения Московского государства I Дмитрием Ложным потерпел сей город немалое разорение. Все те, кои не согласовались принять его за убиеннаго Царевича Дмитрия, наказаны.

2. В том же веке, когда город Брянск держали в осаде литовцы, тогда для отогнания их и избавления города от осады от царя Василия Ивановича Шуйского командирован боярин Князь Иван Семенович Куракин с ратными людьми и по учинении Брянску помощи отошли в город Карачев. А литовцы остались, за ними же пришли под Карачев и, видя доброе укрепление, не останавливались, прошли мимо к городу Орду. Орляне их встретили, а литовцы остались в Орле зимовать, куда к ним пришед соединился и гетман Ружинский.

3. В то же время Царь Василий Иванович послал брата своего Князь Дмитрия Ивановича Шуйского с другими бояры и с войском. Они, пришед в город Болхов, остановилися тут до весны и соединились с Князь Иваном Куракиным, весной пошли к Орлу, гетман Ружинский и литовцы, встретя их, начали бой, передоваго полку воевода Князь Василий Голицын уторопел, а большой полк начал мятися, и многие побежали на сторожевой полк; Князь Ивана Семеновича Куракина с ратными людьми остановясь, напустил на них и отбил, а потом разошлися, а назавтра другую дали битву, бояре же восхотели от них отойтить к Болхову и начали уже отпускать снаряды, в то время изменя кашеринин сын Боярской Никита Лихарев и, перекинясь в неприятельский Табор, об отпуске снарядов сказал. Гетман и все литовцы пошли с поспешением к Москве, иныя по своим городам, а иные остались в Болхове.

4. Во время владения Царя Михаила Федоровича литовский полковник Лисовский, разоряя российские города и взяв город Карачев, засел в нем. В то время государь послал Боярина Князь Дмитрия Михайловича Лыкова (неверно, Пожарского. — *В. Н.*) с войском для выгнания Лисовского, что услышав, Лисовский Карачев выжег и пошел вер[х]нею дорогою к Орлу, но Князь Лыков, желая Орловское городище занять наперед, пришли они вдруг, впереди же идучи в Ертауле Иван Пушкин начал биться, люди же ратные, видя бои, дрогнули и побежали назад, тому же последовал и воевода Исленев, но боярин князь Пожарский с малыми людьми несколько часов дрался и, видя свое изнеможение, обернулся телегами и сел в обозе, а Лисовский от такой храбрости отошел, остановился верстах в двух, ратные же люди начали говорить, чтобы отойтить к Болхову, но Пожарский сказал, что всем помереть на сем месте, но когда вечером и ночью Исленев и его люди поворотилися, то Пожарский пошел на Лисовского, а Лисовский отступил к Кромам.

Прежде 17 столетия был в городе острог, а в уезде многие жалованы грамотами и вотчинами, и в 1595 году посланы были дозорчики для переписания всех земель за владельцы, по притчине видно той, что пред тем город был разорен и уезд его истреблен, а потом, когда опять начали возвращаться в свои вотчины, то и нужно было сделать такую переписку. А во время Царя Василия Ивановича Шуйского за осадное московское сидение, как им, так и Царем Михаилом Федоровичем тутошним дворянам жалованы немалые вотчины и даны на то жалованные грамоты, но в то самое время, когда мутили Россию ложные Димитрии, опять Орел и его уезд опустошены и многие люди побраны татарами в полон и отведены в Крым, а по той самой притчине в 1625 году паки посланы в уезд писцы для переписания поместий и вотчин, которые приемлются доныне в разборе земель за главное основание. Около жь города были и слободы Пушкарская, Стрелецкая и Ямская, им отведены земли для хлебопашества.

Прежде всего того было укрепление или острог за рекою Орликом,* но в исходе 16 или в начале 17 столетия перенесен на другую сторону и сделан в том самом месте, где река Орлик вливается в реку Оку при самом ево устье и от Орла реки до другой укреплен земляным валом, которого остатки и теперь еще довольно видны, а сказывают, что была на сем валу и по берегу обеих рек деревянная дубового лесу стена с 4-мя башнями и одними вороты, но от времени совсем истребилась; а в 1760-м при въезде в замок бывшим здесь воеводою коллежским асессором Черкасовым начата была каменная башня с

*Отсюда пошла гулять легенда о том, что первоначально Орел был основан за р. Орлом на горе.

подъездом под нее, но за сменою его с воеводства не окончена, а только выведен выше ворот один этаж, в коем теперь хранятся старые бумаги, а поблизости ее стоит соборная церковь Рождества Пресвятыя Богородицы каменная, но не весьма обширная и умеренно отделанная.

Прежде сего и после литовского разорения имел он своих воевод, и меж протчими в 1644 году был воеводою Князь Семен Федорович Волконский; и состоит под ведомством приказа большого дворца, а потом — при учреждении его провинциальным городом под Белогородскую губернскую канцелярию, имея у себя под начальством города: Болхов, Мценск, Белев, Новосиль и Чернь, а в 1778 году сентября 5 дня имянным ея и. в. указом установлен губернским городом Орловского наместничества.

Мощей никаких в нем не опочивает и чудотворных икон нет, а есть два монастыря — мужеской и женской, построенныя: 1-й Богоявления Господня, когда — точно неизвестно, но в 1680 году сгорел и на том же самом месте построен другой Мирским Подаянием, а в 1684 году воздвигнута и церковь деревянная Успения Богородицы и придел верховных Апостолов Петра и Павла в 1691 году; другая — Николая Чудотворца — деревянная, а потом выстроены и каменные вместо первых в том же году (неверно, Успенский собор отстроен в камне в 1688 г. — *В. Н.*), а вместо второй в 1693 году и в 1700 году построена еще каменная теплая Церковь Иоанна Предтечи. 2-ой в 1693 году (неверно, в 1685 г. — *В. Н.*) учрежден девичий монастырь на месте старого города, и построена деревянная церковь: Казанской Богоматери с пределом, а в 1703 году каменные Введения Богородицы; ходы здесь бывают: 1-й генваря 6-го на Оку реку, 2-й и 3-й августа 1-го и 15-го в Успенский монастырь.

Прежде всего принадлежал он Коломенской епархии, а ныне Севской, в 1779 году сентября 15-го дня старанием нынешняго Преосвященнаго открыта при мужеском монастыре семинария для обучения священно- и церковнослужительских детей, которых поныне немалое число уже и обучаются.

Пожаров здесь больших не было; а в 1770-м сгорели ряды; а в 1776-м Магистрат со всеми его делами; а в 1771 году оказалась моровая язва и умерло ею 22 человека.

Чтоб был когда здесь голод — неизвестно; урожай же хлеба бывает изрядный в рассуждении доброты земли.

Нынешнее ево положение суть таково: лежит он, как выше сказано, при двух реках Оке и Орлике на низком и ровном месте и занимает своим строением длиною на четыре, а шириною на две версты и разделяется на три части оными ж двумя реками, и в средней ево части на Кромской стороне, а промежду рек Оки и Орлика построен на берегу последней большой деревянный на каменном фундаменте дом для Государева наместника, а поблизости его пониже по берегу — два каменныя столба, представляющие вороты, украшенные резьбою и гирландами; ниже же того по реке дом для Наместнического правления и Советнаго суда, так же хороший деревянной на каменном фундаменте, а в крепости или в старом остроге пять корпусов деревянных же на фундаменте для всех протчих присудственных мест, где все оне и помещаются.

Присутственные же в городе места: духовное правление; светские: 1-е Наместническое правление; Палаты: 2-я уголовного суда, 3-я гражданскаго суда, 4-я казенная, 5-я Советный суд; 6-я приказ общественного призрения; 7-я верхнего земского суда два Департамента; 8-я губернского магистрата два Департамента; 9-я верхней расправы два Департамента; 10-я уездный суд; 11-я городской магистрат; 12-я нижний земской суд; 13-я дворянская опека, 14-я сиротский суд; 15-я словесный суд; 16-я нижняя расправа; 17-я городническое; 18-е казначейское; 19-я почтовая контора, из которых окроме духовного правления и почтовой конторы протчие по образу всевысочайших Ея императорского величества учреждений из данных в 7-й день ноября 1775 года открыты здесь в 1779 генваря 21-го дня и в течение того месяца за отсутствием Государева Наместника Генерал Аншефа и разных Орденов Кавалера Князь Николая Васильевича Репнина, правящим должность Генерал Порутчиком и Кавалером Евдокимом Алексеевичем Щербининым, при выборе из дворянства в присутственные места было здесь дворян 391 персона.

Ярманок в городе и уезде не бывает, а съезжаются в город на торг в каждую неделю один раз в четверток, а раз съезжаются в пятой, да в уезде в селе Покровском съезжаются в среду. В город привозят со стороны Карачева и Болхова лес, доски, тес, сани, колеса, дубки, драньё, бочки, кадки и всякое нужное для крестьянства деревянное изделье; со стороны же Кром, Курска, Новосиля и Ливен привозят всякий хлеб, как те,

так и другие продают на наличные денги, а продав первые свое изделье, покупают всякий хлеб и отвозят в свои лесные места, а напротив вторые, сбывши хлеба, также закупают всякое деревянное изделье и доставляют в свои степные места не только для себя, но сбывают и другим, одним словом, — сей город есть средина общей торговли здешнего Наместничества, а частью и городов Калужской, Тульской, Воронежской и Курской губерний, так что одни другим чрез посредство его подают в нужном для жизни человеческой пропитания и так оказав руку помощи.

Купечество торгует большою частию хлебом и пенькою, а притом маслом, салом, медом, воском, скотом, кожами, шерстью, щетинами. Скупая из оных хлеб, пенку, масло, сало, щетину, кожи в самом городе Орле и вокруг его лежащих селениях, а протчие есть большою частию в малороссийских городах, и отпускают все оное в великом количестве всякий хлеб рекою Окою на стругах до Москвы, а несколько и до Санкт-Петербурга, выходя из Оки Волгою в верх; другие же товары отвозят водою до Калуги, а оттуда также и прямо: из Орла гужем в город Гжадск (Гжатск. — *В. Н.*), а иногда чрез Москвы до Твери и отпускают из всех тех мест уже водою; скот же гоняют также в обе те столицы.

Можно уверительно сказать, что Орел город есть такое место, которое подает великия обогащения его жителям и есть гнездо торговли всей Украины, получающей из всех мест для обеих столиц и заморского отпуска всякие растения и продукты и помощью реки Оки, которая на все лето несет с льющеюся в ней водою все купеческие суда, нагруженные пропитанием и нужным содержанием, лодьи доходят до Москвы и, выгружая там свои вещи, возвращаются суда и оттуда не порожние, а кладу на них покупая Рязанского Наместничества около села Деднова лубки, а в Калужском Наместничестве да и в Калуге: лес, тес, входит с тем до самого Орла, где все оное вторично сбывают и в одно лето один капитал употребляют в два промысла и получают немалые доходы. Протчие ж все товары — вина и пряное коренье — достают большою частию в Москве и на ярманках Коренной и Свинской, так же из малороссийских городов, а из полуострова Крыма вывозят немало сюда вина, но бывшие до сего известные между купечества раздоры и несогласия не только не обогащали, но все получаемые барыши употребляли на тяжбу и на происки, как бы одному другого если не совсем погубить, то на меньшой конец сделать ему разорение или чувствительнейший убыток, но от времени премудрого и милосердного ея и. в. Указа, состоявшегося по случаю происходящих здесь между ими раздоров и несогласий, приметно как обогащаются, ибо многие дома, бывшие прежде в совершенной бедности, ныне почитаются между лучшими и богатыми купцами; высочайшия ж Ея И. В. учреждения о управлении новых присутственных мест и точное исполнения Ея законов, конечно, вскоре должны обогатить весь сей город, и увидим, что он в краткое время не уступит в коммерции лучшим российским городам, каковыя суть: Тула, Калуга, Вязма, Ярославль, Торопец, Ржев и протчия.

Хотя могло препутствовать сему торгу маловодие Оки реки в летнее время, но мельница, стоящая выше однако ж у самого города, называемая «Хвастливая», принадлежащая графу Головкину, сие препятствие уничтожает родом слюза, ибо когда нужно купечеству отпускать свои суда вниз или же подымать вверх, то тогда платину запирают и собирают воду, дотоле сия наберется, что можно иттить судами, тогда вдруг отворяют все заставы, на плотине имеющиеся, и пускают воду, которая, дружно вливаясь в город, подымает нагруженные суда и уносит с собою вниз; в то же время подымаются другия вниз и проходят в город.

За сбор воды, в которое время мельница не работает, купечество платит содержателю ея некоторую по общему согласию сумму денег, а на оныя он сию держит, а от того и следует обоюдное удовольствие.

Помогают же тому умножением воды и две мельницы, принадлежащие короне, имеющияся на реке Орлик в самом городе, и одна из них в устье Орлика, где он впадает в реку Оку, собирают также воду и вместе с Хвастливою спускают.

Сверх того, жители упражняются в разных художествах, мастерствах, и ремесле, и теперь состоит налицо живописцов 3, иконописцов 2, серебренников 3, медников 2, портных 20, сапожников 47, плотников 16, кожевников 9, бондарей 27, котляров 2, кафельников 3, набойщиков 2, свешников 4, канатников 70, столяров 3, кирпичников 16, кузнецов 62, токарь 1, рукавишников 4, шапошников 8, оконнишников 9, каретник 1, шляпников 3, рыболовов 13.

Так же есть и фабрика полотняная, принадлежащая купцу Анцыфорову, на которой вырабатывают полотна и сбывают их в Орле и отпускают в Петербург, и при ней ветряная мельница, каковых здесь еще две: одна на Московской, другая на Орлицкой сторонах, конатное мастерство производится в довольном количестве, и конаты сбываются большою частию в городе Воронеже, Дмитриевской крепости* и других украинских местах.

Мостов в нем два: 1-й чрез реку Оку, а 2-й чрез реку Орлик; деревянные, содержатся казенным коштом и посредством их все части города имеют между собой безнужное сообщение, а прошедшим годом начат около города ров довольния глубины, также и ширины, с валом во внутренности города, сделанным из дерна, коего уже отделан 500 сажень. И сия работа производится содержащимися здесь колодниками. На сделанном же рве на дороге с Московской стороны прошедшим летом выстроен весьма хороший каменный мост иждивением благороднаго общества** и подаянием от нескольких из купечества, также попечением приказа общественнаго призрения выстроена школа на Кромской стороне.

Реки Ока и Орлик замерзают в ноябре и декабре, вырываются в апреле; вода разливается обыкновенно весною, а иногда и летом от сильных дождей, выходит из берегов и наводняется довольно; а сказывают, что около 30 назад лет или более такое было наводнение, что многие обывательския дворы, поблизости реки лежащие, были залиты водой да и бывшая канцелярия вся потоплена и много дел разнесено, а оставшияся помокли, остатки которых и теперь в Архиве видны.

Уезд его граничит с уездами здешнего наместничества: Дешкинским, Мценским, Малоархангельским, Кромским, Карачевским, Болховским и Курским наместничеством. Город отстоит от Санкт-Петербурга на 1090, от Москвы на 356, от Дешкина на 50,*** от Мценска на 53, Малоархангельска на 68, Кром на 37, Карачева на 76 верст.

В уезде его сеют хлеб: озимой, рожь, пшеницу, в августе с поле снимают; в июле — яровой, пшеницу, овес, горох, ячмень, а в большом количестве гречиху и конопляное семя; и притом и просо (но весьма немного) — в апреле и мае, а убирают в гумна в августе и сентябре; урожай бывает посредственный, однако ж земледелец награждается за его труды и за расходом своим продает, но большою частию конопляное семя, гречиху и проса, переделанную в крупу, избилия ж конопляного семя выработанную пеньку, а от сего и получает главный свой доход на заплату в казну податей, помещику оброку и на домашние надобности.

Птиц водят: гусей, уток, кур индейских и русских; из скота — коров, овец, коз и свиней, и почти все вобще, однако лучше прочих конские заводы. Генерал Аншефша Анна Алексеевна Хитрова; Генерал Порутчик и Кавалер Аврам Степанович Лопухин, Князь Юрий Володимирович Долгоруков, надворной Советник Лаврентий Иванович Цуриков, Капитан Князь Дмитрий Борисович Сонцов-Засекин, Секретарь Михайло Жидков, да Гвардии Капитан Егор Лаврентьевич Цуриков имеют скотской завод, состоящий из Аглинских, Голландских и Колмогорских (холмогорских. — *В. Н.*) быков и коров.

Лес ростет: большою частию дуб, береза, клен, ясень, липа, осина, ива, а местами яблонь, вишняк и орешник; в них водятся звери: волки, лисицы, русаки зайцы, горностай, ласочки, хорьки.

Птицы налетают: журавли, дрофы, стрепеты, гуси, но по частому здесь селению немного, а больше куропатки, перепелки, карастели и разных родов утки, какушки, скварцы, дрозды, соловьи, чижи, щеглата, овсянки, орешанки, синицы, воробьи, зяблицы, снегири, малиновки, крапивенки, ястреба, коршуны, воронья, грачи, вороны, галки, сороки, дятлы.

Знатная в уезде протекает река Ока и в ее впадающие: Цон, Орлик, Рыбница; в них ловятся рыбы: судаки, щуки, окуни, налимы, галавли, язи, плотва, ершы, пискари, гольцы и раки.

В городе и уезде никаких знатных гор нет, только небольшие.

Жители как в городе, так и в уезде Греко-кафолического исповедания.

РГВИА, ф. ВУА, д. 18903. Историко-топографическое описание Орловского наместничества. 1787 г.

---

*Сейчас — Ростов-на-Дону.

**В 1787 г. в честь проезда через город Императрицы Екатерины II перед этим мостом были возведены Московские ворота.

***Упраздненный в 1796 г. уездный город Дешкин. Сейчас — село Дежкино Мценского района.

ОТЧЕТ ОБ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ОБСЛЕДОВАНИИ ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕЙ ОРЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ XVI–XVII ВЕКОВ. 1987–1988 гг.*

Летом 1988 года на территории Орловской крепости Орловским хозрасчетным реставрационным участком, при участии Орловского отделения Общества охраны памятников и производственной группы по охране памятников были начаты археологические раскопки, которые велись силами студентов исторического факультета ОГПИ, студенческими строительными отрядами, группой «Феникс» и добровольцами из горожан и школьников. Общий надзор за раскопками осуществлял зам. председателя облотделения ВООПИК В. А. Ливцов. Работой студентов истфака пединститута руководил начальник научно-археологического участка Орловского реставрационного управления Л. Н. Красницкий, группой «Феникс» и добровольцами из школьников и горожан — инструктор отделения ВООПИК В. М. Неделин. Камеральную обработку находок осуществляла сотрудник Орловского краеведческого музея С. Д. Краснощекова.

Работы распадались на два этапа: собственно археологические раскопки и историко-архивные изыскания материалов и документов по истории Орловской крепости (отв. — В. М. Неделин).

Целью археологических раскопок являлось: определить границы Орловской крепости, местонахождение крепостного рва и вала, а также выявить остатки деревянных стен и башен и фундаменты (некогда высившегося в Рубленом городе) Рождественского собора. Работы имели своей целью подготовить основу для создания на этом месте мемориального парка с частичным воссозданием фрагментов укреплений древней крепости.

Раскопки были начаты в 1986 году энтузиастом-археологом П. Ивлевым на месте предполагаемого юго-западного фаса Орловской крепости. В 1987 году они были продолжены группой «Феникс». В результате раскопок были выявлены фундаменты каменной постройки начала XIX века, как оказалось, — бывшего питейного дома, определено местонахождение крепостного вала на этом участке и сделана прорезка его верхней части. В ходе раскопок было собрано большое количество осколков посуды XIX века, в основном бутылочной, многие с орнаментами и датами, самый ранний из них датируется 1826 годом, а также железные кованые изделия XIX века — пробои, гвозди и пр.

В 1988 году Л. Н. Красницким была заложена цепь раскопов от церкви Богоявления до деревянного памятника основателям Орла. Этим преследовалась цель: осуществить стратеографический разрез южной части кремля и выйти на центральный — южный фас крепости, осуществить полную прорезку крепостного вала с целью выяснения его конструкции и размеров, а также выйти к фундаментам Рождественского собора. В результате произведенных работ крепостной вал был прорезан раскопом на всю глубину. Благодаря быстрому нарастанию культурного слоя на этом месте (за четыреста с лишним лет он вырос до 3,5 метра) вал оказался погребенным в нем на высоту до двух метров. Его размеры были до 20 метров в подошве, а первоначальная высота свыше 3,5 метра. Деревянных конструкций при раскопках выявлено не было, их остатки вместе с верхушкой вала были снивелированы в XVIII веке. Но следы крепостных стен прослеживаются в верхней части вала. Согласно письменным источникам стены Орловской крепости были трехрядными и состояли из трех параллельных стен. Пространство между первыми двумя было засыпано землей и глиной, а внутренняя, незасыпанная часть использовалась как каземат. Толщина стены была свыше 4-х метров. Необычной оказалась конструкция вала, он в основе своей состоял из супеси, что поначалу вызвало недоумение из-за отсутствия подобных аналогов. Но позднее инженером-гидротехником Сергеем Васильевичем Кузнецовым была объяснена особенность подобного устройства. Расположенная на низком месте, Орловская крепость регулярно подтапливалась и при любой другой конструкции вала, к примеру из чернозема или глины, вода вызвала бы заболачивание ее территории и быстрое гниение деревянных построек. Песчаный же вал играл роль фильтра, и сваи, забитые в него, подвергались гниению в гораздо меньшей степени, и крепость в этом случае требовала ремонта гораздо реже. К фундаментам Рождественского собора выйти не удалось, выяснилось, что на его месте сейчас находится

*Это были вторые в истории города археологические раскопки. Впервые раскопки проводились также на этом месте в 1902–1903 гг. членом Орловской ученой архивной комиссии Ф. Ф. Похвалинским. В ходе их была вскрыта часть фундаментов Рождество-Богородичного собора и найдена «рельефная кафля времен Иоанна Грозного».

скульптура основателей Орла. На месте, где предположительно располагалась его колокольня, П. Ивлевым был заложен раскоп, который планировалось завершить в 1989 году.* При раскопках попадались отдельные большемерные кирпичи XVIII века, по-видимому, принадлежавшие собору.

В результате археологических раскопок и закладки шурфов был выявлен основной абрис Орловской крепости и согласно историческим документам была произведена разметка крепостных стен и башен.

По сравнению с 1987 годом при раскопках был собран богатый археологический материал от XVI до первой половины XX веков. Это глиняные курительные трубки петровских времен, кованые гвозди, ножи, пряжки, глиняные церковные подсвечники, монеты времен Екатерины II, костяной гребень XIV века, глиняные грузила для рыбацких сетей, целые бутылки и аптекарская посуда XIX века. Собрана также интересная коллекция изразцов XVI–XVIII веков. Наиболее красивы изразцы XVII века, покрытые зеленой поливой различных оттенков. Вся их поверхность покрыта сложным рельефным узором из переплетающихся фантастических растений. Среди них трудно найти два одинаковых — настолько была богата фантазия древнерусских мастеров. Можно не без основания предполагать, что этими изразцами были украшены печи в воеводских хоромах или в приказной избе, стоявших в кремле. Несколько обломков красно-коричневых изразцов относятся к XVI веку. На одном из них, по-видимому, был изображен сказочный зверь или птица сирин — сохранился кусок с частью чешуйчатого туловища и двумя когтистыми лапами. Обломки изразцов с синими рисунками на белом фоне относятся к XVIII веку. Моду на такие рисунки принесли пленные шведы, и они быстро распространились по всей России. Одной из наиболее загадочных находок сезона является шиферное пряслице. Девушки, когда пряли, надевали его на конец веретена, чтобы оно равномерно вращалось. Оно изготовлено из розового шифера, месторождения которого находятся у нас в стране только в одном месте — у города Овруча на Украине, откуда изделия из него расходились по всей Руси. Во время монголо-татарского нашествия Овруч был разгромлен, и разработка шифера в ней прекратилась. Отсюда возникает вопрос: каким образом шиферное пряслице, изготовление которых прекратилось в XIII веке, могло попасть в город, основанный в середине XVI? Кроме того, некоторые обломки керамики, найденные на раскопках, предположительно датируются XI–XV веками. Делать, тем не менее, на основании этого какие-либо далеко идущие выводы пока рано. Ведь выделить слой XIII века, если он был, очень трудно. Территория, где находилась крепость, в последующие времена застраивалась, и земля здесь так перемешана, что предметы разных веков сплошь и рядом попадаются вместе. Не исключено и случайное попадание некоторых вещей на это место, поскольку при строительстве памятника 400-летия Орла сюда привозилось много насыпного грунта из разных концов города. Для ответа на эти вопросы необходимо дальнейшее продолжение раскопок, тщательное изучение находок и продолжение поиска новых письменных источников.

Сбор материалов по истории Орловской крепости, в котором большую помощь оказал старший архитектор производственной группы Семеняко Ю. В., велся в архивах Москвы и Ленинграда. В результате было выявлено большое собрание документов по истории Орла XVI–XVIII веков. Только документов по строительству Орловской крепости в 1636 году насчитывается около 800 листов. Выявленные материалы включают в себя большое количество описаний Орловской крепости, которые ежегодно, с 1636 по 1704 год, составлялись воеводами: воеводские отписки о ремонтах; сметы на ремонтные работы и строительство; челобитные служилых и посадских людей в Москву; отписки воевод о татарских набегах, пожарах и прочих происшествиях, а также другие документы. Некоторые описания крепости столь подробны, что позволяют достаточно детально представить облик Орловской крепости в определенный исторический период. На основе собранных материалов была начата подготовка справки об истории и архитектуре Орловской крепости, отдельные фрагменты которой предлагаются для прочтения.

Окончательно же работы по обработке материала и окончанию справки будут завершены в этом году.

Инструктор Орловского облотделения ВООПИК В. М. Неделин

23.09.88 г.

*На фундаменты Рождество-Богородичного храма в ходе раскопок на этот раз выйти так и не удалось. Предположительно они находятся юго-восточнее клумбы с памятным камнем об основании г. Орла.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ОРГАНИЗАЦИИ МЕМОРИАЛЬНОГО ПАРКА НА МЕСТЕ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА ОРЛА. 1988 ГОД.

1. Каким-либо образом — плитками, дубовыми торцами, прокладкой по этому месту дорожек или иным способом обозначить абрис крепостной стены и местонахождение башен Орловской крепости. Уложить дорожку из дубовых бревен на месте моста через крепостной ров. Установить один или два казенных пилона на месте главных ворот крепости с памятной доской, содержащей ее краткую историю.

2. Уложить валуны на месте наиболее значительных сооружений Орловской крепости, например: воеводского двора, башен, тайника и некоторых других построек, с выбитыми на них надписями: «Воеводский двор», «Башня наугольная на осыпи», «Башня Большая Караульная» и др.

3. В настоящее время на территории Орловского хозрасчетного реставрационного участка хранится в разобранном виде последняя деревянная церковь, сохранившаяся на территории области, — храм Рождества Богородицы XVIII века из села Волконск Дмитровского района. Представляется возможным восстановить ее на месте бывшего Рождественского собора, стоявшего в крепости. Деревянный собор, стоявший на этом месте в XVII веке, по своим формам был похож на церковь Рождества, к тому же они освящены в одно и то же имя. С восстановлением на этом месте церкви Рождества будет не только восстановлена одна из древнейших вертикалей Орла, но и спасен уникальный для нашей области памятник, который в разобранном состоянии уже несколько лет гниет на территории реставрационного участка.* Восстановленный храм может быть использован для размещения в нем большого и подробного макета Орловской крепости, а также экспозиции из археологических находок и предметов быта и оружия XVI—XVII веков из запасников Орловского краеведческого музея. Подводить теплотрассу к церкви не обязательно, экспозиция может работать в ней только в теплое время, когда особенно велик наплыв экскурсантов. Строительство же специального помещения для макета крепости нецелесообразно, поскольку оно будет дисгармонировать с окружающей старинной застройкой.

В перспективе возможно восстановление по старинным описаниям одной из башен крепости и фрагмента крепостной стены.

Инструктор Орловского облотделения ВООПИК В. М. Неделин

23.09.88 г.

*К сожалению, он там и сгнил, а остатки храма были списаны.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

1. Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992. — С. 7–14.
2. Хрестоматия по истории Орловского края. — Вып. 1. С древнейших времен до февраля 1917 г. — Тула, 1966. — С. 5–11.
3. Никольская Г. Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э. — М., 1959. — 150 с.
4. Рыбаков Б. А. Древние русы // Советская археология. — Т. XVII. М., 1953. — С. 50–51, 54, 72.

Глава II

1. Повесть временных лет. — Ч. 1. М. — Л., 1950. — С. 15.
2. Там же. — С. 14; ч. 2. — С. 225–226.
3. ПСРЛ. — Т. 2. — М., 1962. — Стб. 339.
4. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. — М., 1982. — С. 143, 216.
5. Известия Ал-Бакри о славянах и их соседях // Записки Императорской Академии наук. — Т. 32. — СПб., 1879. — С. 48.
6. Повесть временных лет... — Ч. 1. — С. 15.
7. Седов В. В. Восточные славяне... — М., 1982. — С. 143–151.
8. Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992. — С. 14–15, 21, 36, 46, 63, 69–70, 73.
9. Там же. — С. 16.
10. ПСРЛ. — Т. 2. — М., 1962. — Стб. 335.
11. Повесть временных лет... — Ч. 1. — С. 18, 20, 23, 46–47, 58; Ч. 2. — С. 254–255, 310.
12. Семенова М. Мы — славяне! — СПб., 1997. — С. 277.
13. Повесть временных лет... Ч. 1. — М.–Л., 1950. — С. 83.
14. Изборник. Повести Древней Руси. — М., 1986. — С. 64–65.
15. Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992. — С. 86–95.
16. Там же. С. 20–21.
17. Татищев В. Н. История Российская. — Т. 2. — М. — Л., 1963. — С. 168–169.
18. Татищев В. Н. История Российская. — Т. 2. — С. 170; ПСРЛ. Т. 2. — М., 1962. — Стб. 338.
19. Татищев В. Н. История Российская. — Т. 2. — С. 172; ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 342–343.
20. Татищев В. Н. История Российская. — Т. 3. — С. 40–41; ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 455–456, 459; ПСРЛ. — Т. IX–X. — С. 194.
21. Татищев В. Н. История Российская. — Т. 3. — С. 67; ПСРЛ. — Т. 2. — Стб. 502.
22. Татищев В. Н. История Российская. — Т. 3. — С. 136, 155.
23. Татищев В. Н. История Российская. — Т. 3. — С. 162; ПСРЛ. — Т. 1. — С. 413; ПСРЛ. — Т. 2. Стб. 697–698.
24. ПСРЛ. — Т. XXV. — С. 119; Битва на Калке 31 мая 1223 года. — М., 1994.

Глава III

1. ПСРЛ. — Т. XI. Патриаршая или Никоновская летопись. — СПб., 1897. — С. 26.
2. Зотов Р. В. О Черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. — СПб., 1892; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. М., 1995. — С. 36; Дворянские роды Российской империи. — Т. 1. Князья. — СПб., 1993. — С. 110–111, 116, 123, 138, 163.
3. Зотов Р. В. О Черниговских князьях...
4. Там же.
5. Каратеев М. Д. Русь и Орда. — Т. 1. — М., 1992. — С. 32.

6. Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. — М., 1983. — С. 76–77.

7. ПСРЛ. — Т. — VII. Воскресенская летопись. — СПб., 1856. — С. 205.

8. ПСРЛ. — Т. XI. — С. 26.

9. Дворянские роды Российской империи. Т. 1. — С. 141–142.

10. ПСРЛ. — Т. XI. — С. 26.

11. Каратеев М. Д. Русь и Орда. — Т. 2. — С. 322–325.

12. Дворянские роды Российской империи. — Т. 1. — С.139.

13. ПСРЛ. — Т. VIII. — С. 82; Т. XXXIV. — С. 157.

14. Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. — М., 1981. — С. 73–77, 85, 92, 93, 96, 121, 125, 238, 289; Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992. — С. 23; ОКМ. Арх. 1171. Отчет о разведках и раскопках в Орловской области летом 1967 г. Рук. Т. Н. Никольская, 1968. С. 10–12.

15. Писцовые книги Московского государства (Под. ред. Н. В. Калачова). — Ч. I. Писцовые книги XVI в. Отд. 2. (Писцовая книга Орловского уезда 1594–1595 гг.). — СПб., 1887. — С. 876, 931, 986–987.

16. Акты Московского государства. — Т. 1. — СПб., 1890. — С. 11, 27.

17. Орловский уезд по переписным книгам 1647 г. // Труды Орловской ученой архивной комиссии. — Вып. 2. — Орел, 1891. — С. 21.

18. Акты Московского государства. — Т. 1. — СПб., 1890. — С. 11, 27.

19. Орловские епархиальные ведомости. — 1902. — № 46. — С. 1841; Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. — М., 1994. — С. 373.

20. Дворянские роды Российской империи. — Т. 1. — С. 141–142.

21. Смолицкая Г. «И Орел, и Орлик». // Советская Россия. — 1978. —23 дек.

22. Кузьмин. Губернский город Орел // Военно-статистическое обозрение Российской империи. — Т. VI. — Ч. 5. — СПб., 1853; Федоров С. И. Очерки архитектуры Орла. — Тула, 1992. — С. 8.

23. Писцовые книги Московского государства. — С. 889.

24. См. приложение. — С. 245–249.

25. Писцовые книги Московского государства. — С. 881–882; РГИА. Ф. 797. Оп. 9. Д. 25452. Л. 1–8.

26. ГАОО. Ф. 454. Оп. 3. Д. 24. Л. 39–44; РГИА. Ф. 799. Оп. 33. Д. 1270. Л. 36–37.

Глава IV

1. ПСРЛ. — Т. XIII. Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. — СПб., 1906. — С. 404–405.

2. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18903.

3. ПСРЛ. — Т. XXI. — М., 1965. — С. 233.

4. ПСРЛ. — Т. XX. Первая половина. Львовская летопись. — Ч. 1. — СПб., 1910. — С. 378–379.

5. ПСРЛ. — Т. XIII. — М., 1965. — С. 401.

6. Скрынников Р. Г. Царство террора. — СПб., 1992. — С. 54.

7. Разрядная книга 1475–1598 гг. — М., 1966. — С. 148, 154, 155, 159, 161.

8. Крадин Н. П. Русское деревянное оборонительное зодчество. — М., 1988. — С. 50.

9. Алферова Г. В. Русские города XVI–XVII веков. — М., 1989. — С. 56–62.

10. Там же. — С. 107–149.

11. ПСРЛ. — Т. XIII. Вторая половина. Дополнения к Никоновской летописи. — СПб., 1906. — С. 404–405.

12. РГАДА. Ф. 181. Кн. 99. Ч. 1. Л. 435.

13. Андреев А. Р. Неизвестное Бородино. Молодинская битва 1572 года. Историческая хроника XVI века. — М., 1997. — С. 214, 216.

14. Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — Воронеж, 1991. — С. 176–178, 182–183.

15. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М.—Л., 1948. — С. 43–44.

16. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 73–74, Стб. 59. Л. 108–113, 115; ф. 1209. Оп. 1. Д. 10049. Л. 15–18, 100 об. — 101 об.; Московский стол. Стб.134. Л. 107. (То же в Актах Московского государства. — Т. 2. — СПб., 1894. — С. 117).

17. РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 134. Л. 43–44.

18. Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении // Труды Орловской ученой архивной комиссии. — Орел, 1893. — Вып. 3–5. — С. 59.

19. Список с книги Болховского уезда писцовой писца Никиты Ивановича Беклемишева да подьячево Осипа Трофимова 133 году церковным и дворовым землям // Орловские епархиальные ведомости. — 1902. — № 46. — С. 1137–1143.

20. РГАДА. Ф. 1209. Д. 1051. Л. 1–6 об.

21. Акты Московского государства. — Т. 1. — СПб., 1890. — С. 35–37.

22. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 363.

23. Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении // Труды Орловской ученой архивной комиссии. — Орел, 1893. — Вып. 3–5. — С. 51–52, 57, 101.

24. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 431.

Глава V

1. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). — М., 1907. — С. 238.

2. Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. — М., 1975. — С. 200–201.

3. Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. — Л., 1985. — С. 190.

4. Русская историческая библиотека. — Т. 13. — Стб. 34–35.

5. Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. — Л., 1985. — С. 206–208, 211–214, 244–267.

6. ПСРЛ. — Т. XIV. — С. 64.

7. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). — М., 1907. — С. 8.

8. Там же. — С. 9.

9. Там же. — С. 9.

10. ПСРЛ. — Т. XXXIV. Бельский летописец. — М., 1978. — С. 245.

Глава VI

1. ПСРЛ. — Т. XIV. Новый летописец. — М., 1965. — С. 79.

2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедицею императорской академии наук. — Т. 2. (1598–1613) — СПб., 1836. — С. 299.

3. Н. Костомаров. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. — М., 1994. — С. 365–366.

4. Там же. — С. 366–371.

5. Акты исторические. — Т. 2. — СПб., 1841. — С. 239.

6. Карамзин Н. М. История государства Российского. — М., 1989. — Кн. 3. Примечания к т. XII. Прим. 824. — С. 146.

7. Евсеев И. Повесть о граде Курске. // Сборник Орловского церковного археологического комитета. — Т. 1. — Орел, 1905. — С. 441.

8. Веселовский С. Б. Акты Подмосковных ополчений и Земского собора. 1611–1613. — М., 1911. — С. 30–31, 42.

Глава VII

1. ПСРЛ. — Т. XXXIV. Бельский летописец. — М., 1978. — С. 263.

2. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 2. Л. 24–32.

3. Соловьев С. История России в царствование Михаила Федоровича. — М., 1875. — С. 37.

4. ПСРЛ. — Т. XIV. Новый летописец. — М., 1965. — С. 136–137.

5. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 2. Л. 32.

Глава VIII

1. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 146–147.

2. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М.—Л., 1948. — С. 164, 212, 228, 230; Летопись города Орла. — Тула, 1980. — С. 13.

3. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 1–4.

4. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Лл. 14–16; Акты Московского государства. — Т. 2. — СПб., 1894. — С. 4.

5. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 1–11; Там же. — Л. 16–21.

6. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 12–13; Там же. — Л. 21–22.

7. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 43–50.

8. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 131–132.

9. Там же. — Л. 131–134.

10. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 140–142.

11. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 132–134.

12. Гоздаво-Голомбиевский. Опись чертежей, хранившихся в разряде во второй половине XVII в. Прилож. 1. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. — Кн. 6. — М., 1898. — С. 16.

13. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 175–176.

14. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 171–172.

15. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 141–143.

16. РГАДД. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 144–148.

17. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 52–81.

18. Михайлов Онисим. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки, состоящей в 663 указах или статьях в государствование царей и великих князей Василия Ивановича Шуйского и Михаила Федоровича Всея Руси самодержцев в 1607 и 1621 гг. — Ч. 1. — СПб., 1777.

19. РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Д. 9. Л. 6.

20. Акты исторические. — Т. V. — СПб., 1842. — С. 79–82.

21. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 144–148.

22. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 595–597.

23. Разумовский Ф. В. На берегах Оки (От Серпухова до Каширы). — М., 1988. — С. 122–123; Дудов В. Ф. История Каширского края. — М., 1996. — С. 30.

24. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 591.

25. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 309–311, 316–317, 392–393, 532, 592.

26. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 394, 407–411, 424, 463–465.

27. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 408–409.

28. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 463–465.

29. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 466–467 об.

30. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 485–488 об.

31. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 393.

32. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 59. Л. 171–177.

33. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Сто. 65. Л. 481.

34. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 73–74; Стб. 59. Л. 2–33, 44–45.

35. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 296.

36. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 577.

37. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 59. Л. 64–68.

38. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Лл. 216–218, 226–229, 242–245, 282–284, 297–298, 504–507, 538–540, 587–590, 592.

39. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Лл. 421–423.

40. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 59. Л. 76.

41. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 59. Л. 84–86.

42. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 59. Л. 64–66.

43. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 502. Л. 184.

44. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 59. Л. 34.

45. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 106–111, 117–123, 127–130.

46. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 59. Л. 48–50.

47. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 59. Л. 66–67.

48. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 59. Л. 107–113.

49. Пясецкий Г. М. Забытая история Орла. — Орёл, 1993. — С. 99.

50. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 59. Л. 114–115.

51. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 43. Л. 318 об.

52. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 134. Л. 107; Акты Московского государства. — Т. 2. — СПб., 1894. — С. 117.

53. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 59. Л. 75–78, 93.

Глава IX

1. РГАДА. Ф. 210. Дела десятен. Д. 260. Л. 456.

2. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 571. Л. 146–153.

3. РГАДА. Ф. 210. Владимирский стол. Стб. 90. Л. 239.

4. Там же. — Л. 239.

5. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 43. Л. 260, 325–326; Стб. 212. Л. 63.

6. Там же. — Л. 325–326.

7. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII веке. — СПб., б. г. — С. 69.

8. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 43. Л. 222–225, 317–321.

9. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 43. Л. 260.

10. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 571. Л. 153.

11. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 649. Л. 203.

12. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 571. Л. 596–599.

13. РГАДА. Ф. 210. Книги Севского стола. Кн. 11. Л. 344–345.

Глава X

1. Акты исторические, Т. 5. СПб., 1842. — С. 79–82.
2. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. — Т. 2. — Ч. 2. — М., 1959. — С. 173–174.
3. Там же. — С. 182.
4. Там же. — С. 153.
5. Акты исторические. — Т. 4. — СПб., 1842. — С. 468.
6. Там же. — С. 470.
7. Акты исторические. — Т. 5. — СПб., 1842. — С. 79–80.
8. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Стб. 292. Л. 5–6.
9. Акты исторические. — Т. 5. — СПб., 1842. — С. 79–82.
10. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 320. Л. 218–219, 533–535.
11. Акты исторические. — Т. 5. — СПб., 1842. — С. 79–82.

Глава XI

1. РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 56. Л. 547–547 об.
2. РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Д. 9. Л. 1–6 об.
3. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 216. Л. 331–332.
4. РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Д. 9. Л. 1–6 об.; Там же. — Ф. 210. Столбцы Московского стола. Стб. 369. Л. 132–134; Там же. — Ф. 210. Дела разных городов. Д. 56. Л. 547–551.
5. РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 56. Л. 549 об. — 550.
6. РГАДА. Ф. 210. Дела разных городов. Д. 56. Л. 567.
7. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 1165. Л. 92.
8. Архив сельца Сурьянина (сост. А. Л. Голицын). — Вып. 1. — Орел, 1900. — С. 18.
9. РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 292.
10. РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 292. Л. 9.
11. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. Стб. 238. Л. 4.
12. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 817. Л. 399–410.
13. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. — Вып. 2. — М., 1897.
14. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 571. Л. 597.
15. РГАДА. Ф. 210. Разрядные вязки. Д. 9. Л. 4 об., 5 об.

Глава XII

1. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. — Вып. 2. — М., 1897. — С. 128.
2. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 496.
3. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 59. Л. 108–113.
4. РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 3. Д. 75. Л. 283 об.
5. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 43. Л. 319.
6. Котошихин Г. К. Описание России в царствование царя Алексея Михайловича. 1667 г.
7. РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии Экономии). Д. 8574.
8. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 377–379.
9. РГАДА. Ф.210. Севский стол. Кн. 11. Л. 486–488; Пупарев А. Г. Орел до обращения его в губернский город // Материалы для истории и статистики Орловской губернии. — Т. 1. — Орел, 1877. — С. 2–46.
10. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 65. Л. 493–495, 497, 499; Стб. 59. Л. 171–177.
11. Бакулин В. С. Орел как хлебный рынок во второй половине XVII века. // Города феодальной России. — М., 1966. — С. 256–263.
12. РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 75. Л. 263 об.
13. Там же. — Л. 283 об.
14. РГАДА. Ф. 210. Поместный стол. Оп. 16. Стб. 191. Л. 99–119.
15. РГАДА. Ф. 210. Поместный стол. Стб.191. Л. 107–108, 124.
16. РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб. 367. Л. 133–134.
17. РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 75. Л. 283 об.
18. РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Д. 10044. Л. 42–46.
19. Там же. — Л. 42–50.
20. Архив сельца Сурьянина (Сост. А. Л. Голицын). — Вып. 1. — Орел, 1900. — С. 31–32.

Глава XIII

1. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. — Вып. 2. — М., 1897.

2. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 105. Л. 90.

3. РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб.231. Л. 28, 229, 230.

4. РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб.105. Л. 116.

5. РГАДА. Ф. 210. Севский стол. Стб.105. Л. 91.

6. Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. — СПб., 1906. — С. 137–139.

7. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. — Вып. 2. — М., 1897.

8. Олеарий Адам. Описание... — С. 139, 191, 205.

9. Воспоминания и Автобиография Одесского Протоиерея Николая Ивановича Соколова // Киевская старина. — Т. 93. — Кн. 5–8. — Киев, 1906. — С. 291–292.

10. Иванов П. Описание Государственного Архива старых дел составленное Инспектором Государственных Архивов и Членом разных ученых обществ П. Ивановым. — М., 1850. — С. 296–297.

11. Максимов С. В. Нечистая, неведомая, крестная сила. — СПб., 1903. — С. 337–338; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. — М., 1994. — С. 428–429.

12. Иванов П. Описание Государственного Архива старых дел... — С. 296–299.

13. РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 1. Д. 300. Л. 191–245.

14. Олеарий Адам. Описание... — С. 208.

15. Воспоминания и Автобиография Одесского Протоиерея Николая Ивановича Соколова // Киевская старина. — Т. 93. — Кн. 5–8. Киев, 1906. — С. 416–417.

16. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. — М., 1988. — С. 117–118.

17. Веселовский С. Б. Акты Подмосковных ополчений и Земского собора. 1611–1613. — М., 1911. — С. 83.

18. РГАДА Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 147. Л. 92 об.

19. Веселовский С. Б. Акты Подмосковных ополчений... — С. 83.

20. Там же. — С. 83.

21. Пясецкий Г. М. Забытая история Орла. — Орел, 1993. — С. 138.

22. Соколов В. Пьянство на Руси в период первых Романовых. // Голос минувшего, 1915. — № 9.

23. Архив сельца Сурьянина (Сост. А. Л. Голицын). — Вып. 1. — Орел, 1900. — С. 17–18.

24. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 192. Л. 181–182.

25. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. — Т. 3. — СПб., 1884. — С. 298–299.

Глава XIV

1. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18903.

2. Бакулин В. С. Орел как хлебный рынок во второй половине XVII века // Города феодальной России. — М., 1966. — С. 256–263.

3. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18903.

4. Очерки русской культуры XVI века. — Ч. 1. — М., 1976. — С. 273–274.

5. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком... — Ч. 6. — М., 1805.

6. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18903.

7. РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии Экономии). Оп. 6. Д. 8618. Л. 2–7.

8. Очерки русской культуры... — С. 268–269.

9. Нечволодов А. Сказания о русской земле. — Ч. III–IV. — Кн. II. — М., 1997. — С. 309.

10. Пясецкий Г. Забытая история Орла. — Орел, 1993. — С. 83–84.

11. РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. Кн. 147. Л. 92 об.

12. РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии Экономии). Оп. 8. № 8618. Л. 1–7 об.

13. Описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. — Орел, 1901. — С. 68.

Глава XV

1. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18903.

2. Бакулин В. С. Орел как хлебный рынок во второй половине XVII века // Города феодальной России. — М., 1966. — С. 256–263.

3. Путешествие в святую землю священника Лукьянова // Русский архив. — Т. 1. — 1863. — С. 138–139.

4. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18903.

5. Пупарев А. Орловская старина: Исторические сведения об Орловской губернии. — Т. 1. — Орел, 1872.

6. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. — Л., 1937. — С. 75.

7. Шубин И. А. Волга и волжское судоходство. — М., 1927. — С. 83.

Глава XVI

1. Грамота Коломенского архиепископа Никиты II на построение в Орле девичьего монастыря. 1686 г. // Труды Орловской ученой архивной комиссии. — Вып. 6. —1889. — С. 32–33.
2. РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 134. Л. 43–44.
3. РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Д. 1056. Л. 9 об. — 10.
4. РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 134. Л. 43–44.
5. РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии Экономии). Оп. 6. № 8547. Л. 1.
6. Там же. — Оп. 6. № 8546. Л. 1.
7. Там же. — Оп. 6. № 8547. Л. 1.
8. Там же. — Оп. 6. № 8618. Л. 1–7 об.
9. Пясецкий Г. М. История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей. — Орел, 1899. — С. 264.
10. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 10049. Л. 21 об. — 23.
11. Пясецкий Г. М. Забытая история Орла. — Орел, 1993. — С. 92.
12. ОКМ. № 8986. Описание Орловского Успенского мужского монастыря. 1774 г. Л. 2.
13. Орловские архипастыри. Архиерейский дом, достопримечательности его, угодья и личный состав. — Орел, 1901. — С. 23–24.
14. ОКМ. № 8986. Описание... Л. 4.
15. Пясецкий Г. М. История Орловской епархии... — Орел, 1899. — С. 266.
16. ОКМ. № 8986. Описание... Л. 2.
17. Там же. — Л. 2.
18. Путешествие в святую землю священника Лукьянова. Русский архив. — Т. 1. — 1863. — С. 138–139.
19. РГАДА. Ф. 280 (Коллегия экономии). Оп. 5. № 696. Л. 308 об.
20. РГАДА. Ф. 281 (Грамоты коллегии экономии). Оп. 6. № 8629, 8636, 8640, 8641.
21. Пясецкий Г. М. Забытая история Орла. — Орел, 1993. — С. 94; кроме того, многочисленные документы о хозяйственной деятельности Успенского монастыря хранятся в РГАДА, ф. 281, оп. 6. № 5950, 5951, 5953–5955, 8553, 8556–8559, 8561, 8563, 8564, 8567–8571, 8575, 8579, 8581–8587, 8591–8594, 8596, 8598–8612, 8617, 8619, 8620, 8622–8629, 8636–8643.
22. РГВИА. Ф. 349. Оп. 27. Д. 2388, 2389.
23. РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 711. Л. 2–21.
24. Там же. — Л. 2–21.
25. РГАДА. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 4015.
26. РГАДА. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 67/1009. Л. 1 об.
27. Труды Орловской ученой архивной комиссии. — Вып. 6. — Орел, 1889. — С. 33.
28. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 10049. Л. 15–18.
29. Труды Орловской ученой архивной комиссии. — Вып. 6. — Орёл, 1889. — С. 32–33.
30. Там же. — С. 32–33.
31. РГАДА. Ф. 281 (Грамоты Коллегии Экономии). Оп. 6. № 8578. Л. 1.
32. Там же. — Оп. 6. № 8588. Л. 1.
33. РГАДА. Ф. 280. Оп. 5. № 696. Л. 311–311 об.
34. Соколов Н. Былое Орловского Введенского монастыря // Русский паломник. 1912. — № 6 (5 февр.).
35. Труды Орловской ученой архивной комиссии. — Вып. 6. — Орел, 1889. С. 34; Соколов Н. Былое... Л. 2.
36. РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 120. Л. 1–17.
37. РГАДА. Ф. 280. Оп. 5. Д. 696. Л. 311.
38. Соколов Н. Былое... // Русский паломник. — 1912. — № 6 (5 февр.).
39. Пясецкий Г. М. Исторические очерки Орловского Введенского девичьего монастыря. — Орел, 1896; Пясецкий Г. М. Забытая история Орла. — Орел, 1993. — С. 86–92.
40. Соколов Н. Былое... // Русский паломник. — 1912. — № 6 (5 февр.).

Глава XVII

1. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского.стола. Д. 373. Смотренный список орлян дворян и детей боярских. 1654 г. Л. 117.
2. Очерки русской культуры XVI века. — Ч. 1. — М., 1976. — С. 293–299, 314–315, 333–334.
3. Болховская старина. — Вып. I. (Сост. Апухтин В. Р.). — Болхов, 1913. — С. 9–96.
4. Очерки русской культуры... — С. 340–341.
5. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 373. Л. 117–173.
6. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Д. 571. Л. 313–314.
7. Загоровский В. П. Белгородская черта. — Воронеж, 1969. — С. 154–155.

Глава XVIII

1. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18903.
2. Писцовые книги XVI в. (Под ред. Н. В. Калачева). Ч. 1. — Отд. 2-е. Т. 10. Орловский уезд. Б/м, б. г.
3. Филимонова В. К. За далью лет // Века над Окой. — Орел, 1998. — С. 65.
4. Пясецкий Г. М. Орловский уезд по переписным книгам 1647 г. // Труды Орловской ученой архивной комиссии. — Вып. 2. — Орел, 1891. — С. 17–22.

5. РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Кн. 10044. Писцовая книга г. Орла и Орловского уезда. 1677–1676 гг.; там же. Оп. 1. Д. 10049. Писцовая книга г. Орла и Орловского уезда. 1685–1686 гг.

6. Церкви города Орла и уезда, и города Кром и его уезда по ведомости 1734 года // Орловские епархиальные ведомости. — 1870. — № 20. — С. 1295–1299.

7. Сведения о церквах города Орла и его уезда, по ведомости 1755-го года // Орловские епархиальные ведомости. — 1873. — № 4. — С. 200–207.

8. Багров Лео. Карта для Европы // «Родина». — 1998. — № 2. — С. 40–41.

9. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 15934. Л. 426.

10. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 15934. Л. 426–436.

11. Там же. — Л. 426–436.

12. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 873. Л. 112–170.

13. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10044. Л. 48 об.

14. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 15934. Л. 436.

15. РГАДА. Ф. 1209. Кн. 15934. Л. 426–436.

16. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Стб. 873. Л. 140–141.

17. Там же. — Л. 137–138.

18. РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 187. Л. 308–309; Акты Московского государства. — Т. 2. — СПб., 1894. — С. 143.

19. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 179. Л. 125–130.

20. Архив Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Орловской области (г. Орел). Паспорт на памятник археологии — городище в с. Тагино. 1975 г.

Глава XIX

1. Путешествие в святую землю священника Лукьянова // Русский архив. — Т. 1. — 1863. — С. 138–139.

2. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18903.

3. РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 1518. Л. 249–250, 253, 255–256; ф. 210. Московский стол. Стб. 727. Л. 157–159.

4. РГАДА. Ф. 396 (Оружейная палата). Оп. 3. Д. 75. Л. 282–284.

5. Там же. — Л. 282–284.

6. Путешествие в святую землю священника Лукьянова // Русский архив. — Т. 1. — 1863. — С. 138–139.

7. Пупарев А. Г. Материалы для истории и статистики Орловской губернии. — Т. 1. — Орел, 1877. — С. 46–47. (Вставка между страницами).

8. РГАДА. Ф. 248 (Дела Сената). Д. 114. Л. 546–547, 551 об.

9. РГИАЛ. Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377.

10. РГАДА. Ф. 279. Оп. 6. Д. 23095. Л. 5 — 5 об., 11 — 11 об.

11. РГАДА. Ф. 405 (Белгородская губернская канцелярия). Оп. 1. Д. 605. Л. 1 — 1 об., 20.

12. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18903.

13. Там же. — Д. 18903.

14. РГАДА. Ф. 434. Оп. 1. Д. 2793. Л. 1–2.

15. Пясецкий Г. М. Забытая история Орла. — Орел, 1993. — С. 80.

16. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18903.

17. Пясецкий Г. М. Забытая история Орла. — Орел, 1993. — С. 80.

Список принятых сокращений

ОКМ — Орловский краеведческий музей (г. Орел)

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (г. Москва)

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва)

РГИА — Российский государственный исторический архив (г. С.-Петербург)

БИБЛИОГРАФИЯ

Азбукин Н. Историко-статистическое описание городов Орловской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. — 1838. — Т. 28. (№ 6). — С. 397–434.

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. I–V. — СПб., 1842.

Акты Московского государства, изданные императорскою академиею наук / Под ред. Н. А. Попова. — Т. I–II. — СПб., 1894.

Андреев Н. Р. Неизвестное Бородино. Молодинская битва 1572 года: Историческая хроника XVI века. — М., 1997.

Археологическая карта России. Орловская область. — М., 1992. — 96 с.

Бакулин В. С. Орел, как хлебный рынок во второй половине XVII в. // Города феодальной России. — М., 1966. — С. 256–263.

Басов Д. И. Орловская старина: Из записок тамошнего старожила // Северное обозрение. — 1849. — Т. 2. — С. 774–785.

Беляев И. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. — М., 1846.

Беляков С. Орел: Рассказ о нашем городе. — Орел, 1939. — 128 с.

Богоявленская г. Орла церковь. — Орел, 1912. — 8 с.

Богоявленский С. К. Войско в Москве в XVI и XVII вв. // Москва в её прошлом и настоящем. — М., 1992. — С. 62–84.

Буганов В. И. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. — М., 1986. — 239 с.

Века над Окой: Альбом. — Орел, 1998. — 296 с.

Веселовский С. Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. // Чтения в обществе истории и древностей российских. — 1911. — № 4.

Власьев Г. А. Потомство Рюрика. — Ч. 1–3. — СПб., 1906–1917.

Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII века. — М., 1977. — 263 с.

Вигилев А. Н. История отечественной почты. — Ч. 1. — М., 1977. — 159 с.

Голицын А. Л. Архив сельца Сурьянино: фамильное собрание бумаг до рода дворян Юрасовских (прежде Деспотов Юрасовских) относящихся. — Орел, 1900. — 123 с.

Город Орел // Исторический очерк района большого маневра в верховьях Оки и Сейма. — СПб., 1900. — С. 58–63.

Городу Орлу 400 лет. — Тула, 1966. — 155 с.

Гоздаво-Голомбиевский А. А. Опись чертежей, хранившихся в разряде во второй половине XVII в. // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. — Кн. 6. — М., 1898. — С. 16.

Дворянские роды Российской империи. — Т. I–II. — Князья. — СПб., 1993.

Дневник Марины Мнишек. — СПб., 1995. — 200 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — Т. IX. — СПб., 1848.

Древняя Русь: Город, замок, село: (Археология СССР). — М., 1985. — 430 с.

Дунаев М. М. На земле великой битвы. — М., 1976. — 151 с.

Евгин А. Козельск. Средневековая Русь. Очерки социально-политической истории X–XVII вв. — Тула, 1996.

Евсеев И. Археологические поиски в Орловском крае летом 1907 г. — Орел, 1907. (Оттиск. Перепечатка из «Орловских епархиальных ведомостей» за 1907 г.).

Евсеев И. Кто были древнейшие насельники Орловского края. // «Орловские епархиальные ведомости». — 1906. — № 33, 34.

Егоров Б. А., Еремин В. П. Весь город Орел: Справочник. — Орел, 1993. — 301 с.

Емельянов В. Г. Улицы города Орла: История названий: Справочник. — Тула, 1986. — 127 с.

Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — Воронеж, 1991. — 270 с.

Зайцев А. К. Домагощ и границы «вятичей» XII в. // Историческая география России XII — начала XX вв. — М., 1975. — С. 21–30.

Захарик Е., Антипов Б., Кирсанов С., Колоколова М. Город Орел. — Орел, 1958. — 124 с.

Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. — Т. I–II. — СПб., 1892.

Земля Орловская: Фотоальбом. — Орел–Тула, 1992.

Зуев В. Ф. Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. — СПб., 1787. — 273 с.

Иванов П. Описание Государственного Архива старых дел, составленное Инспектором Государственных Архивов и Членом разных Ученых Обществ П. Ивановым. — М., 1850. — С. 296–299.

Изборник: Повести Древней Руси. — М., 1986. — 447 с.

История Орловской губернии до Великой Октябрьской социалистической революции: Библиография. — Б/м., б/г. — Машинопись. Хранится в краеведческом отделе Орловской библиотеки им. И. Бунина. — 130 с.

История Орловского края до Великой Октябрьской социалистической революции: Каталог выставки книг, рукописей, изобразительных материалов из собрания коллекционеров. — Орел, 1985. — 43 с.

История родов русского дворянства. — Кн. 1. — М., 1991. — 431 с.

Каплинский М. Памятники русского зодчества и их роль в воспитании молодежи: Материал в помощь лектору, преподавателю истории и краеведу. — Орел, 1970.

Карамзин Н. М. История государства Российского. — Кн.1–4. — М.. 1988.

Каргалов В. В. На степной границе. — М., 1974. — 183 с.

Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. — М., 1977. — 443 с.

Книга большому чертежу. — СПб., 1838. — 261 с.

Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. — М., 1992. — 301 с.

Костомаров Н. И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613. — М., 1994. — 799 с.

Кострица А. Ф. Край наш Орловский. — Тула, 1974. — 104 с.

Красницкий Л. Н. Археология Орловской области: (Материалы в помощь лектору). — Орел, 1972. — 27 с.

Кром М. Л. Меж Русью и Литвой. — М., 1995. — 294 с.

Кузьмин. Губернский город Орел // Военно-статистическое обозрение Российской империи. — Т. VI. — Ч. 5. — СПб., 1853.

Культура древней Руси: Альбом. — Л., 1967. — 302 с.

Летопись города Орла (1566–1977). — Тула, 1980. — 278 с.

Любавский М. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого литовского статута: Исторические очерки. — М., 1893.

Неделин В. М. Восстановление Орловской крепости в 1635–1636 годах // Истории русской провинции: Сборник. — 1(3), 5 — Орел, 1998. — С. 12–23, 94–107.

Неделин В. Кувшин с деньгами // Московский журнал. — 1996. — № 10. — С. 25–26.

Неделин В. М. Материалы к Своду памятников истории и культуры Орловской области. — Орел, 1986–1987 гг. Машинопись.

Неделин В. Последний набег Лисовского // Московский журнал. — 1996. — № 6. — С. 12–15.

Неделин В. М. Рубленый город на Орле. (Облик Орловского кремля и его фортификационные сооружения во второй половине XVII в.) // Война и армия в России: Материалы межвузовской научной военно-исторической конференции. — Орел, 1993. — С. 124–137.

Неделин В. М., Ливцов В. А. Строитель Евфимий // Московский журнал. — 1997. — № 1. — С. 40–44.

Неделин В. М. Рубленый город на Орле: облик Орловского кремля и его фортификационные сооружения во второй половине XVII века // Очерки феодальной России: Сборник. — Вып. 2. — М., 1998. — С. 174–186.

Неделин В. М., Еремин В. П. Успенский собор Успенского монастыря (с 1820 г. — Архиерейского дома) в г. Орле: Историческая записка. — Орел, 1991. (Машинопись). — 80 с.

Неделин В. М. Чертежи города Орла XVII века // Краеведческие записки: Сборник к 100-летию краеведческого музея. — Орел, 1996. — С. 188–195.

Нерознак В. П. Названия древнерусских городов. — М., 1983. — 207 с.

Никольская Т. Н. Земля вятичей: к истории населения бассейна верхней и средней Оки в XI–XIII вв. — М., 1981. — 296 с.

Никольская Т. Н. Культура племен верхней Оки в I тысячелетии н. э. // Материалы

и исследования по археологии СССР. — Вып. 72. — М. — Л., 1959. — 151 с.

Никольский В. Выпись орловским посадским людям на их посадскую чернослободскую землю // Труды Орловской ученой комиссии. 1894. — Орел, 1894. — Вып. 3. — С. 31–36.

Н. К. Орловская старина // Архив исторических и практических сведений, издаваемый Н. Калачовым. — Кн. 1. — СПб., 1858. — С. 74–78.

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М. — Л., 1948. — 447 с.

Новый и полный географический словарь Российского государства... ч. 4. — М., 1788. — С. 22–26.

Описание, церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. — Орел, 1901. — 224 с.

Орловская область: Каталог памятников архитектуры. — М., 1985. — 351 с.

Орловские архипастыри, архиерейский дом, достопримечательности его, угодья и личный состав. — Орел, 1901. — 30 с.

Орловский край: 1929 г. — Вып. 1. — Орел, 1929. — 91 с.

Орловский Успенский (Богоявленский) мужской монастырь. — Орел, 1910.

Острова Е. И. Архитектурный комплекс нач. XVIII–XIX вв.: Введенский женский монастырь в г. Орле: Историческая записка. — М., 1990. (Машинопись).

Острова Е. И. Памятник архитектуры нач. XVIII в.: Богоявленская церковь в г. Орле: Историческая записка. (Машинопись). — М., 1992.

Острова Е. И. Успенский монастырь (Архиерейский дом) в г. Орле: Историческая записка. (Машинопись). — М., 1990.

Очерки истории Орловского края: с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции. — Орел, 1968. — 232 с.

Писцовые книги XVI в. (Под ред. Н. В. Калачева). — Ч. 1. — Отд. 2-е. — Т. 10: Орловский уезд. — Б/м, б/г. — С. 853–1073.

Платонов С. К истории городов и путей на южной окраине Московского государства в XVI веке. — Б/м, б/г. (Извлечено из журнала Министерства просвещения за 1896 г., март).

Плужников В. И. Объемные композиции культовых построек Орловской области // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Материалы и исследования. — М., 1980. — С. 182–214.

Полное собрание русских летописей. — Т. XIV: Новый летописец. — М., 1965.

Полное собрание русских летописей. — Т. XX: Первая половина. Львовская летопись. — Ч. 1. — СПб., 1910.

Поспелов Е. М. Названия городов и сел. — М., 1996.

Православныя Русския обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской империи и на Афоне. — СПб., 1994. (Репринт книги 1910 г. издания). — С. 373, 382.

Пупарев А. Материалы для истории и статистики Орловской губернии. — Т. 1. — Орел, 1877. — 152 с.

Пупарев А. Орловская старина: Исторические сведения об Орловской губернии. — Т. 1. — Орел, 1872.

Путешествие в святую землю священника Лукьянова. 1710 год // Русский архив. — 1863. — Т. 1. — С. 134–139.

Пясецкий Г. М. Грамота Коломенского Архиепископа Никиты II на построение в Орле девичьего монастыря 1686 г. // Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1889. — Орел, 1889. — Вып. 6. — С. 32.

Там же: Грамота на построение в Введенском монастыре церкви. — С. 33.

Пясецкий Г. М. Забытая история Орла. — Орел, 1993. (Перепечатка книги «Исторические очерки г. Орла» 1874 г.). — 251 с.

Пясецкий Г. М. История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей. — Орел, 1899. — 1066 с.

Пясецкий Г. М. Исторические очерки г. Орла. — Орел, 1874. — 229 с.

Пясецкий Г. М. Исторические очерки Орловского Введенского девичьего монастыря. — Орел, 1896. — 160 с.

Пясецкий Г. К истории гор. Орла: Материалы для истории церквей г. Орла. — Орел, б/г. — 52 с.

Пясецкий Г. М. К истории города Орла 1646 года // Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1891. — Орел, 1891. — Вып. 1. — С. 36–37.

Пясецкий Г. М. Материалы для истории и статистики городов Орловского края в царствование Михаила Федоровича // Орловские епархиальные ведомости. — 1867. — № 2, 3, 5, 9.

Пясецкий Г. М. Материалы для истории Орловского края при царях Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче // Орловские епархиальные ведомости. — 1867. — № 16; 1869. — № 14.

Пясецкий Г. М. Орловский уезд по переписным книгам 1647 г. // Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1891. — Орел, 1891. — Вып. 2.

Пясецкий Г. М. О святом Кукше, как просветителе Орловского края: Историческое исследование. — Орел, 1894. — 122 с.

Пясецкий Г. М. О церковно-иерархической зависимости Орловского края до присоединения его к Московскому государству // Орловские епархиальные ведомости. — 1866. — № 19, 20; 1867, № 5, 23; 1870, № 6, 7, 10, 14, 22.

Пясецкий Г. М. Очерки истории соборных церквей в губернском городе Орле по случаю исполняющегося столетия со дня заложения Петропавловского кафедрального собора // Орловские епархиальные ведомости. — 1897. — № 14–15, 18–20.

Пясецкий Г. М. Очерки религиозно-нравственного состояния Орловского края до учреждения Орловской епархии // Орловские епархиальные ведомости. — 1880. — № 3, 4, 12, 19, 20, 23.

Пясецкий Г. М. О четырех главных дорогах, которыми крымские татары вторгались и опустошали пределы населений Орловской губернии // Орловские епархиальные ведомости. — 1870. — № 19. — С. 1235–1249.

Ромашов В. М., Неделин В. М. Архитектурные древности Орловщины: Альбом. — Орел, 1998. — 192 с.

Разрядная книга: 1475–1598 гг. — М., 1966. — 614 с.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества: Настольная и дорожная книга для русских людей. — Т. 2: Среднерусская черноземная область. — СПб., 1902.

Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв.: (Археология СССР). — М., 1982. — 326 с.

Сведения о церквах города Орла и его уезда, по ведомости 1755 года // Орловские епархиальные ведомости. — 1873. — № 4. — С. 1295–1299.

Свистунова Т. Г. Город Орел в XVI–XVII веках // Ученые записки. Курский государственный педагогический институт. — Т. 58. — Орел, 1970. — С. 193–211.

Скрынников Р. Г. Крушение царства: Историческое повествование. — М., 1995. — 443 с.

Скрынников Р. Г. Лихолетье: Москва в XVI–XVII веках. — М., 1980–1989. — 541 с.

Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. — Л., 1985. — 493 с.

С. М. А. Путешествие Антиохийского патриарха Макария по пределам Орловского края в 1654–1655 гг. // Сборник Орловского церковно-археологического комитета. — Т. 1. — Орел, 1905. — С. 354–366.

Смирнов Н. Орловский уезд в конце XVI века по писцовой книге 1594–1595 гг. — Киев, 1910.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. — Ч. III. — М., 1822.

Соколов Н. Былое орловского Введенского монастыря // Русский паломник. — 1912. — № 6.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. — Кн. VII. — Т. 13–14. — М., 1969.

Ткачевский П. С., Лебедев И. И. Город Орел: Материалы по изучению Орл. края. — Вып. 1. — Орел, 1927. — 108 с.

Федоров С. И. Архитектурные образы Орловщины. — Тула, 1982. — 152 с.

Федоров С. И. Архитектурный ансамбль исторического центра города Орла (Возникновение и развитие памятников градостроительства и архитектуры): Материалы в помощь лектору. — Орел, 1980–1981. — 38 с.

Федоров С. И. Записки архитектора. — Тула, 1987. — 160 с.

Федоров С. И. Орел: Городской центр 1566–1966: Фотоальбом. Хранится в Государственном архиве Орловской области и Орловском областном краеведческом музее.

Федоров С. И. Орел. — М., 1969. — 188 с.

Федоров С. И. Очерки архитектуры Орла. — Тула, 1992. — 152 с.

Федоров С. И. По следам легенд и утрат. — Орел, 1993. — 127 с.

Федоров С. И. Центры городов Орла, Курска и Белгорода — комплексные памятники истории и культуры. — Ленинград, 1975. — 200 с.

Хрестоматия по истории Орловского края: Пособие для учителя. — Вып. 1: С древнейших времен до февраля 1917 г. — Тула, 1966. — 204 с.

Церкви города Орла и уезда, и города Кром и его уезда по ведомости 1734 года // Орловские епархиальные ведомости. — 1870. — № 20. — С.1295–1299.

Щеков А. В. Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI вв.). — Тула, 1993. — 100 с.

Шишов А. В. Минин и Пожарский. — М., 1990. — 160 с.

Шульгин А. Н. Минувшее Орловского края: Очерк. — Орел, 1903. — 109 с.

Шульгин А. Н. Орловский край под владычеством Литвы: 1356–1504 гг. — Орел, 1905. (Оттиск из «Орловских епархиальных ведомостей» за 1905 г.) — 38 с.

Щекатов А. Словарь географический Российского государства. — Ч. 1–5. — М., 1801–1807.

Якоби П. И. Вятичи Орловской губернии. — СПб., 1907. — 196 с.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

(Составители Р. И. Реутская и М. В. Новикова)

Агриппина, дочь великого князя рязанского Олега — 31.

Акинфиев Г., предводитель восставших кромчан — 53.

Акинфов Н. И., думный дворянин — 167, 215.

Ал-Бакри, арабский географ — 14.

Александр Федорович, князь звенигородский — 32, 33.

Алексей Михайлович, царь — 117, 128, 129, 142, 240–242.

Алеппский П., архимандрит — 18, 97, 117, 120, 133, 138.

Алшабин-мурза, татарский военачальник — 211.

Амет-мурза, татарский военачальник — 211.

Андреан Титович, князь звенигородский — 30, 31.

Андреев Л. Н., писатель — 144.

Андрей Мстиславич, князь козельский — 29, 30, 31.

Анна Иоанновна, императрица — 204, 217.

Анница, вдова священника Покровской церкви в Орле Кузьмы — 91, 212.

Ансупов П., ливенский помещик — 210.

Антоний, схимник Богоявленского мужского монастыря в Орле — 167.

Анфиса, игумения Введенского женского монастыря в Орле — 177.

Анцыфоров, орловский купец — 255.

Апухтин А. Н., поэт — 65.

Афанасий, священник Покровской церкви в с. Тагино — 191.

Ахмет-паша, посол крымского хана Казы-Гирея — 47.

Бабков Н., поручик — 218.

Бакай, татарский мурза — 238.

Барятинский Д. М., князь, воевода Сторожевого полка на Орле — 225.

Барятинский (Борятинской) Ю. Н., князь, воевода — 226.

Барятинский (Борятинской) И. М., князь, воевода Сторожевого полка на Орле — 56, 210, 226.

Барятинский (Борятинской) Я. П., князь, второй воевода Передового полка — 55, 226.

Басманов Ф. П., воевода — 54, 55, 210, 224.

Басов Д. И., первый историк Орла — 158.

Батвиньев П., ученик инженерной роты — 216.

Баторий Стефан, польский король — 46.

Батый, монгольский полководец — 28.

Бахтеяров-Ростовский А. И., князь, орловский воевода — 225.

Башкотов Мартын, орловский сын боярский — 74.

Башмаков Д. М., думный дьяк, печатник — 80.

Беззубцев Ю., путивльский сын боярский, сотник, предводитель повстанцев — 57, 210, 226.

Безносов И. А., коломенский посадский, торговец — 127.

Безобразов В., орловский голова — 44, 208, 219.

Белевские, князья — 29.

Беленьков Поликарп, жилец — 106, 107.

Билибин И., художник-график — 144.

Бирлов Д., сотник детей боярских — 75.

Бобрищев-Пушкин И., мценский воевода — 89.

Болотников И. И., предводитель повстанцев, полководец Лжедмитрия II — 56–58, 210, 226.

Болотников Кузьма, орловский сын боярский — 89.

Болоховские, князья Болоховской земли под Киевом — 31, 33.

Болховские, князья — 29, 33, 35, 36.

Боплан Гийом, французский инженер-фортификатор — 128.

Борис Годунов, царь — 52–54, 224, 225.

Борисевич Г. В., историк архитектуры — 24.

Борисов С., нищий — 241.

Боркалов Мика, новосильский сын боярский — 134.

Бохтеяров В., князь, второй воевода Передового полка на Дедилове — 223.

Бохтеяров И., орловский воевода — 222.

Бохтияров И., ливенский сын боярский — 135.

Бузовлев М., кондуктор инженерного корпуса — 198, 216.

Буйносов П. И., князь, воевода Большого полка на Туле — 223.

Булгаков Г. А., князь, воевода Сторожевого полка — 220.

Булгаков К. Т., голова, орловский сын боярский — 180, 213.

Булгаков Ю., казачий голова — 219, 222.

Бунаков П., белевский воевода — 72.

Буссов Конрад, немецкий наемник, участник Смуты в России — 67.

Бутурлин В. И., воевода — 225.

Бутурлин Е. В., орловский воевода — 55, 221.

Бутурлин И., ливенский воевода — 193.

Бутурлин (Ботурлин) Р. Д., орловский воевода — 221.

Бутурлин Ф. А., орловский наместник, воевода — 208, 221, 222.

Валавский, польский военачальник, канцлер Лжедмитрия II — 59, 61, 63, 210.

Валуев С. М., орловский сын боярский — 211.

Василий Васильевич (Темный), великий князь московский — 32.

Василий Дмитриевич, великий князь московский — 32.

Василий Иванович, великий князь Московский — 39.

Василий Пантелеевич, князь карачевский — 30, 31.

Василий Шуйский, царь — 55–59, 65, 190, 210, 225, 226, 253.

Вельяминов Я., орловский осадный голова — 221.

*В указатель включены имена, встречающиеся в тексте книги, примечаниях, «Летописи города Орла XVI–XVIII вв.», «Орловских городовых воеводах XVI–XVIII вв.» и приложении.

Город рубленый в Орле.
22х30. Бумага, акварель, гуашь. 1986 год.

Приказная изба в Орле. XVIII век.
22х30. Бумага, акварель, гуашь. 1986 год.

Успенский монастырь в Орле. XVIII век.
22х30. Бумага, акварель, гуашь. 1986 год.

Введенский монастырь в Орле. XVIII век.
22х30. Бумага, акварель, гуашь. 1986 год.

Орловский кремль в XVIII веке.
22х30. Бумага, акварель, гуашь. 1986 год.

Орловский кремль в.XVIII веке.
23х30. Бумага, акварель, гуашь. 1986 год.

Орличная мельница в Орле. XVIII век.
22х30. Бумага, акварель, гуашь. 1987 год.

Большая улица в Орле. XVIII век.
22х30. Бумага, акварель, гуашь. 2000 год.

Орёл XVI–XVII веков

«Орел-город есть такое место, которое подает великия обогащения его жителям и суть гнездо торговли всей Украины»

1. Воеводский двор
2. Съезжая изба
3. Тюрьма
4. Приказная изба
5. Таможенная изба
6. Кабак
7. Гостиный двор
8. Гостиный двор
9. Гостиный двор
10. Гостиный двор
11. Гостиный двор
12. Гостиный двор
13. Гостиный двор
14. Гостиный двор
15. Гостиный двор
16. Гостиный двор
17. Гостиный двор
18. Гостиный двор
19. Гостиный двор
20. Гостиный двор
21. Гостиный двор
22. Гостиный двор
23. Гостиный двор
24. Гостиный двор
25. Гостиный двор
26. Гостиный двор
27. Гостиный двор
28. Гостиный двор
29. Гостиный двор
30. Гостиный двор
31. Гостиный двор
32. Гостиный двор
33. Гостиный двор

Улица Большая

Улица

Рубленый город:

1. Башня Большая караульная проезжая.
2. Рождество-Богородичный собор.
3. Воеводский двор.
4. Приказная изба.
5. Тюрьма разбойная и опальная.
6. Казенный погреб.
7. Вход в тайник.
8. Пушечный раскат.
9. Проезжая башня к реке Орлу.
10. Казенные амбары и житницы.
11. Честник.

Малый острог:

12. Богоявленский монастырь.
13. Часовня Богоявленского монастыря.
14. Церковь Николая Чудотворца с приделом Флора и Лавра.
15. Отводные (верстовые) ворота.
16. Пятницкие ворота.
17. Кромские ворота.
18. Карачевские ворота.
19. Болховские ворота.
20. Торговые лавки.
21. Таможенный двор.
22. Кабацкий двор.

Большой острог и слободы:

23. Церковь Воскресения Христова с приделом Пророка Ильи.
24. Церковь Великомученика Георгия.
25. Церковь Преображения Господня (в драгунской слободе).
26. Церковь Покрова Богородицы (в драгунской слободе).
27. Оброчные кузницы.
28. Стругoвая пристань.
29. Амбары и житницы.
30. Сошный мост.
31. Церковь Успения Богородицы (в посадской слободе).
32. Церковь Михаила Архангела (в посадской слободе).
33. Введенский девичий монастырь.

Вердеревский Р., голова — 222.
Вердус Ян, голландец, автор записок о России XVI в. — 81.
Витовт, великий князь литовский — 32, 38.
Вишневецкий Адам, польский военачальник — 59, 210.
Владимир, князь черниговский — 23–25.
Владимир Красное Солнышко (Святой), великий князь киевский — 19, 20, 146.
Владимир Мономах, великий князь киевский — 20.
Владислав, сын польского короля Сигизмунда III — 65, 210.
Власов И., житель Болхова — 74, 75.
Власьев Г. А., исследователь генеалогии дворянских родов — 31.
Водарский Я. Е., историк — 187.
Воейков Г. Д., орловский провинциальный воевода — 195, 227.
Воейков К. В., орловский воевода — 227.
Воейков П., брянский воевода — 68, 72.
Волконский В., князь, орловский воевода — 226.
Волконский (Орёл) Л. М., князь, орловский воевода — 226.
Волконский (Волконской) П., князь, второй воевода Большого полка на Туле — 221.
Волконский С. Ф., князь, орловский воевода — 95, 97, 102, 226, 254.
Волоской С. А., воевода Большого полка на Туле — 223, 224.
Волынский С. И., болховский воевода — 70, 72.
Волынский (Волынской) Ф. В., стольник, воевода Сторожевого полка на Орле — 225.
Воротынский И. М., боярин, князь, воевода — 39, 55, 208, 219.
Воротынский М. И., боярин, князь, воевода — 41, 45.
Всеволод, князь трубчевский — 27.
Всеволод III (Большое Гнездо), князь великий владимирский — 27, 28.
Всеволод Ольгович, великий князь киевский — 23.
Вятко, легендарный предводитель вятичей — 13.

Гаврилов Фома, священник Воскресенской церкви в Орле — 91, 215, 250.
Гагарин Р. И., князь, воевода — 55, 56, 226.
Гваньини, итальянец, автор книги «Описание Европейской Сарматии» — 32.
Гвоздев-Ростовский М. Ф., князь, орловский воевода — 220.
Герасим, архимандрит Успенского мужского монастыря в Орле — 168.
Герасимов М. М., антрополог — 16.
Герберштейн Сигизмунд (Зигмунт), германский посол — 41, 144, 145, 155.
Геродот, древнегреческий историк — 11.
Глеб Александрович, князь звенигородский — 32.
Глебов М. Н., орловский голова — 220.
Глебов С., перемышльский воевода — 71, 72.
Годунов И. И., боярин — 52, 209.
Голиков В., орловский посадский — 216.
Голицын А. И., князь, воевода Передового полка на Дедилове — 222.
Голицын В. В., князь, воевода — 55, 222, 223, 253.
Головин И., голова — 22.
Головкин, граф — 161, 255.
Голофеев И., орловский стрелецкий и казачий голова — 120.
Горский А., художник-график — 31, 33.
Грибачев, орловский посадский — 214.
Григорьев Феофил, городовой мастер — 84, 85.
Гринев В., ливенский голова — 135.
Гундоров Сила, орловский воевода — 208, 219.

Давид, князь смоленский — 28.
Давыд, священник Богоявленский церкви в Орле — 114.
Давыдов А. А., орловский голова — 221.
Давыдов И. П., орловский воевода — 108, 110, 117, 214, 224, 227.
Давыдов И. О., преступник — 158.
Давидовичи, князья — 15, 18, 23, 25, 37.
Даль Л. В., этнограф — 190.
Данила, священник Рождество-Богородичного собора в Орле — 117.
Данилов П. П., орловский воевода — 226.
Данилов С. И., орловский голова — 223.
Данин Исайка, стрелецкий сын — 136.
Дашков И. И., князь, стольник — 129.
Дашков П. Я., библиофил, коллекционер — 155.
Девлет-Гирей, хан крымских татар — 41, 45, 47, 208.
Джанибек-Гирей, татарский царевич — 65, 210.
Дженкинсон, англичанин, автор записок о России XVI века — 162.
Дзедзиц, гравер — 26.
Дивей-мурза, татарский военачальник — 41.
Дмитриев П. М., стрелецкий сын, дворник П. М. Пушкина — 191.
Дмитриев-Оренбургский Н., живописец — 47.
Дмитрий, священник Никольской церкви в Орле — 107.
Дмитрий, царевич, сын Ивана IV Грозного — 253.
Долгоруков (Чертенок) А. Г., князь,воевода Сторожевого полка на Орле — 55, 210, 225.
Долгоруков Г., орловский воевода — 45, 220.
Долгоруков М., князь, белевский воевода — 72.
Долгоруков Ю. А., боярин, воевода — 106.
Долгоруков Ю. В., князь — 256.
Друцкий (Друтцкой) Ф., орловский наместник, воевода — 222.
Дулов В., князь, орловский воевода — 102, 103, 111, 213, 227.

Евгин А., историк — 30.
Евлах Александрович, князь звенигородский — 32.
Евфимий, игумен, позднее архимандрит Богоявленского и Успенского монастырей в Орле — 159, 163–166, 168, 170, 214.
Екатерина Алексеевна, дочь царя Алексея Михайловича — 117.
Екатерина II, императрица — 155, 218, 256.

18* Заказ № 6770

Екимов Никонка, дворовый человек Шустовых — 128.
Елена, дочь литовского князя Гаманта — 31.
Елецкий А., болховский воевода — 147, 148.
Елизавета (схимонахиня Евдокия), игумения Введенского женского монастыря в Орле — 174.
Елизавета Петровна, императрица — 177, 178, 217.
Енин Игнат, ливенский служилый — 193.
Епифанов П., болховский кабацкий откупщик — 147.
Ермолов А.П., полководец, герой Отечественной войны 1812 г. — 218.
Еропкин (Ярошкин) А., орловский голова — 219.
Еропкин Ф.А., воевода Сторожевого полка на Орле — 225.
Ерофеев Прокофий, кромской плотник, черкашенин — 134.

Желебовский Г., дьяк — 225.
Жемакин И., «кормовой» немец, градоделец — 84.
Жидков М., секретарь — 256.
Жижемский (Жижемской) С., князь, орловский воевода — 221.
Жиленок А., мценский сын боярский — 87.
Жилин, капитан — 217, 251.
Жилин А., осадный голова на Орле — 223.
Жилин Ф. М., орловский сын боярский — 180.
Жировой И. Ф., князь, воевода Сторожевого полка на Орле — 224, 225.
Житков А., асессор, вкладчик Введенского монастыря в Орле — 178, 217, 250.
Жолкевский Станислав, польский коронный гетман — 65, 210.

Заборовский С., дьяк — 68–70, 211, 226.
Замытцкой А. В., орловский воевода — 221, 222, 225.
Зане Сеит-мурза Анкуватов сын, татарский военачальник — 39.
Заруцкий И., атаман донских казаков — 58, 63, 210.
Звенигородские, князья — 29, 32, 33, 35, 36.
Звенигородский (Звенигородцкой) А., князь, второй воевода Передового полка на Дедилове — 223.
Звенигородский (Звенигороцкой) С., князь, Михайловский воевода — 222, 223.
Звенигородский (Звенигородцкой) Ф., князь, воевода Передового полка — 223.
Зорев С., орловский посадский — 211.
Зыбин М., орловский голова — 221.

Иван, священник Воскресенской церкви в Орле — 124.
Иван Александрович Большой, князь звенигородский — 32.
Иван V (Иоанн) Алексеевич, царь — 113, 116.
Иван Андреанович Болх, князь болховский — 30, 35.
Иван IV Васильевич (Грозный), царь — 39, 41, 42, 44, 45, 52, 141, 156, 208.
Иван Иванович Адаш, князь болховский — 30.
Иван Титович, князь козельский — 30, 31.
Иван Федорович, князь елецкий — 30.
Иван Юрьевич, сын князя Юрия Долгорукого — 23.
Иванов С., житель московской Садовой слободы, торговец — 127.
Иванов С. В., живописец — 184.
Иванова В., служанка Кривцовой Е. П. — 152.
Ивашкин Д., орловский голова — 220.
Ивлев П., археолог-любитель — 257.
Игорь Святославич, князь новгород-северский — 27.
Иевлев С., подьячий орловской приказной избы — 174.
Измайлов А. Я., орловский голова — 220.
Измайлов И. Я., губернский землемер — 178.
Изъединов Л. В., орловский воевода — 113, 227.
Изяслав Давидович, князь — 17, 23–27, 37.
Изяслав Мстиславич, великий князь киевский — 23–25.
Иконник В., орловский пушкарь, чертежник — 79, 80.
Илья Муромец, богатырь — 19, 37.
Иоаким, патриарх — 166.
Иосиф, священник Афанасьевской церкви в Орловском уезде — 85.
Иосиф, дьякон Богоявленской церкви в Орле — 164.
Исленьев И. С., стольник, орловский воевода — 99, 102, 211, 226, 253.

Казы-Гирей, хан крымских татар — 47, 52, 209, 223.
Калашников, орловский купец — 216, 250.
Каменев И., орловский сын боярский — 81, 86, 212.
Камынин Ларион, мценский воевода — 77, 84, 87–89.
Кандауров (Кондауров) Ловер, орловский осадный голова — 221, 223, 224.
Каразин Н. Н., художник — 42, 62.
Карамзин Н. М., историк — 67.
Каратеев М. Д., писатель — 29, 31.
Карачевские, князья — 32, 36.
Карпов Р. П., тульский воевода — 107.
Карпов Сафон, орловский воевода — 108, 227.
Катырев-Ростовский М. П., воевода — 54, 221, 224.
Кашин М. Ф., воевода — 59.
Квашнин И., белевский воевода — 88.
Киликия, старица, позднее монахиня Введенского женского монастыря в Орле — 173.
Кикилия, игумения Введенского женского монастыря в Орле — 177.
Килиан Лука, гравер — 53.
Кливер, орловский губернский архитектор — 205.
Клич-мурза, татарский военачальник — 211.
Клубков-Мосальский В. И., князь, второй воевода Большого полка на Туле — 222.
Кобяков Ю., орловский голова — 223.

Козаков Арсен, болховский кабацкий откупщик — 147.
Козаринова П., вдова, дворница — 127.
Козельские, князья — 29.
Козлов В.И., орловский провинциальный воевода — 227.
Козловский В., князь, орловский воевода — 226.
Козырщин М., подьячий — 213.
Коковинский, писец — 190.
Кологривов Ф., ряжский голова — 225.
Колтовский Б. С., воевода — 43, 51, 73, 75, 77–82, 84, 86–92, 95, 99, 102, 116, 120, 122, 134, 211, 212, 226.
Колтовский Д., мценский и ливенский воевода — 73, 88, 135.
Колтовский С., голова — 224.
Колтовский С. И., воевода — 103, 213.
Колтовский Ф., воевода — 39, 224.
Колычев Ж. Ю., орловский воевода — 91, 93, 95, 99, 102, 226.
Колычев (Колычов) В. Г., орловский воевода — 220.
Кольцов-Мосальский В. В., орловский воевода — 221, 222, 224.
Конашевич-Сагайдачный П., запорожский гетман — 51, 65.
Константинов И., сын боярский — 89.
Копнин Ю., писец — 124.
Кораблёв, орловский служилый — 42.
Корела, атаман донских казаков — 53.
Коркодинов Г. С., князь, орловский воевода — 224.
Коркодинов С., князь, орловский воевода — 221.
Кормазинов П., орловский посадский — 216.
Коровин И., подьячий — 116, 211.
Коротеев И., мценский помещик — 80.
Косагов М., орловский воевода — 227.
Косогов (Косагов) И. И., орловский воевода — 92, 93, 95, 213, 226.
Костин Я., помещик Орловского уезда — 190.
Костомаров Н. И., историк — 60.
Кострома С. Д., дворник у боярина Милославского И. М. — 128.
Кохановский, предводитель повстанцев — 57, 210.
Коченов Д., орловский купец — 217, 250.
Кошеверов С., мценский рассыльщик — 77.
Красницкий Л. Н., археолог — 11, 13, 20, 257.
Краснощекова С. Д., археолог, сотрудник Орловского краеведческого музея — 257.
Кривоборской (Кривоборский) В. М., князь, орловский воевода — 220.
Кривцов С. И., декабрист, уроженец Болховского уезда — 152.
Кривцов Ф., мценский землевладелец — 87.
Кривцова Е. П., болховская дворянка — 152.
Кроликовский, поляк, сторонник Лжедмитрия II — 59.
Кропотов В., орловский воевода — 227.
Крюков П., орловский осадный голова — 52, 53, 209.
Кузнецов, орловский купец, строитель церкви св. Иоанна Предтечи в Орле — 218, 250, 251.
Кузнецов, орловский купец — 217.
Кузнецов Г., купец, вкладчик Введенского монастыря в Орле — 117, 178, 217, 250.
Кузнецов К., орловский купец I статьи — 216.
Кузнецов С. В., инженер-гидротехник — 257.
Кузьма, священник Покровской церкви в Орле — 91.
Кузьмин, капитан департамента Генерального штаба — 36,38.
Кузьмин Б. (в иноках Боголеп), священник Богоявленской церкви в Орле — 163, 164, 213, 250.
Кузьмин И. Б., священник Богоявленской церкви в Орле — 164.
Кукша Иоанн, миссионер — 22,23.
Кулешин И., мценский помещик — 87.
Куракин И. С., боярин, князь, воевода — 55, 59, 60, 71, 253.
Курлетев И. И., князь, воевода Сторожевого полка на Орле — 225.
Кутузов И., писец — 116, 211.
Кутузов Я., кромской воевода — 193.

Ладыгин И., орловский сын боярский — 164.
Ламонов И., орловский осадный голова — 221.
Ламонов С., орловский осадный голова — 223.
Ларин И., стрелецкий сын — 136.
Ласкиров Н. (М.) И., стольник, орловский воевода — 226.
Лаушкин Н., ливенский сын боярский — 193.
Лебедев К., живописец — 146, 151.
Левонтиев Ю. П., голова — 221.
Леонтьев Г., дьяк — 124.
Лесков Н. С., писатель — 144.
Лжедмитрий I, самозванец, царь — 52–55, 209, 210, 225, 253.
Лжедмитрий II, самозванец — 38, 58–65, 67, 68, 146,190, 210, 226.
Ливцов В. А., зам. председателя Орловского облотделения ВООПИК — 257.
Лисовский А. И., польский полковник — 38, 67–72, 124, 211, 226, 253.
Литвинов-Мосальский А. Ф., князь, окольничий, глава Пушкарского приказа — 85.
Литвинов-Мосальский В. Ф., князь, окольничий, воевода — 59, 60.
Лихарев, орловский провинциальный воевода — 227.
Лихарев Н., каширский сын боярский — 253.
Лобанов В., князь, воевода — 221.
Лодыженский Самоил, сотник детей боярских — 52, 53, 209, 225.
Лопухин А. С., генерал-поручик — 256.
Луговой, однодворец — 218, 250.
Лукьянов И., священник церкви Всех Святых в Москве — 18, 160, 167, 194, 199, 200, 216.
Лунин, колхозник — 12.
Лыков Авдей, орловский воевода — 114, 213, 227.
Лыков Б. М., боярин, князь, воевода — 55, 226.
Ляпунов Прокопий, руководитель Первого ополчения — 65, 66, 210.

Майерберг А., автор записок о России XVII в. — 136, 150.

Макавеев М., священник Архангельской церкви в с. Погост Быкова Гора — 242.
Макарий, антиохийский патриарх — 18.
Максимов С. В., этнограф — 141.
Малышев М., секунд-майор — 218.
Марков К., орловский пушкарь, торговец — 122.
Марфа Ивановна, мать царя Михаила Федоровича — 72.
Маслов И., орловский голова — 213.
Мезецкий (Мезетцкий) Д. И., князь, воевода — 56, 57, 210, 226.
Меховецкий, польский военачальник, гетман у Лжедмитрия II — 58, 59, 61, 62, 210.
Мещерский Ю., болховский воевода — 89.
Микита, священник Воскресенской церкви в Орле — 90.
Микитин Савва, орловский сын боярский — 134, 212.
Микулин Г., голова — 52, 53, 209, 225.
Микулин Л. А., орловский воевода — 95, 226.
Милославский И. М., боярин — 128.
Мисаил, епископ Коломенский и Каширский — 107.
Михаил Всеволодович, князь черниговский — 26, 28–30, 32.
Михаил Федорович, царь — 67, 72, 78, 81, 149, 173, 211, 226, 253.
Михайлов Калинка, чернский казак — 80.
Михайлов Онисим, автор «Устава ратных, пушечных и других дел...» — 82.
Михайлов Первый, подьячий — 190.
Михнев Истома, голова — 52, 53, 209, 225.
Мокавеев Д., священник Рождество-Богородичного собора в Орле — 116.
Мономаховичи, князья — 15, 23, 37.
Морозов, боярин — 137.
Морозов В. П., воевода Большого полка на Туле — 222.
Мосальский В., князь, воевода — 57.
Мосальский (Мосалской) Ф. А., князь, орловский воевода — 221.
Мстислав Глебович, князь — 28.
Мстислав Изяславич, князь волынский — 26.
Мстислав Михайлович, князь карачевский — 29, 30.
Мстислав Мстиславич, князь козельский и карачевский — 29, 30.
Мстислав Святославич, князь черниговский — 28.
Мстиславский Ф. И., воевода — 53, 54, 209.
Мусорский П., стрелецкий голова — 56, 210, 226.
Мясной И., орловский голова — 221, 222.

Нагой (Нагово) Г. И., воевода, градоделец — 41.
Нагой М. А., воевода — 55, 57, 210, 226.
Насонов Н., дьяк — 191.
Наум, священник Покровской церкви в Орле — 114.
Наумов К., орловский голова — 223.
Нащокин И. З., орловский голова — 222.
Неделин В. М., архитектор, художник — 174, 257–259.
Некрасов Онфим (Анфим), орловский губной староста, голова — 74, 114, 213, 226.
Нелибохтин Арист, казачий и стрелецкий голова — 227.
Неплюев А. Р., окольничий, орловский воевода — 227.
Несвицкий Д., князь — 213.
Неустроев С., болховский кабацкий откупщик — 147.
Никита II, архиепископ Коломенский и Каширский — 163, 167, 173, 214, 250.
Никифор, черный поп, укладчик (устроитель) Богоявленского монастыря в Орле — 164.
Никольская Т. Н., археолог — 14, 34, 35.
Никон, патриарх — 129.
Никон, ученик св. Кукши, миссионер — 22.
Новосильские, князья — 29, 32.
Ноготков Ф. А., князь, воевода — 222, 223.
Ногтев (Нохтев) Д. А., князь, воевода — 221.
Норов Е. М., писец — 127, 214.

Овсеиникова Мавра, вдова — 127.
Овсянкин (Овсянников), фискал из купечества — 245.
Овчинников, орловский посадский — 214.
Одоевские, князья — 29.
Одоевский Василий, князь — 39.
Одоевский Н. (М.) Р., боярин, князь, воевода — 220.
Одоевцев (Одоевцов) Е., поручик Сибирского пехотного полка — 169, 175, 217.
Ожилин, стольник — 136.
Оксаков Левонтий, орловский воевода — 222.
Олеарий Адам, немецкий посол, автор записок о России XVII в. — 135, 143, 154.
Олег, великий князь рязанский — 31, 32.
Олег, князь киевский — 18.
Оловеников Перфилий, дьяк — 113.
Оловенников, секретарь — 216, 250.
Оловенников А., подьячий — 173, 174, 215.
Оловенников Р., орловский подьячий — 88.
Олферов А., сын боярский — 89.
Олфимов М., атаман орловских черкас — 122.
Ольговичи, князья — 15, 18, 23, 37.
Опухтин К., сборщик шуб для Первого ополчения П. Ляпунова — 65.
Орьплюеве, половецкий род — 26.
Отяев (Атяев), орловский провинциальный воевода — 200, 203, 216, 227.

Павлов Г. Ф., орловский голова — 221.
Палецкий (Палецкой) А. Д., орловский воевода — 220.
Пальмквист Эрик, шведский резидент — 125, 138.
Пантелеев Марк, священник из с. Маслово Орловского уезда — 125.
Пантелеймон Мстиславич, князь карачевский — 29, 30.
Патрикей Наримантович, князь — 33.
Перемышльские, князья — 32.
Петелин И., жилец — 224.
Петр, царевич, самозванец — 57.

Петр I Алексеевич, царь — 113, 116, 142, 185, 215, 216, 219.
Петр Федорович, наследник престола — 217.
Пирожников Истратка, стрелецкий сын — 136.
Писемский (Писемской) А., орловский голова — 222.
Писемский (Писемской) И. А., орловский голова — 222.
Плещеев А., воевода — 53.
Плещеев В. С., дворянин — 225.
Плещеев В. Т., орловский воевода — 223, 224.
Плещеев Н., царицынский воевода — 55, 209.
Плохой Лука, ливенский сын боярский — 135.
Подшивалов, купец — 217.
Пожарский Д. М., боярин, князь, воевода — 67–72, 211, 226, 253.
Полев Б. И., орловский голова — 224.
Полозов В. М., орловский помещик — 38.
Полунин С., орловский стрелец — 122.
Поповцев Ф., асессор — 218.
Похвалинский Ф. Ф., член Орловской ученой архивной комиссии, археолог — 256.
Приимков Ю., князь, ряжский воевода — 224.
Прозоровский А. А., князь, орловский генерал-губернатор — 161.
Протасов З., мценский осадный голова — 87.
Протасов К., мценский стрелецкий голова — 87.
Пузиков Д., стрелецкий голова — 56, 210, 226.
Пулков П., орловский стрелецкий пятидесятник — 114.
Пупарев А., краевед — 19, 70.
Пушкин Г., эмиссар Лжедмитрия I — 55, 209.
Пушкин И., воевода — 68–70, 211, 253.
Пушкин Н. (М.) О., дворянин, орловский помещик — 164, 190, 242.
Пушкин П. М. (Желтоух), стольник, воевода — 129, 190–192.
Пушкин П. П., орловский помещик — 132.
Пясецкий Г. М., краевед — 5, 6, 70, 242.
Пятово А., градоделец из Пушкарского приказа — 100, 102, 213.

Радим, легендарный предводитель радимичей — 13.
Радонежский Сергий, святой — 171, 175.
Разин Степан, предводитель крестьянского восстания — 106.
Репнин А. В., князь, орловский воевода — 220.
Репнин И. Б., боярин, князь, стольник — 129.
Репнин М. П., воевода — 41.
Репнин Н. В., князь, генерал-аншеф — 254.
Репнин Ю. П., боярин, князь — 149.
Репьев Савин, подьячий — 127, 214.
Ржевский А. Н., воевода — 59.
Ржевский Елизарий (Ёлка), орловский голова — 220.
Ржевский Я. И., орловский воевода — 194, 227.
Рожинский (Ружинский) Р. К., гетман Лжедмитрия II — 58, 59, 61–64, 210, 253.
Роман Михайлович, князь брянский — 29.
Романов И. Г., орловский сын боярский — 211.
Романов И. Н., боярин, воевода — 57, 210.
Ромодановский Г. П., окольничий, воевода — 55, 224, 226.
Ромодановский (Ромодановской) И. П., князь, воевода Сторожевого полка — 223–225.
Ростислав Михайлович, князь — 29.
Ростислав Ярославич, князь рязанский — 26.
Ростовский Василий (Волк), князь, орловский воевода — 44, 208, 219.
Руднев Левон, орловский посадский, держатель харчевни — 155.
Русанов А., орловский купец средней статьи — 216.
Рыбаков Б. А., академик — 12.
Рюрик, легендарный основатель Русского государства — 30.
Рюриковичи, князья — 19.

Сабуров Ж. С., воевода Сторожевого полка на Крапивне — 223.
Сабуров М. Б., орловский воевода — 209, 222, 223.
Савельев Савка, дворник у боярина Хитрово Б. М. — 128.
Салтыков И., воевода — 222.
Салтыков М. Г., воевода — 52, 54.
Салтыков П. М., боярин, кравчий — 129.
Салтыков Ф. П., сын боярина Салтыкова П. М. — 129.
Самарин С. П., орловский голова — 223.
Софонов А., орловский провинциальный воевода — 227.
Свидригайло Ольгердович, князь — 33.
Свирский Александр, святой — 170.
Святослав, князь киевский — 18.
Святослав Всеволодович, князь черниговский — 25, 27.
Святослав Мстиславич, князь карачевский — 29, 30.
Святослав Ольгович, князь новгород-северский — 23–27, 37.
Святослав Титович, князь карачевский — 30, 31.
Святослав, сын Ярослава Мудрого, князь черниговский — 23.
Святославичи, князья — 23.
Сеитов Третьяк, князь, воевода — 58.
Селчюков А., орловский пушкарский голова — 122.
Семен, князь перемышльский — 33.
Семен Михайлович, князь глуховский и новосильский — 29.
Семеняко Ю. В., старший архитектор производственной группы по охране памятников г. Орла — 258.
Серебряный, князь — 137.
Серебряный Б. В., воевода — 46, 219, 220.
Серебряный П. С., тульский воевода — 208, 219.
Сигизмунд III, польский король — 56, 60, 67.
Синявин (Сенявин) Е. И., орловский воевода — 227.
Сисев Ф. В., князь — 219.
Скопин-Шуйский М. В., князь, воевода — 56, 210.
Скоробогатов М. Б., архитектор — 174.

Скрябин П. М., орловский воевода — 106, 110, 112, 164, 214, 227.
Смирнов А., живописец — 26.
Смирнов П., историк — 238.
Смолицкая Г., филолог — 36.
Собакин (Сабакин) А. С., мещевский сын боярский — 225.
Соболев А. Е., дворник у Безносова И. А. — 127.
Совин П. Г., орловский голова — 221.
Соковнин Одолей, орловский воевода — 117, 227.
Соковнин Ф. Т., орловский воевода — 226.
Соколов Н. И., священник — 143.
Солнцев-Засекин (Сонцов-Засекин) Д. Б., князь, капитан — 256.
Солнцев-Засекин И., князь, тульский воевода — 222.
Соловей Рахматович, разбойник — 19, 20, 37.
Сонков И., статский советник — 218.
Сотников И., орловский сын боярский — 80.
Софонов Л., подьячий — 186, 209, 238.
Сошин, орловский купец — 206.
Спесивцев М. Н., стольник, орловский воевода — 113, 227.
Спесивцев Никифор, орловский воевода — 107, 108, 227.
Спицын В., орловский сын боярский — 211.
Срезневский И. И., филолог — 203.
Старицкий В. А., князь — 44.
Староской Ф., орловский голова — 226.
Стрешнев Л. С., боярин — 84.
Стрешнев С., мценский воевода — 73–75, 211.
Стрешнев Ф., лихвинский воевода — 71, 72.
Стригин А., козельский наместник — 39.
Ступин П., орловский посадский — 216.
Суботиников И., орловский пушкарь — 85.
Суворов Горяин, голова — 39.
Сумароков А., драматург — 217.
Сухотин Ф., мценский воевода — 73–75, 211.

Тагай, татарский князь — 32.
Тараканов Д., орловский купец средней статьи — 216.
Тараканов И., орловский стрелецкий пятидесятник — 114.
Татев А. И., орловский воевода — 219, 220.
Татев Б. П., орловский воевода — 223, 224.
Татев И. А., князь, орловский воевода — 223.
Телегин А., дьячок — 173.
Телегин В., орловский служилый — 174.
Телегин Г., орловский служилый — 174.
Телегин Ганка, дьячок — 173.
Телегин И. Д., житель Орла — 173.
Телегин Лука, орловский служилый — 174.
Телегин М., орловский служилый — 173.
Телегин Онфим, орловский пушкарский староста — 114.
Телегин Ф., орловский служилый — 123, 173.
Телятевский А. А., боярин, князь, воевода — 57.
Тенетилов Г., орловский сын боярский — 75.
Теприцкий Г., подполковник, орловский провинциальный воевода — 227.
Тешемень, татарский голова — 39.
Тиньковы, мценские помещики — 75.
Тит Мстиславич, князь звенигородский и козельский — 29–32.
Титков Захарий, чернавский сын боярский — 106.
Титков Иев, чернавский подьячий — 106.
Титов А. С., орловский воевода — 107, 108, 116, 227.
Титов Ларька, чернский казак — 80.
Ткачевский П. С., краевед — 5.
Ткаченко Г. А., фотограф — 11, 33.
Токмаков И., князь, мценский воевода — 222.
Токсобичи, половецкий род — 26.
Толубеева, орловская помещица — 217.
Тотаренков С., ливенский казак — 135.
Трапезников Ф., землемер — 218.
Трещевский Б., орловский сын боярский — 134, 212.
Тронбчевский, поляк, сторонник Лжедмитрия II — 63, 64.
Трубецкой, князь, воевода — 221, 222.
Трубецкой Н. Р., боярин, князь, воевода полка Правой руки — 223.
Трубецкой Т. Р., князь, воевода — 221, 222, 224.
Трубецкой Ю. Н., князь, воевода — 55, 210, 226.
Трубецкой Ю. П., боярин, князь — 128.
Трубицын С., осадный голова на Орле — 224.
Тургенев В. Ф., орловский воевода — 113, 116, 227.
Тургенев Д., казачий голова на Орле — 219.
Тургенев Осип, орловский воевода — 102, 117.
Туренин М. С., князь, орловский воевода — 221–223.
Туренин (Збой) В. Ф., орловский воевода — 209, 223.
Турской И., новосильский воевода — 134.
Тышкевич Самоил, польский военачальник — 59, 210.

Угодский С., дьяк Пушкарского приказа — 85.
Урусов И., елецкий воевода — 193.
Ушатый Константин, князь, воевода — 39, 208.

Федор Алексеевич, царь — 110, 128, 214.
Федор Андреанович, князь звенигородский — 29–32.
Федор Иванович, князь елецкий — 30, 31.
Федор Иванович, князь хотетовский — 33.
Федор Иоаннович, царь — 38, 222.
Федор Катлечей, князь звенигородский — 32, 33.
Федор, боярин черниговского князя Михаила Всеволодовича — 28.
Федоров, регистратор — 217.
Федоров П., орловский голова — 221, 222.
Федоров С. И., архитектор — 5.
Феодосий, монах Богоявленского монастыря в Орле — 167.
Фефилатьев И. А., орловский голова — 221.
Фехнер М. В., археолог — 35.
Флюгель, гравер — 42.

Фон Зоммер (Зумморовский) Осип, орловский воевода — 227.
Фон Фростен Яков, инженер-полковник, фортификатор — 110, 112, 214.
Францев Давид, «кормовой» немец, градоделец — 84.
Фролов В. П., археолог — 17.
Фустов И. Т., орловский голова — 220, 221.

Харков В., трубчевский пушкарь — 86.
Хворостинин Д. И., князь, второй воевода Большого полка на Туле — 222.
Хворостинин И. Д., князь, воевода Сторожевого полка на Орле — 224.
Хворостинин П. И., князь, орловский воевода — 220.
Хворостинин Ф. И., князь, посол — 47.
Хилков А. Д., князь, орловский воевода — 222.
Хилков В. Д., князь, орловский воевода — 221.
Хилков И. А., князь, брянский воевода — 85, 212.
Хитрово А. А., генерал-аншефша — 256.
Хитрово А. С., думный дворянин, стольник, окольничий — 128.
Хитрово Б. (Иов) М., боярин, дворецкий оружничий — 128.
Хмелевский, польский военачальник — 59, 210.
Хованский И. А. (Большой), князь, воевода — 56, 210, 225, 226.
Ходота, вятический князь или старейшина — 20.
Холмский Иван, князь, воевода — 39, 208.
Хотетовские, князья — 29, 32.
Хотетовский Г. Д., князь — 125, 182, 214.
Хотетовский Ф., князь — 123, 125, 214.
Хотунский (Хатунский) С. М., орловский голова — 220.
Хрипунов И., подполковник, орловский провинциальный воевода — 203, 227, 245.
Хруслинский, польский военачальник — 59, 63, 210.

Цуриков В., орловский голова — 88, 212.
Цуриков Е. Л., гвардии капитан — 256.
Цуриков Л. И., надворный советник — 256.
Цуриков Н., владелец двора в Орле — 164.

Чапкин Лавр, мценский помещик — 80.
Челищев М. А., стольник, орловский воевода — 227.
Черемисинов И., житель Мценска — 74.
Черкасов, коллежский асессор, орловский провинциальный воевода — 205, 217, 227, 253.
Черков М., дьяк — 173.
Черношов К., орловский посадский — 211.
Чернышев И. Г., граф — 252.
Чоглоков М. А., брянский воевода — 85, 212.
Чюлков Ф., калужский воевода — 88, 223, 224.
Чюмахов А., князь, ряжский воевода — 224.

Шаховской (Шеховской) Г. П., князь, голова Сторожевого полка на Орле — 57, 223.
Шаховской (Шеховской) И. В., князь, орловский воевода — 227.
Шаховской С. Д., князь, орловский воевода — 146, 148, 226.
Шаховской Ю., князь, воевода — 68, 69.
Шварн, воевода князя Изяслава Мстиславича Киевского — 24.
Шеин Б. В., орловский воевода — 46, 220.
Шеин М. Б., воевода — 52, 55, 209, 230.
Шеншин Ермолай, фискал из дворянства — 245.
Шеншин Леонтий, орловский воевода — 227.
Шепелев К. И., орловский сын боярский — 180.
Шепелев Смирной, сын боярский — 89.
Шепелев Ф., орловский пушкарь — 127.
Шепелева Авдотьица, вдова орловского пушкаря — 127.
Шереметев Б. В., князь, тульский воевода — 208.
Шереметев П. Н., князь, воевода — 52.
Шереметев Ф. И., князь, орловский воевода — 53, 54, 71, 209, 220, 225.
Широносов И., стрелецкий голова — 56, 210, 226.
Шишкин Н., орловский воевода — 227.
Шуйский Д. И., боярин, князь, воевода, брат царя Василия Шуйского — 53, 54, 56, 64, 209, 210, 225, 253.
Шуйский И. П., князь, воевода — 56, 210, 220.
Шульгин А. Н., краевед — 9.
Шустовы В. и Г., купцы — 128.
Шюблер, гравер — 47, 62, 146.

Щеков А. В., историк — 30.
Щебатов Л. О., князь, второй воевода полка Правой руки — 55.
Щербатов (Щербатой) В. Г., князь, орловский воевода — 221.
Щербатов (Щербатой) Меркур, князь, воевода Передового полка на Дедилове — 222.
Щербатов (Щербатый) И. Г., князь, воевода — 225.
Щербинин Е. А., генерал-поручик — 254.
Щетинин (Борода) В., князь, орловский воевода — 223, 225.
Щипанов М., фискал из купечества — 245.

Юрасовский Д. М., болховский помещик — 129.
Юрий Долгорукий, князь владимиро-суздальский — 23–27.
Юрий Михайлович, князь тарусский — 29.
Юшков А., стольник, писец — 125, 173, 215.
Юшковы, братья, жители Орла — 129.

Яблочков Д. П., орловский воевода — 68, 72, 211, 226.
Якоби (Якобий) В. И., живописец — 137.
Яковлев Д., голова, писец — 186, 209, 223, 238.
Яковлев И. П., второй воевода Большого полка на Рязани — 219.
Ярослав Мудрый, великий князь киевский — 23.
Ярослав Осмомысл, князь галицкий — 26.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5
ГЛАВА I Древнейшее прошлое Орловской земли 9
ГЛАВА II Земля вятичей 13
ГЛАВА III Древний Звенигород и князья звенигородские 29
ГЛАВА IV Орел в XVI веке 39
ГЛАВА V Орел в начале Смутного времени 52
ГЛАВА VI Орловский царик 58
ГЛАВА VII Набег Лисовского. 1615 год 67
ГЛАВА VIII Восстановление Орловской крепости в 1635–1636 гг. 73
ГЛАВА IX Облик Орловской крепости в 40–60-е годы XVII века 92
ГЛАВА X Состояние Орловской крепости в 70–80-е годы XVII века и попытки переноса города на другое место 106
ГЛАВА XI Облик Орловской крепости в последней четверти XVII века 113
ГЛАВА XII Орловские посады и слободы в XVII веке 120
ГЛАВА XIII Жизнь и быт орлян в XVII веке 133
ГЛАВА XIV Городской торг Орла в XVII–XVIII веках 153
ГЛАВА XV Струговая пристань на Орле в XVII–XVIII веках 160
ГЛАВА XVI Орловские монастыри в XVII–XVIII веках 163
ГЛАВА XVII Орловская поместная конница в XVI–XVII веках 180
ГЛАВА XVIII Орловский уезд в XVI–XVII веках 186
ГЛАВА XIX Орёл в конце XVII — первой половине XVIII века 194
Летопись города Орла XVI–XVIII века (до 1780 г.) 207
Орловские городовые воеводы XVI–XVIII веков (до 1775 г.) 219
Краткий словарь архитектурных, исторических и религиозных терминов, встречающихся в книге 229
Минаков С. Т. Возвращаясь к истокам, обретаем будущее 235
Приложение: Документы и материалы по истории города Орла в XVI–XVIII веках 237
Примечания 260
Библиография 268
Именной указатель 272

Владимир Неделин

ОРЕЛ ИЗНАЧАЛЬНЫЙ

История. Архитектура. Жизнь и быт

Ответственные за выпуск *А. И. Лысенко, Л. Д. Фокина*
Редактор *М. В. Одолеева*
Художественный редактор *В. М. Ромашов*
Технический редактор *И. В. Скориков*
Корректор *Н. П. Новикова*

Подписано в печать 15.10.2000 г. Формат 60×90$^{1}/_{32}$. Офсетная печать.
Бумага мелованная. Усл. п. л. 35. Тираж 7000 экз. Заказ № 6770.
Издательство «Вешние воды». Лицензия ИД № 01064 от 25.02.2000 г.
302028, Орел, ул. Салтыкова-Щедрина, 1. Тел. 43-43-15.
Отпечатано с готового оригинал-макета в ГУП «Орловская областная типография «Труд».
302028, Орел, ул. Ленина, 1. Тел. 6-44-22.

250-00

Портрет работы художника В. Г. Слободчикова. 1994 год.

Неделин Владимир Михайлович. Родился 4 сентября 1959 года в Орле. В 1984 году окончил с красным дипломом театрально-декорационное отделение Орловского художественного училища, затем работал в областном отделении Всероссийского общества охраны памятников. В 1991 году поступил в Российскую академию живописи, ваяния и зодчества на факультет реставрации памятников архитектуры. Получив диплом в 1997 году, остается в академии в качестве старшего преподавателя на кафедре архитектуры и одновременно работает в должности старшего научного сотрудника в Центральном музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева.

Автор ряда публикаций по русской истории и проблемам охраны памятников, участник художественных и архитектурных выставок и конкурсов, постоянно сотрудничает с издательством "Вешние воды", став художником таких известных книг, как "Однажды в Орле", "Сабуровская крепость", "Царский венец" писателя В. М. Катанова, "Аринкин хутор" — И. А. Рыжова, "Монастырь" — В. А. Амиргуловой и других. Книга "Архитектурные древности Орловщины", выпущенная в соавторстве с В. М. Ромашовым, признана самой читаемой книгой 1999–2000 годов в Орловской области.